

ФЕДЮНИНСКИЙ

Сергей
Михеенков

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Annotation

Это был удивительный полководец — солдатский генерал, не покидавший окопов передней линии фронта, искусный тактик, талантливый организатор. Генерал Иван Иванович Федюнинский, коренной сибиряк из семьи староверов, начав военную карьеру рядовым красноармейцем, в годы Великой Отечественной войны командовал войсками стрелкового корпуса, армии, фронта. Именно он вернул боевую славу 2-й ударной армии и довел ее до Балтийского моря, где вместе со своими солдатами встретил Победу. Военный писатель и историк Сергей Михеенков в живой манере повествует о судьбе генерала, о времени, в которое выпало жить и действовать его героям. Новые сведения о важнейших сражениях, в которых участвовал генерал Федюнинский, впервые публикуемые архивные документы значительно дополняют биографию главного героя книги.

[Адаптировано для AlReader]

-
- [Сергей Михеенков](#)
 -
 -
 - [Глава первая](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [Глава третья](#)
 - [Глава четвертая](#)
 - [Глава пятая](#)
 - [Глава шестая](#)
 - [Глава седьмая](#)
 - [Глава восьмая](#)
 - [Глава девятая](#)

-
-
-
-

- [КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ](#)
- [INFO](#)
- [СЕРИЯ «ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ»](#)
- [СТАРЕЙШАЯ РОССИЙСКАЯ КНИЖНАЯ СЕРИЯ](#)
-
-

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)

- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)

- [68](#)
 - [69](#)
 - [70](#)
 - [71](#)
 - [72](#)
 - [73](#)
 - [74](#)
 - [75](#)
 - [76](#)
 - [77](#)
 - [78](#)
 - [79](#)
 - [80](#)
 - [81](#)
 - [82](#)
-

ЖИЗНЬ[®]
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ
ЛЮДЕЙ

Серия биографий

Основана в 1890 году
Ф. Павленковым
и продолжена в 1933 году
М. Горьким

ВЫПУСК

2005

(1805)

Сергей Михеенков

ФЕДЮНИНСКИЙ

МОСКВА
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

*

© Михеенков С. Е., 2020
© Издательство АО «Молодая гвардия»,
художественное оформление, 2020

*

Книга о выдающемся командаре, Герое Советского Союза и Монгольской Народной Республики Иване Федюнинском, сыгравшем большую роль в освобождении нашей Родины от фашизма, подготовлена при поддержке правительства Тюменской области, Тюменской областной думы, Тюменского областного Совета ветеранов и ПАО «Транснефть».

Светлой памяти Феопентия Емельяновича Костоломова, ветерана Вооруженных сил СССР, майора запаса, кавалера орденов Красной Звезды и «Знак Почета», многолетнего руководителя Тюменского городского клуба ветеранов им. И. И. Федюнинского, инициатора и организатора установки памятника Ивану Федюнинскому в Тюмени.

Автор выражает признательность недавно ушедшему от нас председателю Тюменского областного Совета ветеранов Игорю Александровичу ШАПОВАЛОВУ, а также членам Совета за плодотворное сотрудничество. Помощь и поддержку в работе над книгой оказали также Ольга Федоровна МАЛЬЦЕВА (д. Гилёва Свердловской области), Павел Степанович ТОКАРЕВ (д. Гилёва Свердловской области), Ирина Анатольевна ФЕДЮНИНСКАЯ (г. Талица Свердловской области).

Глава первая

РОДИНА

«Как родная меня мать провожала...»

Тугулымское Зауралье. Подтаежный край. Простор сибирской лесостепи с тучными черноземами и перелесками, березняками и полосами смешанного леса, порой удивительно напоминающими пейзаж Средней России. «Эта часть Зауралья, южнее реки Туры и западнее реки Тобола, — повествует местный исследователь^[1], — представляет собой приподнятую и чуть всхолмленную по отношению к северному и южному Зауралью местность и составляет Зауральское плато. Территория расположена на Туринской равнине, являющейся частью Западно-Сибирской низменности. Район занимает центральную и, пожалуй, основную часть широко известных не только на Урале, но и за его пределами Припышминских сосновых боров, протянувшихся вдоль берегов реки Пышмы почти на 180 километров. Один из крупнейших в Западной Сибири (около 350 тысяч гектаров) массивов сосновых лесов не зря называют «феноменом природы Зауралья». К нему относится и Бахметский бор, раскинувшийся в северной части Тугулымского района».

Когда-то в этих краях жили остяки, вогулы, загадочные киньрцы, о которых теперь и помину нет, другие племена, кочевые и оседлые. Пролетели, как степной ветер, армии Чингисхана, оставив за собой поселения сибирских татар. В эпоху «Великого переселения народов» в Тугулымском Зауралье, как пишут исследователи, сложилось однородное «лесное» Угорское население. По всей вероятности, тогда-то и появились укрепленные городища Веселый Мыс, Коркинский кордон, Малаховское, Кучум-Гора, где, по местным преданиям, располагалась ставка правителя Сибирского ханства Кучума, пришедшего сюда с войском, чтобы покорить здешние племена и сделать их своими данниками и рабами. По рассказам старожилов, на Кучум-Горе в прежние времена стоял «вкопанный в землю медный четырехгранный столб с большим кольцом — знак, определяющий границы ханства. Кучум, покорив здешние народы, в том числе и сибирских татар, пришел сюда, как ему казалось, навсегда. Но его средневековой деспотии положила конец небольшая дружина русских людей — казаков атамана Ермака Тимофеевича.

Предприимчивые и воинственные новгородцы проникали сюда, в Зауралье, еще в XI веке. Их привлекали здешние угодья, богатые пушшиной, рыбой, промысловым зверем. В XVI веке ворота в Сибирь приоткрыли заводчики и солепромышленники Строгановы, а распахнул те тяжелые воротины Ермак со своей дружиной. Уже после его похода за Камень, как называли тогда Урал, в Сибирь хлынули казаки и охотчие люди из центральных и северных земель России. В Зауралье и дальше, «встречь солнцу» пошли хлебопашцы, охотники, промышленные торговые и государевы люди, приказчики и сборщики ясака. Встрепенулась Россия после Смутного времени и двинулась в Сибирь, где не было ни крепостного права, ни рабства, ни голода.

Внучатые племянники генерала Ивана Ивановича Федюнинского и другая его родня считают, что их предки в Тугулымское Зауралье переселились из вологодских мест, с реки Сухоны. Именно по Сухоне, по большой весенней воде шли переселенцы, казаки, только что вписанные в реестр, стрельцы и вольные хлебопашцы до Великого Устюга, а там, той же Сухоней, до реки Юг, а из Юга в Вычегду. В Сольвычегодске, в вотчине заводчиков и промышленников Строгановых партия увеличивалась; пока стояла большая вода, караваны судов поднимались по Вычегде до северо-восточных волоков. Через Урал перебирались сухопутным старинным трактом до Верхотурья, ворот в Сибирь. Дальше — кто до Тобольска и Тюмени, кто на Енисей, а кто расселялся по Туре и Тазу, по невеликим рекам и речкам. На Вологодчине неподалеку от Кич-Городка, нынешнего районного центра, и вправду до сих пор цела деревня Федюнинская. Не из тех ли мест перекочевали на реку Кармак предки генерала?

Большая деревня Гилёва, где родился он сам, разлеглась на берегу реки Кармак. В начале прошлого века она относилась к Успенской волости Тюменского уезда Тобольской губернии, теперь входит в состав Тугулымского района Свердловской области.

Первое письменное свидетельство о деревне относится к 1621 году. Священник Феофилакт Зыков подал челобитную в Тобольск, в которой между прочим упоминал о «вновь построенной д. Гилёвой Кармацкого погоста». Неписаная же легенда гласит: на реке-де «Дальний Кармак жил Тюменский посадский человек Иван Гилёв Чердынец с племянником Ларькой Павловым Гилёвым, и они имели пахоту доброй земли и стали родоначальниками деревни Гилёва».

В Гилёве, как и во многих окрестных селениях, испокон веков жили старообрядцы-двоедане — так их называли, когда царь Петр приказал брать с них двойную подать за непокорство власти. Как повествуют

местные хроники, особенно много старообрядцев приняли уральские леса после знаменитого стрелецкого бунта. Селились двоеданы не только в лесах и пещерах, но и в деревнях. Исследователи пишут, что раскол как форма социального протеста носил в Тюменском округе умеренный характер — «у него не было налета исступленного мистицизма». В скитах не горели, но старой веры здешний народ держался крепко. По переписи 1782 года значится «впавших в раскол» в деревне Гилёва 86 душ. Документы за 1820 год свидетельствуют о том, что в Гилёве и соседних деревнях действуют староверческие общины поморского согласия.

Староверы — народ основательный. Прижимистый. Зажиточный. Трудолюбивый. Крепко привязанный к своему родовому корню. И в вере, и в семейных узах, и в любви-нелюбви постоянны и крепки. Жители Успенской волости имели хорошие сенокосы. Сено продавали с выгодой. Занимались выделкой овчин. Скотины в староверческих дворах было всегда много, овец — особенно, но шкуры скупали и в окрестностях. Выдывали так, что в руках овчина мялась, как китайский шелк. Хранили свои секреты, рецепты квасцов и прочее. Из лучших шкур тут же шили полушубки. Женские, с подбором, с разноцветными вставками, нарядные. И мужские, строгие. Развито в волости, в том числе и в Гилёве, было и столярное ремесло. Лес обступал степные просторы со всех сторон. По реке Пышме стояли знаменитые Припышминские сосновые боры. Столяры и ложечники всегда были с заказами и с деньгами. Мебель делали добротную, за нею приезжали к местным мастерам и из Тобольска, и из Тюмени, и из Екатеринбурга. Ложки, миски, стулья, скамейки — все это кормило, поило, одевало, помогало ставить на ноги и учить грамоте детей. Развито было отходничество. Местные мастера ценились как искусные плотники, маляры и даже художники.

Здесь, в Гилёве, 30 июля 1900 года в семье Ивана Трофимовича и Анфисы Ивановны Федюнинских родился сын Иван, первенец.

Федюнинских в Гилёве было несколько семей. Все считались либо ближними, либо дальними родственниками.

В девять лет мальчика отправили в Гилёвекую начальную школу. Как раз в это время в семье появился еще один ребенок, тоже мальчик. Назвали Василием. Родители постоянно работали. Ивану приходилось нянчить младшего брата. Так испокон веков было принято в крестьянских семьях — старшие присматривали за младшими.

Школа в Гилёве по тем временам была хорошей — с учителем, имевшим учительское образование. Знания дети получали полноценные. Иван Федюнинский учился прилежно и при выпуске из рук учителя

получил похвальный лист.

В тринадцать лет Иван поступил подмастерьем в артель строителей. Работал вместе с отцом, малярничал. Дело свое постепенно изучил во всех тонкостях и вскоре сам стал добрым мастером. Обычно артель брала подряд в уездной Тюмени. Жили там подолгу, порой по несколько месяцев. Иван с отцом Иваном Трофимовичем останавливался у дальнего родственника, как пишут биографы генерала, «в тесной избушке на окраине города». На время сенокоса и других полевых работ по очереди отлучались в деревню. Надо было заниматься и хозяйством. До родной Гилёвой от Тюмени недалеко, тридцать верст с небольшим — день ходьбы, и ты дома.

Так бы, видимо, и малярничал Иван Федюнинский в строительной артели земляков, если бы революция 1917 года не встряхнула Российскую империю и не опрокинула прежнюю жизнь. Но революции происходят в столицах, в крупных городах. В уездный мир, а тем более в жизнь захолустья, глубинной сельщины, какой была Успенская волость, населенная двоеданами, революции приходят много позже, порой уже в виде реакции на революционные события. Так случилось и здесь.

Страна воевала. На фронтах Первой мировой, которую в России тогда именовали Отечественной, воевали сибирские полки, в которых были и гилёвские мужики. Война шла с переменным успехом. Русская армия и ее союзники то наступали, то отступали. Крови лилось все больше и больше.

Иван Трофимович с тоской поглядывал на сына и думал, что, видать, и ему скоро придется идти под красную шапку.

В 1918 году Россию охватила Гражданская война. (Всякая война, особенно в России, — событие большое, эпохальное, поэтому будем писать его с большой буквы). Страна разделилась на красных и белых, началось взаимное истребление народа, в основном русского. Особенно ожесточенные бои происходили в Сибири, на Урале и на Волге, в Забайкалье и на Дальнем Востоке.

У Гражданской войны 1918–1920 годов есть своя, особая, сибирская предыстория. Я вынужден о ней написать, хотя бы вкратце, потому что она так или иначе, пусть даже косвенно, не просто повлияла, но и определила дальнейшую судьбу нашего героя.

В августе 1917 года, 17-го числа, бывший российский император Николай II, к тому времени уже отрекшийся от престола, со своей семьей и прислугой по пути в ссылку в Тобольск прибыл в Тюмень. Должно быть, Иван Федюнинский с отцом и всей гилёвской артелью в тот день работал где-нибудь в этом городе на строительстве или отделке очередного дома.

Жизнь не могут остановить даже революции и гражданские войны.

В Тюмень Романовы прибыли на поезде. Состав загнали на тупиковую станцию Тура, которая находилась рядом с пристанью. В своем дневнике Николай II сделал запись: «Перевалив Урал, почувствовали значительную прохладу. Екатеринбург проехали рано утром^[2]. Все эти дни часто нагонял нас второй эшелон со стрелками — встречались как со старыми знакомыми. Тащились невероятно медленно, чтобы прибыть в Тюмень поздно — в 11 1/2 час. Там поезд подошел почти к пристани, так что пришлось только спуститься на пароход. Наш называется «Русь». Началась перегрузка вещей, продолжавшаяся всю ночь. Бедный Алексей, опять лег Бог знает когда! Стукотня и грохот длились всю ночь и очень помешали заснуть мне. Отошли от Тюмени около 6 час.».

Утром «Русь» и пароходы сопровождения отчалили от тюменской пристани и пошли по Туре в сторону губернского Тобольска, где ссылкой Романовым было определено проживание. Тюменцы — люди памятливые и бережные. Теперь на том месте стоит белый крест, а пристань называют Царской. В доме, где ночевала семья Николая Александровича, некогда принадлежавшем пароходству, открыт частный музей, посвященный Николаю II, его сибирской ссылке и трагедии в Екатеринбурге. Музей так и называется — «Царская пристань».

Всякая власть, которая приходит на штыках революции, метит свой след кровью.

Гражданская война в Сибири вспыхнула весной 1918 года и мгновенно превратилась в пожар. Чехословацкий корпус, офицерские и казачьи подпольные организации на первых порах выступили в союзе и быстро начали захватывать города, уничтожая красногвардейские гарнизоны в городах по всей Транссибирской магистрали. 25 мая чехословаки заняли Мариинск, на следующий день — Новониколаевск (нынешний Новосибирск), 27 мая — Челябинск, 31 мая советская власть была ликвидирована в Петропавловске, 2 июня — в Кургане, 7 июня — в Омске. Власть там перешла к Временному Сибирскому правительству. Была сформирована Сибирская армия под командованием генерала А. Н. Гришина-Алмазова. 8 июня красные без боя оставили Ишим. Именно в Ишиме стали накапливаться войска для атаки на Тюмень. Возглавил их полковник Г. А. Вержбицкий. Именно здесь был сформирован Ишимский полк, который впоследствии сыграл заметную роль в истории Белого движения в Сибири. 20 июля в Тюмень вошли части 2-го Сибирского казачьего полка. После взятия Тюмени белые пошли на Туринск и Алапаевск, откуда было уже недалеко и до Екатеринбурга.

Деревня по-прежнему жила своей жизнью. До прихода белых крестьяне продолжали торговать с городом. В ходу были царские деньги, потом их сменили «керенки». Их вид смущал мужиков, но деньги все же брали, продавая хлеб, мясо и овощи голодным горожанам. Когда в Тюмени и уезде установилась советская власть, продовольственная ситуация стала ухудшаться. Крестьяне отказывались брать советские деньги. Скот угоняли в лес. Прятали хлеб и другое продовольствие. С 1 июня 1918 года большевики вынуждены были ввести карточки; по новым нормам на человека в месяц полагалось 25 фунтов хлеба — чуть больше 10 килограммов.

Падению советской власти в Сибири помогал надвигающийся голод.

В начале июля 1918 года белые напали на железнодорожную станцию Тугулым и по Московскому тракту начали движение в сторону Тюмени. Целью этого рейда было намерение прервать железнодорожное сообщение между Тюменью и Екатеринбургом. По всей вероятности, именно в это время отряд подполковника И. С. Смолина занял Успенку, Ушаково и Гилёву.

В этот период стремительного наступления Сибирской армии многие красногвардейцы оказались в плену. Судьба их была горькой. Пленных, как правило, расстреливали или закалывали штыками сразу после боя. Исследователь событий, происходивших в Тюменском уезде в период Гражданской войны, Д. Г. Симонов писал: «Наиболее боеспособными считались чешские легионеры-фронтовики, сибирские казаки и добровольные офицерские формирования. Существовала и определенная особенность, характерная для боевых действий того времени. Попавшие в плен к чехам русские красногвардейцы иногда могли рассчитывать на снисхождение, но чаще их передавали на расправу казакам или офицерам».

В августе 1918 года штаб генерала Гришина-Алмазова издал приказ по войскам Сибирской армии о призыве новобранцев. В этот период три корпуса Сибирской армии — Средне-Сибирский, Степной Сибирский и Уральский — насчитывали 40 700 штыков при 51 орудии и 184 пулеметах. Красная армия, в первых боях потерявшая инициативу из-за неорганизованности, слабой дисциплины и несогласованности действий, начала приходить в себя. Для дальнейшего наступления Сибирской армии требовалось пополнение. Обязательному призыву подлежали офицеры и казаки, призвали и крестьян 1898–1899 годов рождения. Не желая воевать за белых, многие убежали в тайгу. Из Тобольской губернии под знамена Сибирской армии надлежало призвать 45 800 человек, но призвали лишь 30 058 человек. Из Тюменского уезда при разнарядке на 3000 человек набрали

2618.

Ивану Федюнинскому повезло — его год призыву не подлежал. Хотя был уже на очереди.

Вскоре военная власть в Сибири перешла к адмиралу А. В. Колчаку. Но летом 1919 года колчаковцев начали теснить на восток. Красная армия окрепла, предприняла ряд успешных наступательных операций и начала двигаться. Отступление белых и наступление красных шло все по той же оси Транссибирской магистрали. Уходила из родных мест и 4-я Сибирская стрелковая дивизия, сформированная из тоболяков, тюменцев, курганцев. Дивизия участвовала в «Сибирском ледяном походе», в начале 1920 года ушла в Забайкалье. Поредевшая в боях, она вскоре была сведена в полк, а после поражения от войск Дальневосточной республики ушла в Китай и там растворилась.

Советская власть вновь возвратилась в Тюменский уезд. Начался призыв в Красную армию. 24 декабря 1919 года семья Федюнинских играла проводы. Девчата озорно пели, подбадривая гармониста:

Как родная меня мать провожала,
Тут и вся моя родня набежала:
А куда ж ты, паренек? А куда ты?
Не ходил бы ты, Ванёк, во солдаты!
В Красной армии штыки, чай, найдутся.
Без тебя большевики обойдутся.
Поневоле ты идешь? Аль с охоты?
Ваня, Ваня, пропадешь ни за что ты!

Биографы пишут, что в Красную армию Иван Федюнинский записался добровольно. Так ли это, или будущий красный командир был просто призван, поскольку подошел его год, узнать доподлинно не представляется возможным. Многие генералы и маршалы, заполняя для кадров анкеты, писали, что в РККА вступили добровольно, чтобы с оружием в руках защищать молодую советскую власть. Надо было делать карьеру в армии. А времена наступили суровые — людей «с прошлым» увольняли из кадров РККА, а то и передавали в руки НКВД, арестовывали, сажали, расстреливали. В таких обстоятельствах приходилось подправлять биографию, подчеркивать свою лояльность советской власти и делу большевиков.

Исследователи Гражданской войны в Западной Сибири и, в частности,

в Тобольской губернии, ссылаясь на документы информационно-агитационного отдела МВД Временного Сибирского правительства (существовал и такой), свидетельствуют: население Сибири в своих симпатиях и антипатиях между красными и белыми разделялось на три основные группы. Первая, активно антисоветская, — 25–30 процентов — состояла преимущественно из пожилых зажиточных крестьян, по большевистской терминологии — кулаков. Вторая, активно пробольшевистская, — 10–15 процентов — состояла из бывших фронтовиков, безземельных крестьян, бедняков и «хулиганствующей молодежи». Третья — «болото», как теперь называют массу, пассивно относящуюся к политике. Люди, которые после свержения царя никому из претендентов на власть не верили, а жили своей жизнью, пахали землю, занимались домашним хозяйством, отходничали в различных артелях и кормили свои семьи трудом насущным. Эта группа, «индифферентная к тому или иному образу правления», была самой многочисленной и составляла 50–60 процентов. Как покажет история, большевики смогли всколыхнуть это «болото» и победили. И мобилизацию призывников 1900 года рождения под свои знамена проводили в основном именно они.

Так или иначе, в 1920 году Иван Федюнинский был зачислен в 5-ю дивизию, которая вскоре оказалась на Западном фронте.

С родиной Иван расставался тяжело, как и все деревенские, попавшие в казарму после вольной воли. Крестьянская жизнь тяжела своим трудом, постоянными заботами: земля, дом, хозяйство — все на твоих плечах. Но воля компенсирует все.

На родине остались родня, родители, младший брат. И любимая — Елена, дочь местного священника. По ним он тосковал. По другим данным, родители к тому времени умерли от эпидемии тифа, которая бушевала в окрестностях Тюмени в 1918–1919 годах, и были похоронены в Тюмени на Текутьевском кладбище. По свидетельству семейных хроник Федюнинских, после смерти родителей братьев Ивана и Василия приняли в семью родной брат отца Георгий Трофимович и его супруга Мартемьяна Филимоновна.

Глава вторая

ПОЛЬСКИЙ ПОХОД

«Красная армия уступала полякам буквально во всем...»

Дивизия, в которую был зачислен рядовым красноармейцем Иван Федюнинский, была сформирована по приказу Пензенского губвоенкомата в июле 1918 года и получила наименование 5-й Пензенской стрелковой. Состояла она из трех стрелковых бригад и артиллерийских частей. Бригады формировались в Пензе, Нижнем Новгороде и Казани, политотдел находился в Царицыне, 5-й артполк — в Казани. В него вошли два артиллерийских дивизиона, один из которых формировался в Тобольской губернии. В него-то, скорее всего, и попал Иван Федюнинский, так как пополнение в части дивизии шло напрямиком из мест формирования.

Дивизия считалась одной из лучших в Красной армии. Дралась на Восточном фронте против армии Колчака и чехословаков. Отличилась в Бугурусланской операции, Сарапуло-Воткинской, Пермской, Екатеринбургской, Петропавловской, когда ее части успешно форсировали Тобол и Ишим и ворвались на станцию Петухово. В декабре, когда после взятия Омска бои затихли, дивизию пополнили новобранцами. Вот тогда-то и прибыл Иван Федюнинский с земляками в 5-ю Саратовскую дивизию. А в апреле 1920 года ее спешно перебросили на Западный фронт. Там начиналась война с Польшей.

До Первой мировой войны Польша была разделена между Россией, Австро-Венгрией и Германией. Каждая из воюющих сторон обещала полякам после войны воссоздать польскую государственность на ее исконных землях. В ходе военных действий русские войска были вытеснены не только из Варшавы и ее предместий, но и из Вильно и Львова. После войны возрожденная дипломатическими и политическими усилиями стран-победительниц Польша тут же вступила в конфликт со всеми своими соседями по поводу границ. С немцами и чехами — из-за Силезии. С литовцами — из-за Виленского края. С Советской Россией — из-за Галиции и Волыни.

Пришедший к власти в Польше Юзеф Пилсудский объединил нацию под лозунгом восстановления границ Речи Посполитой, простиравшейся *od*

morza do morza — от моря до моря. Имелось в виду — от Черного моря на юге и до Балтийского на севере. Для осуществления этой идеи войск у «начальника государства польского» вполне хватало. Еще в начале Первой мировой войны Пилсудский энергично формировал польские легионы, в которые зачислялись добровольцы из частей австро-венгерской армии. Национальные польские формирования создавались в это время и в русской армии, но и они, вооруженные и экипированные зачастую куда лучше других частей, после Октябрьской революции оказались по ту сторону границы.

Следует заметить, что поляки нечто подобное повторят и во время Второй мировой войны. Пятидесятитысячный корпус «Польской армии на Востоке», снаряженный в СССР, будет выведен генералом Андерсом через Иран в состав британской армии. Владислав Андерс — бывший поручик русской армии. В 1917 году получил из рук Николая II диплом об окончании Академии Генштаба в Петербурге. Стал начальником штаба 1-й Польской стрелковой дивизии в составе русской армии. После Брест-Литовского мира его дивизия сдалась немцам и была расформирована. Во время Советско-польской войны Андерс командовал сформированным им 15-м уланским Прикарпатским полком. В сентябре 1939 года войска Красной армии разбили этот полк, Андерс попал в советский плен. Там с ним провели работу сотрудники НКВД, и Андерс дал согласие возглавить польские формирования в составе Красной армии. Но с первых шагов по формированию «Польской армии на Востоке» он создавал ее как антибольшевистскую, разрабатывая план вооруженного прорыва для соединения с англичанами. Когда об измене поляков сообщили Сталину, он сказал: пусть уходят, мы сами справимся... Произошло это летом — осенью 1942 года, когда обстановка на советско-германском фронте была невероятно напряженной. Когда генерал И. И. Федюнинский, командуя 5-й армией, противостоял немецким войскам под Москвой, а потом был переведен в район Ленинграда. Когда судьбу обороны или наступления мог решить один свежий резервный батальон...

Германия по итогам Первой мировой войны оккупировала польские и белорусские земли, но в 1918 году капитулировала. Тут же на территорию Белоруссии вошла польская армия. По масштабам того времени она была довольно внушительной. Более того, из Франции в помощь Пилсудскому прибыл семидесятитысячный польский корпус, полностью экипированный и вооруженный самым современным оружием. В политическом раскладе союзов, явных и тайных, с друзьями и врагами, Польша, как это ни странно, не стала союзницей «белой» России. Войди Деникин в Москву,

Антанта, снабжавшая и вдохновлявшая «белые рати» так же, как и легионы пана Пилсудского, тут же вмешалась бы в решение территориального вопроса и Польше пришлось бы уходить из восточных областей Белоруссии и Украины.

И вот белые разгромлены. Теперь Франция, Англия и США, потеряв одного из боевых союзников, могла надеяться только на Польшу.

С помощью объединенной Европы Пилсудский собрал у границы мощную военную силу — шесть армий. Артиллерия и пулеметы. Бронемашины и авиация. Красная армия уступала полякам буквально во всем.

В начале мая 1920 года войска Пилсудского заняли Киев.

Красная армия тут же ответила: через месяц советские войска вновь вошли в Киев, а затем заняли Минск и Вильнюс. Поляки дрогнули. Вдобавок ко всему в тылу польской армии подняли восстание белорусы. Обеспокоенная Европа тут же отреагировала нотой МИД Великобритании: Москве предлагалось перемирие. Польша, по сути дела, была поставлена на колени. Европу тоже сотрясали внутренние конфликты, послевоенная депрессия и революционные восстания во главе с местными коммунистами, анархистами и прочими.

«Но тут чувство меры изменило большевистским вождям, — пишет историк Алексей Вольнец. — Успех контрнаступления против польской агрессии породил среди них надежду на пролетарские восстания в Европе и победу мировой революции. Лев Троцкий тогда прямо предложил «прощупать красноармейским штыком революционную ситуацию в Европе». Командующий войсками, которые двигались на Варшаву, М. Н. Тухачевский впоследствии писал: «Нет никакого сомнения в том, что если бы на Висле мы одержали победу, то революция охватила бы огненным пламенем весь Европейский материк». Красная армия начала развивать наступление на Львов и Варшаву, и продвижение ее на первых порах было удачным. Однако силы таяли, наступательный ресурс иссякал. Базы снабжения остались глубоко в тылу. Артиллерия в решающий момент оказалась без боеприпасов. Поляки же вместо ожидаемого всплеска чувств пролетарского интернационализма и рабочей солидарности встретили Красную армию как очередное вторжение в их земли «азиатских варваров».

Во второй половине августа 1920 года Пилсудский собрал силы и ударил по войскам Тухачевского. Это была катастрофа. Только под Варшавой в плену у поляков оказалось более 60 тысяч красноармейцев. А. Вольнец пишет: «Всего же в польские лагеря для военнопленных угодило свыше 100 тысяч человек. Из них менее чем за год умерло не меньше 70

тысяч — это наглядно характеризует тот чудовищный режим, который установили для пленных польские власти, предвосхитив гитлеровские концлагеря».

Срочные переговоры в Риге остановили Советско-польскую войну. Ни Москва, ни Варшава не достигли желаемого. Троцкому, Тухачевскому и их единомышленникам так и не удалось разжечь пожар мировой революции. А Пилсудский со своими легионами так и не смог раздвинуть границы новой Польши до пределов Речи Посполитой — от моря до моря. Тем не менее земли Западной Белоруссии и Западной Украины надолго отошли победителям на Висле. Только в 1939 году советско-польскую границу наконец удалось отодвинуть от Минска до Белостока.

«Польский вопрос» в европейской политике всегда был сложным, запутанным и временами приносил миру глобальные потрясения. Вторая мировая война тоже начнется на польской границе, на Яблунковском перевале. Но в об этом — в свою очередь.

*

Красноармеец Федюнинский, к счастью, не оказался в списке безвозвратных потерь. Не было его и среди пленных, но пуля его все же не миновала.

Пензенская дивизия участвовала во всех крупных операциях Советско-польской войны: Майской (14 мая — 8 июня и боях в районе Лепеля); Июньской (форсирование реки Березины, бои за овладение железнодорожными станциями Докшицы и Парфьяново), Варшавской (форсирование реки Щары, выход на подступы к крепости Модлин, после чего последовал отход с боями в направлении Лиды, Гродно, Вилейки). Дивизия избежала горькой участи плена. До весны 1921 года ее части занимались ликвидацией бандформирований на территории Витебской губернии, но в этих акциях красноармеец Иван Федюнинский участия не принимал. Он был ранен еще в конце 1920 года и находился в госпитале на излечении.

По всей вероятности, ранение настигло его в бою на подступах к Варшаве. Порядок в войсках тогда еще сохранялся, и раненых благополучно вывозили в тыл, оказывали необходимую помощь, а затем переправляли в тыловые госпитали. По другим сведениям, Федюнинский был ранен дважды. Первое ранение было легким, и он остался в строю, а вот второе всерьез уложило его на госпитальную койку.

В начале 1921 года, после выписки из госпиталя, Федюнинский получил отпуск на родину. Радостными были встречи с родными, с преданно ждавшей его Еленой Владимировной, которая вскоре стала его женой. Уездные хроники повествуют о том, что уже с 10 марта 1921 года он работал в мобилизационном отделе Тюменского комиссариата по военным делам в качестве переписчика, а 3 апреля того же года зачислен в штат с окладом 1302 рубля. Работал он в уездном комиссариате недолго, убыл из Тюмени 29 июля 1921 года «в связи с переводом в город Омск в 33-й запасной полк».

Военная служба уже захватила Ивана Федюнинского. Шинель накрепко приросла к его плечам.

Глава третья

КВЖД. КОМАНДИР РОТЫ

«Наши войска дрались отлично, проявляя высокую доблесть и героизм...»

Вскоре Ивана Федюнинского направляют на учебу — в 24-ю пехотную Омскую им. III Коммунистического интернационала школу командного состава РККА. В 1923 году школу переводят во Владивосток. Полный курс Федюнинский окончил в 1924 году. Владивостокская пехотная школа стала первым военным университетом молодого краскома, она дала хорошую теоретическую основу для освоения военного дела.

Он сразу же был зачислен командиром взвода в 107-й Владимирский стрелковый полк 36-й Забайкальской дивизии. Дивизия, где предстояло начинать командирскую службу выпускнику Владивостокской пехотной школы, была сформирована в ноябре 1918 года. Летом 1921 года ее полки участвовали в боях с формированиями так называемой Азиатской конной дивизии барона Унгерна. 4 июня 1923 года дивизии присвоено наименование Забайкальской, тогда же она вошла в состав Особой Дальневосточной армии.

Начало военной карьеры краскома Федюнинского было трудным. В 1929 году он, командир роты 106-го Сахалинского стрелкового полка, со своими бойцами оказался в самой гуще событий на КВЖД. Судьба не водила вокруг да около, а сунула в самое полымя.

Шестнадцатого ноября эшелоны с личным составом и материальной частью полка прибыли на станцию Мациевская. Батальоны быстро разгрузились. Рассредоточились. Начали устанавливать палатки. Торопились — уже стояли крепкие морозы, ночами прижимало до двадцати градусов.

Во второй половине дня в распоряжение 6-й стрелковой роты прибежал посыльный и передал ротному приказ командира полка М. И. Пузырева срочно прибыть к нему.

На Китайско-Восточной железной дороге обстановка накалилась до предела. Построенная на русские деньги в 1897–1903 годах, но проложенная по территории Китая, КВЖД после Октябрьской революции стала предметом споров многих заинтересованных государств. Китай,

Япония, Франция и, конечно же, Англия... В 1924 году в Пекине было подписано советско-китайское соглашение, по которому КВЖД рассматривалась как чисто коммерческое предприятие, управляемое совместно СССР и Китаем. Казалось бы, проблемы выведены за рамки совместного предприятия вместе с политикой. Но уже через год китайские власти начинают свою игру, которая в 1929 году закончится масштабными боевыми действиями двух армий.

В июле 1929 года в «русском городе» Харбине китайская полиция заняла здание центрального телеграфа КВЖД. Последовали аресты совслужащих — работников железной дороги. Закрывались советские представительства. Одних арестовывали, других выслали.

Последовала нота советского правительства: «10 июля утром китайские власти произвели налет на КВЖД и захватили телеграф по всей линии, прервав телеграфное сообщение с СССР... Дубань (военный губернатор. — С. М.) дороги Люй Чжунхуан предъявил управляющему Емшанову требование передать управление дорогой лицу, назначенному дубанем... Управляющий дорогой Емшанов отказался выполнить это незаконное требование... Он был насильно отстранен. Начальники служб были отстранены и заменены белогвардейцами. По всей КВЖД закрыты и разгромлены профсоюзы и кооперативные организации рабочих, арестовано более двухсот граждан СССР... Емшанов и Эйсмонт высланы из пределов Китая».

Китаем правил тогда «палач китайской революции» Чан Кайши. На эту и последующие ноты и заявления советского правительства он высокомерно ответил: «Мы хотим сначала взять в свои руки КВЖД, а потом приступить к обсуждению остальных вопросов». Непосредственно захватом дороги занималась Маньчжурская армия генерала Чжан Сюэяна, за спиной которого стоял не столько Чан Кайши, сколько Япония, тоже заинтересованная в захвате дороги. Увидев, что ни китайские власти, ни международное сообщество не собираются одергивать захватчиков, советское правительство отозвало из Китая своих представителей. 20 июля 1929 года дипломатические отношения были разорваны.

Разведка сообщала: в Маньчжурию стягиваются китайские войска, наблюдаются колонны бронетехники; ведутся активные земляные работы в приграничной полосе, в том числе с привлечением местного населения; резко оживилась деятельность белогвардейских формирований.

Уже 6 августа 1929 года последовал приказ Реввоенсовета СССР:

«1. Объединить все вооруженные силы, ныне расположенные на территории Дальнего Востока, в армию, присвоив ей наименование

«Особая Дальневосточная армия».

2. Командующим Особой Дальневосточной армией назначить товарища Блюхера.

3. Товарищу Блюхеру немедленно вступить в исполнение своих обязанностей».

Британские газеты тут же отреагировали: «Одним из наиболее резких контрастов в нынешнем китайско-русском конфликте является возвращение на Дальний Восток генерала Блюхера, известного в Китае под именем Галина. Прибытие Галина создает положение, которое может оказаться небывалым в истории^[3]. В случае войны Россия будет иметь командующим ее военными силами, действующими против Китая, человека, бывшего руководящим деятелем в армии этого государства и с более безукоризненным знанием, из первоисточников, о силах противника. Проведя более десяти лет на Дальнем Востоке, Галин хорошо знает Дальний Восток и Китай. Без сомнения, принятие командования вооруженными силами России на Дальнем Востоке Блюхером создает новую обстановку в русско-китайском конфликте».

В своих мемуарах «На Востоке» генерал Федюнинский с подчеркнутым уважением и теплотой напишет о своем командующем Василии Константиновиче Блюхере.

Обе стороны усиленно готовились к боевым действиям. К осени 1929 года в Маньчжурской армии насчитывалось 300 тысяч штыков. В эту группировку влились белогвардейские формирования, в основном кавалерийские, до 70 тысяч сабель — офицеры, казаки, различные формирования сомнительной репутации. Белое движение к тому времени уже начало вырождаться. Среди этих семидесяти тысяч сабель были и те, кто упорно продолжал следовать идее «белого дела», и те, кто, оказавшись без родины, был готов на любую авантюру, лишь бы снова на коня и шашку в руки, и откровенные авантюристы с бандитским прошлым. Многие белогвардейцы к тому времени покинули север Китая, ушли к Гонконг, а оттуда перебрались в Европу и Америку. Но для такого путешествия ради спокойного будущего, пусть и на чужбине, нужны были деньги. Те, кто их не имел, мечтали разбогатеть в намечавшемся походе.

Численно армия Блюхера уступала противнику почти в три раза. Войска занимали исходные позиции вдоль границы, концентрируясь на наиболее важных коммуникационных направлениях. По оси дорог можно было в любой момент ожидать удара с той стороны границы; эти же направления рассматривались и как маршруты возможного наступления частей ОДВА.

Провела перегруппировку и 36-я стрелковая дивизия. Владимирский и Белореченский стрелковые и Волжский артиллерийский полки выдвинулись и заняли позиции по фронту границы, прикрывая важные объекты, направления и крупные населенные пункты. Штаб расположился в Борзе. 106-й Сахалинский полк до особого распоряжения оставался в военном городке Песчанка. Из Владимирского полка от сослуживцев приходили новости: Борзя, где расквартирован их полк, представляет собой небольшой приграничный городок и железнодорожную станцию одновременно; жители сплошь китайцы, вежливые, осторожные; 16 августа один из взводов полка побывал в деле — отбили атаку большой группы китайских солдат в районе поселка Абагайтуевский; вторая атака была отбита севернее города Маньчжурия; 18 августа до батальона китайцев после артиллерийской подготовки из района Чжалайнора атаковали погранзаставу, их атаку поддержал артиллерийским и пулеметным огнем бронепоезд. Это была уже масштабная схватка. Бой продолжался несколько часов. Китайцев подавили артиллерийским огнем, обошли с флангов и с тыла. Уничтожив основную часть китайского батальона и рассеяв остатки, владимирцы вернулись на исходные позиции.

Одновременно с лобовыми атаками китайских войск немногочисленные белогвардейские группы в разных местах переходили границу. Задачи они выполняли самые разные: разведка, диверсии, агитация среди казаков и русских поселенцев, ликвидация местных советских и партийных работников. 9 сентября позиции Владимирского полка были атакованы отрядом в двести штыков и сабельного эскадрона. Завязался бой в районе сопки и железнодорожного разъезда. Убитые и раненые были с обеих сторон.

И вот наконец наступил черед действовать и Белореченскому полку.

*

В палатке комполка было тепло. Федюнинский снял перчатки. Приятно было оказаться в тепле после дня, проведенного на морозе.

— Вашей роте предстоит ответственное дело, — без предисловий начал комполка. — Ваша рота — лучшая в полку, поэтому уверен — справитесь.

Федюнинский напрягся. Комполка кивнул на карту, разложенную на столе:

— Приказываю скрытно выдвинуться на китайскую территорию к

разъезду Абагайтуй и разрушить железнодорожные пути, затем обойти станцию Маньчжурия, перерезать железную дорогу и нарушить таким образом сообщение со станцией Хайлар. Главная задача — лишить противника маневра. От действий вашего подразделения будет зависеть исход всей операции. Все ясно?

— Ясно. Надо подготовить роту. Разрешите идти?

— Подождите. Возьмите... Это вам поможет ориентироваться в темноте. — Комполка достал из полевой сумки компас и протянул ротному.

Федюнинский прибыл в роту, собрал командиров взводов. Политрук роты Бабушкин был всегда рядом. Развернул карту местности, поставил задачу.

Перед рассветом из взводов прибыли связные и доложили о полной готовности. Прибежал посыльный и от командира полка и передал короткое: «Действуйте».

Ночная темень еще не сошла, и сопки укутывал густой туман, когда рота пересекла границу и подошла к железнодорожному разъезду. Остановились. Федюнинский выслал вперед двоих дозорных. Те вскоре вернулись, доложили: разъезд охраняется часовыми, дежурное подразделение спит в казарме. Разведчикам тут же приказал:

— Снять часовых. Действовать тихо.

Вскоре разведчики прислали связного: часовые сняты, всё тихо, караул спит.

Окружили казарму. Вошли. Офицер, сидевший на топчане, поднялся навстречу, попытался выхватить пистолет. Его тут же сбили с ног, прижали к полу. Всем приказали оставаться на своих местах. Собрали оружие. Караул заперли в небольшом складском помещении без окон. Выставили часового.

Взводы уже приступили к выполнению основной задачи. Обрезали провода связи. Красноармейцы, захватив найденные в казарме ломы и кирки, побежали разбирать рельсы. В это время дозорные доложили: приближается поезд. Федюнинский приказал залечь, затаиться.

Маньчжурский экспресс промчался через разъезд, мимо казармы и затаившейся 6-й роты, не снижая скорости, сияя огнями и паровозными искрами.

Если бы успели разобрать рельсы, состав можно было остановить. Но что делать, трофей теперь достанется другой роте...

Позже узнали: недалеко от Хайлара поезд был задержан кавалеристами.

Генерал Федюнинский вспоминал: «Упущенный поезд словно

подхлестнул всех. Заскрежетали ломы, завизжали пилы, которые, к нашему счастью, мы нашли в казарме. Один за другим падали телеграфные столбы, полетели под откос рельсы, шпалы. За каких-нибудь полчаса путь был разобран, связь нарушена».

Рассветало. Уже проступили на фоне розовеющего неба сопки, грядой уходящие в сторону границы. Там, на сопках, припорошенных снегом, все эти дни окапывались китайские солдаты. Ночью рота прошла мимо них, удачно минуя китайские посты, и оказалась, по сути дела, в тылу обороны противника.

Федюнинский поглядывал на часы. Через пятнадцать минут основные силы дивизии должны были пойти вперед. Задача роты — удерживать разъезд до подхода основных сил. Стрелка, будто влипшая в смолу, двигалась медленно.

Он хотел было обойти взводы, проверить готовность, но передумал: незачем маячить по полустанку, привлекать внимание китайских наблюдателей. Наверняка с сопки уже заметили, что исчезли часовые, что разобраны рельсы и валяются под откосом телеграфные столбы. Когда рассветет, следует ждать атаку. К ней-то и готовились взводы, по периметру охватив разъезд, пристанционные постройки и казарму. Взводных предупредил, что, прежде чем спуститься с сопки и атаковать разъезд, китайцы попытаются провести тщательную разведку, а значит, надо боевые охранения выставить на местах возможных проходов, усилить их пулеметами и держать в полной готовности, соблюдая тишину и полную маскировку.

Рассвело. Туман стал расплзаться и вскоре исчез. Сопки в одно мгновение ожили — поднялся грохот, вспышки выстрелов охватили гряду ближних высот. Защелкали, зашлепали пули. Китайцы наконец открыли огонь по разъезду.

Федюнинский окинул взглядом свою оборону. Бойцы еще быстрее заработали лопатами.

То, что он видел на Березине и под Варшавой, лишь отдаленно напоминало события, которые происходили теперь. Другой рельеф. Другие бойцы, более подготовленные и более уверенные. Другой противник. Другие ощущения перед боем. Там, на польском фронте, он был просто рядовой красноармеец, окопный человек, который в бою имел возможность видеть только своих соседей в ближних окопах. А теперь он — командир. Десятки человек ждут его приказа. Они будут нуждаться в его постоянном присутствии в бою, оглядываться на него, сверять свои действия с его поведением и настроением.

В биографических книгах принято в своих героях, в их ранней поре, в начале пути отыскивать черты, которые приведут их к подвигу, успеху, к той жизненной завершенности, к которой они как будто стремились с юных лет. В Федюнинском ничего этого, пожалуй, не было. Работал в строительной артели, потом надел шинель. Армейская служба понравилась. Возможно, она влекла еще и потому, что в деревне царила бедность. Повторять жизнь отца, в которой крестьянские заботы — а им нет конца! — чередовались с необходимостью заработать копейку на сезонных работах в большом городе у состоятельных людей, — эту нелегкую жизнь и судьбу он копировать не пожелал. К тому же всё вокруг бурлило, менялось. Социальные лифты буквально подхватывали молодых и энергичных, тащили вверх целыми коллективами, бригадами, ротами...

Биографам генерала ничего выдающегося и даже особенного разглядеть в первых его шагах не удалось. Служил добросовестно. Вкладывал в армейские будни всего себя. При переводе из Владимирского полка в Сахалинский рота ему досталась не лучшая, с расшатанной дисциплиной. Но в короткий срок вместе с политруком Бабушкиным он навел порядок. И теперь вел взводы на первое серьезное задание с уверенностью в главном — в решительную минуту люди не дрогнут.

Если же и были минуты, поступки, действия, определяющие будущее нашего героя, то они происходили тогда, на разъезде Абагайтуй перед грядой сопок, где сосредоточились китайцы, готовые в любую минуту броситься на его 6-ю роту. Китайцев было значительно больше. Но ротный был уверен в каждом из своих бойцов и знал — любой из них стоит десятка гаминов^[4].

И тут со стороны границы ухнуло-зарокотало — ударила тяжелая артиллерия. Это началась артподготовка перед наступлением дивизии. Сопки полыхали огнем взрывов. Пыль и копоть смешивались со снежной пылью и издали напоминали серый туман.

Теперь нужно было ожидать, что китайцы вот-вот атакуют, и атакуют более яростно. Если дивизия нажмет с той стороны, то деваться им будет некуда — спустятся с сопки и валом повалят через разъезд.

Но дальше произошло следующее. Из воспоминаний генерала Федюнинского: «Неожиданно в наших боевых порядках появилась легковая машина. Из нее вышел рослый мужчина в полушубке нараспашку. На гимнастерке сверкали ордена Красного Знамени. Поражало его удивительное хладнокровие. Посвистывали пули, рвались снаряды, а он словно не замечал опасности.

Это был комкор Степан Сергеевич Вострецов^[5], возглавивший Забайкальскую группу войск Особой Дальневосточной армии.

Я подбежал к нему, намереваясь доложить о наших действиях. Но он опередил меня вопросами:

— Кто вы? Что за подразделение?

— Командир Шестой стрелковой роты Сто шестого полка Федюнинский. Имею задачу... — И я подробно доложил, что мы делали и делаем.

— Хорошо, — сказал Вострецов. — Правильно действуете. А теперь... Видите вон те сопки?

— Вижу.

— Возьмите их и держите крепко».

Приказ командира Забайкальской группы войск рота Федюнинского выполнила до конца.

Взводы уже приготовились к атаке, когда в тылу послышался рокот моторов. Разведка доложила: два танка МС-1^[6], движутся в направлении роты. Федюнинский выбежал на дорогу, поднял руку. Танки остановились. Командиры танков тут же вылезли из боевых машин, доложили: отстали от своего подразделения из-за поломки, заблудились и теперь не знают, что делать, где искать своих. Раций в танках тогда еще не было.

— Я — начальник боевого участка! Переподчиняю вас себе! — приказал Федюнинский, быстро сообразив, что при поддержке брони взять сопки им будет куда легче. — Поддержите атаку роты.

Он быстро поставил задачу танкистам. Те с готовностью кинулись выполнять приказ старшего по званию, хорошо понимая, что это реабилитирует их в глазах командования.

Первая линия обороны китайцев проходила у подножия сопки. Здесь были построены блиндажи с бетонными перекрытиями. Но расположены они были так, что полностью не перекрывали своим огнем пространство справа и слева. Разведка это выяснила заранее. Ударные группы Федюнинский пустил именно в эти непростреливаемые, мертвые «коридоры».

В ходе первой же атаки взводы ворвались в окопы. Начался траншейный бой, где все решали характер, напор, штык и граната.

Из воспоминаний генерала Федюнинского: «Обходя захваченные нами позиции, я не мог не отметить, сколь тщательно строили китайцы свои оборонительные сооружения. Они, видимо, считали оборону основным видом боевых действий, полагая, что если в начале наступления не

добьются успеха, то постараются измотать силы наших войск в боях на укрепленных позициях, а уже затем нанесут решительный удар. В районах Маньчжурии и Чжалайнора китайцы возвели мощные фортификационные сооружения, подготовили оборону и в противотанковом отношении: отрыли широкие, до 4 метров, рвы, в промежутках между ними установили минные поля, камнемётные фугасы. Инженерные сооружения прикрывались ружейно-пулеметным огнем. Правда, маскировка их оставляла желать много лучшего, и этим, конечно, воспользовалось наше командование. Разведка быстро установила расположение и характер вражеских укреплений.

Общая глубина полосы оборонительных сооружений составляла от 2 до 5 километров. Сооружения располагались, как правило, в линию, круговая оборона отсутствовала. Надо сказать, что укрепления были достаточно мощными. Артиллерийские снаряды малого калибра вреда им никакого не причиняли.

Решающая роль в обороне отводилась ружейно-пулеметному огню и бомбометам. Артиллерийские орудия вели огонь, как правило, с закрытых позиций, беспорядочно. Маневр ни живой силой, ни огневыми средствами в ходе боя не проводился. Разведка велась плохо или совсем не велась. Взаимодействие между подразделениями отсутствовало, что позволяло громить их по очереди, расчлняя боевые порядки и совершая обходы и охваты.

В ходе боев противник не организовывал ни одной контратаки, ни одного контрудара. Китайские солдаты оказывали сопротивление нашим воинам, не выходя из окопов и блиндажей».

Жаль, что Иван Иванович не оставил воспоминаний о Советско-польской войне. Мы получили бы подробные и очень ценные, прежде всего с исторической точки зрения, свидетельства о противнике Красной армии на Западном фронте — польском солдате. Увы, участники того похода, закончившегося поражением на Висле, вспоминать бои 1920 года не любили. Ни бои, ни отступление, ни польский плен.

...Первая траншея и линия блиндажей вскоре оказались в руках 6-й роты. Надо было двигаться дальше. Поступил приказ: занять господствующие высоты вдоль железной дороги и тем самым лишить противника возможности отхода от станции Маньчжурия. На усиление из резерва командира батальона Федюнинскому передали двенадцать пулеметов с расчетами. Двенадцать «максимов» плюс шесть своих. Это была уже сила. И распорядиться ею надо было быстро и правильно, чтобы не исправлять ошибки во время боя, не оплачивать просчеты кровью

подчиненных.

Он выслушал пулеметчиков. Люди опытные, не раз побывавшие в боях с белогвардейскими отрядами. Белогвардейцы часто переходили границу и гуляли по таежным распадкам и селениям, убивали, грабили. Пулеметчики тут же оценили рельеф местности и обстановку, помогли выбрать наиболее выгодные позиции.

— Командир, пойдут они по железке, — сказали пулеметчики.

— По шпалам и пойдут. Больше некуда.

— По шпалам и шоссе.

Пулеметы расположил вдоль железной и шоссейной дорог на высотах. Расчеты хорошо просматривали пространство перед собой, насыпь, откосы, шоссе и его обочины. При необходимости могли прикрыть друг друга сосредоточенным огнем.

Ночь на 18 ноября выдалась морозной, с резким каленым ветром. Холод пронизывал до костей. Бойцы доедали сухой паек. Горячего подвезти не было возможности. Терпели. Хлеб рубили топором.

В полночь, чтобы хоть как-то поддержать личный состав, Федюнинский приказал развести костры. Костры запалили на обратных скатах высот, но китайские наблюдатели тут же засекли цели и дали залп. Снаряды ложились неточно, вразброс. Но точного залпа решили не дожидаться — костры забросали снегом.

После полуночи из-за сопки появилась луна. Яркая, необычно большая в морозном небе, она сразу осветила окрестность.

«Ну, командир, смотри в оба!» — приказал себе Федюнинский, глядя вниз, где сходились, будто сливаясь в одну, широкую, как остановившаяся река, железная и шоссейная дороги. Пойдешь направо — попадешь в Маньчжурию. Пойдешь налево — в Чжалайнор...

Разведка тем временем доложила: со стороны станции Маньчжурия слышен гул моторов. Федюнинский тут же отдал приказ: «Приготовиться к бою». Приказ мгновенно облетел притаившуюся в окопах роту. Подумал: вот и согреемся сейчас, закипит вода в пулеметах...

Все 18 «максимов» заработали почти одновременно. Огонь по движущейся внизу плотной массе вели и стрелки. Море огня! Внизу сразу началась паника. Однако голова колонны, по всей вероятности сформированная из лучших воинов и возглавляемая опытным и хладнокровным командиром, продолжила движение и, потеряв некоторую часть убитыми и ранеными на шоссе и обочинах, оторвалась и ринулась вперед.

Видя опасность прорыва, Федюнинский приказал часть пулеметов

перебросить на участок, куда устремились китайцы. Стало очевидным: тонкая цепочка стрелков, окопавшихся у шоссе, не выдержит, лавина китайцев их попросту сомнет. Без пулеметов бегущих не остановить. Оставив за себя политрука Бабушкина, Федюнинский сам возглавил группу пулеметчиков и стрелков. «Обезумевшие массы солдат панически бежали на наши позиции, — вспоминал генерал тот ночной бой между станциями Маньчжурия и Чжалайнор. — Кинжальный огонь остановил толпу. Не давая врагу опомниться, мы ударили в штыки».

Через несколько минут все было кончено. Пулеметы, переброшенные с высот к шоссе, сделали свое дело. Кожух[^] пылали от перегрева. Красноармейцы с винтовками наперевес с примкнутыми штыками теснили к обрыву пленных. Те все плотнее сбивались в толпу. Время от времени оттуда на затоптанный снег выбрасывали винтовки и подсумки. Потом начали выводить раненых. Ими тут же занялись санинструкторы.

В полдень прибыл командир Забайкальской группы Вострецов. Федюнинский доложил о выполнении задачи, о потерях.

— Раненых всех отправить в тыл.

— Уже отправили, — ответил ротный.

Вострецов поднялся к пулеметному окопу. Снег был усыпан стреляными гильзами. Пулеметчики грелись у костра. Теперь по огням уже никто не стрелял.

— Это твоя работа? — указал Вострецов на дорогу и обочины, заваленные трупам китайских солдат.

— Это, товарищ Вострецов, работа красноармейцев, которыми я команду, — ответил Федюнинский.

Ответ ротного Вострецову понравился. Он похлопал молодого командира по плечу и начал расспрашивать, как было дело. Федюнинский охотно рассказывал, всячески стараясь отметить храбрость и выучку своих бойцов. В конце разговора протянул портфель, набитый бумагами:

— Вот, товарищ Вострецов, среди пленных оказалось несколько офицеров и начальник полиции Маньчжурской провинции. Во всяком случае, так он представился. Этот портфель изъят у него. Документы. Возможно, важные. Все — на китайском. Переводчика у нас нет.

— Хорошо. С документами разберусь, — сказал Вострецов, забирая портфель.

Они еще встретятся. Когда утихнут бои на КВЖД, когда политики и штатские уладят все дела, касающиеся дальнейшего использования железной дороги, Федюнинского и других командиров и бойцов, представленных к наградам, пригласят на прием к командиру корпуса.

Спустя десятилетия Иван Иванович вспоминал о той яркой встрече — награжден орденом Красного Знамени! — с сердечной теплотой: «Степан Сергеевич подарил мне полевую сумку и именной револьвер. Мне было очень приятно получить подарок от такого заслуженного и известного военачальника. Это был поистине бесстрашный командир, человек большого мужества, храбрости и выдержки, могучей энергии и твердой командирской воли».

Как видим, эпитетов для своего кумира автор мемуаров не жалеет. И это было искренне: и любовь, и уважение. В своей книге «На Востоке» Иван Иванович Федюнинский уделил Степану Вострецову достаточно много места, рассказал о его боевом пути до боев на КВЖД, о его четырех орденах Красного Знамени, об операции по окружению и пленению Сибирской добровольческой дружины генерала Пепеляева в Охотско-Аянском районе. Тогда Вострецов командовал особым экспедиционным отрядом. Пепеляев, видя безвыходное положение, принял предложение Вострецова о сдаче. Кровь русских людей в той блестяще проведенной операции не пролилась. Те из дружинников, кто не запятнал себя расстрелами и казнями красноармейцев и большевиков, были отпущены, многие вступили в Красную армию. Пепеляева судили, приговорили к расстрелу. В 1928 году Вострецов обратился с письмом, в котором просил о помиловании своего бывшего врага. Учли ли его просьбу, нет ли, но генерала, одного из последних, кто продолжал драться за «белое дело», тогда не расстреляли. До 1936 года Пепеляев сидел в ярославской тюрьме «Коровники», работал в столярной мастерской. Много читал. Писал. В 1936 году его выпустили на свободу, но ненадолго. В 1937-м он был арестован, в 1938-м расстрелян. Вострецова пережил на шесть лет — по тем временам, на целую жизнь.

В своих мемуарах Федюнинский умолчал о смерти Вострецова. Официальная версия объясняла выстрел героя Гражданской войны его расшатанными нервами, хроническими болезнями, которые к тому времени обострились... Конечно, с войн возвращаются с расшатанными нервами. А вернее, с войн не возвращаются...

Но правда о выстреле Вострецова, по всей вероятности, все же иная. В 1932 году на Кубани в станице вспыхнуло восстание. Вызвано оно было, как и крестьянские бунты в Тамбовской и Воронежской губерниях, насильственной коллективизацией, а еще тем, что в порядке «расказначивания» молодых мужчин из станиц и городов бывшего Войска Донского, в то время Северо-Кавказского края, начали, тоже насильно, зачастую разделяя семьи, отправлять на работу в северные районы страны.

Вострецов в то время командовал 9-м стрелковым корпусом, его штаб находился в Новочеркасске. Местные органы власти, милиция, чекисты не справлялись с ситуацией, и все чаще приходилось прибегать к силе красноармейского штыка. Вострецов не давал согласия на участие частей и подразделений своего корпуса в «проведении политики партии» в жизнь в казачьих станицах. Вошел в глубокий конфликт с партийцами. Этот конфликт и «расшатал нервы» комкора окончательно.

У каждого солдата и молодого командира тех лет был свой кумир. У кого-то — Василий Иванович Чапаев. У кого-то — Василий Константинович Блюхер. У кого-то — Семен Михайлович Буденный. Для командира 6-й стрелковой роты 106-го Сахалинского полка 36-й стрелковой дивизии героем, по которому он и строил свою жизнь, стал командир корпуса краском Степан Сергеевич Вострецов.

Конечно, Иван Иванович Федюнинский знал об истинных мотивах самоубийства Вострецова. Внутреннее нежелание воевать со своими соотечественниками проявилось еще на Дальнем Востоке, когда Вострецов, командир особого экспедиционного отряда, получил приказ ликвидировать «банду генерала Пепеляева». Жизнь и смерть краскома Вострецова были, по меркам того времени, высоким нравственным ориентиром.

...Между тем бой продолжался.

Соседний 107-й Владимирский стрелковый полк атакой, усиленной артиллерией и танками, овладел сопкой № 9. Тем временем 108-й Белореченский полк захватил сопки Жаба и Кольцо.

Наступление развивалось. В небе появились самолеты 26-й отдельной легкобомбардировочной эскадрильи. Атаки на укрепрайоны и узлы сопротивления поддерживали танки. К исходу 17 ноября 1929 года части Забайкальской группы охватили позиции противника в районе города Чжалайнор и станции Маньчжурия. В «котле» оказалась основная часть маньчжурской группировки численностью до девяти тысяч солдат и офицеров.

Сахалинский полк стоял фронтом к сопкам, за которыми лежал Чжалайнор, и отбивал отчаянные атаки китайцев, которые пытались деблокировать окруженных. На отдельных участках дело доходило до штыковых атак.

И вот наконец враг дрогнул и начал отход. Дивизия пошла вперед, заняла гряду сопек, а затем вышла к западным окраинам Чжалайнора. «В это время, — вспоминал Федюнинский, — 5-я Кубанская кавалерийская бригада К. К. Рокоссовского, перерезав железную дорогу, вышла в тыл чжалайнорской группировке врага. Белокитайцы не раз контратаковали

части кавбригады во фланг, но безуспешно. В 12 часов 18 ноября 108-й полк при поддержке 5-й кавалерийской бригады занял Чжалайнор, взяв в плен около 500 солдат и офицеров врага и трофеи».

После взятия Чжалайнора 36-я дивизия была переброшена на ликвидацию маньчжурского «котла». Окруженные постоянно атаковали, пытаясь вырваться на юго-восток через перевалы. Но все попытки пресекались заставами Владимирского и Сахалинского стрелковых полков. На усиление участка, занимаемого 36-й дивизией, Вострецов передал Бурят-Монгольский кавалерийский дивизион и 5-ю Кубанскую кавалерийскую бригаду К. К. Рокоссовского. Кавалеристы действовали молниеносно, перехватывали те немногочисленные группы китайцев, которым удавалось во время очередной атаки просочиться через боевые порядки дивизии. И вскоре противник понял, что «котел» заклепан и запаян намертво.

Начались переговоры. Вострецов предложил окруженным сложить оружие. Китайская сторона на ультиматум вначале отвечала уклончиво. Потом, делать нечего, уступила. 36-я и 21-я стрелковые дивизии Забайкальской группы вошли в город и приняли капитуляцию маньчжурского гарнизона. Командующий группировкой генерал Лян Чжуцзян укрылся в японском консульстве, но вскоре его оттуда выставили и он предстал перед Вострецовым.

После допроса генерала Ляна Вострецов вышел к пленным китайцам и через переводчика сказал им, что их жизнь в безопасности, что генерал Лян тоже в плену и сейчас решается вопрос, когда они смогут быть свободными. Пленные закивали головами: «Красная солдат шибко воюй, большой капитана забирай!»

«Большим капитаном» китайские солдаты называли генерала.

Двадцатого ноября 1929 года В. К. Блюхер писал Народному комиссару обороны К. Е. Ворошилову: «Чжалайнор занят 18 ноября. Вторым ударом занят г. Маньчжурия 20 ноября. Бой за Чжалайнор длился двое суток. Противник, несмотря на превосходство нашей техники и полное окружение, оказывал небывалое по упорству сопротивление».

Чжалайнор и Маньчжурия были противником настолько укреплены, что полевая и гаубичная артиллерия не пробивала верхних перекрытий окопов и блиндажей. Несмотря на это, разгромлены полностью 15-я и 17-я смешанные бригады противника. В результате боев взято свыше восьми тысяч пленных и около тысячи раненых солдат. В числе пленных захвачен командующий Северо-Западным фронтом генерал Лян Чжуцзян со своим штабом и около 250 офицеров. Противник потерял убитыми около

полутора тысяч.

Нами взята почти вся имеющаяся артиллерия, два бронепоезда, большое количество военного имущества, снаряжение, оружие и прочее.

...Наши войска дрались отлично, проявляя высокую доблесть и героизм. Настроение войск отличное».

Забайкальской группе потребовалось всего четверо суток для того, чтобы разгромить крупную группировку китайских войск в районах Чжалайнора и Маньчжурии. Дальше войска двинулись на Мишаньфу и Хайлар. Оба города были вскоре заняты советскими войсками. Под Мишаньфу противник потерял до 1500 убитыми. Хайлар китайцы оставили без боя. Город был разграблен, на улицах лежали тела зверски убитых железнодорожников.

С падением Хайлара и подавлением последних очагов сопротивления китайской армии судьба дальнейшего использования Китайско-Восточной железной дороги была решена в пользу СССР. Требования советской стороны были приняты китайским правительством. 23 декабря в Хабаровске обе стороны подписали соглашение, по которому китайцы обязались восстановить прежнее положение на КВЖД, разоружить отряды белогвардейцев и выслать их командиров из Маньчжурии. Ни одного пункта, унижающего побежденную сторону, советское правительство в соглашение не внесло. 8 января 1930 года по Китайско-Восточной железной дороге пошли поезда.

Бои на КВЖД отгремели. Ордена розданы. Убитые похоронены. Штабы проводили «разборки полетов».

«Маньчжуро-Чжалайнорская операция, — напишет годы спустя И. И. Федюнинский, — является первым примером операции на окружение, проведенной нашими войсками в период после иностранной интервенции и Гражданской войны. Особенность ее состояла в том, что в ней во взаимодействии с общевойсковыми соединениями принимали участие советские танки отечественной конструкции (МС-1) и авиация. Советские войска приобрели в этой операции немалый боевой опыт, который пригодился и в последующих боях в сражениях за нашу любимую Родину».

Глава четвертая

ХАЛХИНГОЛ

*«К рассвету разгромить японцев на Баин-Цагане.
Жуков».*

Дивизия возвращалась из Китая на родину победительницей. За образцовое выполнение приказов командования ей присвоили звание Краснознаменной. Командующий ОДВА Блюхер на торжественном построении прикрепил к ее боевому стягу орден Красного Знамени.

Войска возвращались в свои казармы к местам постоянной дислокации. Началась повседневная боевая учеба. 36-я стрелковая дивизия прибыла в Читу. Жители города встречали победителей с оркестром. Среди встречающих состав с Сахалинским полком были жены командиров. Еще издали Федюнинский увидел на перроне Елену Владимировну. Не раз потом она будет встречать мужа из дальних походов, навещать в госпиталях.

Лето 1938 года. Мир все еще держался за край пропасти, но в Европе уже пахло порохом. Войска маршировали, правда, пока вокруг своих казарм, на полигонах отрабатывали приемы современного боя. В штабах верстались секретные планы. Заводы спешно переналаживались на выпуск танков, артиллерийских орудий, самолетов, стрелкового оружия, другого воинского снаряжения. Европа готовилась к Мюнхенскому сговору: Англия, Франция, Германия и Италия делили за чужой счет сферы своего влияния. Уже в сентябре германские войска войдут в Судетскую область Чехословакии. Азарт хищника охватит и Польшу — они потребуют свою долю от распадающейся Чехословакии — Тишинскую область, считавшуюся спорной. Но, как известно, все спорное в смутные времена отходит сильному. Польша пойдет и дальше: предложит «возможность присоединения Варшавы к Антикоминтерновскому пакту», с условием, что Германия уступит ей Украину с выходом к Черному морю. Пепел Речи Посполитой стучал в груди Польши...

Германия, в свою очередь, грезилась решением проблемы «Данцигского коридора», отделяющего от нее Восточную Пруссию. Европа склонялась к тому, чтобы проблему эту поскорее решить — но решать ее нужно было за счет польских земель. В британских газетах появились статьи с

заголовками вроде такого: «Если немцы так могущественны, не должны ли мы пойти вместе с ними?». Но все компромиссы, ущемляющие национальные интересы, как правило, ведут к худшему. Сбывалось пророчество Черчилля, произнесенное им в речи во время выступления в палате общин: «У вас был выбор между войной и бесчестьем. Вы выбрали бесчестье, теперь вы получите войну».

Не пройдет и года, как она загрохочет на полях Европы, а потом перекинется и на другие континенты. Уже в апреле 1939 года Гитлер подпишет приказ о начале операции «Вайс» — вторжения в Польшу.

В Испании между тем уже полыхало.

Неспокойно было и на Дальнем Востоке.

Федюнинский к тому времени был переведен в 108-й стрелковый Белореченский полк на должность заместителя командира полка по хозяйственной части. На первый взгляд странно: боевого командира, отличившегося в сражении на КВЖД, орденоснца запикивают в завхозы... По всей вероятности, дело обстояло следующим образом. К тому времени он получил очередное воинское звание — «подполковник», — а подполковничья вакансия открылась только в соседнем полку. Так он на время стал хозяйственником, и это ему в дальнейшем всегда помогало. Война — это на 60–80 процентов снабжение, обеспечение, расквартирование, одним словом, хорошо налаженный тыл и подвоз.

Однажды ночью полк подняли по тревоге. Поступил приказ: следовать на железнодорожную станцию и грузиться в эшелоны. Куда дальше? Почему подняли так спешно — по тревоге? Никто в штабе не мог толком объяснить такую внезапность и спешку. Эшелоны один за другим двинулись. Стало понятно хотя бы одно — на восток. Утром прибыли в Улан-Удэ. Выгрузились. Только теперь стало известно, что в тупиках станции выгружаются и другие полки дивизии — Владимирский, Сахалинский и Волжский артиллерийский.

Дальше двинулись колоннами. Шли на юг, к границе. В Кяхте остановились. После короткого привала личный состав построили и зачитали приказ: по договору с монгольским правительством дивизия передислоцируется в МНР для несения службы.

Япония еще в начале 1930-х годов захватила Маньчжурию. В 1937 году ее войска напали на Китай, захватили Пекин и Нанкин, тогдашнюю столицу, где устроили чудовищную резню. Начало освоения самураями Азиатского материка было положено. Все грезил империями. Имперский дух был разлит по всему земному шару.

Правительство Монгольской Народной Республики, опасаясь японской

агрессии, в 1936 году заключило с СССР соглашение об оказании взаимной помощи и поддержки в случае, если одна из стран — участниц соглашения подвергнется нападению со стороны какого-либо третьего государства.

И вот первый шаг в оказании взаимной помощи Монголии был сделан. Через границу перебрасывались советские войска, в том числе 36-я дивизия, которая стала именоваться мотострелковой. Правда, моторизация ее в основном пока заключалась в том, что пехоту посадили на машины. Грузовики мобилизовали в народном хозяйстве — собрали в Улан-Удэ по всем предприятиям, организациям и учреждениям вместе с водителями.

Дивизия в свое время формировалась во Владимире и Казани. Пополнение шло из Сибири и Забайкалья. Потомки казаков и первопроходцев, охотники, люди, привычные к суровому климату и любым испытаниям.

Колонна дошла до Улан-Батора. «В то время Улан-Батор был небольшим городком азиатского типа, — вспоминал Федюнинский. — Юрты и буддийские монастыри являлись главными его достопримечательностями. Основное население составляли служители буддийского культа — ламы, которых тогда насчитывалось в городе около 8 тыс. человек. И только в период надомы (монгольский праздник. — С. М.) Улан-Батор становился многолюдным. Сюда собирались араты со всей округи, и на окраинах вырастал еще один город из тысячи юрт».

Кто-то из белогвардейцев, которые жили здесь до прихода летом 1921 года Красной армии, называли Ургу (такое имя город носил до 1924 года) большим аулом. Тем не менее там проживала довольно многочисленная русская колония. Продолжало работать русское консульство, учрежденное еще царским правительством. Действовало более двадцати торговых фирм, кожевенный завод, банк. В феврале 1921 года в Ургу ворвалась Азиатская дивизия барона Унгерна. В городе началась резня, унгерновцы без суда и следствия (эти институты в Азиатской никогда не вводились, судьбу подозреваемых единолично решал командир) убивали большевиков, китайцев, евреев и просто проявивших какие-либо признаки нелояльности к режиму, который установил «повелитель пустыни» со своим разношерстным, будто из преисподней явившимся войском. Через полгода Азиатская дивизия ушла в «поход на Русь» и там, в Даурии и Бурятии, в боях с частями 5-й армии РККА была разбита и рассеяна. «Дикого барона» схватили и вскоре расстреляли по приговору Чрезвычайного трибунала в Новониколаевске.

В истории Гражданской войны Роман Федорович Унгерн-Штернберг — фигура на нынешний взгляд экзотическая — но кого только не выносили

тогда бурные волны истории на поверхность! Идеей-фикс Унгерна было восстановление в Китае маньчжурской династии Цин, возрождение Поднебесной империи, формирование войска из азиатов и поход «до Португалии», до последнего моря, куда некогда стремился Чингисхан. Целью похода было освобождение буржуазной Европы, исцеление ее от разложения, а по пути — очищение от большевизма. Кстати, в орде Унгерна оказался и отряд тоболяков во главе с полковником Николаем Казагранди. Самого Казагранди в конце концов расстреляют по приказанию барона — пути гражданских войн извилисты.

В своих мемуарах Федюнинский о бароне Унгерне и его Азиатской дивизии даже не упоминает. Хотя наверняка в Улан-Баторе слышал рассказы о зверствах унгерновцев, которые не щадили даже монахов буддийских монастырей и малолетних послушников. Не только по столице и окрестностям, но и по всей Монголии ходили легенды о бароне и его жестокости. Остатки его отрядов расплылись. Часть ушла в Харбин. Часть — в другие районы Китая. Часть — в Индию. Некоторые даже добрались до Тибета. Часть вернулась на родину, в Россию. А самые непримиримые продолжали сражаться, появляясь в рядах то китайских гаминов, то японских войск. Будут они и среди японцев на Хасане и ХалхинГоле.

Впечатления о Монголии остались яркие. Всю жизнь Иван Иванович Федюнинский любил вспоминать некоторые курьезные случаи и истории, в которых иногда, не зная местных обычаев, оказывались красноармейцы. А порой и сами невольно создавали их. «В то время в Улан-Баторе считались священными рыбы и собаки, — рассказывал генерал. — И тех и других здесь было много. Должен сказать, что наши водители, не зная, что собака является священной, не проявляли особой осторожности и наезжали на них. Это вызывало недовольство буддийского духовенства, и мы вынуждены были принять серьезные меры, считаясь с настроениями и обычаями населения. А с рыбой дело доходило до курьезов. Кто из нас не любил ловить ее! Почти каждый красноармеец считал себя рыбаком. Часто самодельными снастями они пытались ловить рыбу на реках Тола и Керулен. И как только появлялся «рыбак», сразу же приходил лама. Рыба клевала хорошо. И когда воин вытаскивал рыбу, радуясь своему успеху, к нему подходил огорченный лама, покупал ее и возвращал обратно в реку. Командование было вынуждено прекратить рыболовные страсти красноармейцев».

Белореченскому полку власти Улан-Батора отвели участок гористой местности на окраине города. Голое место, к тому же неудобное для какого-либо строительства. Личный состав жил в палатках, но надо было

готовиться к зиме. Зимой, на монгольских ветрах, в палатке не выжить. Решили строить землянки. Леса в окрестностях Улан-Батора не было. Кругляк и пиломатериалы возили из Кяхты. Рыли котлованы, рубили срубы и опускали их под землю. Казармы под землей — необычно. Зато надежно. Тепло. Безопасно.

Командование полка разместилось в юртах.

Забот у Федюнинского в эти дни было невпроворот.

«Позднее нам разрешили взять семьи, — вспоминал он о Монголии. — Им тоже построили землянки. Так на окраине Улан-Батора появился военный городок, или, как его называли, «копай-город». Конечно, жить в землянках, особенно семейным, было не очень-то приятно — тесно и неуютно, но, как гласит пословица, «в тесноте, да не обиде». Самое главное — зимой в землянках не мерзли. Хуже было, когда наступила весна, а вместе с ней и весенние дожди. Вспоминаю свою землянку, в которой жил с женой. Потолок в ней был из картона, а стены покрыты далимбой (монгольский хлопчатобумажный материал). Однажды весной прихожу домой пообедать и вижу такую картину: вся посуда стоит на полу, а в нее с потолка и стен стекает вода.

— Ничего не поделаешь, дорогой, — сказала жена, виновато улыбаясь, — придется сегодня остаться без обеда. Иначе утонем здесь.

— Не волнуйся, — успокоил я ее, — обойдусь сегодня и без обеда. Не умру.

...Мы знали, что пришли сюда не ради удовольствия, а ради того, чтобы выполнить приказ Родины, помочь Монгольской Народной Республике отразить возможную агрессию, угроза которой, по всем данным, быстро надвигалась. Японские войска непрерывно сосредоточивались на границах с МНР. Вот-вот должна была разразиться гроза. Мы это чувствовали все явственнее».

Японцы называли Монголию «двусмысленной территорией», имея в виду прежде всего ее несамостоятельность. Генерал Араки говорил: «Монголия должна быть в любом случае территорией, принадлежащей нам».

Планы Японии были грандиозны. Следующей целью было Приморье. А потом — атака на запад, в глубину Сибири, с целью — «Великая Япония до Урала».

С января 1939 года начались провокации на границе. Японские солдаты и союзные им баргуты (одно из монгольских племен) совершили ряд нападений на заставы и пограничные посты. 11 мая батальон японцев с минометами и пулеметами напал на монгольскую пограничную заставу в

районе Номон-Хан — Бурд-Обо. Немногочисленный пограничный отряд вынужден был отступить к реке ХалхинГол. На помощь пограничникам пришли войска. Завязался бой, в ходе которого японцы были отброшены за пределы границы. Но буквально через три дня несколько эскадронов кавалерии противника заняли Дунгур-Обо и вышли к реке ХалхинГол, оседлали гряду высот и начали окапываться. На следующий день к ним присоединились еще 700 всадников. Затем подошли колонна бронетехники и грузовики с пехотой и боеприпасами. 15 мая японская авиация начала бомбить военные и гражданские объекты, расположенные на монгольской территории.

Позицию для решающего сражения японцы выбрали удобную, выгодную во всех отношениях — цепь высот, господствующих над равниной, река, препятствующая противнику производить какой-либо маневр, топкие обрывистые берега, которые исключают участие танков в атаке на высоты. К тому же отсюда, в случае победы, можно начинать наступление на север и северо-запад, в Забайкалье. Здесь, на ХалхинГоле, японцы строили свой трамплин для прыжка на северо-запад. В случае же неудачи можно легко отступить, «не теряя лица», то есть вывести основную массу войск из-под удара. Азарт японцев подогревало еще и желание поскорее взять реванш за проигранное сражение у озера Хасан.

*

Как отмечают историки, «с формальной точки зрения подобный инцидент выглядел бы как столкновение Монгольской Народной Республики и Маньчжоу-Го (марионеточного государственного образования, созданного японцами после оккупации Маньчжурии). Фактически же за их спинами стояли Советский Союз и Япония».

Наше командование, располагая точными разведданными и осознавая всю сложность создавшихся обстоятельств, тоже вело приготовления. В Монголии уже стоял 57-й особый стрелковый корпус. Его привел из Кяхты вглубь Монголии будущий Маршал Советского Союза, а тогда комдив И. С. Конев. В состав корпуса входила и 36-я мотострелковая дивизия. Корпус Конева насчитывал 30 тысяч войск, 280 бронемашин, 265 танков, 107 самолетов различных типов. Части Квантунской армии в то время ничем подобным не располагали. Вскоре командование корпусом примет комкор Г. К. Жуков. Корпус значительно усилят и реорганизуют в 1-ю армейскую группу.

Реорганизация произошла и в 36-й мотострелковой дивизии. Полки получили новые номера. 108-й Белореченский получил наименование 149-го мотострелкового.

В последних числах мая 1939 года поступил приказ: форсированным маршем выдвинуться в направлении Тамсаг-Булака. Шли к границе, к реке ХалхинГол. Там уже шли бои. Японцы силами нескольких пехотных полков и баргутской кавалерии при поддержке артиллерии, бронемашин и авиации атаковали позиции монгольских войск, потеснили их и охватили левый фланг частей и подразделений, занимавших позиции на восточном берегу ХалхинГо-ла. В бой вынуждены были вступить части Красной армии.

Обо всем этом бойцы и командиры 149-го полка узнали на марше от политработников. Колонны ускорили движение, чтобы как можно быстрее влиться в ряды сражающихся войск.

Японцы между тем наращивали удар, вводили в наметившийся прорыв свежие части. Вскоре возникла угроза потери переправы, после чего войска, находившиеся на плацдарме, оказались бы отрезанными от основных сил 1-й армейской группы. Контратакой немногочисленных резервов и прибывшего к Халхин-Голу 149-го полка прорыв японцев был ликвидирован и фронт восстановлен.

Как это было...

«К середине дня, — вспоминал Федюнинский, — к месту боя примчался (в буквальном смысле этого слова) на автомашинах наш полк. Не дожидаясь сосредоточения всех сил, он с ходу устремился на противника. Но вначале, надо признаться, произошла досадная заминка. Местность для нас была незнакомой, распоряжения отдавались наспех. В результате подразделения на короткое время потеряли ориентацию. Вспоминаю, как 1-й батальон, преодолев реку ХалхинГол, резко изменил направление своего наступления, стремясь обойти барханы, труднопроходимые не только для техники, но и для пехоты. Невольно изменил направление и другой батальон, которым командовал капитан Николай Николаевич Зайюльев. Он развернулся левее 1-го батальона. Возникла острая необходимость немедленно выправить положение, иначе удар по противнику мог получиться разрозненным, словно растопыренными пальцами, и фланги батальонов попали бы под огонь японцев. Но как этого добиться? Ведь связь отсутствовала. И тогда командир полка решил послать в 1-й батальон начальника штаба, а меня — в батальон Зайюльева. Нам предстояло не допустить смешивания боевых порядков подразделений, объединить и согласовать их удары. Общими усилиями положение было выправлено. Хотя удар получился не такой

мощный, как бы нам хотелось, противника удалось остановить. Действия наших батальонов охладили пыл наступающих японцев. Понеся чувствительные потери, они в тот день прекратили атаки. Наступила первая ночь после боя. Ночь тревожная, бессонная. То здесь, то там вспыхивали перестрелки, хотя ни с нашей стороны, ни со стороны японцев активных действий не велось, если не считать работы разведки».

Полк принял участок фронта, окапывался, устраивался. Связисты налаживали телефонную связь — радиостанций в войсках тогда еще не было. Телефонной связью соединили батальоны, роты. Одну нитку протянули до Тамсаг-Булака, на командный пункт комкора Жукова.

Ночью Федюнинский обошел все подразделения, которые ему поручил комполка, проверил их готовность, обеспеченность боеприпасами. Поговорил с бойцами. Настрой у всех был решительный.

Наступило утро 29 мая 1939 года.

После короткой артиллерийской подготовки части 1-й армейской группы поднялись в атаку. Достигли первой траншеи. Обрушили приклады и штыки на ошеломленных японцев и баргутов. Однако те не дрогнули, своих окопов не бросали, защищались до последнего в рукопашном бою.

Траншейный бой — самый трудный для пехоты. Когда бойцы с обеих сторон остаются один на один. Когда артиллерия и минометы либо переносят свой огонь в глубину обороны противника, либо замолкают совсем. Когда невозможно стрелять пулеметчикам, потому что везде — и чужие, и свои, все перепутано. Когда израсходована обойма, остались два-три патрона, защелкнутые в магазин еще на подходе к линии окопов, а новую обойму заряжать уже поздно: закопошишься с подсумком, отвлечешься от главного, и тебе в это время прикладом разнесут голову... Траншейный бой — работа особенная. Противники здесь сходятся грудь в грудь, глаза в глаза. Гранаты тоже, как правило, расходуются в первые минуты схватки. А потом — штыком и прикладом, кулаком и зубами. Японские офицеры кидались навстречу с обнаженными самурайскими мечами — острыми, как бритва, катанами. Рукопашная — дело страшное. Лязг железа о железо, хруст костей, человеческий рев, крики, стоны...

К 16 часам батальоны 149-го полка, пройдя буквально по головам японцев и баргутов, достигли высоты на восточном берегу Халхин-Гола. Захватили еще одну траншею. Дальше продвинуться не удалось. Сверху плотным ружейно-пулеметным огнем и артиллерией японцы перекрыли все подступы к высоте.

Вскоре стрельба начала стихать, и наконец наступило затишье.

Наблюдатели засекли движение автотранспорта противника — с

востока к позициям японцев двигалась колонна грузовиков. Подводят резервы? Готовят новую атаку?

Федюнинский побежал по траншее, подбадривая красноармейцев, чтобы они не расслаблялись и готовились к отражению возможной контратаки.

Но контратаки не последовало.

Выслали разведку. Разведчики вскоре вернулись, доложили: японцев в окопах нет, погрузились на машины и уехали...

Первый бой Квантунская армия проиграла. Японцы потеряли до 400 человек убитыми, много боевой техники и отошли на линию государственной границы.

Начали подсчитывать потери и трофеи. Переправили в тыл пленных японских солдат и офицеров, захваченных во время траншейных схваток. Среди трофеев обнаружилось довольно экзотическое. В полевых сумках офицеров и солдатских ранцах часто попадались пузырьки с опиумом. В окопах валялись бутылки из-под рисовой водки. Когда не помогали штык и катана, для поддержки самурайского духа японцам выдавали более простое и проверенное средство.

Все армии мира в трудное время поддерживали солдатскую стойкость спиртным. В вермахте вдобавок к шнапсу будут выдавать первитин — легкий наркотик в таблетках. «Наркомовские» сто грамм будут давать и в Красной армии.

Первый, майский период боев на реке ХалхинГол завершился. Враг убрался восвояси — как вскоре выяснится, ненадолго. В частях и соединениях 1-й армейской группы проводили перегруппировку, обсуждали итоги первого столкновения, готовились к следующему.

Кончался июнь.

В один из дней Федюнинского вызвали в штаб дивизии. Командир дивизии Иван Петрович Дорофеев сказал:

— Принимай, Иван Иванович, свой полк!

— Какой — свой? — растерялся Федюнинский.

— Двадцать четвертый! Бывший Сто шестой Сахалинский! В котором ты командовал шестой ротой!

Это было радостным назначением. Он возвращался к своим боевым товарищам, с которыми плечом к плечу сражался на КВЖД, с кем хлебал из одного котелка под Чжа-лайнором и трофейной казачьей шашкой делил мерзлый хлеб на разъезде Абагайтуй.

Полк тем временем находился в резерве командующего 1-й армейской группой и располагался в районе Тамсаг-Булака. Личный состав после

семисоткилометрового марша отдыхал и приводил себя в порядок.

К тому времени Федюнинский прослужил в Забайкалье уже пятнадцать лет, из них три с половиной года в Даурии. По сути дела, становление его как командира Красной армии происходило здесь — на полигонах, в летних лагерях, в боях и походах. А потому многих командиров знал в лицо. Многие знали его. В 24-м мотострелковом полку он, к своей радости, застал почти весь прежний командный состав: комиссара полка старшего политрука Ивана Васильевича Щелчкова, заместителя командира полка майора Акима Семеновича Белякова, начальника штаба капитана Василия Васильевича Полунина. Старыми знакомыми оказались и комбаты Соловьев, Кожухов и Завьялов. Поэтому для знакомства и притирки времени не понадобилось, сразу взялись за дело сообща, единым коллективом.

Позже Федюнинский узнал, что за его назначением стоял командующий 1-й армейской группой комкор Г. К. Жуков.

Разведка доносила: японцы подводят к границе новые соединения и сосредоточивают их в непосредственной близости к участку, атакованному в мае и потому хорошо знакомому им.

Полк — главная школа для будущего полководца. Федюнинского назначили на полк, по сути дела, в бою. Он принял 24-й мотострелковый во время короткой паузы между майской и июньской атаками японцев.

Уже в двадцатых числах июня 1939 года японская авиация возобновила интенсивность полетов. Бомбили позиции на западном и восточном берегах Халхин-Гола, разведчики же пытались залететь в глубокий тыл. По инициативе Жукова была усилена авиационная группировка. Из внутренних военных округов Москва прислала лучших воздушных асов. Наши истребители перехватывали японцев, не позволяя им хозяйничать в небе Монголии. Постепенно инициатива перешла к ним.

Резкое оживление в воздухе, попытка японской воздушной разведки обследовать тылы свидетельствовали о явном — японцы вот-вот ударят снова. Уже после боев были захвачены многие штабные документы соединений и частей Квантунской армии. Среди них приказ командира 23-й пехотной дивизии японских войск генерала Мититаро Комацубары: «Дивизии главными силами переправиться через реку ХалхинГол, захватить войска противника и уничтожить их».

В район боевых действий были приглашены иностранные корреспонденты и военные атташе японских союзников — Германии и Италии. Планировался триумф, показательная победа над Красной армией с последующей публикацией панорамных фотографий, которые бы

наглядно демонстрировали этот разгром.

Японская группировка превосходила численностью силы 1-й армейской группы. Поэтому Жуков попросил Москву в срочном порядке усилить вверенную ему группировку. В район Тамсаг-Булака были спешно переброшены 11-я танковая бригада, 7-я, 8-я и 9-я мотоброневые бригады, тяжелый артиллерийский дивизион, свыше 100 истребителей. Сюда же, на ХалхинГол, была передислоцирована 8-я кавалерийская дивизия Монгольской народно-революционной армии.

Плацдарм на восточном берегу по-прежнему удерживался. По замыслу штаба 1-й армейской группы, противника предполагалось измотать в оборонительном бою, истощить его ресурсы, а затем «сокрушить сильными контратаками из глубины». Для обеспечения маневра резервных соединений и успеха планируемых контратак нужен был плацдарм. На него и сидела костью в горле у японцев 36-я мотострелковая дивизия, сидела прочно, основательно.

В ночь на 2 июля 1939 года полк Федюнинского был поднят по тревоге и получил задачу «ускоренным маршем следовать в район озер — 25–30 километров западнее горы Хамар-Даба». Туда же командование армейской группы перебрасывало основную часть подвижного резерва — 11 — ю танковую и 7-ю мотоброневую бригады.

Марш проходил в высоком темпе. 24-й мотострелковый полк двигался четырьмя колоннами. С воздуха группировку прикрывал целый истребительный полк. Несколько раз японские самолеты пытались прорваться к колоннам, но всякий раз «сталинские соколы» перехватывали их, навязывали воздушный бой и либо сбивали, либо отгоняли от маршрутных путей полка и бригад.

Пехота с земли наблюдала за действиями авиации, за схватками и поединками «сталинских соколов» и пилотов «зеро». Один из таких эпизодов любил рассказывать Федюнинский, когда его спрашивали о той необъявленной войне в монгольской пустыне: «Одному японскому самолету удалось прорваться через заслон наших истребителей, и он зашел для атаки колонны полка. Однако тут же к нему устремился наш истребитель. Воздушный бой разгорелся прямо над нашими головами. Самолеты выписывали фигуры высшего пилотажа, а мы с замиранием сердца следили за нашей краснозвездной машиной, болея за летчика.

Наконец наш истребитель оказался в хвосте у вражеского, и тут же к японскому самолету потянулись огненные трассы. Он загорелся и, кувыряясь, стал беспорядочно падать вниз. Метрах в трехстах от нас взметнулся столб огня и дыма.

Советский самолет сделал круг над нашей колонной и взял направление к своей группе. И тут на него напали четыре японских самолета. Я даже не заметил, откуда они появились. Наш самолет маневрировал, уходя от непрерывных атак врага. Самураи наседали — сказывалось численное превосходство, — и очень туго пришлось бы нашему соколу, если бы ему на выручку не пришел товарищ, который отвлек на себя часть вражеских самолетов. Воспользовавшись этим, советский летчик нырнул в облака, но через несколько секунд появился вновь, сразу ринувшись в атаку, чтобы помочь своему спасителю, которого атаквали те же четыре японских самолета. Снова началась карусель, небо прочертили трассы пуль. Наконец японцы не выдержали и покинули место схватки.

Впоследствии я узнал, что мужественно сражался с врагом, защищая нашу колонну, летчик-истребитель Юдаев».

В тот же день, 2 июля, японцы атаквали в направлении горы Баин-Цаган с целью как можно скорее выйти к реке ХалхинГол. Началось главное сражение этой во многом странной, кратковременной, но чрезвычайно жестокой войны.

К исходу дня, наращивая удар, японцы ввели в дело до 80 танков. В результате этой атаки противник сбил боевое охранение 149-го полка и 9-й мотоброневой бригады, отеснил боевые порядки левого фланга советско-монгольских частей и местами вклинился в их оборону. На отдельных участках линия фронта оказалась разорванной, и противник хлынул вглубь, к позициям артиллеристов. Как известно, самый опасный враг артиллерии, которая работает с закрытых позиций, — прорвавшаяся пехота противника. А тут японцы действовали с танковым усилением. Однако артиллеристы вовремя обнаружили прорыв, поставили орудия на прямую наводку и открыли огонь по танкам и пехоте.

В этот день на плацдарме артиллеристы уничтожили 30 танков. Одиннадцать японских танкистов, в том числе три офицера, были взяты в плен.

Противник был остановлен. К ночи атаки прекратились, работала лишь разведка. По всей вероятности, она-то и обнаружила слабое место в советско-монгольской обороне. Ночью последовала атака. Два пехотных полка с артиллерией и минометами переправились через ХалхинГол, захватили гору Баин-Цаган и тут же начали окапываться, устраивая пулеметные гнезда, позиции противотанковой артиллерии и минометов. Впереди основной линии, в качестве боевого охранения, одиночные ячейки заняли солдаты-смертники. Они имели небольшой арсенал: гранату и

бутылку с бензином. Задачей смертников было дождаться танковой атаки и поразить ценою своей жизни первый же советский танк, который приблизится к тщательно замаскированному окопу.

Генерал Комацубара ликовал: в его руках была господствующая высота, все развивалось по тщательно разработанному плану, его солдаты действовали безупречно. Комацубара подвел из резерва еще несколько батальонов, более полутора десятков противотанковых батарей, десять батарей орудий калибра 75-мм, батарею тяжелых гаубиц, кавалерийские и другие части. Сила на Баин-Цагане и в окрестностях была собрана значительная.

Не дремал и штаб Жукова. Командование 1-й армейской группой вводило в бой резервы. В том числе 24-й полк подполковника Федюнинского. Еще во время марша, когда обстановка в районе Баин-Цагана начала резко осложняться в связи с мощной атакой японцев, Федюнинский получил приказ Жукова изменить направление движения и выйти в район озера Хуху-Усу-Нор для нанесения удара по противнику, который втянулся в сражение за Баин-Цаган своими основными силами, с запада. Там развертывалась еще одна группировка японских войск, которой командовал генерал Кобаяси. Эта группировка уже двигалась на усиление прорыва Комацубары. Появление на ее пути полка Федюнинского и других советских войск было совершенной неожиданностью.

Когда Жукову доложили о захвате японцами горы Баин-Цаган, он принял совершенно неожиданное решение: главными силами 11-й танковой бригады приказал нанести удар с севера, 2-му танковому батальону и бронедивизиону 8-й кавалерийской дивизии связать противника и не допустить его движения на юг, а 24-му мотострелковому полку ударить с северо-запада. Одновременно вся авиация была брошена для прикрытия этого маневра с воздуха. Главная роль отводилась 11-й танковой бригаде М. П. Яковлева^[7], и танкисты с честью ее выполнили. До сих пор Баин-Цаганское сражение или бои на реке ХалхинГол в памяти наших соотечественников ассоциируются в первую очередь с лихой атакой быстроходных БТ-7 и БТ-5 на позиции японцев.

Это решение командующего и то, как оно было исполнено, Иван Иванович Федюнинский комментировал и оценивал уже не как подполковник и командир мотострелкового полка, а как генерал, которому после ХалхинГол а довелось командовать армиями, управлять войсками фронтов. «Г. К. Жуков бросил на японцев 11-ю танковую, 7-ю мотоброневую бригады и отдельный монгольский броневой дивизион, зная, что враг успел создать на горе Баин-Цаган сильную противотанковую

оборону, что у него здесь свыше 100 противотанковых орудий и наши части понесут потери. Знал и сознательно пошел на такой рискованный шаг. Он понимал — другого выхода нет. Промедлить — значит вообще проиграть сражение.

И вот танковые части с ходу развернулись и с трех сторон ринулись на противника. Завязался жестокий бой. Как потом рассказал мне комбриг М. П. Яковлев, японская артиллерия открыла сильный огонь. Стали вспыхивать наши танки, но танкисты стремительно продвигались вперед, огнем и гусеницами сминая вражеские подразделения.

Первым на позиции врага ворвался взвод лейтенанта Кудряшева. Японские артиллеристы сосредоточили на нем весь огонь. Механики-водители, искусно маневрируя, не давали японским артиллеристам вести по ним прицельный огонь. Вслед за танкистами Кудряшева в расположение противника ворвались другие подразделения, а вскоре и вся бригада. Неудержимой лавиной танки все глубже и глубже врезались в оборону врага. Над полем боя стоял несмолкаемый гул. Рев моторов, выстрелы орудий, разрывы снарядов, треск пулеметов — все слилось воедино.

Как мы узнали потом от пленных, японцы были застигнуты явно врасплох. Они не ожидали такого мощного и дерзкого удара, зная, что к горе Баин-Цаган подошли только бронетанковые войска, и полагая, что без пехоты они не отважатся атаковать. Считали и просчитались. Первой не выдержала натиска наших танков баргутская конница. Оставив свои позиции, она в панике кинулась к реке ХалхинГол.

Остальные японские части продолжали оказывать еще упорное сопротивление, но остановить наступательный порыв советских танкистов было уже невозможно».

Да, это была потрясающая атака! Задумал ее человек дерзкий и решительный. И исполнил командир, обладавший такой же твердой волей. Жукова впоследствии, да и теперь порой, за эту атаку бранили и бранят на все лады. Мол, не по уставу. Неграмотно. Танки, без пехоты — на противотанковые пушки... Неуч, мясник, для которого солдатские жизни — ничто. И тому подобное. Но большинство военных, в особенности те, кто был тогда на ХалхинГоле, были восхищены той «неправильной» и «неуставной» атакой, которая коренным образом повлияла на исход всей битвы.

Конечно, и вне всякого сомнения, в Жукове в те часы и минуты, когда огнем и кровью писалась история Баин-Цаганского сражения, проснулся лихой кавалерист. И танковая атака была, по сути дела, кавалерийской атакой. Жуков бросил на японцев стальную лаву и выиграл бой, а затем и

сражение.

ХалхинГол родил много героев. Героем Советского Союза стал и полковник Федюнинский. Но об этом чуть позже. А пока он со своим полком отстал от танков комбрига Яковлева. Батальоны 24-го полка подошли к горе Баин-Цаган, когда бой уже затихал. Японцы отошли, бросив своих убитых и окопы, забитые вооружением, боеприпасами и бутылками саке.

Федюнинский отдал распоряжение командирам батальонов занимать позиции, а сам пошел разыскивать командира танковой бригады. На марше они были вместе. А потом, получив приказ изменить направление движения, комбриг Яковлев погнал свои легкие танки форсированным маршем. Пехота так быстро двигаться не могла, отстала.

— Запаздываешь, Иван Иванович! — издали окликнул его комбриг.

Яковлев стоял возле боевых машин одной из танковых рот и о чем-то возбужденно беседовал с экипажами. О бое, конечно. О том, как лихо они опрокинули японцев и баргутов, как кромсали их ряды огнем и гусеницами.

Федюнинский переживал, что полк подошел к Баин-Цагану, когда дело уже было сделано. А комбриг подливал масла в огонь.

— Если так дальше дело пойдет, — сказал он, подмигивая танкистам, — глядишь, и без пехоты с японцами управимся! Верно я говорю, ребята?

— Управимся, командир! — улыбались чумазые танкисты.

Многим из них после той атаки вручат ордена.

— Поздравляю, Михаил Павлович, с победой! Вас и ваши экипажи, — нашелся Федюнинский. — Полк, как видишь, подошел — не уводить же его обратно. Тем более, что гора пока в руках противника и брать ее, похоже, нам предстоит вместе. Так что давайте поговорим о взаимодействии.

Комбриг посмотрел на гору, указал на нее биноклем и сказал:

— Да, Иван Иванович, брать эту проклятую высоту придется нам. Будем ждать приказа.

Полк занимал позиции за левым флангом танковой бригады. Батальоны закапывались в горячий, нагретый солнцем песок.

Приказ вскоре поступил: танковой бригаде ударом с севера, 24-му мотострелковому полку ударом с северо-запада и с запада, 7-й мотобронебригаде ударом с юга окружить и уничтожить главную группировку противника.

Третьего июля после короткой артподготовки пошли в атаку. Бились за каждый окоп, за каждый камень. Казалось, снова все повторялось. Японцы

начали пятиться, но отходили с боем, собранно, цепляясь за каждую позицию. А потому каждый отбитый метр давался кровью. Бойцы изнывали от жары и жажды.

Во время боя водитель Громов посмотрел на изнуренное лицо своего командира полка, на пустую фляжку, которую подполковник время от времени нервно переключивал с места на место, и куда-то исчез. Жажда, как известно, сильнее голода, а на войне может стать самым жестоким противником. Река была рядом, но к берегу не пробраться. Японцы обстреливали все пространство вокруг, особенно прибрежную полосу.

Водитель Громов вскоре появился с солдатским котелком и протянул его командиру полка. Федюнинский глотнул. Вначале ему показалось, что это чай — котелок и его содержимое были горячими. Потом решил, что это подогретый квас. Снова глотнул. Поморщился. Квас или чай имел странный привкус.

— Что ты мне принес? — спросил Федюнинский Громова.

— Воду, — спокойно ответил тот.

— А где ты ее, такую вонючую, взял?

— Из радиатора слил.

Федюнинский внимательно заглянул в котелок — и снова глотнул. Жажда все же была сильнее.

— Из радиатора... А почему же она такая сладкая?

— Потому что я положил туда кусок сахара, чтобы было вкуснее.

Они разом рассмеялись.

Бой продолжался весь вечер и всю ночь.

Утром японцы организовали контратаку. Но вначале налетели самолеты, сбросили на позиции полка несколько бомб. Японцев тут же отогнали наши истребители. После первой контратаки последовала вторая, третья. Батальоны стояли как вкопанные. Федюнинский следил за ходом боя. Действия подразделений пока были верными и не требовали вмешательства и помощи.

Было уже за полудни, когда на КП 24-го полка прибыл начальник связи из штаба армейской группы и передал приказ и карту с пометками Жукова. Федюнинский развернул карту. Гору Баин-Цаган охватывала синяя черта — позиции противника. В нее вонзались красные стрелы. Приказ был изложен здесь же, на карте — красным карандашом наискось, размашисто: «К рассвету разгромить японцев на Баин-Цагане. Жуков».

Ни тогда, на Халхин-Голе, ни после, на протяжении всей огромной войны с Германией и ее союзниками, Федюнинский не получал и не получит столь краткого, ясного и категоричного приказа. «Очень сожалею,

— через годы напишет Иван Иванович, — что эта карта с приказом вместе с полевой сумкой остались в штабе полка, когда после ранения меня увезли в госпиталь. Однако чертеж, изображенный на карте, и написанные слова остались в моей памяти навсегда».

Надо было довести приказ до комбатов. Это — первое и пока самое главное. Как это сделать? Японцы не прекращают огня. Головы не поднять. До НП командиров батальонов триста — пятьсот метров, не больше. Но как их пройти? Послать связистов? Но кто останется на телефоне? Офицера связи, этого молоденького лейтенанта? Неопытный, первый раз в бою. Кинется выполнять приказ, потеряет осторожность — убьют. И сам погибнет, и приказа не выполнит. Федюнинский перевалился через бруствер и отполз на обратный скат высоты. Там стояла его машина. Возле нее сидел находчивый водитель, мастер добывать воду в пустыне.

— Громов, — позвал он водителя, — как ты думаешь, на большой скорости можем проскочить на передовую, в батальоны?

Громова, похоже, предстоящий маневр развеселил. Он живо выполз на гребень высоты, осмотрел дорогу, вернулся с горящими глазами и сказал:

— Конечно, проскочим! Японцы и глазом не успеют моргнуть, как мы будем на месте!

Сложность задуманной операции заключалась в том, что вначале дорога лежала прямо к японским окопам и только потом отворачивала в сторону. Но это, как оказалось, и помогло.

Машина на предельной скорости выскочила из-за барханов и понеслась прямо на Баин-Цаган. Японцы, видимо, опешили и подумали, что к ним едут парламентареры или перебежчики. На какое-то время они даже прекратили огонь. Возле окопов первого батальона Громов резко развернул машину и одновременно сбросил скорость. Федюнинский открыл дверцу и вывалился из машины, затем откатился и кубарем влетел в ближайший окоп. Громов тем временем развернул машину и рванул за сопку. Только тогда японцы разгадали маневр русских и открыли бешеный огонь. К счастью, ни одна из пуль не попала ни в Громова, ни в мотор командирской машины. Хотя пробоин в обшивке насчитали много.

Ночью полк атаковал. Это было уже третье взятие высоты. Ночной бой имеет свои особенности. С одной стороны, у атакующих есть существенное преимущество: к окопам противника можно подойти незаметно и затем обрушиться на него внезапно, завязать траншейный бой и овладеть первой линией. Но с другой стороны, если противник сидит в окопах прочно, если бодрствуют его боевые охранения и пулеметчиками пристреляна местность по фронту, все преимущества сводятся на нет. К

тому же за первой линией, как правило, находится вторая.

Бой шел всю ночь. К утру стрельба стала затихать. Федюнинский со своего окопа перебрался на НП одного из батальонов. Навстречу вышел капитан Завьялов. Лицо осунувшееся, бледное. Глаза блестят, как у зверя. По его виду было заметно, что ночной бой дался батальону нелегко. Позже Федюнинский узнал, что потери в ротах Завьялова были немалыми. Но в тот момент комбат, видимо, растерялся, к тому же сказалось нервное перенапряжение, и вместо того, чтобы доложить обстановку и о потерях, кинулся обнимать командира полка. Федюнинский все понял, похлопал капитана по плечу, успокоил, поздравил с победой. Завьялов устало улыбнулся и сказал:

— Отходят, бусурмане...

Танки 11-й легкой танковой бригады и тут оказались впереди. Они преследовали толпы бегущих японцев. Артиллерия тоже усилила огонь и, как следствие, панику среди бегущих.

Произошло это 5 июля 1939 года.

Федюнинский поднялся на гору Баин-Цаган. Ее склоны, изрезанные окопами и ходами сообщения, были буквально завалены трупами японцев и убитых лошадей, брошенным армейским имуществом, изуродованными орудиями, минометами, грузовиками.

Байн-Цаганское сражение закончилось полным разгромом главной группировки японцев. Остатки группировки Комацубары ушли на восточный берег. Но бои продолжались. Японцы провели перегруппировку и начали атаковать плацдарм. 8 июля в бою погиб командир 149-го мотострелкового полка майор И. М. Ремезов. 12 июля смертью храбрых пал командир 11-й танковой бригады комбриг М. П. Яковлев.

Тринадцатого июля наступило затишье. Измотанные безуспешными контратаками японцы перешли к обороне. Пользуясь установившейся паузой, Г. К. Жуков приказал отвести в тыл на отдых и пополнение части и подразделения, которые в предшествующих боях понесли особенно ощутимые потери. И 24-му полку пришлось еще сильнее растянуть по фронту свои батальоны, чтобы закрыть пространство, заполнить опустевшие окопы. Полк поддерживала рота пулеметно-стрелковой бригады, батарея противотанкового дивизиона и взвод огнеметных танков. А на закрытых позициях позади их окопов стояли два арtpолка, готовые открыть огонь в любой момент.

Задача была непростой. Командующий 1-й армейской группой вызвал Федюнинского на свой командный пункт, находившийся на сопке Хамар-Даба, и сказал:

— Учтите, дело очень серьезное и ответственное. Войска измотаны, им нужен отдых.

Федюнинский хотел было сказать, что и его полк понес серьезные потери и нуждается в отдыхе, но подумал, что его просьба может быть истолкована двусмысленно, как возражение и, более того, проявление слабости.

— Так что, Иван Иванович, подержитесь еще немного.

Федюнинский кивнул.

— Полк хорошо сражался в минувших боях, — продолжал Жуков. — Знаю, устали. Но знаю и другое: вам можно доверить участок фронта как никому.

— Приказ будет выполнен, — ответил Федюнинский.

Порученец принес чай, и разговор ушел в иное русло. Жуков поинтересовался службой Федюнинского до монгольской командировки, расспросил о семье. И вдруг сказал, кивнув на пилотку комполка, которую тот упорно не снимал даже за чаем:

— Головной убор-то снимите.

Федюнинский махнул рукой:

— Голова опухла. Комары, москиты... Каску надеть не могу. Ношу пилотку. Голова — сплошные нарывы.

— Так вот почему мне доносят: комполка, мол, Федюнинский даже во время боя каску не надевает! В санчасть! В санчасть!

— Пустое. Зайду, забинтуют. Я ведь к вам ехал — бинты снял. Чтобы лишних вопросов не было. Только вот пилотка и спасает. Вот разобьем японцев, товарищ комкор, тогда, пожалуй, голову можно доверить и врачам.

Жуков засмеялся:

— Ничего, Иван Иванович, комары — не японцы.

С той встречи на сопке Хамар-Даба и разговора о японцах и злых монгольских комарах началась дружба между двумя военачальниками. Военная карьера Жукова после разгрома японцев на ХалхинГоле резко пойдет вверх. По возвращении в Москву он будет награжден Золотой Звездой Героя Советского Союза и сразу, через одну ступень, получит звание генерала армии, а затем должность командующего войсками Киевского особого военного округа. Вскоре возглавит управление вновь созданного Южного фронта и поведет войска в Бессарабию и Северную Буковину. Украине и Молдавии будут возвращены области, принадлежавшие им до 1918 года и отторгнутые в результате войн и революционных потрясений. В историю эта фронтовая операция войдет под названием Второго Прутского похода — первый совершил А. В.

Суворов.

ХалхинГол изменит и судьбу Федюнинского. Он тоже получит свою Золотую Звезду, а затем и новое назначение. И тоже на запад.

«Золотой дождь» Халхин-Гола объяснялся тем, что победа над японцами имела не только военное, но и огромное политическое значение. Самураев отделали так, что они так и не осмелились переступить советскую границу на протяжении всей Второй мировой войны и сконцентрировали все свои усилия на островах в Тихом океане, воюя против флота и авиации США.

Но тогда, на КП 1-й армейской группы Жуков с Федюнинским пили чай, разговаривали и еще не знали, что очень скоро окажутся в обстоятельствах, в которых ХалхинГол и Байн-Цаганское сражение покажутся обычным боем, операцией масштаба не выше армейской.

Оборону 24-й полк тогда удержал. Батальоны растянули в тонкую ниточку. Каждую ночь дежурное подразделение — одно орудие и два пулемета с надежными расчетами — на грузовиках курсировало вдоль фронта и вело огонь по противнику из разных точек. Задумка удалась: засечь кочующую огневую группу японские наблюдатели не могли, а впечатление артиллеристы и пулеметчики создавали такое, что по всему фронту русские построили плотную оборону, насыщенную огневыми средствами. Штабу полка и командирам батальонов, рот и взводов в это время пришлось усилить ночное дежурство, чтобы не допустить захвата «языка» и проникновения японских разведгрупп в свой тыл.

Бои еще продолжались.

После захвата горы Баин-Цаган Федюнинскому присвоили звание полковника. Позвонил Жуков, поздравил.

Вскоре в полк прибыло пополнение — молодые бойцы и лейтенанты из Даурии. Пополнение было кстати. Тут же заполнили вакансии командиров рот и взводов.

Свой НП Федюнинский расположил на небольшой сопке. Сопка почти не выделялась на местности среди других холмов и возвышенностей. Блиндаж хорошенько замаскировали. Из смотровой щели прекрасно просматривалась окрестность, позиции советских войск и вдали — японцев. Рядом врылись в землю пулеметные расчеты, в том числе спаренные зенитные установки и два артиллерийских расчета — охрана полкового НП.

Наступила очередная ночь. Обычно ночью японцы бодрствовали, иногда атаковали. Усиленно работала их разведка. Затихали они только к утру. Один из артиллерийских расчетов окопал свое орудие шагах в

двадцати пяти от НП командира полка. Ночами Федюнинский, переняв обычай противника, не спал. Если японцы не атаквали, ложился только к утру, оставляя за себя начальника штаба или заместителя по строевой части. Часто выбирался в батальоны и роты. Слушал доклады командиров, беседовал с бойцами, осматривал позиции. Давал советы комбатам и ротным, слушал их советы. Зачастую именно их соображения ложились в основу частных операций. Уметь видеть поле — это еще и умение выслушивать командиров среднего и младшего звена. Это Федюнинский усвоил во время первых же боев. Да, да, именно мнение опытного сержанта или старшины стоило куда больше штабных предположений.

Командир взвода связи лейтенант Искра всегда был рядом.

Артиллеристы погромели котелками, поговорили и, похоже, улеглись. Примерно через час оттуда послышался истошный крик: «Японцы!» В голосе кричащего было столько ужаса, что лейтенант от неожиданности выронил из рук телефонную трубку.

Федюнинский тут же подал ему гранату и сам взял две. Первая мысль: японцы под покровом ночи проникли в расположение командного пункта, с минуты на минуту будут здесь...

Прислушались. На артиллерийской позиции слышались голоса, разговаривали спокойно, а потом грохнул дружный хохот. Смеялся весь расчет.

Федюнинский сунул одну из гранат в карман и пошел к артиллеристам, узнать, что же там произошло.

Командир расчета, старшина из старослужащих, едва сдерживая смех, доложил:

— Никаких происшествий, товарищ полковник, не случилось.

Оказалось, перед отбоем старшина, как всегда, оставил возле орудия часового-наблюдателя. Через сорок минут решил проверить, как тот несет службу. А боец был из недавнего пополнения, читинский.

— Гляжу, товарищ полковник, а мой казак положил голову на казенник своей родимой пушки и дремлет. Подкрался я к нему, потихоньку высвободил из рук винтовку, схватил за бока и говорю: «Каля-маля!» Ну, а он, видать, подумал, что японцы нас окружили... — Старшина покрутил усы и счел необходимым добавить: — Однако боец он хороший. Во время последнего боя не сплеховал, снаряды подносил, несмотря на обстрел.

— Зачем же вы так громко кричали? — спросил Федюнинский.

Подносчик снарядов с готовностью выпалил:

— Необходимо было срочно предупредить товарищей об опасности! — бойко ответил читинский.

— О какой опасности?

— О прорыве японцев, товарищ полковник.

— И где ваши японцы, товарищ боец?

Подносчик снарядов пожал плечами, покосился на старшину.

Артиллеристы снова дружно рассмеялись. А с ними и командир полка.

Подносчика снарядов пришлось все же отчитать.

— Пока объявляю замечание, но если подобное повторится, накажу со всей строгостью. Вы поняли меня?

— Понял, товарищ полковник.

— Что поняли?

— Кричать только при явном появлении противника.

Федюнинский вернулся на НП. А на артиллерийской позиции еще долго не смолкали смех и голоса. Артиллеристы воспитывали своего товарища.

*

Во второй половине июля японцы возобновили атаки.

На рассвете 23 июля после сильной артподготовки японская пехота предприняла наступление с целью прорваться к переправе через ХалхинГол и отрезать от нее войска, находившиеся на плацдарме. Бой длился несколько часов, после первой атаки последовала вторая. Ее 24-му полку тоже удалось отбить с большими потерями для противника.

В ночь на 24 июля противник снова попытался прорвать оборону полка. Только 25 июля японцы исчерпали силы и перешли к обороне.

«Хочу заметить, — вспоминал Федюнинский, — что в июле советско-монгольские войска по своей численности уступали японским, особенно в пехоте. Поэтому нам приходилось вести бои в весьма тяжелых условиях. Фронт обороны был значительным. Между отдельными частями и подразделениями имелись немалые промежутки, которые часто прикрывались слабыми силами — вплоть до отдельных постов или разведывательных групп. Конечно, противник часто направлял свои удары именно в промежутки. Для отражения атак надо было быстро перебрасывать подразделения с одного участка на другой, иногда на значительные расстояния, и с ходу посылать их в бой. И тем не менее, несмотря на все эти трудности, наши войска с честью справились со своими задачами. Они не пустили японцев к Халхин-Голу и удержали выгодный плацдарм на восточном берегу реки, который был использован

для последующего решающего наступления советско-монгольских войск».

Не достигнув своих целей в открытом бою, противник развернул энергичную агитационную работу. Позитии 24-го полка и весь плацдарм японские самолеты начали засыпать листовками на русском языке — видимо, постарались белогвардейцы в японском штабе. Федюнинский приказал наблюдателям определить основные цели и произвести несколько огневых налетов по командным пунктам, местам сосредоточения живой силы, по артиллерийским и минометным позициям и хозяйственным объектам. Язык силы японцы понимали хорошо и вскоре прекратили сбрасывать листовки.

Тогда неприятель решил применить другую тактику.

Однажды в штаб полка пришел старшина комендантской роты и доложил:

— Товарищ полковник, во время проверки постов в непосредственной близости от вашего командного пункта мною были обнаружены японцы в количестве двух штук. Одного я тут же заколол штыком, а другого взял живым.

— Где японец?

— Здесь.

— Ведите его.

Пригласили переводчика. Начали допрашивать. Оказалось, японцы объявили охоту на командира 24-го мотострелкового полка, оценив его голову в 100 тысяч рублей золотом. Твердую цену имели и головы других командиров РККА из состава частей и подразделений, противостоящих японским войскам на Халхин-Голе.

— Значит, за мою покусанную комарами голову — сто тысяч золотом! — Федюнинский невольно потрогал повязку на голове.

— Вот так, Иван Иванович, целое состояние, — заметил начальник штаба.

Все рассмеялись.

Посмеяться посмеялись, но охрану штаба и передового НП усилили.

*

В середине августа японцы снова начали атаковать в направлении переправы. Плацдарм на восточном берегу им был действительно как кость в горле.

Полк к тому времени сидел в окопах прочно. Артиллеристы и

пулеметчики пристреляли все направления и без труда пресекали каждую новую попытку противника нарушить установившееся равновесие.

Потери в полку во время этих боев были невелики, в основном ранеными. Федюнинский о них не докладывал, считая, что незачем по мелочам беспокоить начальство. Тем более что многие легкораненые своих окопов не покидали.

В один из дней японцы стали проявлять особую активность. Утром предприняли первую атаку. Полк ее отбил. Потом последовала вторая — и ее отбили. Во время третьей атаки зазвонил телефон. Звонок был из штаба армейской группы. Федюнинский сразу узнал голос командующего.

— Что там у вас делается, товарищ Федюнинский? Почему ничего не докладываете? С соседних участков докладывают: Федюнинский ведет бой. Так и буду узнавать от соседей, что происходит у вас? — В голосе Жукова слышался металл.

— У нас, товарищ командующий, ничего особенного, — начал торопливо докладывать Федюнинский. — Идет бой. Отбиваем третью атаку. Справляемся. Помощи не надо. Поэтому и не звонил.

— Третью атаку... Отобьете?

— Отобьем, товарищ командующий. Сейчас накроем артиллерией, и они наверняка залягут. Залягут и начнут отползать к своим окопам.

— Хорошо. Действуйте по обстановке. — Голос Жукова стал заметно мягче. — Но знайте: хоть помощи и не требуется, докладывать нужно обязательно. Я должен знать, что у вас происходит.

— Свою ошибку понял. Впредь буду докладывать регулярно.

Отбили и третью атаку. А за ней последовала четвертая. Федюнинский на всякий случай тут же доложил командующему. Тот отреагировал:

— Четвертая атака... И — сколько? До двух батальонов? Seriously. Удержишься?

— Удержусь, — ответил Федюнинский.

— Вот что. Думаю, японцы что-то задумали серьезное. Сейчас к вам приедет полковник Генерального штаба. Он оценит обстановку, поможет, если потребуется.

Полковник прибыл на бронемашине. Под обстрелом бронемашина подлетела к НП, и полковник буквально десантировался из кабины в окоп командира 24-го полка. Прибывший представился и сказал:

— Меня прислал к вам командующий — разобраться в обстановке и узнать, что происходит на вашем участке.

— Обстановка более чем ясная, — ответил Федюнинский. — Вон, видите, идут цепи. — Комполка указал в глубину песчаной долины. — Это

японцы. Четвертая атака.

Полковник посмотрел в ту сторону, куда указывал Федюнинский, и растерянно оглянулся на комполка. Он ничего и никого не видел. Федюнинский протянул ему бинокль:

— Возьмите. Теперь виднее?

— Да, теперь вижу. Они очень близко. До окопов ваших батальонов им осталось всего ничего. — В лице полковника появилось беспокойство.

— Когда подойдут к гряде вон тех барханов, мы откроем огонь, — успокоил его комполка.

— А не поздно будет?

— Не поздно. Народ у меня стойкий, бывалый. Издали палить — только зря жечь патроны. А нам не отгонять их надо, а положить.

— Близко... Совсем близко подошли... А если прорвутся?

— Японцы — солдаты упорные. Могут и прорваться. Но прорвутся единицы. Мои ребята их встретят штыками.

— Так они успеют достигнуть окопов!

— Вот в окопах их и встретят.

Рассуждения командира 24-го полка не очень-то нравились полковнику Генштаба. Он продолжал с беспокойством и сомнением наблюдать за происходящим в долине.

— Да вы, товарищ полковник, не волнуйтесь, — спокойно сказал Федюнинский. — Атака будет отбита. Давайте лучше чай пить.

На бруствере окопа стоял медный луженый чайник. Такие тогда были в каждой солдатской столовой, на каждой кухне, в каждом взводе. Именно такой чайник был у красноармейца Сухова из кинофильма «Белое солнце пустыни». Да и солнце в то лето в монгольской пустыне было таким же белым и палящим, так что чай, снятый с огня полчаса и даже час назад, оставался горячим.

Федюнинский разлил чай по эмалированным кружкам и одну из них протянул полковнику. В глазах его комполка прочитал: идет бой, с минуты на минуту батальоны вступят в схватку, которая еще неизвестно чем закончится, а они — чай?.. Он взял кружку, кивнул, отхлебнул и снова вскинул бинокль. На его глазах заработали пулеметы и минометы, ухнула артиллерия. Японские цепи накрыл огонь, дым и песчаная пыль. Несколько фигурок выскочили из этого ада, продолжая бежать к красноармейским окопам, но вскоре упали, слившись с монгольским песком. Полковник опустил бинокль и молча, уже спокойно принялся за чай.

Спустя некоторое время к НП подъехала бронемашина. Полковник пожал руку Федюнинскому и сказал, открывая дверцу:

— Доложу командующему, что у вас всё в порядке. Полк успешно отбил четвертую атаку.

*

С конца июля и почти весь август войска 1-й армейской группы готовились к решающему удару. Перегруппировка проводилась скрытно. Командиры соединений и частей были извещены о предстоящем наступлении за четыре дня до атаки, а личный состав — в ночь на 20 августа.

«Тщательно готовились мы к выполнению боевой задачи, — писал генерал Федюнинский в своих мемуарах. — Все продумывалось до мелочей: и артиллерийская подготовка, и огонь пулеметов перед началом атаки. Я четко определил каждому батальону ближайшую и последующие задачи, направление дальнейшего наступления. В этот период с зимних квартир из района Улан-Батора в наш полк подошли 20 бронемашин, из них половина были пулеметные БА-20 и половина — пушечные БА-10. Эти машины снимали с консервации и готовили к боевому использованию жены командиров. Женщины удаляли смазку с оружия, чистили его, и, надо сказать, после этой их работы пулеметы служили безотказно. Жены командиров прислали нам знамя, на котором были вышиты портрет Владимира Ильича Ленина и слова «Возвращайтесь с победой!». А внизу подпись: «Семьи командиров Н-ского мотострелкового полка».

Командиры 24-го полка подарок из Улан-Батора получили с особым чувством. Скучали по женам, по детям, по семейному уюту. Какой-никакой, пусть в землянке, а он все же был. С милой рай и в шалаше...

Скучал по Елене Владимировне и он, командир полка. Писал ей письма — в стихах. Был у Ивана Ивановича Федюнинского такой талант. Говорят, все влюбленные — поэты. Федюнинский писал стихи своей жене всю жизнь. Стихи и письма тех лет, адресованные Елене Владимировне, не сохранились. Но они были.

План решающего сражения был прост: сильными ударными группами нанести синхронные фланговые удары, охватить группировку противника в районе между рекой ХалхинГол и государственной границей, а затем уничтожить в «котле». Для этого штаб Жукова сформировал три группы: Южную, Северную и Центральную.

Главный удар, тем не менее, планировалось нанести по левому флангу противника, где оборону занимали менее стойкие в бою части баргутской

конницы и маньчжуры из «армии» марионеточного Маньчжоу-Го.

36-я Забайкальская мотострелковая дивизия входила в Центральную группу. Она должна была атаковать с фронта, связать войска противника боем и лишить японцев возможности перебросить часть сил на фланги. Левым флангом совместно с Северной группой забайкальцы должны были окружить и уничтожить группировку противника в районе севернее реки Хайластын-Гол, притоке Халхин-Гола.

Главная задача была поручена 24-му полку. На усиление Федюнинскому передали танковый батальон. После артподготовки и мощного налета бомбардировочной авиации батальоны пошли вперед. Танки помогали уничтожать огневые точки, не подавленные артиллерией. Впереди возвышалась сопка Ремизова. Предстояло занять ее, а потом продвигаться дальше. Но тут произошла заминка. Второй батальон начал обходить сопку, на которой японцы оборудовали опорный пункт. Как только батальон приблизился на расстояние верного огня, японцы открыли пулеметный и минометный огонь. Батальон залег.

Федюнинский, наблюдавший в бинокль движение полка, сразу же заметил причину заминки. Вторым батальоном командовал молодой комбат, принявший его после гибели старшего лейтенанта Кожухова. Иван Иванович оставил на НП своего заместителя майора Беякова, а сам прыгнул в бронемашину и помчался к сопке. Там выскочил из бронемашины, вытащил из кобуры пистолет и крикнул:

— Ребята! За мной!

Роты тут же поднялись и с криком «Ура!» атаковали противника.

Подбежал комбат. Лицо его заливал пот. Роты тем временем уже ушли вперед.

— Вот этим же темпом и дальше, товарищ капитан, — сказал Федюнинский, засовывая пистолет в кобуру. — И не робеть! У вас, капитан, три роты! Сила!

— Все понял, товарищ полковник, — заверил комбат. — Такого больше не повторится.

Федюнинский пошел к бронемашине. Делать здесь было нечего — батальон решительно продвигался вперед. В это время с одной из сопкок японский наблюдатель засек командирскую машину и небольшую группу возле нее. Командиры — первая цель для минометчиков. Такую цель, как правило, доверяют опытным расчетам — снайперам. Таковые, конечно же, были и в японской армии.

Первая мина легла с перелетом. Федюнинский и комбат тут же бросились на землю. Осколки раскаленной железной стаей пронесли над

ними, звякнули об обшивку бронемашины. Наступила тишина. Японский минометчик молчал, как потом выяснилось, выжидал, хладнокровно делал поправку прицела. Федюнинский, решив, что мина была случайной, шальной, вскочил и побежал к бронемашине. Еще одна мина легла неподалеку, уже значительно ближе. Федюнинский снова залег. До броневика оставалось всего ничего, один бросок. Прикинул: такое расстояние можно преодолеть и под обстрелом. Вскочил, сделал несколько шагов... Взрыв! Удар! От удара он оказался на земле. Попытался встать. Не смог. Пополз. Снова попытался встать. На сопке застучал пулемет. Пули зашлепали по песку: чок! чок! чок! Кто-то склонился над ним. И — голос:

— Товарищ полковник, вы ранены?

— Ранен, — ответил он, — и, кажется, здорово...

— Красноармеец Попов, связной командира первой стрелковой роты, — представился боец. — Ротный послал меня помочь вам, когда увидел, что вы упали и не встаете.

— Помогай...

— А куда вас?

— В ногу. Посмотри, нога на месте? Или нет?

— На месте.

Попов затащил Федюнинского в воронку, быстро разрезал сапог, брюки, достал из кармана чистый носовой платок, приложил его к ране и начал ловко обматывать портянкой, которую вытащил из разрезанного сапога. Затем вытащил брючный ремень и перетянул ногу выше раны. В горячке и боец, и командир полка даже не спохватились, что и у того, и у другого в противогазных сумках лежат индивидуальные медицинские пакеты, бинты, тампоны...

— Ну вот, кровь больше не идет. — И боец Попов попытался улыбнуться.

— Спасибо тебе, Попов.

— Теперь вас надо отсюда, из-под огня, поскорее вытащить.

Бронемашина была разбита прямым попаданием мины. Водитель куда-то пропал. Вся надежда оставалась на красноармейца Попова. «Дотащит ли меня? — подумал Федюнинский. — Уж больно щуплый...»

Уже темнело. И это обстоятельство им помогло. Японцы или были уверены, что их огневой налет поразил все цели, или попросту ушли с сопки. Однако пули продолжали вслепую шлепать по песку.

Красноармеец взвалил полковника на спину и, пошатываясь, пошел куда-то вниз, огибая песчаный бархан.

— Попов, куда ты меня волочешь?

Разбитый броневик остался позади.

— Тут недалеко, товарищ полковник, за барханами, находятся наши танкетки. Туда вас и доставлю. У них своя санчасть на колесах. Врачи. Там вам настоящую помощь окажут, портянку срежут. Но пока трогать ее не надо.

За барханами действительно показались танкетки. Это был противотанковый дивизион Забайкальской дивизии.

«Я лежал на его спине, — вспоминал Федюнинский, — по возможности помогая здоровой ногой.левой рукой обнял его за шею, а в правой держал револьвер, на всякий случай».

В дивизионе действительно оказался врач. Он быстро обработал рану и сделал плотную перевязку. В отличие от красноармейца Попова врач бинта не жалел. После перевязки Федюнинского погрузили в одну из танкеток и отправили на командный пункт 24-го полка. Оттуда на санитарной машине в госпиталь, который находился в районе Хамар-Дабы.

Осколок, отскочив от кости, ушел глубоко в таз. Хирург был опытный, но извлечь осколок не смог. В конце концов сказал:

— А лучше его не трогать. Рана чистая. Так что будете носить его как орден.

Шутка Федюнинскому не особенно понравилась. Но хирургу он был все же благодарен. Осколок так и остался в нем на всю жизнь. Врос в мякоть, прижился, не беспокоил.

В тыловой госпиталь к Федюнинскому приехала жена. Когда он узнал, что Елена Владимировна уже в госпитале и скоро придет к нему, попросил медсестру, чтобы не накрывала одеялом ноги — пусть Леля видит, что они целы.

Они не виделись несколько месяцев. Были рады друг ДРУГУ — пусть и в больничной палате, но все же встретились. Елена Владимировна спросила:

— Куда же ты ранен, Ваня?

— В ногу. Но ты не беспокойся, ничего страшного. Скоро встану.

Елена Владимировна пристально посмотрела на него, покачала головой и сказала:

— Ранен в ногу, а брюки целы...

Потом всю жизнь они вспоминали тот разговор в госпитале.

— Ваня, — говорила она, — мне хотелось спросить тебя, цела ли кость. А я испугалась и вместо этого зачем-то сказала о брюках...

И они смеялись, вспоминая Монголию и свою молодость.

В госпитале Федюнинский узнал, что Указом Президиума Верховного Совета СССР от 29 августа 1939 года ему присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда» № 155.

Всю жизнь Иван Иванович Федюнинский из своей хал-хин-гольской истории сожалел только об одном: что 6-ю японскую армию в песках пустыни Номонган добивали без него.

На следующий день Федюнинского пригласили в Президиум Великого народного хурала Монголии и вручили орден Красного Знамени Монгольской Народной Республики.

После госпиталя он отправился в полк. По прибытии в штабе армейской группы представился командующему Г. К. Жукову. Тот обрадовался возвращению верного боевого товарища, поздравил с присвоением звания Героя Советского Союза. Увидел костыли и неожиданно предложил поехать долечиваться на родину.

— Иван Иванович, ни к чему сейчас ваше рвение, — сказал он. — Сейчас не только вам, на костылях, но и всем нам, без костылей, делать здесь больше нечего. Японская группировка разгромлена. Так что со спокойной душой поезжайте лечиться. Думаю, что дел у нас скоро будет много.

А вскоре в штабе группы Федюнинскому вручили приказ о новом назначении — командиром 82-й мотострелковой дивизии. Дивизия дислоцировалась в городе Баин-Тумене. Прибыв туда, он сразу же объехал полки — мотострелковые, оба артиллерийских и разведывательный батальон. Многое из увиденного неприятно поразило. Теснота в землянках-казармах. Четырехъярусные нары. Минимум бытовых условий.

Сразу принял решение: надо строить для полков военные городки. Благоустроенные казармы, плацы, полигоны, ангары, спортивные площадки. Прикинул глазом хозяйственника: для строительства можно использовать местный камень, глину тоже брать на месте. Только вот лес предстояло возить за 700 километров, из тайги.

Военные городки заложили по берегу реки Керулен. Казармы, столовые, дивизионный клуб, хозяйственные постройки. За рекой — учебные поля и стрельбища для каждого полка.

Началась повседневная работа. Стройка. Боевая учеба. Марш-броски. Занятия с командирами.

Однажды, это случилось уже в 1940 году, летом, в дивизию с проверкой прибыл командующий войсками Забайкальского военного округа генерал-лейтенант И. С. Конев. И военными городками, которые выросли по берегу Керулена как грибы, и спортивными площадками, и стрельбищами за рекой, и боевой выучкой личного состава командующий остался доволен. Но особенно поразило Конева вот что.

Когда раздался сигнал тревоги и личный состав дивизии быстро оставил территорию военного городка, жены командиров и политработников вместе с детьми сразу же укрылись в щелях, которые были открыты неподалеку от домов и землянок комсостава.

Конев улыбнулся и сказал, пожимая командиру дивизии руку:

— Все у вас, Иван Иванович, в дивизии хорошо. Бойцы физически крепкие, сытые, оружием владеют безупречно.

Оружие тоже в порядке. Но больше всего меня поразили ваши, товарищи командиры и политработники, тылы. То, как действовали во время тревоги ваши жены и дети... Такого, признаюсь, я нигде не видел.

— Жизнь заставила, товарищ командующий, — пояснил Федюнинский. — Враг всегда рядом. Налетят японские самолеты, командиры кинутся свои семьи спасать...

И Федюнинский рассказал о трагедии, которая произошла здесь, в Баин-Тумене, в мае год назад. До прибытия сюда 82-й мотострелковой дивизии землянки занимала мотобронева бригада. Командный состав перевез сюда семьи. 11 мая 1939 года на военный городок налетели японские самолеты. Погибли не только военнослужащие, но и женщины, дети — целые семьи. На русском кладбище неподалеку остались их могилы.

— Так что наши жены, товарищ командующий, занимают свои окопы значительно раньше, чем мы покидаем расположение военного городка.

— А ведь это правильно и убедительно, — сказал Конев. — В приграничном районе, где каждую минуту грозит опасность, без такой дисциплины нельзя. Так что ваши инициативы, Иван Иванович, одобряю и буду везде ставить в пример.

Вскоре после отъезда генерала Конева Федюнинский получил новое назначение.

Тучи сгущались и на западе. В Европе и Северной Африке уже шла война. Красная армия вошла в Бессарабию и Северную Буковину, в восточные области Польши, населенные украинцами и белорусами, в Прибалтику. На запад шли эшелоны с войсками и боевой техникой. Туда же направлялись лучшие командиры.

Глава пятая

ПЕРЕД БУРЕЙ

«Мы не хотели войны...»

Лето сорок первого года выдалось жарким, душным, с ночными дождями, которые гнали в рост тучные травы. В колхозах и совхозах уже начался покос. Здесь, в юго-западных районах страны, все поднималось и зрело значительно раньше, чем на его родине за Уралом. Но и там, в Сибири, под Тюменью, земляки уже, должно быть, ладят косы, готовят лобогрейки, холят перед большой страдой лошадей. Скоро им работать от темна и до темна. Люди к такой работе привычны, а лошадям тяжело. Покос — пора ответственная. Иногда по пути в какой-нибудь отдаленный гарнизон или к пограничникам он, командир стрелкового корпуса, проезжал по проселку, который пролегал прямо по лугам. Запах свежескошенной травы и молодого сена туманил голову, волновал воспоминаниями. Вспыхивали, как дальние зарницы, картины детства и ранней юности. Родная деревня Гилёва, лица родителей и односельчан, Авраамиев камень на Бахметьевском болоте, заросли вереска на пустошах, прозрачные стайки окуньков на песчаных отмелях речки Дальний Кармак. Возле дома Федюнинских речка делала плавную излучину и подмывала высокий берег и дорогу, проходящую по самому обрыву...

Глубокой ночью 22 июня, в половине второго, командиру 15-го стрелкового корпуса полковнику Ивану Ивановичу Федюнинскому в город Ковель позвонили из штаба армии. Звонил командующий 5-й армией генерал Михаил Иванович Потапов^[8]. Он приказал срочно прибыть в штаб корпуса и связаться с ним по ВЧ. Полковник быстро, по-солдатски оделся и вышел на улицу. Жил он недалеко от городской ратуши, где размещалось полевое управление, и часто ходил на службу пешком. Вот и на этот раз решил, что так будет быстрее. Пока он позвонит дежурному, пока вышлют машину...

В конце переулка стояли какие-то люди. Тихо переговаривались. Курили. Смутно виднелись их фигуры, плавали огоньки папирос. Один стоял, привалившись плечом к стене кирпичного дома, двое других маячили посреди мостовой. Затихли, когда он вышел из подъезда. На

всякий случай Федюнинский расстегнул ремешок на кобуре. Когда проходил мимо незнакомцев, почувствовал, как они пристально всматриваются в каждое его движение, будто пытаюсь разглядеть что-то столь нужное для них. Но темень поглощала всё, кроме звуков шагов, и ни он их, ни они его разглядеть не смогли.

Как потом выяснилось, возможно, именно темнота спасла его от выстрела в упор...

Когда прибыл в штаб, начальник связи корпуса доложил, что связь ВЧ со штабом армии не действует, что, по всей вероятности, она нарушена. Тут же толкнуло в грудь: «Началось...»

До штаба армии дозвонились по городскому телефону. Наконец на другом конце провода послышался голос командарма.

Генерал Потапов говорил, как всегда, спокойно, уверенно, но и в интонациях, и в коротких рубленых фразах чувствовалось напряжение.

— Поднимайте свои дивизии по тревоге. Приказываю вскрыть красный пакет. Действуйте строго по директиве, но и по обстоятельствам тоже. Боеприпасы иметь при войсках, но на руки личному составу пока не выдавать и на провокации не поддаваться. Какие будут вопросы?

Они не договорили. Городская связь тоже оборвалась.

Что делать? Вскрыть особый секретный оперативный пакет Федюнинский мог только в случае подтверждения приказа председателем Совнаркома СССР или наркома обороны. Связь не работала.

Вскоре в здание ратуши один за другим начали прибывать офицеры полевого управления. Стало шумно, но спокойнее. Кто-то открыл окно — душно. Многие бежали к штабу бегом. С улицы послышались несколько одиночных выстрелов. Стреляли из пистолета. Минуту спустя дежурный по штабу доложил, что обе машины, высланные за командиром корпуса и начальником штаба, обстреляны неизвестными. Ранен шофер полковника Федюнинского. По счастливой случайности начальник штаба тоже пришел в ратушу пешком.

Приказ в дивизии ушел уже через несколько минут.

Рассветало. На западе, от погранзастав, донесся артиллерийский гул — работали тяжелые орудия.

Никаких провокаций. Время провокаций прошло. Война.

В Ковель на новое место службы полковник Федюнинский прибыл в апреле 1941 года после окончания в Москве курсов усовершенствования высшего командного состава при Академии Генерального штаба им. К. Е. Ворошилова. Принял стрелковый корпус.

Это было повышение. Европа полыхала огнем войны, и пламя этого

пожара разрасталось. Германские войска уже маршировали по Польше и Франции, перед ними сложили оружие бельгийская, голландская, греческая армии. В дни, когда полковник Федюнинский принимал дела корпуса, немцы вошли в Белград. 10 апреля советские войска по всей линии западной границы были приведены в боевую готовность. В те же дни пришло сообщение о подписании пакта о ненападении между СССР и Японией. Что ж, два года назад японцев оттрепали так, что эхо Халхин-Гола до сорок пятого года будет звучать в их головах.

Красная армия усиливала западную группировку. В том числе и кадрами. К примеру, на 9-й механизированный корпус назначили генерал-майора К. К. Рокоссовского, на 20-ю танковую дивизию того же корпуса полковника М. Е. Катуква^[9].

Не случайно был направлен на запад и полковник Федюнинский. Многие дальневосточники и халхингольцы оказались в те дни в гарнизонах, расположенных в Западной Украине и Западной Белоруссии.

Штаб 15-го корпуса находился в Ковеле. Войска располагались гарнизонами вдоль границы по линии Ковель — Любомль — Владимир-Волынский. Южнее соединений полковника Федюнинского стоял 9-й механизированный корпус Рокоссовского. Буквально накануне Константин Константинович, объезжая свои дивизии и полки, завернул к нему в Ковель. Встрече были рады. Обнялись. Им было что вспомнить — Даурия. КВЖД. Оба были довольны тем, что в предстоящих сражениях их корпуса стоят рядом, плечом к плечу. И тому и другому было ясно, что гром грянет вот-вот. Федюнинский вдруг предложил заночевать у него, отметить встречу. Рокоссовский отказался. Сказал, что на выходные назначена коллективная рыбалка, выход на природу с женами и детьми.

— Но, видимо, и рыбалку придется отменить, — сказал Рокоссовский. — В такое время лучше быть ближе к своим частям.

Федюнинский рассказал о перебежчике. Позже Рокоссовский вспоминал: «Вечером кому-то из нашего штаба сообщили по линии погранвойск, что на заставу перебежал ефрейтор немецкой армии, по национальности поляк, из Познани, и утверждает: 22 июня немцы нападут на Советский Союз».

— Похоже, немец говорит правду, — сказал Рокоссовский.

— Я тоже так думаю.

— Срочно, под разными предлогами, вытаскивайте артиллерию с приграничных полигонов.

— Уже вытащил.

Они смотрели на карту, на линию границы, на помеченные

карандашом районы дислокации своих частей, на другие пометки, по ту сторону. Оба, заядлые курильщики, много курили.

— Разведка и пограничники сообщают, что немецкая группировка постоянно усиливается, — пояснил Федюнинский, не отрываясь от карты и раскуривая новую папиросу. — К районам сосредоточения танков и бронетехники идут колонны бензовозов.

— Заправляют танки, что ж тут неясного... Но делаем вид, что ничего не происходит.

— Да, это верно. Стоит проявить какую-либо инициативу, на случай нападения, сверху тут же одергивают: не поддаваться на провокации.

— Как думаете, когда начнется?

— На днях, — сказал Федюнинский. — Пока стоит хорошая погода.

Рокоссовский покачал головой:

— Вот и я так думаю. У них там все готово. Затягивать не будут.

Большой и, к сожалению, непреодолимой проблемой и 15-го стрелкового, и 9-го механизированного корпусов было то, что развертываться им пришлось на новой границе, строить новый укрепрайон. А это, как известно, дело затратное. Требовался большой, если не сказать колоссальный материальный ресурс, а главное — время. Ни того ни другого ни у корпусов, ни у западных военных округов, ни у страны не было.

Спустя многие годы в своей книге «Поднятые по тревоге» генерал Федюнинский напишет о тех днях, наполненных тревогой и ожиданием: «Отношения между Советским Союзом и Германией оценивались в то время как нормальные, развивающиеся в соответствии с пактом о ненападении, а если и проскальзывали сообщения об агрессивных замыслах гитлеровцев, то их считали провокационными. Вполне понятно, и у нас, военных, складывалось впечатление, что непосредственная угроза близкой войны пока отсутствует. Тогда мы еще не знали, что И. В. Сталин, относясь с недоверием к данным разведки и докладам командующих западными пограничными округами, допустил серьезную ошибку в оценке международной обстановки, и прежде всего в определении вероятных сроков агрессии фашистской Германии против нашей страны».

Долгие годы считалось, что Сталин ошибался, не доверял разведке и прочее. Последние исследования говорят о том, что всё тогда, в конце весны и начале лета 1941 года, в мире, уже втянувшемся во Вторую мировую войну, обстояло гораздо сложнее. Сталин всячески оттягивал неминуемое. Но беда, как известно, всегда приходит неожиданно.

Шло перевооружение армии. Формировались механизированные

корпуса, которые должны были стать главной ударной силой армии. Укреплялась граница. «Однако для того, чтобы осуществить все это, требовалось время, — вспоминал Федюнинский. — Новые виды боевой техники в войска только начали поступать, и личный состав не успел их освоить. Оборудование укрепленных районов на новой границе проходило медленно, хотя старые укрепленные районы были законсервированы и вооружение их снято. Между тем мы, находившиеся у западной границы, с каждым днем ощущали, что порохом пахнет все сильнее. По Ковелю упорно ползли зловещие слухи о неизбежной, близкой войне. Много, конечно, распространялось с провокационной целью. Но, как потом выяснилось, в некоторых случаях эти слухи имели под собой почву. Женам командиров в Ковеле, Львове и Луцке чуть ли не открыто говорили:

— Подождите! Вот скоро начнется война — немцы вам покажут!

Как-то и мне пришлось познакомиться с подобными настроениями. Это было вскоре после вступления в должность командира корпуса. Я возвращался в штаб из поездки в одну из частей, когда на автомашине испортился бензонасос.

Остановились в селе недалеко от Ковеля. Возле нас тотчас же собралась толпа человек в двадцать. Стояли молча. Кое у кого, особенно у тех, кто был одет получше, мелькали злорадные усмешки. И ни один не предложил свою помощь».

— А что за история с немецким самолетом? — спросил Федюнинский.

— Сел в районе Ровно. Немец. Что-то у него вышло из строя. Конечно же, разведчик. Мои бойцы тут же взяли его, так сказать, под охрану. На борту четверо в кожаных пальто. Знаков различия нет. По виду — офицеры. Самолет оборудован самой современной фотоаппаратурой. Пленки уничтожить они не успели. На пленках — мосты, железнодорожные узлы. Одним словом, киевское направление отснято подробно, со знанием дела. Я доложил в Москву. Из наркомата обороны вскоре пришло распоряжение: экипаж отпустить, самолет вернуть. До границы его сопровождала пара наших истребителей.

Вспоминая встречу и главную тему разговора с Федюнинским, маршал Рокоссовский писал в своей книге «Солдатский долг»: «Разговор все о том же: много беспечности. Из штаба округа, например, последовало распоряжение, целесообразность которого трудно было объяснить в той тревожной обстановке. Войскам было приказано выслать артиллерию на полигоны, находившиеся в приграничной зоне. Нашему корпусу удалось отстоять свою артиллерию. Доказали, что можем отработать все упражнения у себя на месте. И это выручило нас в будущем. Договорились

с И. И. Федюнинским о взаимодействии наших соединений, еще раз прикинули, что предпринять, дабы не быть захваченными врасплох, когда придется идти в бой».

Четырнадцатого июня центральные газеты опубликовали сообщение ТАСС, в котором говорилось, что «по мнению советских кругов, слухи о намерении Германии порвать пакт и предпринять нападение на СССР лишены всякой почвы». Газету читали перед строем во всех подразделениях. Для командиров — в назидание.

Но на границе события выстраивались в иной сюжет.

«Вечером 18 июня, — вспоминал Федюнинский, — мне позвонил начальник пограничного отряда^[10].

— Товарищ полковник, — взволнованно доложил он, — только что на нашу сторону перешел немецкий солдат. Он сообщает очень важные данные. Не знаю, можно ли верить, но то, что он говорит, очень и очень важно...

— Ждите меня, — ответил я и немедленно выехал к пограничникам.

Пройдя в кабинет начальника отряда, я попросил, чтобы привели немца. Тот вошел и, привычно вытянувшись, застыл у двери.

С минуту я рассматривал его, первого гитлеровского солдата, которого видел так близко и с которым мне предстояло разговаривать. Это был молодой, высокий, довольно нескладный парень в кургузом, мышиноного цвета мундирчике с тусклыми оловянными пуговицами. На ногах у него тяжелые запыленные сапоги с широкими голенищами. Из-под пилотки выбивается клоч светлых волос. Немец смотрел на меня настороженно, выжидающе. Кисти его больших красных рук чуть заметно дрожали. Я разрешил ему сесть. Он опустился на табурет, поставленный посередине комнаты, и снова выжидающе уставился на меня своими бесцветными глазами.

— Спросите его, почему он перешел к нам, — обратился я к переводчику.

Немец ждал этого вопроса и ответил не задумываясь, с готовностью. В пьяном виде он ударил офицера. Ему грозил расстрел. Вот он и решился перебежать границу. Он всегда сочувствовал русским, а его отец был коммунистом. Это последнее обстоятельство немец особенно подчеркивал.

...Фельдфебель повторил мне то, что уже сообщил начальнику погранотряда: в четыре часа утра 22 июня гитлеровские войска перейдут в наступление на всем протяжении совете ко-германской границы.

...Сообщение было чрезвычайным, но меня обуревали сомнения. «Можно ли ему верить?» — думал я так же, как час назад думал начальник

погранотряда. Очень уж невероятным казалось сообщение гитлеровского солдата, да и личность его не внушала особого доверия. А если он говорит правду? Да и какой смысл ему врать, называя точную дату и даже час начала войны?

Заметив, что я отнесся к его сообщению с недоверием, немец поднялся и убежденно, с некоторой торжественностью заявил:

— Господин полковник, в пять часов утра двадцать второго июня вы меня можете расстрелять, если окажется, что я обманул вас.

Вернувшись в штаб корпуса, я позвонил командующему 5-й армией генерал-майору танковых войск М. И. Потапову и сообщил о полученных сведениях.

— Не нужно верить провокациям! — загудел в трубке спокойный, уверенный басок генерала. — Мало ли что может наболтать немец со страху за свою шкуру.

Верно, все это походило на провокацию, но на душе было беспокойно. Я доложил генералу Потапову, что, по-моему, следует все же предпринять кое-какие меры. Попросил разрешения по два стрелковых полка 45-й и 62-й дивизий, не занятых на строительстве укреплений, вывести из лагерей в леса поближе к границе, а артиллерийские полки вызвать с полигона. Генерал Потапов ответил сердито:

— Напрасно бьете тревогу.

Обосновывая свою просьбу, я сослался на возможность использовать эти полки для работы в предполье и сократить таким образом сроки окончания строительства оборонительных сооружений.

— Опасаться же, что это может вызвать недовольство немцев, нет оснований, — говорил я. — Войска будут находиться в восьми километрах от границы, в густом лесу.

Командарм, подумав, согласился».

Встреча с Рокоссовским произошла двумя днями позже, 20 июня.

Они говорили и о семейных делах. О том, что его боевому товарищу довелось пережить совсем недавно, об аресте и тюрьме Федюнинский спрашивать не решался. Рокоссовский молчал. Значит, не хотелось ворошить прошлое, беспокоить еще не зажившие раны. Да и не принято было в командирской среде разговаривать на эту тему...

— Передавайте поклон Елене Владимировне, — сказал на прощание Рокоссовский.

— И вы своим — Юлии Петровне и Аришке. Не думаете их в отпуск услатить, подальше отсюда?

— Думал. Но они и слышать не хотят. Да и как это будет выглядеть?

Командир корпуса семью эвакуирует...

— Вот и Елена Владимировна от меня ни на шаг. А ведь они будут связывать руки...

В мемуарной книге Федюнинского «Поднятые по тревоге» в первой, предвоенной главе есть абзац, слегка пафосный, в духе времени, но очень верный по своей сути: «Мы не хотели войны. Наша Родина была в лесах новостроек, еще только расправляла свои могучие крылья. Нам нужен был мир для того, чтобы советский человек с каждым годом мог жить все лучше, чтобы наши дети росли счастливыми».

Глава шестая

КОРПУС СРАЖАЕТСЯ

«Первая неделя войны принесла нам много огорчений...»

Федюнинский быстро собрал оперативный отдел штаба, поставил задачи. Связь со штабом армии то пропадала, то налаживалась вновь. Наконец телефонные трубки замолкли.

— Самолеты! — сказал кто-то из офицеров.

Все повернулись к окнам ратуши. Рассвет уже спешил с востока. А с запада наплывали черные косяки немецких самолетов. Внизу метались люди, гражданские и военные. Всем было уже ясно, что происходит.

В дивизии офицеры связи уже везли первый боевой приказ штаба 15-го стрелкового корпуса: выводить полки из казарм и лагерей и развертывать вдоль государственной границы; личному составу выдать боеприпасы; зенитной артиллерии открыть огонь по самолетам противника.

В первый же день войны зенитчики сбили несколько самолетов. Некоторые рухнули в окрестностях Ковеля. Тем не менее командир корпуса работой расчетов ПВО остался недоволен: стреляли много, но попадали редко; немецкая авиация разрушила многие важные объекты, переправы, отбомбила железнодорожные узлы и стрелки, нарушила многие коммуникации.

К своей атаке немцы подготовились основательно. Экипажи бомбардировщиков люфтваффе точно знали, где находятся военные объекты и наиболее важные цели, уничтожение которых приведет к большим затруднениям в организации обороны противником.

Город горел. Над домами стояло багровое зарево. Выли сирены воздушной тревоги. Среди мирных жителей Ковеля царили ужас и паника.

Однако ни одна бомба не упала на здание ратуши. Разгадка оказалась простой: по плану развертывания в случае боевых действий штаб корпуса и все его службы должны были сразу же переместиться на полевой командный пункт. Находился он в нескольких километрах от города. Его-то и обработали основательно немецкие самолеты в расчете парализовать действия корпуса. Значит, план побывал в руках немецкой разведки. Когда Федюнинскому доложили, что на полевым КП отсутствует устойчивая

связь, он отдал распоряжение оставаться в городе, где продолжали работать городская телефонная связь и телеграф. Этого немцы знать не могли.

Поступило сообщение из штаба 45-й стрелковой дивизии: на ее 178-й артполк произведен огневой налет, есть убитые и раненые.

С погранзастав 98-го и 90-го погранотрядов прибывали вестовые: отряды пограничников повсеместно вступили в соприкосновение с немецкой пехотой и танками, на некоторых участках организованным пулеметным и минометным огнем удалось потеснить прорвавшегося противника, везде большие потери, просят немедленной помощи. Поступали донесения и из дивизий. К 5.00 основные силы корпуса вплотную выдвинулись к границе и сменили ведущих неравный бой пограничников.

Тремя стрелковыми дивизиями — 45-й, 62-й и 87-й — корпус занимал фронт протяженностью около ста километров. Его оборону атаковали четыре немецкие дивизии, в том числе 14-я танковая.

После нескольких часов напряженного противостояния Федюнинский понял, что самое трудное положение создано на левом фланге, где дралась 87-я стрелковая дивизия генерал-майора Ф. Ф. Алябушева^[11]. Там на узком участке наступали ударные части 298-й, 44-й и 299-й пехотных дивизий противника. Генерал Алябушев, вступивший в командование дивизией совсем недавно, был опытным командиром. Воевал в Гражданскую, затем в Китае, командовал дивизией при прорыве линии Маннергейма во время финской войны.

Двумя полками 87-я стрелковая дивизия заняла укрепленный район в Устилуге. УР и его сооружения находились еще в стадии строительства, инфраструктура отсутствовала. Красноармейцы быстро заняли окопы, сменив истекающих кровью пограничников владимир-волынского отряда НКВД. На их участок фронта наступала 298-я пехотная дивизия. Ее атаки поддерживали артиллерия и авиация. Однако к концу дня 87-я стрелковая дивизия, усиленная полком легких танков Т-26 41-й танковой дивизии 22-го механизированного корпуса, отбросила противника от Владимира-Волынского и, продвинувшись вперед до десяти километров, как свидетельствуют местные хроники, «закрепилась на рубеже Пятыйдни — Хотячев — Суходолы, деблокировав при этом гарнизоны ДОТов владимир-волынского УРа, которые оборонялись уже в тылу противника». Дело доходило до штыковых схваток. В ходе одной из них немцы были сброшены в Западный Буг. На шоссе между Устилугом и Пятыйднями в результате успешной контратаки была разбита и полностью уничтожена колонна 298-го артиллерийского полка противника.

Дальнейшие события на левом фланге развивались не так успешно. Сила с запада напирала огромная, и удержать ее одними только упорством и готовностью к самопожертвованию было невозможно. А ресурс у дивизии, да и у корпуса в целом, был невелик: артполки, минометные и пулеметные роты при тающем с каждым боем ограниченном запасе снарядов и патронов.

Вскоре немцы нашли слабое место — разрыв между флангами 87-й и соседней 124-й стрелковыми дивизиями, расширили брешь и ввели в прорыв основные силы 44-й и 299-й пехотных дивизий. Оборона дивизии была разорвана, ее главные силы оказались в окружении. Боеприпасы заканчивались. В ночь на 25 июня генерал Алябушев приказал своим командирам провести перегруппировку и приготовиться к маршу на соединение с 5-й армией. Ранним утром на рассвете во время рекогносцировки немцы обнаружили его разведку и открыли огонь. В ходе перестрелки генерал и еще несколько офицеров штаба дивизии были убиты. Тела их похоронили жители села Березовичи.

Тем временем 45-я стрелковая дивизия генерал-майора Г. И. Шерстюка^[12] и 62-я стрелковая дивизия полковника М. П. Тимошенко удерживали свои позиции как вкопанные. Полки генерала Шерстюка закрывали противнику путь на Любомль. Войска полковника Тимошенко не позволяли немцам продвинуться на восток ни на метр.

Вечером 22 июня нарком обороны маршал С. К. Тимошенко директивой № 3 отдал приказ мехкорпусам мощными концентрическими ударами при поддержке всей авиации Юго-Западного фронта и других войск 5-й и 6-й армий окружить и уничтожить группировку противника, наступающую в направлении городов Владимир-Волынский и Броды. Ночью шла подготовка к наступлению.

Механизированные корпуса в Красной армии создавались по воле начальника Генерального штаба генерала армии Г. К. Жукова. Но к лету 1941 года лишь немногие из них были полностью укомплектованы и обеспечены техникой, современным вооружением и снаряжением. Кроме того, в ходе боев и маршей обнаружился и еще один изъян соединений и подразделений, оборонявших линию западной границы СССР. В своих мемуарах, говоря о мобилизационных мероприятиях накануне немецкого вторжения, генерал армии Федюнинский как бы между прочим упоминает о том, что в некомплектные части призывали из западных областей Украины. Рассекреченные совсем недавно документы свидетельствуют о том, что многие бывшие красноармейцы с приходом немцев вскоре оказались в полицейских формированиях новых властей, в зондеркомандах

различного типа и назначения, в учебных командах, в разведывательных и диверсионных подразделениях абвера. Другой поток «западенцев» хлынул в лес, в Карпаты и предгорья, на глухие хутора и в тайные схроны. Они пополнили курени и боевки украинских националистических формирований различного толка — Организации украинских националистов (бандеровское движение) (ОУН(б), Украинской повстанческой армии (УПА), «мельниковцев», «бульбовцев» и других.

Уже когда шли бои в приграничной полосе, националисты начали настоящую войну в советских тылах. Взрывали мосты, телеграфные столбы, портили связь, убивали часовых, обстреливали штабы и войсковые колонны. «В Ковеле, где пока оставался штаб корпуса, — вспоминал Федюнинский, — было беспокойно. Усилились провокационные вылазки бандеровцев. То в одном, то в другом районе города вспыхивала стрельба. После полудня (22 июня. — С. М.) мне доложили, что недалеко от Ковеля 18 самолетов противника высадили десант. Пришлось отправить туда подразделения из второго эшелона 45-й дивизии. Десант был окружен и уничтожен. Через некоторое время мне снова позвонили:

— Товарищ Федюнинский? Иван Иванович? Говорит председатель Кучанского сельсовета. Немцы выбросили десант! Помогите!

В названный район мы послали подразделение, но оказалось, что председатель сельсовета не звонил и никакой десант там не высаживался. Такие провокационные звонки повторялись в течение дня еще несколько раз, но мы стали бдительнее.

Цель провокаций была ясна. Враги пытались нас запугать, посеять неуверенность в безопасности тыла и флангов, принудить к отвлечению войск от выполнения боевой задачи».

Контрнаступление советских корпусов успеха не имело. Сказывалось многое: и слабая обученность личного состава, что, конечно же, влияло на управляемость частями и соединениями, и изношенность старой техники, и перебои в обеспечении, в том числе горючим и боеприпасами, и несовершенство связи между штабами и войсками, и понесенные потери. Тем не менее удары механизированных и стрелковых корпусов застопорили продвижение немецкой группировки.

Каждое сражение, которое давала Красная армия в первые дни войны и на протяжении всего лета 1941 года, каждый бой, каждая стычка, каждый выстрел из орудия, танка или винтовки в сторону врага имели большое значение, меняли сюжет войны в пользу Красной армии, влияли на исход всей мировой бойни. В итоге и приграничного сражения, и последующих блицкриг германской армии не удался. Как бы ни группировали немецкие

штабы свои войска, как бы ни концентрировали танковые и моторизованные соединения на ключевых направлениях и участках фронта, но с ходу, первым ударом, как это планировалось первоначально, вермахту не удалось взять ни Ленинград на севере, ни Москву в центре, ни Киев на юге. Киев пал значительно позже, а Москву и Ленинград немецкие солдаты разглядывали только издали в сильные бинокли.

После первого дня непрерывных боев стало очевидным — оборону 15-го стрелкового корпуса немцы прорвать не смогли. Разведка сообщала с разных участков стокилометрового фронта: противник ведет перегруппировку и интенсивную разведку, его разведгруппы замечены на стыках частей. Утром надо было ждать нового удара, и он последовал. А ночью командир корпуса читал политдонесения, поступившие из дивизий.

...Во время контратаки 87-й стрелковой дивизии в районе Лудзина бойцы и командиры действовали решительно, в одном строю. Легкораненые не покидали рядов атакующих.

...Наводчик орудия 33-го отдельного зенитного дивизиона Пинчук, будучи раненым, продолжал вести огонь и сбил два самолета противника.

...Боец тракторист Скидин, заметив, что во время обстрела загорелся прицеп с боеприпасами, выскочил из трактора и, рискуя жизнью, потушил огонь.

...Политрук Бутарев в бою заменил раненого командира роты. Под его командованием стрелковая рота уничтожила восемьдесят четыре фашистских солдата и трех офицеров, захватила трофеи: шесть пулеметов, сорок гранат и шесть тысяч патронов.

К исходу второго дня войны обстановка на фронте более или менее прояснилась. И она была ужасной: противник прорвался южнее, на стыке 5-й и 6-й армий, и развивал наступление узким клином на Луцк и Новоград-Волынский направлением на Киев. 124-я стрелковая дивизия соседнего 27-го стрелкового корпуса, оказавшаяся под мощным ударом танков и мотопехоты, отошла к реке Стырь. Связь с ее штабом прервалась. Тем временем 87-я стрелковая дивизия продолжала упорно удерживать район Устилуга. Ей грозило окружение, и Федюнинский отдал командиру дивизии приказ на отход. 45-я стрелковая дивизия медленно, цепляясь за каждый бугорок, отходила на восток, но по-прежнему удерживала Л юбомль на важнейшем Ковельском направлении. Положение на правом фланге тоже ухудшилось. Там дралась 62-я стрелковая дивизия полковника Тимошенко, прикрывавшая стык с Западным фронтом. Однако, несмотря на все усилия, локтевая связь с левым флангом соседнего фронта была уже потеряна.

Тем временем южнее, в районе Луцка и Дубно, шло ожесточенное танковое сражение.

Двадцать шестого июня 15-й стрелковый корпус по приказу командующего 5-й армии начал отход на восток. Арьергарды прикрывали марш основных сил, продолжая удерживать район Ковеля. Вместе с корпусом по маршруту Ковель — Софиевка — Маневичи — Рафаловка — Сарны двигались 41-я танковая дивизия и части 215-й моторизованной дивизии 22-го мехкорпуса, а также 289-я гаубичного артиллерийского полка РКК, другие подразделения из разбитых или попавших в окружение частей 5-й армии. Тем же курсом следовал 1-й отдельный дивизион бронепоездов. Следом за отступающим корпусом шли по тылам противника на соединение с основными силами вырвавшиеся из окружения полки 87-й стрелковой дивизии.

Накануне из Ковеля железной дорогой отправили семьи офицеров. Федюнинский попрощался с Еленой Владимировной — она уезжала вместе со всеми.

Об эвакуации из Ковеля Федюнинский оставил яркие воспоминания: «Пора было отводить из Ковеля и штаб корпуса. Немногочисленные арьергарды уже не могли сдерживать натиск гитлеровцев и держать сплошной фронт. Отдельные подразделения противника перерезали шоссе Луцк — Ковель. В самом городе стрельба, не стихавшая в последние дни, усилилась. Мне доложили, что бандеровцы взорвали мост через Турию, отрезав нам отход. Положение создавалось критическое. Вокруг Ковеля раскинулись труднопроходимые болотистые места, дороги через которые были разрушены. Мысленно досадуя на себя за то, что затянул с отводом штаба, я приказал подразделениям саперов, связистам и всем штабным командирам готовиться к обороне, а сам вместе с генералом Рогозным^[13] стал намечать новый маршрут по карте, изученной за последние дни до мелочей.

В этот момент вошел корпусной инженер майор Коваленко:

— Товарищ полковник! Мост построен, можно начинать переправу.

— Какой мост? — удивился я. — Докладывайте точнее.

— Мост через Турию. Когда стало известно о диверсии бандеровцев, я распорядился немедленно навести новый мост немного левее прежнего.

У меня как гора с плеч свалилась.

Благополучно переправившись через реку, штаб корпуса разместился в населенном пункте Оконск. Впервые с начала войны мы оказались в относительно спокойной обстановке. Перед фронтом корпуса противник особой активности не проявлял. Местами мы даже не имели с ним

непосредственного соприкосновения. Это объяснялось тем, что, понеся серьезные потери в боях у границы, гитлеровцы перебросили наиболее боеспособные части на направление своего главного удара, на направление Луцк, Ровно.

Пользуясь небольшой передышкой, можно было укрепить новый оборонительный рубеж, привести в порядок части, подвести некоторые итоги первой недели боев.

Несмотря на тяжелые потери, корпус сохранил боеспособность. 45-я и 62-я дивизии занимали оборону и были готовы к отражению новых ударов врага. Труднее всех пришлось 87-й дивизии. На третий день войны погиб ее командир, и командование принял начальник штаба полковник М. И. Бланк. Дивизия оказалась разделенной на две части. 16-й стрелковый полк находился в резерве корпуса, а остатки двух других ее стрелковых полков, окруженные в районе Владимира-Волынского, под командованием полковника Бланка пробивались на соединение с нами».

О неудачных контрударах механизированных и стрелковых корпусов в приграничном сражении в июне 1941 года написано много. Тема широкая. Споры продолжаются. Архивы постепенно открываются, предлагая спорщикам и исследователям новые и новые данные. Но главную суть неудач первых дней войны генерал армии Федюнинский высказал еще пятьдесят лет назад: «Первая неделя войны принесла нам много огорчений. Вражеской авиацией и диверсионными группами были выведены из строя узлы и линии связи. Радиостанций в штабах не хватало, да и пользоваться ими мы еще не привыкли. Подвижные средства связи несли большие потери и в сложной, быстро меняющейся обстановке оказывались малоэффективными. Все это приводило к тому, что приказы и распоряжения доходили до исполнителей с опозданием или не доходили вовсе. Отсюда и разобщенность наших контрударов, нарушение взаимодействия между родами войск.

Плохо осуществлялось, в частности, взаимодействие между пехотой и танками. Это особенно отчетливо выявилось 24 июня, когда мы предприняли контратаку в районе Любомль. Командир 41-й танковой дивизии полковник Павлов проявил нерешительность. Он больше всего беспокоился о сохранности техники, а не о наиболее эффективном использовании ее в сложившейся обстановке.

Слабо велась у нас в первые дни войны разведка противника, особенно ночью.

Связь с соседями нередко отсутствовала, причем зачастую никто и не стремился ее устанавливать. Противник, пользуясь этим, просачивался в

тыл наших подразделений, нападавал на штабы частей.

Несмотря на господство противника в воздухе, плохо соблюдались меры маскировки на маршах. Часто на узких дорогах образовывались скопления войск, автомашин, артиллерийских орудий, походных кухонь. По таким «пробкам» фашистские самолеты наносили весьма чувствительные удары.

Нужно отметить также, что в войсках вначале недооценивали значение инженерных работ. Были случаи, когда бойцы не рыли окопов отчасти из-за нетребовательности отдельных командиров, отчасти из-за нехватки шанцевого инструмента. Положение с шанцевым инструментом было так плохо, что в некоторых подразделениях солдаты пользовались вместо лопат касками».

Двадцать девятого июня корпус по переправам и бродам перешел реку Стоход и занял оборону на рубеже Малый Обхир — Бережицка — Кашовка. В этот день закончилось танковое сражение в районе Луцк — Дубно. Остатки мехкорпусов отходили на восток. В сражении было потеряно огромное количество танков и бронетехники.

В первых числах июля 5-я армия продолжила отход.

1 июля силами 22-го мехкорпуса армия нанесла контрудар в направлении на Дубно. В какой-то мере это помогло остальным корпусам — 15-му, 31-му и 27-му стрелковым — организованно отойти на промежуточные позиции и вывести тяжелое вооружение, боевую технику, санитарные обозы и тылы.

Третьего июля едва не произошла катастрофа. 56-я пехотная дивизия противника, которая все эти дни, то отставая, то настигая отходящие части 45-й стрелковой дивизии и 178-го артполка, неожиданно сделала бросок и вклинилась между 45-й и 62-й дивизиями. Удар удалось отбить, брешь закрыли. Но на юге немцы наступали стремительно. Немецкие танки вошли в Ровно. Создалась угроза окружения 5-й армии. Поступил приказ ускорить марш на отход.

Порой это походило на бег. Бойцы проходили до тридцати километров в сутки. При этом несли на себе пулеметы, минометные плиты и ящики с боеприпасами. Командиры с трудом удерживали порядок на дорогах.

Третьего июля Федюнинскому доложили: шедшая за ними по ту сторону фронта 87-я стрелковая дивизия под командованием начальника штаба полковника М. И. Бланка^[14] и начальника политотдела полкового комиссара П. У. Диденко вышла на связь, их разведка перешла линию фронта и находится в штабе 62-й стрелковой дивизии. Командир корпуса тут же приказал готовить совместный удар с целью вызволения из

окружения 87-й стрелковой дивизии.

Удар удался. Дивизия из окружения вышла. 2891 человек при девяти орудиях, пяти минометах, одиннадцати пулеметах и личном оружии. Вынесли раненых. Конечно, это были крохи — но вышли организованно, во главе с полевым управлением, тылами и обозами с ранеными.

В те дни произошел такой случай.

Однажды во время обеда военный прокурор корпуса принес на утверждение очередную бумагу. Положил перед командиром корпуса несколько машинописных листков и сказал:

— Трибунал приговорил шестерых солдат за добровольную сдачу в плен к высшей мере наказания — расстрелу. Для наглядности рекомендую привести в исполнение перед строем.

— Где они, эти шестеро приговоренных?

— Как где? Под арестом, — ответил прокурор.

Федюнинский отодвинул солдатскую чашку и подумал: черт тебя принес во время обеда... Взглянул на бумаги и сказал:

— Непонятно — как это они сначала добровольно сдались в плен, а потом снова оказались у нас?

— А вы прочитайте внимательно. Тут все изложено. Все совершенно ясно. Налицо измена родине.

Оказалось, шестерых солдат, артиллерийских мастеров, вызвали в одну из частей для ремонта поврежденных во время авианалета пушек. Пока они добирались, немцы захватили деревню, где квартировал штаб артполка. Штаб отошел, а мастера влетели на грузовике в ту деревню прямо в руки немцев. На счастье, вскоре началась контратака. Наши войска отбили деревню, освободили пленных, в том числе команду артмастеров. Те уже приступили к ремонту пушек, когда за ними пришли конвойные. Буквально через несколько часов состоялся скорый суд. И вот он, приговор. Суровый документ лежал перед солдатской чашкой командира корпуса.

— Прикажите привести ко мне осужденных, — сказал Федюнинский.

Вошли шестеро бойцов. Без ремней, без звездочек на пилотках. Бледные, растерянные.

— Вам объявили приговор? — спросил полковник.

— Так точно, — ответил один, высокий сверхсрочник в щегольских хромовых сапогах. Видимо, он был у них за старшего.

Федюнинский внимательно посмотрел на бойцов, на прокурора. Подумал: отремонтировать пушки прокурор не будет, да и история какая-то глупая... И сказал:

— Вот что, ребята, расстреливать вас не будем. На первый раз

поступим так: получите винтовки и — в стрелковую роту. Вину свою... — При этом выразительно посмотрел на прокурора. — Вину свою испкутите в бою. Вопросы есть?

Сверхсрочник, преодолевая напряжение, улыбнулся и ответил:

— Спасибо вам, товарищ командир корпуса! Оправдаемся в бою! А то бы... Очень уж обидно было бы умереть от рук своих товарищей. А к винтовкам и окопам нам не привыкать.

Впоследствии на некоторых из них он подписывал наградные листы. Оправдались, хотя никакой их вины в произошедшем командир корпуса не усматривал. Но непросто выдернуть бойцов из-под карабинов комендантского взвода, когда истории уже дан ход и в нее втянуты и особый отдел, и прокуратура...

В первых числах июля пошли дожди. Дороги сразу раскисли. Жирный украинский чернозем превратился в жижу, непроходимую и непроезжую. Марш на отход продолжался. Дивизии не прекращали движения ни днем ни ночью. Из штаба армии поступил приказ: отходить на участок Коростеньского укрепрайона и занимать оборону там.

Коростеньский УР № 5 был построен в 1930-е годы. Это был мощнейший комплекс оборонительных сооружений, возведенный вскоре после войны с «панской», как тогда говорили, Польшей и под впечатлением тех неудач, которые Красная армия испытала под руководством Тухачевского. До самого 1939 года для Киевского военного округа Польша оставалась главным потенциальным противником. Для прикрытия границы решено было построить цепь укрепрайонов. Коростеньский УР должен был проходить вдоль западной границы в 40–50 километрах. На севере укрепрайон упирался в непроходимые болота Полесья, прикрывая направление Овруч — Коростень.

Когда немцы 5 июля прорвали Новгород-Волынский УР и хлынули в направлении Киева, Ставка приказала генералу М. И. Потапову отвести соединения 5-й армии к Коростеньскому УРу и к утру 9-го числа занять там оборону. 15-й стрелковый корпус должен был отойти на рубеж Рудница — Белокоровичи. Но обстановка постоянно менялась. 9 июля по приказу штаба Юго-Западного фронта армия нанесла контрудар, но из-за несогласованности действий успеха он не имел. К исходу 11 июля Федюнинский наконец вывел свои дивизии и артполки к укрепрайону. Корпус занял оборону в секторе Руднице — Рудня Озеранская — Белокоровичи.

Марш к Коростеньскому УРу оказался изнуряющим. Колонна штабных машин двигалась в общем потоке. Впереди была переправа через

реку Стырь. Чем ближе подъезжали к переправе, тем медленнее шли впереди идущие машины. На переправе движение окончательно застопорилось.

Федюнинский вышел из машины. Осмотрелся. Была ночь, но глаза привыкли к темноте. Над рекой, над мостом и коробками застывших грузовиков и тягачей висел тяжелый серый туман мелкого морозящего дождя. Колонна казалась мертвой, как будто водители бросили свои машины и ушли неизвестно куда. Только у въезда на мост стояло несколько человек. Они молча смотрели в туман и курили, на всякий случай пряча огоньки папирос в рукава.

— Что случилось? Почему задержка? — спросил их командир корпуса. Его сразу узнали. Попрятали в карманы потушенные самокрутки.

— Не иначе как «пробка», товарищ командир корпуса, — ответил один из них.

— И давно стоите?

— Давно. С полчаса, не меньше.

Федюнинский махнул адъютанту:

— А ну-ка, пройдемте вперед, посмотрим, что там такое, почему стоим.

Мост через реку был длинным, со свежими бревенчатыми латками — саперы постарались. За мостом с полкилометра тянулась высокая насыпь. И на мосту, и на насыпи вплотную, будто уткнувшись друг в друга, стояли автомашины. В кабинах действительно никого не видать.

— Где же водители?

— Спят все, товарищ полковник, — доложил адъютант. — Спят в кабинах машин.

Дождь прекратился. Из-за туч выглянула луна. Сразу стало светлее.

«Что, если на это сонное царство налетят немецкие самолеты? — подумал Федюнинский. — И колонну разнесут, и мост. А ведь по нему переправляться всем трем корпусам, всей армии».

— Пойдемте дальше, — сказал командир корпуса адъютанту и группе офицеров, которая постепенно собралась вокруг них.

В самом конце насыпи, где дорога выбиралась на широкую поляну, почти поперек колеи стояла грузовая машина. Впереди дорога была пустой.

— Вот уж выбрал место! — сказал адъютант, укоряя водителя за то, что он так раскорячился на проезжей части. — Ну что бы ему еще метров десять вперед проехать и на полянку свернуть! И спи себе, никому не мешая, пока не очухаешься!

— Некуда ему было дальше двигаться, — махнул рукой Федюнинский

без всякой злобы.

На кого злиться? На водителя, который, остановившись в «пробке», мгновенно уснул? Уснул, а проснуться не может. Возможно, он уже не первую ночь не спит. Укорять уснувшего за баранкой бойца — все равно что укорять дождь за то, что он идет всю ночь.

Федюнинский осветил карманным фонарем номер машины:

— Нашего корпуса.

Транспорт в колонне перемешался, на восточный берег спешили попасть все три корпуса. Кто оказался проворнее, тот уже там.

Адъютант распахнул дверь кабины. Шофер спал, опустив голову на баранку. Молоденький, должно быть, из последнего призыва.

— Мамку во сне видит, — покачал головой Федюнинский.

Рядом с водителем вовсю храпел капитан. Полковник толкнул его:

— Почему спите?

Капитан подскочил:

— Так «пробка» же, товарищ полковник!

— Какая, к черту, «пробка»! Посмотрите вперед!

Капитан, чувствуя свою вину, выскочил из кабины и вместе с адъютантом кинулся будить уснувший народ.

Проехали километра три. Снова остановились.

Молодой сосняк. Болото. Дорога разбита так, что в заполненных болотной жижей колдобинах машины проваливались до бортов.

Федюнинский вышел из машины. Сразу определил: каждый водитель хлопчет только вокруг своей машины. Тут же собрал нескольких офицеров, приказал навести порядок.

Штабель телеграфных столбов, заготовленных, по всей вероятности, еще до войны, тут же распилили пополам и выложили дорогу по болотине. Машины сразу же пошли, пошли, пошли... Колонна стала рассасываться.

К командиру корпуса подбежал незнакомый капитан:

— Товарищ полковник, примите нас под свое командование. Отбились от части, блуждаем по лесу четвертый день. Люди давно не ели. Да и не знаем толком, куда идти.

— Сколько у вас бойцов?

— Почти целый батальон. Саперный.

— Инструменты есть?

— Есть. Пилы, топоры. Ничего не бросили.

— Ну, вот что, капитан. Я — командир корпуса. Пока будете следовать с нашими частями. На довольствие вас поставят с сегодняшнего дня, я распоряжусь. А сейчас приступайте к строительству дороги.

— Есть, товарищ полковник, приступить к строительству дороги! — обрадовался капитан.

Буквально за пару часов саперы построили лежневку длиной около километра. По ней машины пошли без задержки.

«10 июля войска 5-й армии с южного фаса Коростеньского укрепленного района нанесли контрудар по северному флангу Группы армий «Юг» в направлении Новоград-Волынский — Червоноармейск, — вспоминал Федюнинский. — 14 июля наши механизированные корпуса перерезали шоссе между Новоград-Волынском и Житомиром. В результате оказались скованными шесть пехотных и две моторизованных дивизии врага. Противник вынужден был направить им в помощь пять пехотных дивизий из района Бердичева.

Такому количеству сил войска 5-й армии противостоять не могли. С упорными боями ее левофланговые соединения начали отходить обратно к Коростеньскому укрепленному району. Наиболее ожесточенные бои завязались за крупный населенный пункт Малин».

Летом 1941 года немцы располагали крупными резервами, свободно маневрировали ими в полосе действий дивизии, корпуса, армии, группы армий. Очень скоро эти резервы иссякнут. Их поглотит война — стойкость и упорство красноармейцев, которыми командовали такие командиры, как полковник Федюнинский, генерал Шерстюк, полковник Тимошенко, полковник Бланк, неизвестный капитан, командир саперного батальона, генералы Кондрусев и Алябушев, начальник погранотряда подполковник Сурженко и другие.

Во время боев за Малин Федюнинский прибыл на НП командира 45-й дивизии генерала Шерстюка. Двое суток полки дивизии атаковали, но продвижение было несущественным. Наконец Шерстюк остановил атаки. Немцы организовали сильный фланкирующий огонь, буквально засыпали атакующих минами.

Комдив доложил обстановку. Она и так была видна: батальоны, прижатые минометным и пулеметным огнем, зарывались в землю.

— Что думаете предпринять? — спросил командир корпуса, не отрываясь от бинокля.

— Атаки я пока остановил. Сюда они стянули все огневые средства. Произведу перегруппировку и буду наносить удар на другом участке. Правее. Вот здесь. — И Шерстюк ткнул карандашом в карту. — Ударная группа уже готовится. Там у немцев стык между двумя пехотными батальонами. Стык обычно прикрывают пулеметы. Но пулеметы они перебросили сюда. Ждут очередной нашей атаки. А мы атакуем там, где

нас не ждут.

— Откуда у вас такие данные?

— Во-первых, у нас постоянно работают наблюдатели. — Генерал Шерстюк говорил уверенно, неторопливо. Похоже, он все уже рассчитал. — Во-вторых, мои ребята, разведчики, добыли кое-какие оперативные документы.

Федюнинский вопросительно посмотрел на командира дивизии. Тот пояснил:

— Попал тут к нам в руки планшет немецкого офицера. По случаю. — И Шерстюк кивнул на бойца, который сидел под сосной с перевязанной макушкой, и, пристроив на коленях котелок, самозабвенно орудовал ложкой. — Вон он, отъедается. Пулеметчик Александров. Крепкий парень, плечистый. Во всех смыслах.

И рассказал генерал такую историю про своего бойца.

Вчера немцы на участке его роты неожиданно атаковали крупными силами до батальона. Рота не выдержала натиска и отошла. Александров с пулеметом остался в своем окопе. Вел огонь, пока не закончились патроны. Только когда пулемет замолчал, понял, что кругом немцы, что его окружают и что он может попасть в плен. Расчехлил саперную лопатку и бросился на немецкого офицера, ударил его лопаткой, забрал планшет, пистолет и скрылся в лесу. Всю ночь плутал по лесу, утром вышел к своим. Командир полка его сразу прислал вместе с планшетом в штаб дивизии.

Бои за Малин не стихали более десяти суток. Перед корпусом полковника Федюнинского стояли 262-я и 113-я пехотные дивизии противника. Они понесли в тех боях большие потери, но продолжали атаковать, постоянно проводя перегруппировку.

Наступил август. Немцы все упорнее атаковали оборону 5-й армии на рубеже Коростеньского укрепрайона. 15-й стрелковый корпус стоял как вкопанный. Слабое место было найдено на соседнем участке, где оборонялся 31-й стрелковый корпус. Прорыв ликвидировать не удалось. Начался отход армии на новый рубеж. Войска покидали Коростеньский УР, уходя за Днепр.

Уже на марше офицер связи передал полковнику Федюнинскому пакет из штаба фронта. В нем был приказ: возглавить оборону города Чернигова. Корпус был усилен артиллерией и еще несколькими частями.

Чернигов встретил своих защитников пожарами и кирпичными завалами рухнувших во время бомбежки домов. Корпус быстро занял оборону. Штаб расположился в лесу.

Уже на следующий день на окраинах города были замечены немецкие

мотоциклисты. Их отогнали пулеметным огнем, а вскоре подошли и основные силы. Начались бои.

На вторые сутки, ночью, по телетайпу поступила телеграмма: полковнику Федюнинскому передать командование корпусом полковнику Бланку и срочно выехать в штаб фронта с личными вещами. Телеграмму подписал начальник штаба 5-й армии генерал-майор Писаревский. Причина вызова не указывалась.

Утром Федюнинский был уже в штабе армии. Генерал Потапов пригласил его на прощальный обед. Сказал:

— Насколько мне известно, вас вызывают в Москву. Новое назначение. Видимо, дадут армию.

«За обедом вспомнили ХалхинГол, — писал в книге «Поднятые по тревоге» Федюнинский. — М. И. Потапов командовал Южной группой. Никишев был членом Военного совета 1-й армейской группы, а я командиром 24-го мотострелкового полка 36-й мотострелковой дивизии, входившей в состав Центральной группы.

— Удачно мы провели тогда удары по флангам, — заметил генерал Потапов и, вздохнув, добавил: — Сейчас так пока не получается».

Простился он тогда со своими дальневосточными боевыми товарищами надолго. Никишев вскоре погиб, Потапов попал в плен и был освобожден лишь в 1945 году.

Разговор в штабе фронта был коротким. Комфронта генерал Кирпонос взглянул на прибывшего и сказал:

— Знаю, знаю. Вам надлежит убыть в Москву. Получите новое назначение. Самолетом лететь не рекомендую, опасно. Поезжайте лучше машиной.

В пошивочной мастерской при штабе фронта ему подобрали комплект полевой генеральской формы. Звание генерал-майора Федюнинскому присвоили еще 12 августа. Он прикрепил к петлицам генеральские звезды да заменил нарукавные нашивки. Однако начальник штаба фронта генерал М. А. Пуркаев^[15] внимательно осмотрел его и сказал, что форму нужно заменить.

В Москве в Генеральном штабе его встретил генерал-майор А. М. Василевский. Первое, что он сообщил, было то, что его считали погибшим, так как в Генштаб поступила телеграмма: командир 15-го стрелкового корпуса погиб в бою в районе Чернигова. Это был полковник Бланк.

Генерал Потапов был прав: ему давали армию.

32-я армия, на которую он получил назначение, находилась где-то в районе Вязьмы. Она входила в состав Резервного фронта. Штаб армии он отыскал в лесу западнее Вязьмы. Его встретил начальник штаба, доложил обстановку и сразу же ввел в курс дел.

32-я армия была сформирована в июле 1941 года в Западном Подмосковье, под Наро-Фоминском и Кубинкой. В ее состав вошли 2,7, 8,13 и 18-я дивизии народного ополчения, артиллерийские и другие части. Армию включили в состав Резервного фронта, и вскоре она заняла оборону под Дорогобужем. Стояла она во втором эшелоне в затылок 16-й армии.

От своего начштаба Федюнинский узнал, что 16-й армией командует Рокоссовский. Буквально на следующий день он отправился к нему. В расположение штаба соседей добрался только к ночи. Дежурный сказал, что командующий еще работает в своем штабном автобусе. Всё тогда, летом 41-го, было на колесах. Сегодня здесь, завтра там...

Рокоссовский был рад встрече. Фронтная судьба снова сводила их на одном участке фронта.

Вспомнили последнюю встречу в самый канун войны в Ковеле.

— Теперь там немцы... — с горечью сказал один.

Другой покачал головой и ничего не ответил.

Потом, словно спохватившись, Рокоссовский начал знакомить соседа с обстановкой на фронте. Немцев остановили на смоленской равнине, на Ярцевских высотах. Но в последнее время тылы их оживились.

— Накапливают силы?

— Все очень похоже на то, что происходило там, на границе, — ответил Рокоссовский.

Начали рассматривать карту, районы сосредоточения противника, которые определила авиаразведка.

В дверь постучали. Вошел дежурный и доложил, что на имя командующего 32-й армией генерала Федюнинского получена срочная депеша. Торопливо прочитал телеграфные ленты, наклеенные на четвертушку серой бумаги: передать дела начальнику штаба и срочно прибыть в Ставку...

— Вызывают в Москву.

Они обнялись, пожелали друг другу удачи. Фронтные дороги еще сведут их, но не скоро.

Не заезжая в штаб 32-й армии, он помчался в Москву.

В начале октября немцы начнут операцию «Гайфун» — мощный бросок на Москву. И 16-я, и 32-я армии будут разбиты. Генерал

Рокоссовский с частью своих и приставших по дороге войск выйдет к Можайску. 32-я почти вся погибнет в окружении.

В Москве Федюнинского принял Василевский:

— Вы направляетесь в Ленинград. Там создается тяжелое положение. Вылет — завтра утром. Новое назначение получите на месте.

Тогда он еще не знал, что накануне в Ставке состоялся разговор Верховного главнокомандующего с генералом Жуковым.

Решалась судьба Ленинграда.

Глава седьмая

ЛЕНИНГРАДСКАЯ ИСТОРИЯ: 42-Я АРМИЯ

«Будем защищать Ленинград до последнего человека!..»

Халхингольцы надолго не расставались, так складывалась судьба. Обстоятельства службы и войн разбрасывали их по округам, гарнизонам и фронтам и потом снова собирали вместе, где было особенно жарко и требовались выдержка, холодный расчет, твердость и боевой опыт.

Впереди у Федюнинского была встреча со своим непосредственным командиром по Баин-Цаганскому сражению. Тогда, в 39-м, Жуков командовал 1-й армейской группой, а теперь был членом Ставки Верховного главнокомандования в звании генерала армии.

Когда Жуков прибыл из-под Ельни в Москву и услышал от Верховного, что дела под Киевом очень плохи, он подумал, что теперь его снова ждет юго-западное направление. Воюя на Резервном фронте, в районе Ельни, он несколько раз посылал в Ставку свои предположения по поводу развития событий под Киевом, писал о необходимости отвода войск за Днепр.

Верховный расспросил его о 24-й армии, о дивизиях, которые особо отличились в боях за Ельню. И вдруг без всякого перехода сказал:

— Вам придется лететь в Ленинград и принять от Ворошилова командование фронтом и Балтфлотом.

— Готов выполнить любое задание, — ответил Жуков.

— Город почти в безнадежном состоянии. Если немцы возьмут Ленинград и соединятся с финнами, они тут же с северо-востока, в обход, ударят на Москву. — Сталин сделал паузу. — Имейте в виду, в Ленинград вам придется перелетать через линию фронта или через Ладожское озеро, которое контролируется немецкой авиацией.

Верховный взял со стола блокнот и быстро что-то в нем написал, затем вырвал лист, сложил его и подал Жукову.

— Лично вручите товарищу Ворошилову. — И, раскурив трубку, сказал: — Приказ Ставки о вашем назначении будет отдан позже, когда придете в Ленинград.

На вопрос Сталина, какие будут просьбы, Жуков ответил, что ему в помощь нужны два-три генерала. Сталин кивнул:

— Берите, кого хотите.

Жуков тут же решил: нужно срочно отзывать в распоряжение Ставки Федюнинского и Хозина...

Настроение Верховного было подавленным. И он снова заговорил о Киеве:

— Плохо складываются дела на юго-западном направлении. Мы решили заменить там главкома. Кого, по вашему мнению, следует туда послать?

— Маршала Тимошенко, — не раздумывая сказал Жуков.

Сталин посмотрел на Жукова вопросительно, ожидая пояснения. И Жуков продолжил:

— Маршал Тимошенко за последнее время получил большую практику в организации боевых действий, да и Украину он знает хорошо.

— Рекомендуете Тимошенко?

— Да.

— Пожалуй, вы правы. А кому поручим вместо Тимошенко командовать Западным фронтом?

— Командующему 19-й армией генерал-лейтенанту Коневу.

Как впоследствии вспоминал маршал, Сталин сразу же отдал по телефону распоряжение начальнику Генштаба Шапошникову вызвать в Москву Тимошенко и готовить приказ о назначении Конева.

Тема встречи была исчерпана, но Верховный не отпускал своего генерала.

— Как вы расцениваете дальнейшие планы и возможности противника? — спросил он.

— Группа армий «Центр», вышедшая в район Чернигов — Новгород-Северский, может смять 21-ю армию и прорваться в тыл Юго-Западного фронта, — ответил Жуков. — Уверен, что группа армий «Юг», захватившая плацдарм в районе Кременчуга, будет осуществлять оперативное взаимодействие с армией Гудериана. Над Юго-Западным фронтом нависает серьезная угроза. Еще раз рекомендую немедленно отвести всю киевскую группу на восточный берег Днепра и за ее счет создать резервы где-то в районе Конотопа.

— А как же Киев?

— Как это ни тяжело, товарищ Сталин, а Киев придется оставить. Иного выхода у нас нет.

Сталин снова связался по телефону с Шапошниковым, спросил:

— Что будем делать с киевской группировкой? Жуков настойчиво рекомендует немедленно отвести ее. — И, выслушав ответ начальника Генштаба, сказал: — Завтра здесь будет Тимошенко. Продумайте с ним этот вопрос, а вечером переговорим с Военным советом.

В тот же день Жуков заехал в Генштаб. Зашел к заместителю начальника Генштаба Василевскому. Говорили, конечно же, о Ленинграде, о сложившейся там обстановке в результате последних немецких ударов.

— Необходимо срочно вызвать в Ставку несколько генералов. Они полетят со мной. Верховный кандидатуры одобрил. — И Жуков положил на стол листок, вырванный из полевого блокнота. Первой в списке стояла фамилия генерал-майора Федюнинского.

— Он только что отбыл в район Дорогобужа. Назначен на 32-ю.

— Очень хорошо. Подберем ему хорошую работу и под Ленинградом...

— Хозин^[16] возглавит штаб фронта, — сказал Жуков как о твердо решенном. — Он справится. Кокорева^[17], с вашего позволения, забираю порученцем, а там посмотрим. Федюнинского... Федюнинский — генерал боевой, возглавит самое опасное направление. Он справится. Знаю его по Монголии.

Расставаясь, Жуков спросил о юго-западном направлении.

— Думаю, что мы уже крепко опоздали с отводом войск за Днепр, — сказал Василевский.

Состоялся разговор и с маршалом Шапошниковым. Борис Михайлович подробно рассказал о том, что происходит в районе Ленинграда: еще к концу августа немцы вышли к Неве, 8 сентября заняли Шлиссельбург и вышли к Ладожскому озеру, полностью блокировав город с суши, так что теперь сообщение с городом осуществляется только по воде и по воздуху. Командующий войсками Ленинградского фронта маршал Ворошилов отдал приказ уничтожить самые важные объекты и готовить город к эвакуации. Но комиссия во главе с Молотовым, которая только что завершила свою работу, пришла к выводу, что действия и планы Ворошилова мало согласуются с реальной ситуацией, что командующего необходимо срочно заменить.

Шапошников сказал, что положение Ленинграда не такое уж безнадежное, и дал несколько советов по поводу расположения и использования войск, а также возможных действий противника. Советы Шапошникова Жуков всегда ценил.

Вылететь в Ленинград немедленно после разговора в Кремле и

Генштабе, как предполагал Жуков, не получилось. Зарядили дожди, и самолет не выпускали.

Жуков в своих мемуарах пишет, что вылетел в Ленинград 10 сентября. Начальник охраны Бедов, с которым встречался во время работы над книгой о маршале писатель Владимир Карпов, называл другую дату — 11 сентября. Федюнинский написал в воспоминаниях, что только «утром 13 сентября самолет ЛИ-2 поднялся с Внуковского аэродрома и под охраной звена истребителей взял курс на Ленинград. В самолете находились генерал армии Г. К. Жуков, назначенный командующим Ленинградским фронтом, генерал М. С. Хозин, П. И. Кокорев и я».

По словам Бедова, перед тем, как сесть в самолет, Жуков сказал генералам, которые должны были лететь вместе с ним: «Полетим в Ленинград через линию фронта. Немецкие войска вышли к Ладожскому озеру и полностью окружили город. На подступах к городу идут очень тяжелые бои. Сталин сказал мне: либо отстоите город, либо погибнете там вместе с армией, третьего пути у нас нет. Кто согласен, проходите в самолет».

К самолету пошли все.

Что ж, они летели, по существу, в окружение. И то, что Жуков в последнюю минуту предложил генералам выбирать, свидетельствует о том, что приказ № 270 не всегда властвовал над ними.

В Тихвине ЛИ-2 сделал посадку, дозаправился и снова взлетел, взяв курс на Ленинград. Его сопровождали три звена истребителей ЛаГГ-3. Перед вылетом местные летчики предупредили командира экипажа транспортника: «Трасса трудная, опасная, «мессершмитты» все время шныряют».

Истребители сопровождения принадлежали 3-й резервной авиагруппе Ставки Верховного главнокомандования. Их задачей было обеспечить перелет транспортника из Тихвина на Комендантский аэродром в Ленинграде. Перед вылетом на построении командир авиагруппы полковник Холзаков предупредил своих соколов: «Сейчас поведете этот «дуглас». Любой ценой. Понятно? Если не доведете транспортника до Комендантского, домой не возвращайтесь...»

Погода была нелетной. Низкая облачность. Дождь.

Транспортник тянул низко над лесом курсом на северо-запад. Девятка истребителей шла выше. Вот как рассказывал об этом полете маршал авиации Силантьев^[18], в то время младший лейтенант, пилот одного из истребителей сопровождения: «Вылетели двумя группами. Первая, в которой находился и я, состояла из двух звеньев — впереди и сверху

«Дугласа». Возглавлял ее опытный боевой летчик штурман полка капитан Панюков. Вторая в количестве одного звена под руководством комиссара эскадрильи Николая Киянченко непосредственно прикрывала сопровождаемый самолет. На всем пути к Ладожскому озеру было пасмурно, накрапывал дождик. Но над озером погода оказалась безоблачной. «Дуглас» перешел на бреющий полет, чтобы не привлечь к себе внимание постоянно шнырявших в этом районе вражеских истребителей. Минут через пять полета над Ладогой с северо-запада на встречно-пересекающихся курсах появилась четверка «мессершмиттов», а за нею — другая. Наша группа с ходу их атаковала, стремясь оттянуть как можно дальше от «Дугласа». Замысел удался. Постепенно бой переместился к Карельскому перешейку. В районе мыса Кюля мне удалось сбить один «мессершмитт». А всего противник потерял в этом бою два истребителя. Вторая группа, отбивая непрерывные атаки «мессершмиттов», довела транспортный самолет до Комендантского аэродрома, расположенного в черте Ленинграда».

В Ленинграде на Комендантском аэродроме генералов никто не встретил. Не поступило никаких распоряжений и начальнику гарнизона аэродрома. В Смольный поехали, можно сказать, на попутке. Жукова это, конечно же, взвинтило, но пока он держался. Правда, как вспоминал потом начальник охраны, фуражку надвинул на глаза — это означало, что туча сгущалась в грозовую...

Дальше — больше. Во двор Смольного машину не пропустили. Остановили возле ворот и потребовали пропуск. Начальник охраны ответил коротко: «На вас пропуска нет — пропустить не могу». Жуков, не выходя из машины, потребовал вызвать начальника караула. Через некоторое время появился старший лейтенант. К нему вышел Бедов, показал свое удостоверение и пояснил, кто находится в машине. Но старшего лейтенанта это не смутило: строго следуя уставу, он стал звонить по телефону начальству. Наконец, получив разрешение, предложил прибывшим выйти из машины и следовать за ним. В приемной история повторилась.

Тогда Жуков надвинул фуражку еще ниже и пнул дверь ногой. Он вошел в кабинет комфронта, холодно кивнул присутствующим и, не раздеваясь, в шинели, сел на свободный стул.

В кабинете маршала Ворошилова шло заседание Военного совета фронта. Жданов, Кузнецов, Исаков, Клементьев... Жуков сразу уловил нить проблемы, которую решали собравшиеся, — как уничтожить важнейшие военные и промышленные объекты города, поскольку, как они полагали, удержать позиции вокруг осажденного Ленинграда уже невозможно.

Жуков достал записку Сталина и молча передал ее Ворошилову. Текст записки был таким: «Передайте командование фронтом Жукову, а сами немедленно вылетайте в Москву». Приказ Ставки о назначении Жукова командующим войсками Ленинградского фронта прибыл чуть позже. Сталин не объяснял своих действий по этому поводу, но они были вполне понятны: если бы немцы сбили транспортник, на котором летели генералы, направленные в Ленинград приказом Ставки, погиб бы не просто генерал Жуков, в то время еще не особенно известный, а командующий войсками Ленинградского фронта. Это обстоятельство еще сильнее воодушевило бы немцев, а обороняющихся деморализовало окончательно.

Ворошилов прочитал записку и сразу сник. Возможно, смысл записки Сталина испугал его — за подобный провал генерал Павлов заплатил головой. Видя замешательство Ворошилова, Жуков встал и, прервав заседание, сам представился как новый командующий войсками Ленинградского фронта. После этого предложил закрыть совещание и с этой минуты прекратить любые разговоры о сдаче города, а вместо этого озаботиться тем, как отстоять Ленинград. Закончил свое вступление в должность он такой фразой:

— Будем защищать Ленинград до последнего человека!

И только после этого снял фуражку и шинель.

Константину Симонову маршал рассказывал о том памятном заседании Военного совета фронта так: «Моряки обсуждали вопрос, в каком порядке им рвать суда, чтобы они не достались немцам. Я сказал командующему флотом Трибуцу: «Как командующий фронтом, запрещаю вам это. Во-первых, извольте разминировать корабли, чтобы они сами не взорвались, а во-вторых, подведите их ближе к городу, чтобы они могли стрелять всей своей артиллерией». Они, видите ли, обсуждали вопрос о минировании кораблей, а на них, на этих кораблях, было по сорок боекомплектов! Я сказал им: «Как вообще можно минировать корабли? Да, возможно, они погибнут. Но если так, они должны погибнуть только в бою, стреляя». И когда потом немцы пошли в наступление на Приморском участке фронта, моряки так дали по ним со всех кораблей, что они просто-напросто бежали. Еще бы! Шестнадцатидюймовые орудия! Представьте себе, какая это силища!»

Умереть в бою или выстоять! Третьего не дано. Не удержи измотанные дивизии фронт в районе Пулковских высот и Урицка, рухнула наша оборона, и что бы тогда грозило командующему фронтом за оставление боевых кораблей противнику? В эти дни расстреливали и за брошенную на поле боя винтовку...

Соперник у Жукова и его генералов под Ленинградом был матерый. Жуков и Федюнинский еще не родились, когда фон Лееб^[19], теперь командующий войсками группы армий «Север», поступил на военную службу и стал фанен-юнкером.

В дневнике фон Лееба, опубликованном на русском языке совсем недавно, записи, датированные началом сентября, полны предвкусения скорого падения Северной столицы русских: «Если Ленинград вследствие голода изъявит желание сдаться, то нужно будет лишить его возможности вновь оказать сопротивление: отправить в лагеря военнопленных всех солдат и военнообязанных, собрав при этом все их наличное оружие...», «русские части, окруженные севернее Луги, все еще продолжают попытки вырваться...», «сегодня мой день рождения — 65 лет. Полковник Шмундт передал поздравление от фюрера и денежный подарок — 250 тысяч марок».

Фон Лееб уже размышлял о том, кого назначит комендантом Ленинграда и как лучше поступить, когда русский гарнизон выбросит белый флаг, — входить в город или подождать, удерживая блокаду, пока там все не перемрут от голода...

Но уже скоро тон записок меняется:

«Воскресенье, 14 сентября 1941 г. Сегодня я побывал в расположении 4-й танковой группы. Там узнал от начальника штаба, что в отличие от предыдущих оценок о том, что между 41-м корпусом и Ленинградом противника почти нет, на самом деле Пулковские высоты представляют собой укрепленный район обороны, плотно занятый войсками противника. Дальнейшее наступление 41-го корпуса через Пулково до ближнего рубежа окружения, как было приказано вчера, должно было бы привести к сильным потерям. Чтобы избежать этого и оставить 41-й корпус по возможности боеспособным, каким он сейчас и является, ему приказано пока оставаться у дальнего рубежа окружения, исключая Пулково.

20 сентября 1941 г. В 17.00 у меня был разговор с генерал-полковником фон Кюхлером. Он подчеркивает, что в боях под Ленинградом пехота уже очень измотана. Командир 28-го корпуса заявляет, что он не в состоянии продолжать наступление. Более оптимистичен командир 50-го корпуса. Генерал-полковник фон Кюхлер также придерживается мнения, что окружение Ленинграда нужно сделать более плотным. Он жалуется на большой урон от огня тяжелой артиллерии русских боевых кораблей, которые ежедневно выводят из строя около сотни солдат. Из-за этого резко сокращается численность боевого состава. В том случае, если бы появилась необходимость усилить наступление на ближний рубеж окружения или

придать дополнительные силы 39-му корпусу, подкрепление можно было бы выделить только за счет Кронштадтской наступательной группировки. Но затем возник бы вопрос, каким образом можно будет вести наступление на самом Кронштадтском направлении.

Вторник, 23 сентября 1941 г. Положение в полосе ответственности 39-го корпуса по-прежнему неудовлетворительное, так как корпус, вынужденный перейти к обороне, должен отражать многочисленные атаки противника, а плацдарм у Выборгской на Неве (Невский пятачок. — С. М.) все еще удерживается противником. Исходя из этого, необходимо ввести на этот участок дополнительные силы.

Среда, 24 сентября 1941 г. Напряженная ситуация в полосе 39-го армейского корпуса приобрела кризисный характер. 8-я танковая дивизия сегодня вновь несколько раз подвергалась сильным атакам и вынуждена была отойти за речку Черная. 39-й армейский корпус перешел к обороне, наступление прекращено.

Общая обстановка складывается следующим образом: атаки противника направлены, в первую очередь, против 39-го корпуса с тем, чтобы вывести Ленинград из осады...

В группе армий «Север» резервов больше нет. То, чем она располагала, пришлось отдать. 39-й армейский корпус, исходя из этого, может опираться только на наличные силы. Позднее ускоренным порядком будет выведена из Кронштадтской группировки одна из дивизий, которая совершит марш в направлении 39-го корпуса. Это создает предпосылки к тому, что как кронштадтская, так и ленинградская группировки, в конечном итоге, перейдут к обороне.

Пятница, 3 октября 1941 г. Противник не оставляет попыток разорвать кольцо вокруг Ленинграда. Об этом свидетельствуют: создание плацдарма у Ивановского на Неве, а также сильные атаки на Урицк и высадка десантов западнее Урицка».

Город в те дни был на волосок от катастрофы. И возможно, моряки наиболее реально оценивали обстановку, минирова корабли. Но новый командующий приказал: драться до последнего солдата, до последнего матроса.

Генерал Федюнинский был назначен на 42-ю армию с категоричной задачей: не пропустить противника к Ленинграду через Пулковские высоты. Там создалось особенно тяжелое положение. Вместе с 8-й и 55-й армиями 42-я прикрывала самые ближние подступы к Ленинграду. Именно здесь немцы давили особенно мощно и ожесточенно, стараясь продавить оборону и войти в город.

На первый взгляд выбор Жукова необъясним. В Ставке и Генштабе он называет имена троих генералов. Двое из них штабные. Это-то как раз объяснимо: навести порядок в штабах. А вот полевого командира берет только одного — Федюнинского. И ставит его на самое опасное место.

Вот как рассказывает Маршал Советского Союза Жуков о первых днях своего пребывания в Ленинграде: «10 сентября я вступил в командование Ленинградским фронтом. К. Е. Ворошилов 11 сентября по заданию И. В. Сталина вылетел в 54-ю армию маршала Г. И. Кулика. М. С. Хозину было приказано немедленно вступить в должность начальника штаба фронта, приняв ее от полковника Н. В. Городетского, а генерал И. И. Федюнинский в тот же день был направлен изучать оборону войск 42-й армии под Урицком и на Пулковских высотах».

По поводу дат в мемуарах Жукова существуют споры. Скорее всего, автор «Воспоминаний и размышлений» сместил события на два-три дня.

Федюнинского он послал на самый опасный и угрожаемый участок — «изучать оборону», да так и оставил командовать обороной под Улицком и на Пулковских высотах.

Многим читателям, в особенности старшего поколения, известна эпопея Александра Чаковского «Блокада». Книга во многом спорная, как, впрочем, и все, написанное о войне после войны. Однако надо отдать должное автору: ему удалось заполучить многие архивные документы, тогда еще не доступные для других. Вот как он изобразил момент назначения Федюнинского на 42-ю армию.

«Жуков подошел к стене и повернул выключатель. Комната погрузилась во мрак. Подняв маскировочную штору, резким движением распахнул окно.

— Слышите? — спросил он. Это бьют где-то между Стрельной и городом.

Несколько секунд Жуков стоял молча, потом закрыл окно, опустил штору, зажег свет, взял за спинку один из стоящих у стены стульев, выдвинул его, тяжело сел и сказал:

— Значит, так. Час тому назад противник захватил Пушкин. Кроме того, он бросил несколько десятков танков в стык Сорок второй и Восьмой армий, в направлении побережья Финского залива, и рвется от Стрельны к Кировскому заводу.

Жуков произносил эти слова ровным твердым голосом, как если бы речь шла о малозначительных изменениях в обстановке на фронте, но Жданов понял, что положение обострилось до крайности.

Он молча опустил на стул рядом с Жуковым. Слышалось только его

тяжелое, астматическое дыхание.

Наконец Жданов спросил:

— Что будем делать, Георгий Константинович?

— Это еще не всё, — как бы не слыша вопроса, продолжал Жуков, и голос его стал жестче. — В результате продвижения противника две наши правофланговые дивизии отсечены от Сорок второй армии. По полученным данным, сейчас они ведут бой на фланге Щербакова, пытаясь отбить Стрельну. Пока что безрезультатно.

Жданов мгновенно представил себе ситуацию. Генерал Щербаков командовал 8-й армией, оборонявшей побережье залива. Из того, что немцам удалось отсечь две дивизии 42-й, которые теперь оказались на левом фланге Щербакова, неумолимо вытекал страшный вывод...

То, что Жданов представил себе мысленно, Жуков высказал вслух.

— Таким образом, — сказал он, как бы подытоживая, — Восьмая с часу на час может быть отрезана.

Жуков встал и подошел к висевшей на стене карте, на которой красные флажки обозначали линию советской обороны, а синие — направление наступающих вражеских войск.

— Но если говорить откровенно, — продолжал Жуков, — меня в первую очередь беспокоит не Восьмая. — Он ткнул пальцем в один из красных флажков. — Пулковские высоты — вот сейчас коренной вопрос. Здесь назревает наибольшая опасность широкого прорыва.

Жданов внимательно вглядывался в красный флажок, полуокруженный с юга синими. Ему не надо было объяснять значение Пулковских высот — холмов, расположенных на ближних с юга подступах к Ленинграду. Отсюда можно было не только контролировать ведущие в Ленинград Московское и Киевское шоссе, но и безошибочно корректировать артиллерийский огонь по ряду районов города.

— Но сейчас ближе всего к Ленинграду немцы на западе, у Стрельны... — проговорил Жданов.

Жуков прервал его:

— Этими силами им города не взять. Но, захватив командные Пулковские высоты, противник обеспечит продвижение к городу своих моторизованных частей. Убежден, что именно отсюда, со стороны Пулкова, фон Лееб намерен нанести решающий удар. <...>

— Иванов удара не выдержит, — мрачно сказал Жуков.

— Вы имеете в виду армию или лично командующего?

— Другую армию взять неоткуда. Надо усиливать эту. А командующего необходимо сменить немедленно.

— Но целесообразно ли делать это в столь критический момент? — с сомнением в голосе проговорил Жданов. — Новому человеку потребуется время, чтобы войти в курс дела, а времени у нас нет.

— Вы правы, времени у нас нет, — резко сказал Жуков. — Именно поэтому я и предлагаю сменить командующего немедленно.

Он подошел к Жданову ближе и продолжал:

— Вы знаете, что вчера я отправил Федюнинского в Сорок вторую, чтобы на месте разобраться, что там происходит. Он только что вернулся. Докладывает, что картина мрачная. Иванов растерян. Расположения частей своей армии не знает. Связь с ними нарушена. Просил Федюнинского перенести свой КП севернее, то есть еще ближе к Ленинграду. Федюнинский запретил.

— Где же в данную минуту находится КП Иванова? — спросил Жданов, снова подходя к карте.

— Вопреки приказанию Федюнинского, Иванов все же перенес его. Сейчас КП находится в подвале школы напротив Кировского завода.

— Так... — мрачно сказал Жданов. — Где Федюнинский?

— Здесь, в Смольном.

— Я хочу переговорить с ним.

— Вопрос ясен... — начал было Жуков, но Жданов прервал его:

— Нет. Я все же хочу услышать лично. Смена командующего — серьезный вопрос.

...Через несколько секунд появился помощник Жданова полковой комиссар Кузнецов. Увидев за столом Жукова, он удивленно посмотрел на командующего, но тут заметил сидящего справа на койке Жданова и повернулся к нему.

— Вызовите сюда Федюнинского! — приказал Жуков, глядя Кузнецову в спину. — Он или где-то здесь, или наверху, в моей приемной.

— Да, да, пожалуйста, — кивнул Жданов. — И Васнецова попросите сюда.

Васнецов появился тотчас же.

— Сергей Афанасьевич, — обратился к нему Жданов, едва тот переступил порог, — на участке Сорок второй создается критическое положение.

— Знаю, — коротко ответил Васнецов, — час тому назад заходил в оперативный отдел.

— У Георгия Константиновича есть конкретное предложение, — продолжал Жданов. — Но прежде чем обсудить его, надо выслушать Федюнинского. Он только что вернулся от Иванова. Сейчас зайдет.

Садитесь.

Прошло еще немного времени, и на пороге, почти касаясь головой низкой, обитой железом дверной притолоки, появился генерал-майор Федюнинский. Его усталое лицо было мертвенно-бледным. Однако он был чисто выбрит, и щеточка усов аккуратно подстрижена.

— Входи и докладывай Военному совету, что видел в Сорок второй, — сухо приказал Жуков.

Федюнинский сделал два шага вперед и стоял теперь так, что мог обращаться одновременно к Жукову, Жданову и Васнецову.

— Видите ли, товарищ Федюнинский, — пояснил Жданов, — нам с товарищем Васнецовым хотелось бы самим услышать и оценить то, что вы уже докладывали Георгию Константиновичу.

— По приказу командующего, — начал Федюнинский, — я выехал...

— Давай коротко! — прервал его Жуков. — Зачем и куда выезжал, всем известно. Докладывай, что там происходит.

— Слушаюсь, — слегка наклоняя голову, сказал Федюнинский. — Во время моего пребывания на КП Сорок второй шли ожесточенные бои от Урицка до окраин деревни Пулково. Видимо, немецкая группировка получила дополнительные резервы. К ночи, когда я решал вернуться в Ленинград, противник бросил крупные танковые силы в стык Сорок второй и Восьмой армий. Генерал Иванов обратился ко мне за разрешением перенести свой КП севернее, то есть ближе к Ленинграду. Я запретил, исходя из того, что...

— Знаем, из чего исходил, — снова прервал его Жуков.

— Скажите, товарищ Федюнинский, — заговорил Жданов, — что вам ответил Иванов?

— Сказал, что попробует удержаться на старом месте.

— «Попробует»! — саркастически повторил Жуков. — А сам, как только ты уехал, дал команду перевести свой КП в район Кировского! Ладно, доложи Военному совету свое мнение об Иванове.

— Товарищ командующий, — хмуро начал Федюнинский, — мне нелегко говорить... Я знал Иванова еще до войны. Он всегда казался мне волевым, решительным командиром. Но сейчас... — Федюнинский замялся.

— Не жуйте мочало! — повысил голос Жуков. — Нас интересует не то, каким был Иванов, а каков он теперь!

— Да, товарищ Федюнинский, — несколько мягче, но требовательно произнес Жданов. — Хотелось бы, чтобы вы со всей ответственностью, но совершенно искренне высказали свое мнение об Иванове.

Снова наступило гнетущее молчание.

— Не могу скрыть, Андрей Александрович, — с горечью заговорил наконец Федюнинский, — генерал Иванов производит сейчас впечатление человека растерянного, подавленного... Когда я прибыл к нему на КП, там заканчивалось заседание Военного совета армии. Они обсуждали сложившуюся обстановку, но к единому мнению так и не пришли. Связь с войсками у штаба армии отсутствовала... Хочу добавить, что по дороге к Иванову в районе Кировского я встретил танкистов из полка, входящего в Сорок вторую. Командир полка доложил мне, что по приказу штабарма отходит на позиции ближе к городу. Я приказал ему вернуть полк в прежний район сосредоточения. У меня всё.

— Вопрос ясен, — сказал Жуков. — Предлагаю командующего Сорок второй от должности отстранить. Ваше мнение?

Он посмотрел вначале на Жданова, потом на Васнецова.

— Полагаю, что в сложившейся обстановке другого выхода нет, — медленно проговорил Жданов.

— Значит, вопрос решен, — сказал Жуков. — Кого назначим?

Он обвел внимательным взглядом присутствующих и решительно произнес:

— Генерал Федюнинский, немедленно принимайте Сорок вторую.

Федюнинский едва заметно передернул плечами.

— Что жметесь? — резко спросил Жуков.

— Товарищ командующий, принять Сорок вторую армию, как это делается обычно, невозможно, — сказал Федюнинский. — Могу просто вступить в командование. И если...

— Ты тут в слова не играй! — ударил кулаком по столу Жуков. Потом исподлобья взглянул на Жданова и Васнецова и уже более сдержанно продолжал: — Вот и вступайте в командование. И немедленно восстановите порядок в штабе и в частях. Если считаете нужным взять с собой кого-либо из штаба фронта, берите. И быстро! Быстро! Задача ясна? — Жуков посмотрел на часы. — Предлагаю оформить решением Военного совета. Как, товарищи?

— Я — за, — отозвался Васнецов.

— Согласен, — сказал Жданов.

— Тогда... где там наши писари? — Жуков потянулся к звонку.

— Не будем терять времени, — сказал Васнецов.

Он вынул из кармана блокнот, карандаш и написал: «Приказ Военного совета Ленинградского фронта. Командующего 42-й армией генерал-лейтенанта Иванова Ф. С. от занимаемой должности освободить. Генерал-

майору Федюнинскому И. И. принять командование армией».

Васнецов вырвал листок из блокнота и передал его Жукову. Командующий пробежал текст глазами, размашисто подписал, встал и, выйдя из-за стола, протянул листок сидящему на койке Жданову. Жданов поискал, что бы такое подложить под листок, потом положил его прямо на одеяло и тоже подписал, несколько раз проколов бумагу острием карандаша, и вернул Васнецову. Тот подписал, уже не глядя, и положил листок на стол перед Жуковым.

— Держи, — сказал Жуков, протягивая бумагу Федюнинскому. — И слушай! Основная задача на сегодня — расширить плацдарм на побережье Финского залива, а на юге ни при каких условиях не отдавать Пулковских высот. Ясно? И не просто обороняться, а наносить удары по противнику всеми средствами, включая авиацию, военно-морские силы и сухопутную артиллерию. Командующий авиацией и Балтфлот получают соответствующие распоряжения немедленно. Дивизии НКВД, находящиеся в составе Сорок второй, прикажешь выдвинуть в первые ряды, чтобы не допустить прорыва врага от Урицка вдоль Лиговского канала. И последнее. Выбьешь противника из Урицка и освободишь дорогу Стрельна — Ленинград. Ты понимаешь, что оттуда до нас можно на трамвае меньше чем за час доехать?!

Он замолчал и устремил взгляд куда-то мимо стоящего неподвижно Федюнинского, будто хотел разглядеть продвигающихся вдоль трамвайных путей немцев. Потом снова перевел взгляд на Федюнинского и отрывисто сказал:

— На сборы сорок пять минут. Через два часа принять командование и приступить к исполнению приказа. И запомни: хоть мы, как говорится, друзья-товарищи, но за выполнение приказа головой отвечаешь!

Последние слова Жуков произнес с такой решимостью и такой угрозой в голосе, что Жданов и Васнецов невольно переглянулись, лишний раз почувствовав, что этот человек не остановится ни перед чем и жестоко покарает любого, кто не выполнит его приказа.

Но Жуков, казалось, не замечал, какое впечатление произвели его слова.

— Товарищ Васнецов, — сказал он уже спокойно-деловым тоном, — вчера я приказал управлению инженерных войск срочно подготовить новый противотанковый рубеж по линии Окружной дороги. Так вот, на этот рубеж надо быстро перебросить Шестую ополченческую дивизию. Под твоё командование, генерал, — снова обратился он к стоящему посреди комнаты Федюнинскому. — Поставишь ее в тылу Пулковской позиции. В течение

завтрашней ночи поставишь, пока будет темно. Понял? — Смерил Федюнинского взглядом с головы до пят и недовольно сказал: — Чего стоишь! Времени, что ли, много в запасе? Иди!

Круто повернувшись, Федюнинский вышел».

Конечно, роман есть роман — даже если это эпопея, написанная на документальной основе. Местами текст чересчур напоминает театральную пьесу. Чаковский мог присочинить в мелочах и деталях, но точно уловил главное: кто был в те дни и ночи хозяином в Смольном и какую школу управления войсками в критических обстоятельствах проходил в Ленинграде и под Ленинградом генерал Федюнинский. Возможно, краски сгущены вокруг образа командующего фронтом. Не зря по прочтении «Блокады» Жуков, так сказать, со стороны сам себе не понравился. Оно и понятно, в книге, которую читают миллионы, к тому же по прошествии лет, хочется видеть себя корректным и вежливым. Но тогда им было не до состязаний в вежливости. Когда немецкие танки бодали лобовой броней ворота Ленинграда, приходилось все решать мгновенно, порой тычком, грубым словом, не думая о том, как это потом прокомментируют потомки.

Генерал Федюнинский в «Блокаде» выписан тоже довольно выпукло и показан исполнительным, храбрым солдатом своей Родины, для которого приказ начальника не-обсуждаем и свят — умри, а выполни.

Командующий Балтийским флотом вице-адмирал В. Ф. Трибуц получил приказ: разминировать корабли, подойти ближе к южному берегу Финского залива и, взаимодействуя с командармами, крушить боевые порядки противника из всех калибров. Основные направления огня — Пулковские высоты и Урицк, как раз зона ответственности 42-й армии.

На танкоопасных направлениях Жуков приказал строить оборону и эшелонировать ее в глубину. Зенитки использовать в качестве противотанковой артиллерии.

Каждый день Жуков связывался со Ставкой, с Генштабом. Докладывал, советовался с маршалом Шапошниковым. Приходилось буквально на ходу исправлять ошибки, допущенные штабом маршала Ворошилова. Особенно уязвимым город оказался с юга. Сюда была брошена авиация флота и последний резерв — дивизия войск НКВД с артиллерийским усилением. Поэтому, 14 сентября докладывая Шапошникову, Жуков попросил срочно помочь авиацией, особенно бомбардировочной и штурмовой. Разговор был нервный. Жуков сообщил о фактах нестойкости некоторых подразделений, о дезертирстве с боевых позиций и завершил доклад такими словами: «Сейчас приходится

принимать пожарные меры и наводить должный порядок в частях... Если придется, не остановимся ни перед какими мерами».

Храбро дрались дивизии 54-й армии, которые занимали оборону по обрезу правого берега реки Волхов за пределами кольца и пытались деблокировать города с востока. Армией командовал маршал В. Г. Кулик. В какой-то момент Жуков почувствовал, что командарм сосредоточен на безопасности собственных позиций, отодвигая на второй план задачи защиты Ленинграда. В ночь на 15 сентября Жуков связался с Куликом и приказал ему начать наступление. Однако, занятый отражением локальной немецкой атаки на своем правом фланге, Кулик ответил, что в назначенные комфронта сроки перейти в наступление не может: «не все части вышли на исходное положение», «не подтянута артиллерия» и т. п....

Разговаривали на повышенных тонах. Жуков пытался сдерживаться — все-таки на другом конце провода был Маршал Советского Союза. Он говорил: «Противник не в наступление переходил, а вел ночную силовую разведку! Каждую разведку или мелкие действия врага некоторые, к сожалению, принимают за наступление... Ясно, что вы прежде всего заботитесь о благополучии 54-й армии и, видимо, вас недостаточно беспокоит создавшаяся обстановка под Ленинградом. Вы должны понять, что мне приходится прямо с заводов бросать людей навстречу атакующему противнику, не ожидая отработки взаимодействия на местности. Понял, что рассчитывать на активный маневр с вашей стороны не могу. Буду решать задачу сам. Должен заметить, что меня поражает отсутствие взаимодействия между вашей группировкой и фронтом. По-моему, на вашем месте Суворов поступил бы иначе. Извините за прямоту, но мне не до дипломатии. Желаю всего наилучшего!»

Вскоре маршал Кулик был заменен генералом Козиным, но 54-я продолжала пятиться. Придет время, и эту армию возглавит Федюнинский.

Кадровые перестановки в войсках — дело обычное. Тем не менее нельзя не заметить: порой на армию назначали генерала, и он всю войну добросовестно тащил эту лямку, вел армию через сорок второй, сорок третий годы, к государственной границе, а потом ставил точку где-нибудь в Праге, в Восточной Пруссии или в самом Берлине. Такими, к примеру, были командующий 61-й армией генерал П. А. Белов и командующий 8-й гвардейской армией генерал В. И. Чуйков. Других перебрасывали с армии на армию, с направления на направление. Федюнинскому выпала роль последних. Причины таких частых назначений разные. Некоторые откровенно не справлялись с управлением, масштаб армии был для них слишком велик, и они, как правило, откочевывали на должности

командиров корпусов, заместителей командующих армиями, и там, на новых должностях, прекрасно справлялись со своими обязанностями. Других как надежных пожарных бросали на особо важные направления, на прорыв, или, наоборот, чтобы организовали прочную оборону. У каждого полководца был свой стиль, свои сильные и, разумеется, слабые стороны.

Генерал Федюнинский, обладая гибким умом великолепного тактика, еще на КВЖД и в боях на ХалхинГоле продемонстрировал умение молниеносно и опасно атаковать противника. Здесь же, под Ленинградом, он показал свои способности в обороне.

*

Тем временем на юге танковые авангарды 1-й и 2-й танковых групп фон Клейста и Гудериана сомкнулись в районе Лохвицы и завершили окружение основных войск Юго-Западного фронта. К 15 сентября в «котел» угодили и полевые управления армий, а также штаб фронта вместе с командующим. Через несколько суток генерал Кирпонос погибнет во время боя на прорыв. В плен попадет генерал М. И. Потапов. Погибнут и окажутся в концлагерях многие боевые товарищи Федюнинского по 15-му стрелковому корпусу.

А под Ленинградом в эти дни положение обострилось до предела.

Фон Лееб сформировал мощную ударную группировку — около шести дивизий с усилением — и после сильнейшего огневого налета предпринял атаку на узком участке фронта в районе Пулковских высот. Армия генерала Федюнинского истекала кровью. Немецкая штурмовая авиация почти постоянно висела над обороной 42-й армии.

Семнадцатого сентября, в самый пик кризиса ленинградской обороны, из штаба фронта в войска ушел приказ.

«ВОЕННЫМ СОВЕТАМ 42-й и 55-й АРМИЙ

Боевой приказ войскам Ленинградского фронта 17.9.41 Карта 100 000

1. Учитывая особо важное значение в обороне южной части Ленинграда рубежа Лигово, Кискино, Верх, Койрово, Пулковских высот, района Московская Славянка, Шушары, Колпино, Военный Совет Ленинградского фронта приказывает объявить всему командному, политическому и рядовому составу, обороняющему указанный рубеж, что за оставление без письменного приказа Военного Совета фронта и армии указанного рубежа все командиры, политработники и бойцы подлежат немедленному расстрелу.

2. Настоящий приказ командному и политическому составу объявить под расписку. Рядовому составу широко разъяснить.

3. Исполнение приказа донести шифром к 12.00 18.9.41.

Командующий войсками

Герой Советского Союза

генерал армии ЖУКОВ

Начальник штаба ЛФ

Генерал-лейтенант ХОЗИН

Член военного совета ЛФ

секретарь ЦК ВКП(б) ЖДАНОВ

Член военного совета ЛФ

дивизионный комиссар КУЗНЕЦОВ».

И что, спросите вы, расстреливали? Конечно, расстреливали. Как говорил Суворов: напролом идут — голов не жалеют. Расстреливали, но город не сдали...

Пятого октября 1941 года начальник штаба сухопутных сил генерал Гальдер записал в своем дневнике: «Группа армий «Север». ОКХ отодвинуло срок начала наступления на ладожском участке фронта (оно было намечено командованием группы армий на 6.10) и отдало приказ об отводе с фронта подвижных соединений, которые могут только зря понести потери в этом районе, поскольку условия местности здесь крайне неблагоприятны для действий подвижных соединений. Наступление будет начато, как только удастся сосредоточить достаточное количество пехоты за счет перебрасываемых сюда пехотных частей из тыла. Тем временем подвижные соединения отдохнут и пополнят личный состав и материальную часть. Генерал Бранд доложил о соотношении сил артиллерии в районе Ленинграда. Согласно этому докладу противник имеет в районе Ленинграда 16 батарей и на кронштадтском участке фронта — 12 батарей. Наша артиллерия значительно превосходит по численности артиллерию противника на обоих участках фронта. Нам недостает лишь единого руководства и единой службы наблюдения».

Таким образом, начальник немецкого Генштаба признал эффективность действий советского военного руководства в Ленинграде.

Гитлер на одном из совещаний в ставке «Вольфшанце» в те дни, в сущности, это подтвердил: «Лееб не выполнил поставленную перед ним задачу, топчется вокруг Ленинграда, а теперь просит дать ему несколько дивизий для штурма города. Но это значит ослабить другие фронты, сорвать наступление на Москву. А будет ли взят Ленинград штурмом, никакой уверенности нет. Лееб предлагает перейти к глухой обороне. Он

более не способен понять и осуществить мой замысел скорейшего захвата Ленинграда. Этот город надо уморить голодом, активными действиями перерезать все пути подвоза, чтобы мышь не могла туда проскочить, нещадно бомбить с воздуха, и тогда город рухнет, как переспелый плод... Что же касается Лееба, то он явно устарел и не может выполнить эту задачу».

Соединения немецких и финских войск не произошло. Стойкость ленинградской обороны значительно облегчила судьбу Карельского фронта — и судьбу Москвы.

Немецкие атаки стали ослабевать. Разведотдел фронта доложил: моторизованные и танковые части противник отводит к Пскову; там танки грузят на железнодорожные платформы для отправки в неизвестном направлении.

Как вскоре выяснилось, танки 4-й танковой группы Гитлер направлял в район Рославля для предстоящего «решающего удара» на Москву.

Очень скоро, как только немцы начнут операцию «Тайфун» и рухнет оборона Западного фронта в районе Вязьмы, Сталин отзовет Жукова из Ленинграда. На «хозяйстве» останется Федюнинский.

Но это произойдет через две недели, в первых числах октября. Две недели решат многое. И стоит отмотать ленту событий немного назад, чтобы понять то напряжение, тот драматизм на грани катастрофы, чтобы оценить степень мужества солдат и командиров, защищавших блокированный со всех сторон Ленинград.

Военный совет фронта (читай — Жуков) назначил генерал-майора Федюнинского на 42-ю армию 16 сентября. 52-я была только что сформирована на базе 50-го стрелкового корпуса. В нее вошли 2-я Ленинградская и 3-я гвардейская Ленинградская стрелковые дивизии народного ополчения, 291-я стрелковая дивизия, 6-я бригада морской пехоты, корпусной и противотанковые артиллерийские полки, пулеметно-артиллерийские батальоны, другие части. Буквально перед приходом в армию нового командующего она пополняется еще одной стрелковой дивизией, дивизией войск НКВД, противотанковой артиллерийской бригадой, стрелковой бригадой ПВО, морской стрелковой бригадой и двумя бригадами морской пехоты, а также 5-м отдельным отрядом собак — истребителей танков.

Пятнадцатого сентября немцы прорвались к Стрельне. Две дивизии 42-й армии оказались временно отрезанными от основных сил. Правый фланг армии прогибался и трещал. Немцы вплотную подошли к городу. Но уже 16 сентября начинаются контратаки с целью вернуть занятый

противником Урицк и восстановления локтевой связи с правофланговой 8-й армией.

О том, что происходило в районе Урицка и окрестностей, свидетельствуют документы, найденные в Подольском архиве Министерства обороны РФ.

Вот выписки из журнала боевых действий 42-й армии.

«17.9.

Поставлена задача 35-му сп и 4/14-го сп наступать на ВЕРХ. КОЙРОВО и НОВО-ПАНОВО, 4/14-го сп овладеть СТАРО-ПАНОВО. 701-й и 2-й сп 5-й ДНО овладеть УРИЦК. При поддержке артиллерии наступление вместо 9.00 по приказу началось в 10.30.

К исходу дня 701-й сп овладел сев. — вост, окраиной УРИЦК.

4/14-го сп — сев. — вост. окраиной СТАРО-ПАНОВО.

Подразделения 35-го сп вели бой за НОВ.-КОЙРОВО и лес западнее КИСКИНО.

Противник оказывает яростное сопротивление артиллерией и бомбежкой авиации».

«18.9.

Продолжаются уличные бои УРИЦК с переменным успехом.

4/14-го сп, не выдержав сильного минометного огня, отошел в беспорядке на НОВАЯ.

35-й сп продолжает бой за НОВО-КОЙРОВО, К.И-СКИНО».

«19.9.

Противник, заняв свыше б-на УРИЦК, оттеснил наши части на сев. и вост, окраины УРИЦК.

До б-на противника, занимая СТАРО-ПАНОВО, не допускают 4/14-го в СТАРО-ПАНОВО.

35-й сп понес большие потери и занял оборону на рубеже 3–4 км зап. НОВО-КОЙРОВО, отм. 19.8 и 300 м зап. КИСКИНО.

КИСКИНО и ВЕРХ. КОЙРОВО вечером заняты противником».

В этот день по радио передали сводку Совинформбюро: «В течение 19 сентября немецко-фашистская авиация совершила несколько налетов на Ленинград. Значительная часть вражеских самолетов была рассеяна и отогнана на подступах к городу. Отдельным группам самолетов противника удалось прорваться в город и сбросить фугасные и зажигательные бомбы. Главным объектом своего нападения фашистская авиация избрала жилые

дома, общественные здания, культурные и больнично-санаторные учреждения. Имеются убитые и раненые. По предварительным данным, нашей авиацией и зенитной артиллерией сбито 17 самолетов противника».

«20.9. 12.00

Отдан приказ об укреплении обороны на рубеже (иск.) УРИЦК, (иск.) СТАРО-ПАНОВО, НОВ.-КОИРОВО, КИСКИНО, ПУЛКОВО.

21-й сд подчинены 701-й и 2-й сп 5-й ДНО.

Противник в 11.30. начал мелкими группами просачиваться вост. ПУЛКОВО.

24.00

3-й сп и 2/35-го сп ведут наступление на КИСКИНО, встречая огневое сопротивление.

2/32-го сп наступает на КИСКИНО с севера и сев. — запада. 3-й сп наступает с сев. — востока.

Просачивание мелких групп ликвидировано».

В журнале боевых действий отмечается, что убыль личного состава в батальонах, атакующих Кискино и другие населенные пункты, в эти дни составляет до пятидесяти процентов убитыми и ранеными. Атакам предшествуют огневые налеты артиллерии и РС. Огневые налеты следуют и со стороны противника. Зачастую характер схваток приобретает черты встречных боев. Стороны сходились вплотную, заканчивая дело рукопашными схватками.

«22.9.

В 16.15 рота 3-го сп ворвалась на вост, окраину КИСКИНО и вела огневой бой. Из закопанных в землю танков противник открыл артиллерийский и пулеметный огонь. Рота залегла по восточной окраине КИСКИНО.

В 15.30 арт. наблюдателем было замечено скопление машин и большая группа офицеров в дер. НИКОЛАЕВКА.

Туда был в 17.00 дан артналет двумя дивизионами. Замечено было, как из НИКОЛАЕВКА разбежались солдаты и офицеры.

В 17.00 замечено скопление до полка пехоты р-не Тал-ликола. Туда тоже был дан артналет, но результатов не наблюдалось из-за резко ухудшившейся видимости.

Оживление противника было заметно на левом фланге, откуда противник перегруппировал свои силы, направляя на юго-восток к ПУШКИН, где повел атаку на части 70-й и 90-й сд 55-й армии».

«23.9. 11.00

Получены сведения путем перехвата радио о том, что противник готовит наступление с 6.30 23.9.

Артиллерия армии дала огневой налет в 3.30 и в 6.00 по скоплению пр-ка.

Противник в 6.30 после короткой артподготовки, применив стрельбу дымовыми минами, поставил дымовую завесу у КИСКИНО и ПУЛКОВО, начал наступление, по уточненным данным, силою до полка в направлении КИСКИНО и ротой — на ВЕРХ. КОЙРОВО, батальоном с 4 танками — на ГАЛЛЕРОВО.

Огнем нашей артиллерии к 8.00 наступление было приостановлено. Противник залег и ведет огневой бой.

10.30

На ГАЛЛЕРОВО наступали мотоциклисты.

На ПУЛКОВО ведется сильный минометный огонь пр-ка.

В районе КРАСНОЕ СЕЛО поднялся аэростат противника.

Колонна пехоты пр-ка в районе ВЕНЕРЯЗИ, НОВ. СИЗИ в 10–10.30 штурмовалась нашей авиацией — рассеяна».

*

Как видно из записей в журнале, боевые действия частей и подразделений 42-й армии, которые оборонялись на ближних подступах к городу, хорошо управлялись, обеспечивались артиллерийским огнем и авиацией. Штабы работали днем и ночью.

Федюнинский понимал, какой груз лег на его плечи, отдавал себе отчет в том, что такое случается в жизни и в карьере военачальника, может, раз в жизни, и накручивал и себя, и своих подчиненных на всю катушку. Особенно удачно командарму-42 удавалось применять артиллерию. Буквально в последние дни Жуков значительно усилил артиллерийскими стволами армии, обороняющиеся между Ладожским озером и Финским заливом, в том числе 42-ю. В состав армии были переданы 690-й и 740-й противотанковые артиллерийские полки. Активно действовал на направлениях основных ударов противника 51-й корпусной артполк. Архивные документы свидетельствуют о том, какую значительную роль в формировании и удержании обороны на занятых позициях играл 101-й гаубичный артиллерийский полк.

Этот полк уже к началу войны имел большой боевой опыт. Сформирован он был еще в 1930-е годы в Ленинградском военном округе. Укомплектован грамотными кадрами. Обеспечен материальной частью. Отличился во время Советско-финляндской войны. Однако с началом Великой Отечественной в первые же дни боевых действий, находясь в составе северной группировки наших войск в районе Выборга, попал в окружение. Известно, что артиллерия, особенно тяжелая, гаубичная, в окружении, на марше, беспомощна. Именно в такие обстоятельства и угодил 101-й гап летом 41-го года. Расчеты взрывали орудия, чтобы они не достались врагу, и прорывались через порядки финских войск, чтобы выйти к своим. И все же часть окруженцев из состава гаубичного полка попала в плен, часть погибла. Основная часть вышла — правда, почти без пушек. Вытащили только три орудия из 48 152-мм гаубиц. В августе во время выхода из окружения был ранен командир полка подполковник Н. Н. Жданов^[20]. В середине сентября он вернулся из госпиталя и сразу же вступил в командование. Полк восстанавливался, пополнялся.

К тому времени полк был выведен из состава 23-й армии и напрямую подчинен командующему войсками Ленинградского фронта Жукову. Новый командующий действовал энергично. В несколько дней 101-й гап был восстановлен и передан 42-й армии. На вооружении 4-го дивизиона стояли орудия большой мощности — 203-мм калибр. Позиции полка находились на Пулковских высотах. Были дни, когда позиции 42-й армии, при недостатке пехоты, спасал лишь огонь батарей гаубичного полка да корабельная артиллерия. Полк успешно вел контрбатарейную борьбу. При хорошо поставленной артиллерийской разведке это приносило хорошие результаты. Достаточная дальнобойность и мощный калибр доставали позиции немецкой артиллерии, которая вела огонь не только по боевым порядкам 42-й армии, но и по жилым кварталам Ленинграда.

Федюнинский умел подбирать командирские кадры. Да и в целом опыт работы рядом с генералом армии Жуковым дал ему как командарму многое.

Динамика событий, отраженных в журнале боевых действий армии, свидетельствует о том, как с каждым днем, с каждым боем крепились позиции 42-й армии.

«23.9. 13.00

В 12.00 два батальона пр-ка пошли густыми цепями в рост в атаку на КИСКИНО, клх. АВАНГАРД. Уничтожены почти полностью огнем 3-х дивизионов артиллерии 101-го гап совместно с танками. Остатки бегут на ФИНСКОЕ КОЙРОВО, преследуются артиллерией.

23.00

Противник в 20 часов предпринял новую атаку на КИСКИНО, клх. АВАНГАРД. Ворвался на юго-зап. окраину клх. АВАНГАРД, но был выбит и откатился на южную окраину КИСКИНО.

В 21.30 на всем фронте 5-й сд затишье. Противник не ведет даже артогня».

«24.9. 12.30.

Противник в течение ночи вел редкий артобстрел. Пытался убирать трупы своих солдат в районе КИСКИНО. Нашим минометным огнем эти попытки были отражены.

С утра затишье.

В 12.05 противник производил бомбежку аэродрома и района выбранного нового КП.

23.00

Противник ведет артиллерийский обстрел наших боевых порядков.

В 19.00 вел стрельбу агитснарядами по р-ну ЛИГОВО, ДАЧНАЯ.

Активных действий пехота противника не вела.

Дано распоряжение о захвате УРИЦК».

«25.9. 24.00

Противник вел редкий артминогонь.

Ночные действия разведки на УРИЦК были безрезультатны.

Разрабатывается план на 26.9.

Переименованы: 5-я ДНО в 13-ю сд; 3-я гв. ДНО — в 44-ю сд и 6-я ДНО — в 189-ю сд.»

«26.09. 20.00

Ночной поиск на УРИЦК и СТАРО-ПАНОВО, организованный 5-ю группами, успеха не дал. Разведчики вернулись, понесли некоторые потери, 5–6 раненых, не добыв новых сведений, установив только, что восточной окраине УРИЦК вырыты у домов окопы.

Наступление и ночной поиск в 13-й сд удались — захвачено за ночь и день 3 пленных.

Две роты вышли и окапываются на рубеже 64,2 сев. скаты выс. 54.8.

Наступление на КИСКИНО остановлено сильным минометным и пулеметным огнем из ДЗОТ по вост, окраине КИСКИНО и из леса зап. КИСКИНО.

В 12.45 наша артиллерия, получив донесение о движении колонны

автомашин противника из КРАСНОЕ на пос. ВОЛОДАРСКИЙ и о скоплении пехоты зап. пос. ЛЕНИНА, открыла огонь (101-й гап). 4 машины подожжены, остальные рассеяны. Взорвался пороховой погреб зап. пос. ЛЕНИНА. Скопление пехоты рассеяно.

В 10.30, по донесению авиации, было обнаружено скопление пехоты и машин в УРИЦК.

Артогнем УРИЦК подожжен».

О чем еще свидетельствует извлеченный из архивной папки документ?

О том, в первую очередь, что с прибытием в Ленинград группы Жукова в войсках стала резко налаживаться разведка.

Документы, которые удалось отыскать в архивах, подтверждают то, что разведделу в частях и подразделениях 42-й армии уделялось особое внимание. И ответственность за поддержание должного уровня разведки была серьезной.

В середине октября 1941 года в 13-й стрелковой дивизии из поиска не вернулись трое разведчиков. Когда группа оказалась в своих окопах, никто, в том числе и командир разведгруппы, лейтенант, не мог объяснить, как это случилось. И тогда, по заведенному в армии правилу, в следующую ночь через линию фронта была направлена так называемая «командирская разведка». Ее возглавил помощник начальника штаба полка по разведке. Разыскивать пропавших разведчиков, или их тела, пошли офицеры полкового штаба.

Разведчиков в 42-й армии готовили в специальных подразделениях. Курсантов для их укомплектования подбирали в стрелковых ротах. К подбору подходили очень тщательно, учитывая многое — социальное происхождение, партийность, боевые заслуги, есть ли родственники на оккупированной территории и прочее. Как бы ни был ценз кандидатов несправедлив, такой принцип помогал выбирать более надежных.

«27.9. 24.00

Поиски разведывательных групп в направлении на УРИЦК, СТАРО-ПАНОВО и от ВЕРХИ. КОИРОВО к югу ГОНГОЗИ, ВЕНЕРЯЗИ.

Подтверждено наличие двух полков, 489-го и 490-го, перед фронтом 13-й сд. Производство окопных работ в ГОНГОЗИ, ВЕРХ. КУЗЬМИНО».

«28.9.

Разведкой в течение ночи с 27-го на 28-е захвачен пленный в районе СТАРО-ПАНОВО, принадлежащий к 58-й пд.

Артиллерия вела огонь по сосредоточению противника в р-не УРИЦК, СТАРО-ПАНОВО, где на 20.00 отмечалось наличие большого количества мотоциклистов и 2-х эскадронов конницы».

«29.9. 24.00

С 1.30 44-я сд приступила к выполнению приказа штаба 42-й армии.

Один батальон 701-го сп начал наступление севернее УРИЦК в охват УРИЦК с севера с задачей войти на зап. окраину СОСНОВАЯ ПОЛЯНА. Два батальона 35-го сп начали наступление на юж. окраину СТАРО-ПАНОВО, имея задачу одним батальоном войти на юж. окраину ИВАНОВКА и одним батальоном прикрывать юж. НОВО-ПАНОВО.

В 3 ч. 25 минут после 15-минутной артподготовки перешли в атаку на вост, часть УРИЦК два батальона 701-го сп и два батальона 2-го сп с задачей овладеть УРИЦК, выйти на зап. окраину ИВАНОВКА.

В 0.15 13-я сд отдельными отрядами начала наступление на КИСКИНО, ВЕРХ. КОЙРОВО, ГОНГОЗИ, ВЕРХ. КУЗЬМИНО с задачей овладеть этими пунктами и отвлечь внимание противника.

К 5.45 части 44-й сд, встречая слабое сопротивление на правом и левом флангах, подошли двумя батальонами севернее ИВАНОВКА фронтом на юг. Одним батальоном 701-го сп захватили сев. — вост, окраину УРИЦК и двумя батальонами 35-го сп подошли к вост, окраине СТАРО-и НОВО-ПАНОВО.

Части 2-го сп, действовавшие в центре, были остановлены у вост, окраины УРИЦК, одной стрелковой роте удалось ворваться в УРИЦК, и там она вела ночной уличный бой с отдельными группами противника.

В это же время 13-я сд отдельными отрядами, встретив сильное сопротивление со стороны КИСКИНО и слабое на других направлениях, захватила передовыми взводами КИСКИНО, южн. окраину ВЕРХ. КОЙРОВО, ТУЙПОЛА, ВЕРХ. КУЗЬМИНО.

С наступлением рассвета противник обрушился артиллерийским и минометным огнем на продвинувшиеся подразделения. В районе ВЕРХ. КУЗЬМИНО силою роты перешел в контратаку на наш взвод.

В результате сильного минометного и пулеметного огня части 35-го сп понесли большие потери и отошли на исходный рубеж У1 км зап. НОВО-КОЙРОВО.

701-й сп удерживается на прежнем рубеже. Рота 2-го сп выбита контратакой противника из УРИЦК и занимает вместе с полком к 18.00 рубеж 500 м вост. УРИЦК.

Атака 8 танков КВ, предпринятая в 16.00 по направлению на НОВО-

ПАНОВО, успеха большого не имела. Танки, подавив несколько противотанковых орудий и пулеметных гнезд, не поддержанные пехотой, под действием сильного артогня пр-ка, иногда прямой наводкой, отошли на свои исходные позиции южнее НОВАЯ.

К 24.00 положение без перемен».

«30.9. 24.00

В течение ночи продолжались бои в УРИЦКЕ с переменным успехом.

Утром части 44-й сд отошли на свои исходные позиции.

В течение дня продолжались попытки атаковать УРИЦК, временами удавалось захватить несколько домов, потом под сильным минометным огнем отходили на исходные позиции.

В ночь на 30.9. произведена смена 10-го ОСБ ПВО и 60-го СБ мор. пехоты».

«1.10.41. 20.00

Согласно частному боевому приказу № 23 Штарма 42 армия силами 6-й ОСБ МП^[21] и 44-й дивизии продолжает наступление с целью овладеть УРИЦК, СТАРО-ПАНОВО, ИВАНОВКА, СОСНОВАЯ ПОЛЯНА. Бригада должна выйти в исходный район отм. 2.8, парк сев. УРИЦК, мост на ПЕТЕРГОФСКОМ ШОССЕ и, взаимодействуя с 6-й ОСБ МП, развивать удар с целью овладеть СОСНОВАЯ ПОЛЯНА и выйти на западную окраину свх. ПРОЛЕТАРСКИЙ ТРУД.

6-я ОСБ выступила из района казарм (неразборчиво) в АВРОВО в 9.00.

В 15.00 развернулась и начала наступление на сев. окраину УРИЦК.

К 24.00 продвинулась до линии дороги, идущей через ПАРК к ПЕТЕРГОФСКОМУ ШОССЕ.

44-я сд вела бой на восточной окраине УРИЦК и СТА-РО-ПАНОВО.

13-я сд у КИСКИНО и ВЕРХ. КОЙРОВО.

В 22 часа по приказу главкома части на ночь остановились на достигнутых рубежах и готовятся к наступлению с утра.

Одна рота 6-й ОСБ выделена для высадки десанта в район БУДКИ РЫБАКОВ и в течение ночи совершила марш и сосредоточилась в районе ТУТУЕВСКОГО ОСТРОВА. Штабом Морской Обороны г. ЛЕНИНГРАД подготовлены плавсредства для переброски десанта».

«2.10. 24.00.

С 6.00, выполняя приказ, части 6-й ОСБ и 44-й сд перешли в

наступление после 15-минутной артподготовки и вступили в бой с противником, опирающимся на ряд опорных пунктов в каменных домах и ДЗОТах, усиленных системой заграждений: проволока и минированные участки. Части 6-й ОСБ имели частный успех и продвинулись севернее дороги на ПЕТЕРГОФ на рубеже 500 метров зап. отметки 8.7.

Один батальон противника, пройдя северной окраиной ПАРКА, встретил опорный пункт и был остановлен огнем.

44-я сд подошла почти вплотную к УРИЦК.

13-я сд продвижения не имела, встреченная сильным минометным огнем.

В 22.00 рота, предназначенная для десанта, была погружена на буксир и перевезена для погрузки в УГОЛЬНУЮ ГАВАНЬ».

«3.10.

В 3.00 десант, погруженный на «шестерки», был вывезен катерами из УГОЛЬНОЙ ГАВАНИ и отбуксирован у первой брантвахте в 700 метрах от мола. Здесь «шестерки» были отцеплены и на веслах отправились к месту высадки. Пользуясь наступившей после захода луны темнотой, катера развернулись и пошли к (неразборчиво).

Высадка десанта произошла в воду в 100–150 метрах от берега. По пояс в воде люди перешли на берег. Выждав 126

30 минут, лодки отошли назад. Катера стали на месте в километре-полутора от берега в готовности поддержать огнем десант. С рассветом катера вернулись на свою базу. Во время возвращения катера были обстреляны минометным и артиллерийским огнем противника с направления ЗАВОД ПИШМАШ.

В 6.10 начали наступление пехотные части и к 16.50 продвинулись:

1-й сб 6-й бр. мор. пехоты — 300 метров вост. отм. 8.7 и оседлал ПЕТЕРГОФСКОЕ ШОССЕ;

2-й сб вышел правым флангом к линии двух параллельных дорог вост. отм. 8.7, левым флангом задержался в роще сев. УРИЦК;

701-й сп занял своим правофланговым батальоном парк до церкви, остальными — по вост, окраине УРИЦК;

35-й сп перед СТАРО-ПАНОВО в 1 км к востоку, продвижения не имел.

Противник продолжает сдерживать наступление огнем станковых пулеметов из домов и ДЗОТов».

На следующий день ударная группа 42-й армии наступление

продолжила. Чтобы сбить темп и ослабить давление на свои боевые порядки, немцы применили авиацию.

Федюнинский приказал поставить полковую и батальонную артиллерию в боевые порядки пехоты. Однако наступление успеха по-прежнему не имело. Потери в некоторых батальонах достигали до семидесяти процентов.

Некоторые публицисты укоряют командующего Ленфронта Жукова и его генералов, руководивших обороной окруженного города в жестокости, в «бессмысленных атаках на хорошо укрепленные немецкие позиции». Что ж, война — дело жестокое, порой даже весьма. Что же касается атак «на хорошо укрепленные немецкие позиции», то тут можно смело утверждать: выбранная командованием тактика постоянных и системных контратак, контратак на истощение, оказалась верной — противник потому и вынужден был остановиться и хорошо укрепиться, что уткнулся в жесткую оборону. И вместо наступления вперед, как это происходило летом и в начале осени, вынужден был всеми силами и средствами парировать постоянные контрудары.

Дорого обошлось 50-му армейскому корпусу группы армий «Север» противостояние с 42-й армией в районах Красного Села, Пулкова и Урицка. Корпусом командовал генерал Линдеман^[22]. Удачливый пехотный командир, имевший большой боевой опыт, в том числе и штабной работы, он уверенно вел свои дивизии к Ленинграду, желая отличиться в очередной раз. Именно его корпус взломал оборону Красногвардейского укрепрайона. За укрепрайоном лежал Ленинград, и казалось, что достаточно одного броска, чтобы войти в окраинные кварталы города и завязать уличные бои. Но тут в Ленинград прилетел на «Дугласе» генерал армии Жуков с генералами.

Красногвардейск (Гатчина), который до 1944 года удерживал 50-й армейский корпус, в 1942 году был даже переименован в Линдемаштадт. Так что не удержи тогда Жуков с Федюнинским ленинградской обороны, доживал бы свой счастливый век, к тому времени, быть может, уже фельдмаршал Линдеман не в Фройденштадте в забвении, после тюрьмы, а в роскоши в своем собственном городе, в русском, так сказать, имении. Но генерал Федюнинский его дальше деревеньки Кискино к заветной мечте не пустил.

Воевать, бить немцев учил Федюнинского в те дни не только Жуков своими суровыми приказами, но и Линдеман своими жестокими ударами, которые держали некомплектные дивизии и части 42-й армии в постоянном напряжении. Корпус Линдемана насчитывал около 40 тысяч личного

состава. Три пехотные дивизии и одну танковую. Против 20 тысяч, которые насчитывала 42-я армия, это была мощная сила, и, чтобы устоять против нее, надо было обладать не только танками, самоходными орудиями и мощной артиллерией.

Глава восьмая

ЛЕНИНГРАДСКАЯ ИСТОРИЯ: 54-Я АРМИЯ

«Вступайте в командование фронтом. Жуков.»

Тем временем на южном участке советско-германского фронта катастрофа следовала за катастрофой. 19 сентября пал Киев. Основные силы Юго-Западного фронта оказались в гигантском «котле» вместе с полевыми управлениями армий, корпусов, дивизий. Был отрезан Крым. Группа армий «Юг» продолжала наступление.

А на московском направлении 2 октября за час до рассвета, перед самой атакой, солдатам группы армий «Центр» зачитывали обращение Гитлера: «Солдаты Восточного фронта! Сегодня начинается последнее величайшее и решающее сражение этого года. Эта битва должна поставить на колени не только противника, но и зачинщика всей войны — Англию...»

На центральное направление из-под Ленинграда накануне немцы перебросили часть своих сил. В район Рославля на направление Варшавского шоссе прибыла 4-й танковая группа. Ленинград немцы решили дожимать в блокаде. Взять Северную столицу штурмом не удалось. Обороняющимся с уходом ударных сил вермахта на московское направление стало легче.

Пятого октября Сталин позвонил Жукову в Ленинград:

— Не можете ли сесть на самолет и приехать в Москву? Ввиду осложнения на левом крыле Резервного фронта в районе Юхнова Ставка хотела бы с вами посоветоваться о необходимых мерах. За себя оставьте кого-либо, может быть, Хозина...

Верховный преуменьшал степень разразившейся под Рославлем, Вязьмой и Брянском катастрофы. Вернее, он пока еще не владел полной информацией о ее масштабах. Жуков вылетел в Москву и прибыл в Ставку 6 сентября. Первое, что поручил ему Сталин: «Поезжайте сейчас же в штаб Западного фронта, на месте тщательно разберитесь в положении дел и позвоните мне оттуда сразу, как только добьетесь какой-то ясности. Звоните в любое время. Я буду ждать».

И спросил:

— Как вы считаете, могут ли немцы в ближайшее время повторить

наступление на Ленинград?

— Думаю, что нет, товарищ Сталин, — ответил Жуков. — Противник понес большие потери и перебросил танковые и моторизованные войска из-под Ленинграда куда-то на центральное направление. Он не в состоянии оставшимися там силами провести новую наступательную операцию.

Генерал армии Федюнинский так вспоминал свое новое назначение:

«Позвонил командующий фронтом:

— Вы не забыли, что являетесь моим заместителем? Немедленно приезжайте.

Причина неожиданного вызова прояснилась только в Смольном. Генерал армии Г. К. Жуков объявил:

— Вступайте в командование фронтом. Вас знакомить с обстановкой нечего, она вам известна. А меня срочно вызывают в Ставку...»

Бои на истощение сил, проводимые под Ленинградом в сентябре и начале октября, дали результат. Защитникам Северной столицы предстояло им воспользоваться.

За себя в Ленинграде Жуков оставил не Хозина, а Федюнинского. Однако обязанности командующего 42-й армией с него сняты не были.

Штаб 42-й находился в Ленинграде по адресу: Благодатный переулок, 15. Штаб Ленинградского фронта — в Смольном, на втором этаже. Можно предположить, что командующий войсками Ленинградского фронта и его заместитель и одновременно командующий 42-й армией много времени проводили рядом, планируя операции, увязывая действия армий, дивизий, флотских с береговыми частями и соседями.

Однако вскоре, а именно 26 октября 1941 года, Федюнинского назначают командующим 54-й армией соседнего Волховского фронта.

*

Октябрь 1941 года был месяцем тревожным.

Немцы подступают к самым стенам Москвы. Танковые группы Гудериана и Гепнера широким охватом пытаются замкнуть железное кольцо вокруг столицы. 16 октября в Москве поднимается паника. Из «обреченного» города хлынула состоятельная часть населения, которая не успела эвакуироваться. Бегут, прихватывая кассы, директора заводов и руководители крупных учреждений. Бегут, набивая грузовики сухой колбасой, консервами и другими продуктами долгого хранения, торговые и партийные работники высшего звена, служащие наркоматов. В

учреждениях жгут документы. Информация о московской панике, которую удалось погасить с трудом, доходит до Ленинграда. Здесь, в первую очередь среди руководства, возникает беспокойство: если немцы захватят Москву, то оттуда тут же вернутся соединения, которые немецкое командование месяц назад перебросило в полосу действия группы армий «Центр», чтобы сильнее разогнать «Тайфун». Тогда Северной столице не устоять.

После отбытия в Москву Жукова в Военном совете Ленинградского фронта начинаются интриги. Их авторами и неумолимыми моторами стали партийцы, высший эшелон ленинградской партийной организации. Сталину докладывал в основном первый секретарь Ленинградского обкома ВКП(б) и член Военного совета Ленинградского фронта А. А. Жданов. Кроме всего прочего, у Андрея Александровича была личная переписка со Сталиным. Писал он партийному вождю, конечно же, не о личном — о проблемах с кадрами, которые остро стояли и в городе, и на Ленинградском фронте.

В Ставке, наконец, решили сменить не поддающегося общей дисциплине маршала Кулика. 26 сентября 1941 года на 54-ю армию был назначен генерал Хозин. Жуков, оставшись без начальника штаба, позвонил в Москву в Генштаб с просьбой на освободившееся место начштаба Ленфронта «сейчас же выслать самолетом генерала Анисова», на что маршал Б. М. Шапошников предложил ему найти подходящего человека «временно у себя». — «Прошу дать хорошего начальника штаба, — продолжал настаивать Жуков. — Очень прошу дать хорошего начальника штаба, так как с управлением здесь очень плохо. Обстановка сложная как на море, так и на земле, так и в воздухе. Считаю, Анисова можно дать, а там оставить Маландина, который зря сидит в Западном. Или прошу Соколовского дать». — «Хорошо, разберем», — ответил Шапошников.

Москва не прислала в Ленинград никого. Ни нового командующего войсками фронта, ни начальника штаба...

В октябре многие события произошли и в судьбе нашего героя.

Оставленный на обширном хозяйстве, окруженный не столько военными, сколько партийцами, Федюнинский очень скоро понял, что оказался даже не между двух, а между семи огней.

Ставка требовала во что бы то ни стало прорвать блокаду.

Вторая попытка прорыва пришлась на период командования войсками фронта Федюнинским. Замысел операции был следующим: одновременным ударом навстречу друг другу 54-я армия и ударная группировка Ленинградского фронта прорывают немецкий фронт и

снимают блокаду. 54-й армией в это время командовал Хозин.

Немцы опередили. Они ударили на Тихвин с целью полностью отрезать Ленинград от остальной страны. Чтобы остановить немецкое наступление, часть сил, накопленных для прорыва блокады, пришлось перебросить на тихвинское направление. В самый разгар боев под Тихвином 23 октября 1941 года заместитель начальника Генштаба Василевский по поручению Верховного главнокомандующего срочно телеграфировал в Ленинград Федюнинскому, Жданову и Кузнецову:

«Судя по вашим медлительным действиям, можно прийти к выводу, что вы всё еще не осознали критического положения, в котором находятся войска Ленфронта.

Если вы в течение нескольких ближайших дней не прорвете фронта и не восстановите прочной связи с 54-й армией, которая вас связывает с тылом страны, все ваши войска будут взяты в плен.

Восстановление этой связи необходимо не только для того, чтобы снабжать войска Ленфронта, но и особенно для того, чтобы дать выход войскам Ленфронта для отхода на восток для избежания плена, если необходимость заставит сдать Ленинград.

Имейте в виду, что Москва находится в критическом положении и она не в состоянии помочь вам новыми силами.

Либо вы в эти три дня прорвете фронт и дадите возможность вашим войскам отойти на восток в случае невозможности удержать Ленинград, либо вы все попадете в плен.

Мы требуем от вас решительных и быстрых действий.

Сосредоточьте дивизий восемь или десять и прорвитесь на восток.

Это необходимо и на тот случай, если Ленинград будет удержан, и на случай сдачи Ленинграда. Для нас армия важнее. Требуем от вас решительных действий.

Сталин 23/10 3 часа 35 минут

Передал Василевский 23/10 4 часа 2 мин.».

Сталин беспокоился не напрасно. Он располагал самыми свежими разведанными, поступающими из разных источников, в том числе по каналам НКВД. Оперативники информировали об усилении продовольственной проблемы в городе, о том, что настроения и в Ленинграде, и в окопах вокруг него зашатались. К тому же при взгляде на оперативную карту четко вырисовывался очередной «котел». Белосток, Минск, Киев, Брянск, Вязьма — и теперь Ленинград? При этом угроза блокады нависла и над самой Москвой. Панику удалось погасить, но многие правительственные учреждения и ценные кадры были

эвакуированы в Куйбышев. Поэтому, глядя на карту, на угрожающую конфигурацию фронта, который в любой момент мог сомкнуть синие линии у Тихвина, где пока еще удерживала оборону армия Хозина, Сталин понимал, что сейчас там, в Ленинграде, нужен такой, как Жуков. Но Жуков один, и он нужен здесь, под Москвой.

Слишком тяжелая ноша свалилась на плечи Федюнинского. А тут еще не ладили между собой штатские из Военного совета фронта. Грызлись на заседаниях и оперативках, строчили друг на друга жалобы и доносы в Москву, наверняка отмечая и его, командующего, «пагубные решения», если они вдруг в чем-то совпадали с мнением противоположной стороны. В этих обстоятельствах все бóльшую власть забирали органы НКВД во главе с молодым и энергичным начальником УНКВД по Ленинградской области П. Н. Кубаткиным^[23].

В мемуарах главных действующих лиц ленинградской трагедии нет никаких следов разлада в Военном совете Ленфронта. Однако по сохранившимся документам видно, что тон начали задавать именно штатские и работники НКВД.

Двадцать шестого октября 1941 года помощник и заместитель А. А. Жданова А. А. Кузнецов принес Федюнинскому проект явно затянувшегося ответа в Москву Василевскому, для доклада Верховному:

«Для прорыва на восток были выделены 11 дивизий и 6-я морбригада, а также 123-я танковая бригада.

...Из-за транспортных проблем в связи с переброской дивизий пришлось приостановить эвакуацию Кировского и Ижорского заводов, а также завоз в Ленинград из Новой Ладого грузов, обратив весь транспорт на перевозку дивизий.

На восточном берегу Невы при поддержке почти всей тяжелой артиллерии фронта и авиации вели бой три дивизии: 86-я, 115-я и 265-я. В ночь на 27 октября переправляется еще одна дивизия. Наибольшие трудности связаны с переправкой войск и особенно артиллерии. Только КВ до сих пор не смогли переправить. Принимаем все меры для переправы артиллерии и танков и развития наступления для прорыва на Восток».

Не надо быть большим лингвистом, чтобы понять: телеграмма написана не военными людьми — «пришлось приостановить», «не смогли переправить». Как плохие школьники: учили, но не выучили...

Тихвин немцы все же заняли. Перерезали коммуникации, прервав поток грузов к Ладожскому озеру, к Дороге жизни. Произошло это 8 ноября 1941 года. Положение усугублялось. Ленинград задыхался.

Федюнинский писал об этом периоде боев так: «Под Ленинградом

началась борьба за коммуникации. Мы пытались прорвать блокаду, а противник стремился полностью завершить ее, овладеть нашей последней дорогой через Ладожское озеро.

14 октября Ставка Верховного Главнокомандования дала указание во второй половине октября подготовить и провести наступательную операцию на синявинском направлении. Намечалось силами 54-й и 55-й армий, а также Невской оперативной группы окружить и уничтожить шлиссельбургско-синявинскую группировку противника и деблокировать Ленинград с суши.

Военный совет Ленинградского фронта предлагал эту операцию 20 октября. Для участия в ней привлекалось 63 тысячи человек, 475 орудий, 97 танков.

Противник имел на синявинском направлении около 54 тысяч человек и 450 орудий. Он опирался на сильную оборону с большим количеством инженерных сооружений, построенных в лесисто-болотистой местности.

Таким образом, перед началом операции мы имели лишь незначительное превосходство в живой силе и артиллерии.

Путем перегруппировки войск нам удалось создать в намечаемой полосе прорыва 54-й армии двойное, а на участке оперативной группы восточного сектора фронта и Невской оперативной группы тройное превосходство в силах и средствах. Имея в виду, что общая глубина операции незначительна, мы рассчитывали, что сумеем успешно провести ее в указанные сроки.

Но за четыре дня до начала наших действий обстановка резко изменилась. 16 октября девять дивизий противника, в том числе две танковые и две моторизованные, перешли в наступление на волховском, тихвинском и маловишерском направлениях. Командование Группы армий «Север» рассчитывало ударом на Тихвин и Волхов соединиться с финскими войсками восточнее Ладожского озера и создать второе кольцо блокады вокруг Ленинграда. Частью сил планировался удар на Бологое навстречу Группе армий «Север».

Катастрофа следовала за катастрофой. В это же время возникла угроза гарнизону моряков на полуострове Ханко. Четыре месяца моряки вели активные боевые действия, удерживая за собой клочок земли — военно-морскую базу в Финляндии. Командование Ленинградского фронта с санкции Ставки приняло решение: свою задачу гарнизон Ханко выполнил и его необходимо эвакуировать. Защитников военно-морской базы перевезли в Ленинград на боевых кораблях Балтийского флота и пассажирских теплоходах.

Должность командующего Ленфронтом Федюнинского тяготила. «Октябрь подходил к концу, — вспоминал он. — Я продолжал временно исполнять должность командующего Ленинградским фронтом. Откровенно сказать, на этом ответственном посту чувствовал себя не совсем ладно.

Однажды позвонил генералу Василевскому и высказал все, что меня волновало.

— Вы поймите меня правильно, — говорил я. — Мне всего два месяца назад присвоили генеральское звание, а я занимаю такую высокую должность. В то же время бывший начальник штаба фронта генерал-лейтенант Хозин, который, безусловно, опытнее меня, командует 54-й армией и находится у меня в подчинении. Мне кажется, что это не совсем удобно. Тем более что в свое время он командовал дивизией, в которой я служил командиром батальона.

Василевский внимательно выслушал меня.

— Что ж, может быть, вы и правы, — задумчиво произнес он. — Доложу Верховному Главнокомандующему.

Ночью поступил приказ о моем назначении командующим 54-й армией».

Несколько забегая вперед, должен заметить, что в должности командующего войсками Ленинградского фронта не удержится и генерал Хозин.

Историк и исследователь битвы за Ленинград Н. А. Ломагин написал: «Расставшись с Жуковым, ленинградцы, сами того не подозревая, утратили последний шанс вырваться из вражеского кольца, поскольку преемники Жукова оказались недостаточно подготовленными для решения столь сложной задачи. У них не было ни опыта, ни знаний, ни воли, ни того таланта, которые были нужны для спасения города. Наконец, их авторитет как в Москве, так и в Смольном был недостаточным для того, чтобы отстаивать нужные фронту решения как в плане обеспечения и снабжения, так и притока новых кадров для руководства соединениями и частями фронта. Власть из крепких рук Жукова вернулась к нерешительному и малоинициативному функционеру Жданову, который, очевидно, осенью-зимой 1941–1942 гг. ею тяготился».

*

На севере зима наступает рано. В середине ноября ударили морозы, повалил снег. На фронте 54-й армии то затихали, то вспыхивали бои

местного значения.

Федюнинский почти каждый день бывал в войсках, на передовой. Оборона укреплялась, совершенствовалась с каждым днем. Стрелковые роты зарывались в землю. Строили блиндажи и ДЗОТы. Артиллеристы оборудовали запасные позиции, время от времени вели контрбатарейную борьбу. Накапливали боеприпасы. Везде была налажена связь, хотя и телефонных аппаратов, и провода, и особенно радиостанций не хватало.

За свой участок фронта Федюнинский был спокоен — его беспокоили соседи слева. Части 4-й армии своим правым флангом постепенно отходили в район Волхова и Кабоны. Армией командовал начальник штаба 4-й армии генерал Ляпин. Федюнинский, как сосед, порядком натерпелся от нерешительных действий и бездействия левофланговой армии и характеризовал ноябрьскую обстановку и генерала Ляпина так: «Своими необоснованными приказами он создавал дополнительные трудности. Достаточно сказать, что по совершенно непонятным соображениям он приказал отвести тылы далеко за Волхов, в результате чего начались перебои в снабжении войск продовольствием».

Штаб фронта тоже был обеспокоен положением дел на участке 4-й армии. По просьбе Хозина Федюнинский приказал перебросить часть своих резервов на волховское направление. Но это было каплей в море. Позвонил в штаб Ленфронта, доложил обстановку Хозину, подробно — о положении на левом фланге и о волховском направлении.

— Решением Ставки для прикрытия волховского направления выделена 3-й гвардейская стрелковая дивизия, — ответил Хозин.

— Одной дивизии мало, товарищ командующий. Противник постоянно давит на север, на соединение с финскими частями. Замысел его имеет совершенно определенные черты. Прошу закрыть волховское направление дополнительно хотя бы двумя стрелковыми дивизиями и срочно перебросить несколько батарей противотанковой артиллерии.

После короткой напряженной паузы командующий Ленфронтом сказал:

— У нас, товарищ Федюнинский, перебросить вам нечего. И нечем. Весь транспорт занят на подвозе грузов в Ленинград. Ленинград голодает. Или вам это неизвестно? — Последняя фраза прозвучала упреком. Однако проблемы необходимости прикрытия волховского направления это не отменяло.

«Фронт приближался к Волхову, — вспоминал Федюнинский. — Противник вклинился на стыке 54-й и 4-й армий. Приказания и распоряжения Ляпина отличались противоречивостью, а согласовать свои

действия с ним мне никак не удавалось, и это еще более усложняло обстановку».

На Военном совете армии пришли к выводу: генерал Ляпин дела запустил, обстановкой не владеет, действия 4-й армии не согласуются с обстоятельствами, которые в последние дни сложились на фронте, и выход один — просить штаб фронта и Ставку переподчинить отступающие войска 4-й армии полевому управлению 54-й армии. «Если это будет сделано еще сегодня, — отстукивал телетайп срочную шифровку в Москву и Ленинград, — то спасти положение можно. Если это будет завтра, то будет поздно: Волхов падет».

Жуковская школа: брать все на себя.

Пока Федюнинский ждал ответной телефонограммы из Москвы, в землянку к командарму протиснулись двое: командующий Ладожской военной флотилией капитан 1-го ранга В. С. Чероков^[24] и уполномоченный Государственного Комитета Обороны по снабжению Ленинграда Д. В. Павлов. Вид у них был озабоченный. Первым, прямо с порога, заговорил Павлов:

— Как, Иван Иванович, удержите Волхов?

— А вы, Дмитрий Васильевич, видимо, приехали эвакуировать склады? — в свою очередь, спросил Федюнинский.

Железная дорога Вологда — Череповец — Волхов оставалась единственной магистралью, по которой шло снабжение блокированного Ленинграда. Из Волхова брала начало Дорога жизни через Ладогу. В Волхове были сконцентрированы продовольственные склады. Здесь перегружалось в вагоны и на железнодорожные платформы вооружение, которое продолжали выпускать заводы Ленинграда, для отправки на другие участки фронта.

Федюнинский рассказал о намерениях армии во что бы то ни стало удержать Волхов за собой, для чего запросил Москву о переподчинении Военному совету 54-й армии части войск 4-й армии. В это время командарма вызвали к телеграфному аппарату. Открытым текстом по ленте пополз приказ: «Ставка Верховного Главнокомандования приказала группу войск 4-й армии, действующую на волховском направлении по восточному и западному берегам реки Волхов, в составе 285-й, 310-й, 311-й, 292-й стрелковых дивизий, 6-й морской бригады, 3-й гвардейской стрелковой дивизии, двух батальонов 281-й стрелковой дивизии, 883-го корпусного артполка и 16-й танковой бригады с 6 часов 12.11.41 года переподчинить тов. Федюнинскому и включить в состав войск 54-й армии».

Капитану Черокову, флотилия которого тоже оказалась в подчинении

штаба 54-й армии, Федюнинский тут же предложил снять пулеметы со своих боевых судов и на автомашинах вместе с расчетами перебросить в район Волхова.

Чероков сказал:

— Я все понимаю. И даже то, что сейчас морякам целесообразней занять позиции в окопах. Но ведь меня отдадут под трибунал за разоружение кораблей!

— Ответственность за последствия беру на себя, — ответил командарм. — Поймите, Виктор Сергеевич, главное: если противник ворвется в Волхов и захватит ваши места базирования, вам придется топить свои корабли. И тогда уже будет все равно, с пулеметами они пойдут на дно или без пулеметов. А на береговых позициях ваши крупнокалиберные пулеметы могут сыграть большую роль.

Капитан Чероков выполнил приказ: пулеметные расчеты уже к рассвету влились в боевые порядки стрелковых частей. Братишки не хуже пехотных орудовали малыми саперными лопатами, окапывая позиции своих тяжелых ДШК. Они значительно усиливали огневую мощь пехотных позиций.

Федюнинский с группой офицеров сразу после получения телефонограммы из Москвы выехал в расположение штаба 4-й армии.

Штаб находился в деревне Плеханово. Штабную избу нашли по телефонным проводам, которые сходились у одного крыльца. «В штабе, как и во всей деревне, — вспоминал ту поездку Федюнинский, — царил обстановка невозмутимого благодушия.

— Где генерал Ляпин? — спросил я у дежурного по штабу.

— Генерал отдыхает, приказал не будить, — ответил дежурный.

— Разбудить все же придется, — настаивал я, с трудом сдерживая негодование. — Где он находится?

— Да тут, недалеко... в соседнем доме, — замялся было дежурный.

Ляпин отдыхал со всеми удобствами, как в мирное время. Приходилось только удивляться истинно олимпийскому спокойствию этого человека.

Когда генерала разбудили и он, торопливо одевшись, вышел к нам, я сообщил ему, что по приказу Ставки войска Волховской оперативной группы переходят в мое подчинение.

— А вам предлагается сегодня же ночью отбыть в штаб фронта, — жестко сказал я.

Нужно было действовать, не теряя ни минуты. Разобравшись в обстановке, я решил танковую бригаду, которой командовал полковник

Зазимко, поставить позади боевых порядков отходивших войск, а зенитную артиллерию, прикрывавшую Волхов, использовать для стрельбы прямой наводкой по танкам противника. <...> Наконец я написал приказ, который в самой категорической форме запрещал дальнейший отход».

Сейчас эти приказы (а чаще выдержки из них) периода тяжелейших дней обороны Ленинграда, написанные «в самой категорической форме», некоторые наши и зарубежные историки приводят в качестве доказательств чрезмерной жестокости командования Красной армии, которое «закидало солдатским мясом» наступающие войска вермахта и только таким-де варварским способом смогло остановить их продвижение.

Что тут можно сказать? Пожалуй, ничего. Этим историкам и диванным стратегам ответил еще в позапрошлом веке русский поэт и герой 1812 года Денис Давыдов: «Всякий мнит себя стратегом, видя бой со стороны...» А тогда, в ноябре 1941 года, когда решалась судьба обеих столиц, Федюнинский имел полное право издавать жестокие приказы, в которых, среди прочего, фигурировало и слово «расстрел».

Приказ тут же разослали, развезли по частям и соединениям работники политотдела армии и зачитали там бойцам и командирам.

«За ночь, — вспоминал Иван Иванович, — удалось осуществить некоторую перегруппировку, привести соединения в порядок, подбросить продовольствие и боеприпасы. Отход прекратился. Полки и батальоны окопались на занятых рубежах».

В мемуарах — несколько строк. Констатация факта. Бесстрастное перечисление «мероприятий», благодаря которым удалось прекратить отход и остановить полки и батальоны, окопать их «на занятых рубежах». Но чего это стоило командующему и его штабу?!

История Великой Отечественной войны знает много трагических сюжетов, когда для некоей операции командование нагоняло массу войск, танков, артиллерии, но эти массы плохо управлялись, и противнику, располагавшему гораздо меньшими силами, удавалось полностью расстроить планы наших штабов, разбить и уничтожить изготовившуюся к сражению изначально сильную группировку.

Утром 12 ноября 1941 года Федюнинский получил очередную телеграмму из Москвы:

«Командующему Ленинградским фронтом.

Копия: Командующему 54-й армией.

Ставка Верховного Главнокомандования утвердила Ваши указания по вопросам разрушения в Волховстрое алюминзавода, Волховской ГЭС, железнодорожного моста и затопления патерны плотины с возложением

ответственности за это, а также за определение времени взрыва на командование 54-й армии».

Главным объектом, за который командующий 54-й армией отвечал головой, была Волховская ГЭС. Основное оборудование было демонтировано и эвакуировано, станция и плотина заминированы.

Федюнинский тут же вызвал начальника инженерного управления армии генерал-майора С. А. Чекина^[25], положил перед ним телеграмму и сказал:

— Давайте, Сергей Алексеевич, думать, как быть?

— А что тут думать? Главное в нашей безвыходной ситуации — не взорвать станцию раньше времени.

— Именно для этого я вас и позвал. Группу подрывников полностью подчиняю вам. Приказываю неотлучно находиться на Волховской ГЭС и держать постоянную связь со штабом армии. Взрывать только по моему личному приказу. Сидите на станции и ждите моего приказа. Только — по приказу. Даже если немцы будут у самой станции и вам покажется, что уже пора. Ни в коем случае не торопитесь. Только по моему личному приказу!

— Да понял я, Иван Иванович. Понял, — сказал генерал Чекин и снова мрачно пошутил: — Как в сказке: налево пойдешь... направо пойдешь...

Утром противник атаковал крупными силами. Начало атаки удалось погасить артиллерийским огнем и налетами авиации. Но вскоре немцы прорвались на нескольких участках одновременно. Из 310-й стрелковой дивизии, которая дралась в районе разъезда Зеленец, снова позвонил полковник Замировский^[26]. Дела там были плохи с самого утра. Немцы напирали с особым ожесточением. На этот раз Замировский доложил коротко:

— Бой идет на командном пункте. Что делать?

Командир 310-й просил разрешения на отход. Это было ясно. Хотя и не говорил об этом прямо. Потому что слова «отход», «отступление» и подобные им в эти дни приравнивались к таким категориям, как «разгром», «трусость», «паника». Федюнинский, глядя на карту, понимал, что сейчас самое разумное для Замировского, конечно же, отвести полки на тыловые позиции, вывести их из-под удара, попытаться закрепиться в глубине. Но позади него лежал Волхов, электростанция. Уже несколько раз оттуда звонил генерал Чекин, докладывал, что у него все готово, говорил, что беспокоится за связь, поэтому так часто и звонит. Видимо, канонада все сильнее, и там, на ГЭС, кажется, что бой стремительно приближается и немцы вот-вот ворвутся на объект особой важности.

Что в этих обстоятельствах сказать Замировскому? Никифор Матвеевич — старый боевой товарищ. Вместе служили на Дальнем Востоке. Вместе входили в Монголию. Замировский командовал Сахалинским, затем Белореченским полками. Опытный командир, мужественный человек. За Советско-польскую войну имел орден Красного Знамени. Федюнинский в том походе был рядовым красноармейцем, а Замировский уже командовал стрелковой ротой в легендарном 388-м Богунском полку. Попусту звонить не будет. Но атакованы все направления! Всем дивизиям сейчас тяжело! И, судя по карандашным отметкам, которые почти каждую минуту делал на карте начальник оперативного отдела штаба, бой кипел по всей линии фронта и неоткуда было взять даже роту или артиллерийскую батарею, чтобы усилить, поддержать Замировского. И он твердо сказал полковнику:

— Продолжайте драться. Не сумели удержать противника на допустимой дистанции, деритесь теперь на КП.

«Замировский молчал, — вспоминал Федюнинский ту кромешную историю, стоившую ему огромного нервного напряжения. — Я слышал в трубке его дыхание и понимал, как ему тяжело. Он ждал от меня другого ответа, но я не мог его дать.

— Есть! — наконец медленно и глухо проговорил он.

Кладу телефонную трубку, а из головы не выходит все тот же вопрос: «Взрывать станцию или нет?».

В какой-то момент этого тяжелейшего дня судьба станции его беспокоила, пожалуй, больше, чем положение его дивизий. Хотя от одного напрямую зависело другое.

Телефонисты с электростанции постоянно проверяли связь.

Прошло два часа. Наконец позвонил полковник Замировский.

— Ну что у тебя, Никифор Матвеевич? — первым спросил Федюнинский.

— Отбросили противника на один километр от командного пункта.

Положение у разъезда Зеленец улучшалось. Удержалась 310-я. Молодец Замировский!

Успех, конечно, был невелик. Но в этих обстоятельствах, когда саперы генерала Чекина уже подсоединяли провода к подрывным машинкам, каждый метр отбитой у врага земли имел не просто большое, а колоссальное значение.

— Хорошо, Никифор Акимович. Если каждые два часа ты будешь отбрасывать противника на километр, то к наступлению темноты твой командный пункт окажется на вполне нормальном удалении от переднего

края. А пока сиди там, где сидишь. Желаю успеха.

Несколько раз Федюнинский подходил к телефону, чтобы позвонить генералу Чекину и сказать ему, что взрыв Волховской ГЭС отменяется. Телефонист вопросительно смотрел на него: мол, с кем соединить? Но он молча отходил к столу с разложенной картой. Нет, еще рано трезвонить начальнику команды подрывников, бой еще гремит, и неизвестно, что может предпринять противник, чтобы прорваться к Волхову и захватить электростанцию. Ведь в немецких штабах тоже лежат карты, и на них нанесены примерно те же отметки: Волхов, ГЭС, разъезды Куколь и Зеленец, населенные пункты Елошня, Сорокине, Бор. И командование вражеских штабов поставило перед командирами полков, дивизий и корпусов задачу во что бы то ни стало захватить эти населенные пункты.

К вечеру тон донесений из дивизий и с боевых участков изменился. Противник явно выдыхался, его атаки становились слабее. Ночью наступила тишина. Утром, вопреки тревожным ожиданиям, атаки не возобновились.

Но беспокойство не покидало командующего. Если здесь, на волховском направлении немцы отменили наступление, то где атакуют после перегруппировки? То, что они снова поведут наступление, чтобы наконец прорвать фронт на участке 54-й армии, сомнений не вызывало. Приведут себя в порядок, подведут резервы и снова попрут вперед. Вопрос был в том, когда и где? Для ответов на эти вопросы нужен был «язык». Полковые, дивизионные и армейские разведгруппы либо возвращались с потерями и с пустыми руками, либо не возвращались вовсе, либо их обнаруживали на нейтральной полосе и отгоняли минометным и пулеметным огнем назад, к своим окопам.

Пилоты разведывательной авиации новых районов сосредоточения войск противника обнаружить не могли. Федюнинский перечитывал скупые и противоречивые разведдонесения, сводки наблюдателей и склонялся к мысли о том, что, скорее всего, волховское направление немцы оставили как бесперспективное. Ударят же западнее Волхова на войбокальском направлении. Но полной уверенности в этом варианте не было.

Нужен был хороший «язык». Желательно офицер.

Офицера с той стороны привели танкисты. Федюнинский допрашивал его лично. Вначале расспросил немца о семье, о детях. Вернул ему изъятые танкистами фотографии, а потом спросил:

— Где сосредоточиваются немецкие части, ушедшие из-под Волхова?

Немец, получив назад дорогие ему семейные фотографии и слово

русского генерала, что расстрелян он не будет, разговорился.

— Южнее поселка и станции Войбокало, — сказал он. — Там сосредоточена ударная группировка.

Тут же развернули карту. Немец показал район сосредоточения войск, предназначенных для нового наступления. Он ссылаясь на своего командира полка, который на днях собрал офицеров и проинформировал о готовящемся наступлении на войбокальском направлении.

Сведения, полученные от немецкого офицера, требовали проверки. В ту же ночь несколько разведгрупп ушли на ту сторону. Они подтвердили слова немца.

Новое наступление вела группа «Бекман»: четыре пехотных и части 8-й и 12-й танковых дивизий при поддержке авиации. Немцам удалось немного потеснить войска 54-й армии, но к железной и шоссейной дорогам их не пустили. Через Кабону по-прежнему шли на Ленинград грузы. К 25 ноября атаки прекратились. Пленные показывали, что в ротах осталось по 20–25 человек. Немцы выдохлись. Фронт стабилизировался в шести километрах от Волхова и непосредственно у станции Войбокало.

К тому времени обстановка на северном участке советско-германского фронта на короткий период изменилась в пользу Красной армии. По решению Ставки 4-я и 52-я армии предприняли наступление в районах Тихвина и Малой Вишеры.

На фронте 54-й армии наступило относительное затишье.

В один из этих дней Федюнинский узнал о себе любопытную «новость». Агентурная разведка, действовавшая по ту сторону фронта, сообщила, что немцы среди своих войск и населения прифронтовых сел и деревень распространили информацию: командующий 54-й советской армией генерал Федюнинский покончил жизнь самоубийством...

Командарм принял эту весть с юмором. В тот же день позвонил из Ленинграда Жданов:

— Иван Иванович, долго будете жить! Немцы сочинили басню о вашем самоубийстве. Разбрасывают листовки над вашим участком фронта и над населенными пунктами.

— Слышал, — коротко ответил Федюнинский. — Но не верю. К нам листовка еще не прилетала.

— Прилетит. Так что пусть политотдел проведет с личным составом необходимую работу.

Не было бы, как говорят, счастья, да несчастье помогло. На следующий день вызвали к аппарату ВЧ. Думал, что звонит Москва — Генштаб или сам Верховный. Но услышал голос жены и испугался:

— Что случилось? Почему ты звонишь?

— Ничего не случилось, — ответила радостным голосом Елена Владимировна. — Мне вчера передали из райкома партии, чтобы срочно приехала в Свердловск для телефонного разговора с Москвой. Я приехала. А вызвали меня, оказывается, чтобы дать возможность поговорить с тобой.

Так командарм поговорил с женой. На сердце потеплело — и оттого, что услышал ее спокойный голос, и от чувства благодарности чьей-то доброй душе. Видимо, кто-то из штаба Ленинградского фронта под впечатлением немецкой листовки решил, что не лишним было бы успокоить жену «покончившего с собой» командующего 54-й армией, хотя до нее немецкая листовка вряд ли долетит...

Елена Владимировна в то время жила в эвакуации в Свердловской области.

Глава девятая

ТИХВИНСКАЯ НАСТУПАТЕЛЬНАЯ ОПЕРАЦИЯ

«Освобождено от противника 32 населенных пункта...»

Осенью и зимой 1941 года весь огромный фронт советско-германского противостояния был напряжен до предела. Шли кровопролитные бои на южном участке в районе Ростова. Из последних сил оборонялась Москва, сдерживая мощнейшую группировку группы армий «Центр». Держался и окруженный со всех сторон немецкими и финскими войсками Ленинград.

Двадцать четвертого ноября 1941 года Ставка Верховного главнокомандования поставила перед 54, 52 и 4-й армиями задачу совместными усилиями разгромить немецкую группировку восточнее реки Волхов. В стремлении выйти к Ладожскому озеру и окончательно запечатать ленинградский «котел» основная ударная группировка группы армий «Север» — шесть пехотных и две танковые дивизии — фактически влезла в «мешок» и оказалась в полуокружении. Немцы все еще верили в свою силу и действовали самонадеянно, глубокими прорывами ударных группировок. Так что завязать этот мешок было не так-то просто. Внешние обводы выступа растягивались на 350 километров, вершина выступа упиралась в позиции 54-й армии.

Началась Тихвинская наступательная операция. 4-я отдельная армия генерала К. А. Мерецкова^[27] 8 декабря штурмом взяла Тихвин. Немцы были отброшены за Волхов. К 10 декабря, перемолов ударные силы противника на оборонительных рубежах, вперед пошла армия Федюнинского. Три стрелковых дивизии и две бригады, стрелковая и танковая, двинулись в наступление.

Двенадцатого декабря, когда в полях Подмосковья заиграла свирепая огненная метель контрнаступления, в Москве состоялось заседание Ставки. Обсуждалась обстановка, сложившаяся на Северо-Западном направлении. Начальник Генштаба Б. М. Шапошников доложил: в целях объединения армий, действующих восточнее реки Волхов, предлагается объединить их в отдельный фронт — Волховский. 54-ю армию генерала Федюнинского оставить в составе Ленфронта. Командующим войсками вновь

образованного Волховского фронта назначили генерала армии Мерецкова.

Наступление 4-й, 52-й армий Волховского и 54-й армии Ленинградского фронтов между тем продолжалось. Морозы стояли под сорок. Не выдерживали лошади, падали в снег — тогда артиллеристы и пехота тащили орудия на себе. 15 декабря 54-я армия наконец прорвала оборону 1-го армейского корпуса группы армий «Север». В последующие два дня ее дивизии продвинулись до 20 километров в направлении Оломны. При этом великолепным маневром она охватила левый фланг главной группировки противника на восточном берегу Волхова. Немцы не могли перебросить сюда никаких резервов, так как в это время части 4-й армии теснили правый фланг 1-го армейского корпуса. Через несколько суток упорных боев участок железной дороги Волхов — Тихвин был полностью очищен от неприятеля. Освобождена Будогощь. На левом берегу Волхова захвачены плацдармы. Чтобы спасти положение, немцы спешно перебросили из Франции несколько свежих пехотных дивизий. Две пехотные дивизии в эти дни были также переброшены сюда из-под Ленинграда.

Если учитывать, что в это время шло контрнаступление Западного и Калининского фронтов под Москвой и командование группы армий «Центр» лихорадочно запрашивало Берлин о резервах, а из-под Ленинграда не пришло ни одного солдата, то надо признать явный стратегический успех Ставки Верховного главнокомандования. Резервы шли в основном из Франции и Германии. И они распределялись между группами армий «Центр» и «Север». Везде было жарко, и в центре, и на севере немецкая оборона трещала.

Шестнадцатого декабря Гитлер наконец уступил настойчивым просьбам командования группы армий «Север» отвести войска. Никакие резервы уже не могли сдержать напора Красной армии. Началось преследование отходящего врага. Войска ударной группировки Волховского и Ленинградского фронтов — 4, 52 и 54-я армии — продвинулись вперед до 120 километров и отбросили немцев на рубежи, с которых они начинали октябрьское наступление на Ленинград. Тихвинская наступательная операция, в которой самое активное участие приняли соединения и части 54-й армии, предотвратила угрозу полной изоляции Ленинграда немецко-финскими войсками. Однако блокаду снять не удалось. Впереди были долгие месяцы и годы упорного противостояния на занятых позициях. С этого времени неприятелей разделяла река Волхов. На одном ее берегу мерзлую землю долбили красноармейцы, на другом — солдаты вермахта. Кроме того, советские войска захватили и удерживали

несколько плацдармов на «немецком» берегу, а немцы — на нашем, восточном берегу, в частности, в районе Киришей.

Контрнаступление в рамках Тихвинской наступательной операции Волховского и Ленинградского фронтов повторило многие черты наступления советских войск под Москвой, как положительные, так и отрицательные. Масштабы, разумеется, были разными. На севере в бой были брошены три армии и части Новгородской оперативной группы. В центре вперед пошли сразу несколько фронтов.

Исследователи Тихвинской наступательной операции серьезным просчетом советского командования называют то, что «в первые дни наступления усилия войск направлялись в основном на овладение отдельными опорными пунктами и узлами сопротивления на переднем крае обороны противника лобовыми атаками их с фронта». Отсюда большие потери в личном составе и боевой технике и, как следствие, снижение темпов продвижения вперед. Кроме того, задерживая наступление советских войск на хорошо укрепленных опорных пунктах, противник имел постоянную возможность маневрировать резервами, подтягивать их не только из тыловых районов, но и с неатакованных участков. К этому времени наше командование, надо признать очевидное, еще не научилось массированно применять танки. Монгольский опыт Жукова — стремительная танковая атака из глубины своих боевых порядков в глубину обороны противника — не был своевременно распространен на западе. Штабы армий не располагали достаточным количеством резервов. Перед началом операции резервы поступали в основном в 4-ю отдельную армию, какое-то количество перепало 52-й. Скучно пополнялась 54-я. Командование вынуждено было включать в стрелковые бригады тыловиков, выздоравливающих, которые способны были носить оружие. Мобилизовывали старшие возрасты из состава местного населения.

В дни Тихвинского наступления хорошо проявила себя так называемая «Отдельная гренадерская бригада». Ее сформировали в ближнем тылу, как говорят, с бору по сосенке. В строю оказались и стар и млад. Винтовок хватило только на два батальона, третий вооружили револьверами и гранатами — для ближнего боя. Поэтому и дали бригаде такое необычное название. Дралась она хорошо. «Револьверному» батальону перед первой атакой командир сказал: «Винтовки возьмете в бою у врага». И третий батальон винтовки у врага взял.

После войны Федюнинский признавал, что тогда, под Ленинградом, в решениях штабов и действиях армий было много недостатков, которые стали причиной того, что результаты сверхусилий зачастую оказывались

скромными: «Важнейшим из них было наше неумение осуществлять энергичный и дерзкий маневр для обхода и охвата опорных пунктов противника, Поэтому в ряде случаев борьба за эти пункты затягивалась. Опыт боев подтвердил исключительное значение четкой организации взаимодействия пехоты и артиллерии в звене рота-батальон-полк, значение массированного артиллерийского огня с целью подавления огневых средств, а также огня прямой наводкой по огневым точкам противника. Важную роль в боях сыграли мелкие группы автоматчиков, которые дерзко просачивались в глубину обороны и на фланги гитлеровцев, нарушали у них огневое взаимодействие, вносили панику. Практика показала, что наиболее эффективным является не «выдавливание» и «выжимание» противника из опорных пунктов, а смелые и решительные действия на путях его отхода, особенно в дефиле, теснинах, на переправах».

И все же Тихвинская наступательная операция в целом оказалась успешной. 27 декабря Совинформбюро сообщило: «Части 54-й армии генерал-майора тов. Федюнинского (Ленинградский фронт) за период с 18 по 25 декабря разгромили волховскую группу противника. В результате разгрома этой группы нами захвачены следующие трофеи: орудий 87, станковых пулеметов 47, ручных пулеметов 166, автоматов 57, винтовок 600, танков 20, минометов 142, грузовых автомашин 200, патронов свыше 300 000, снарядов 18 000, мин 13 000, гранат 10 000, велосипедов 400 и много другого военного имущества. Уничтожено до 6000 немецких солдат и офицеров. Освобождено от противника 32 населенных пункта».

Глава десятая

ТРАГЕДИЯ ПОД ЛЮБАНЬЮ

«Четыре месяца изнурительных, кровопролитных, а главное, малоуспешных боев...»

Весной 1942 года в районе Спасской Полисти и Мясного Бора была окружена и практически уничтожена 2-я ударная армия Волховского фронта. Вырваться из «котла» удалось немногим. Трагедией 2-й ударной армии завершилась Любанская наступательная операция 1942 года. 54-я армия генерала Федюнинского в этой неудачной операции наступала вместе со 2-й ударной и чудом не разделила ее судьбу.

Еще в конце февраля 1942 года Ставка на фоне успехов под Москвой, Ростовом и Тихвином приняла решение прорвать блокаду Ленинграда согласованным ударом войск Волховского, Ленинградского и правого крыла Северо-Западного фронтов. 54-я армия получила в этой операции свою, особую роль. Ставка усилила ее и приказала Военному совету не позднее 1 марта атаковать немецкие позиции в направлении на Любань. Планом операции намечалось следующее: прорвать немецкую оборону и соединиться с наступающими войсками 2-й ударной армии. Федюнинскому был передан 4-й гвардейский стрелковый корпус и 98-я танковая бригада. Действовать они должны были как единая ударная группировка.

Федюнинского еще в конце декабря проинформировали из штаба фронта, что в ближайшее время намечается «удар с целью осуществить деблокаду Ленинграда». В начале января из штаба фронта поступила директива: войскам Волховского фронта в составе 4, 59, 2-й ударной и 52-й армий выйти главными силами на рубеж Любань — станция Чолово, а в дальнейшем наступать в северо-западном направлении, взаимодействуя с войсками Ленинградского фронта. Четыре общевойсковых армии Ленинградского фронта и Приморская оперативная группа должны были помочь Волховскому фронту в разгроме основных сил 18-й и 16-й армий противника. Эти две армии насчитывали 32 дивизии, в том числе три моторизованные. Немцы по-прежнему держали здесь мощную группировку. Однако на этот раз Ставка для ее разгрома выделила гораздо больше сил, достигнув значительного преимущества перед противником. Одновременно армии Северо-Западного фронта должны были покончить с

демянской группировкой противника.

Армия Федюнинского вела наступательные бои на тридцатикилометровом фронте. С самого начала дело не заладилось. Противник прочно сидел в глухой обороне на заранее подготовленных рубежах, перекрывая сосредоточенным артиллерийским и пулеметным огнем все пространство перед своим передним краем. Немецкая артиллерия и минометы, с дистанции, гасили каждую последующую атаку советских войск. Потери были огромными, и они увеличивались с каждым днем, с каждой новой попыткой продвинуться вперед. По поводу неудач начального периода наступления генерал Федюнинский вспоминал: «Безуспешные бои 13 и 14 января наводили на мысль о необходимости перегруппировать силы. А командование фронта настаивало на немедленном продолжении наступления, которое было и плохо организовано, и должным образом не обеспечено. В результате вместо сосредоточения подходящих резервов для создания превосходства в силах мы вынуждены были вводить их в бой по частям».

Ударная группировка 54-й армии уткнулась в укрепленный район Погостье и вперед продвинуться не могла уже ни на шаг. После войны, засев за мемуары и перебирая в памяти даты, названия сел и деревень, направления движения своих войск и контрудары противника, Иван Иванович напишет: «Труднее всего мне было под Погостьем зимой тысяча девятьсот сорок второго года. Четыре месяца изнурительных, кровопролитных, а главное, малоуспешных боев в лесистом и болотистом крае между Мгой и Тихвином...»

Кстати, в этот период в состав армии входила 80-я стрелковая дивизия, в которой 218-м стрелковым полком командовал подполковник В. Ф. Маргелов, легендарный «дядя Вася», будущий командующий ВДВ. Федюнинский любил бывать в расположении этой дивизии, часто бывал на КП полков. Сохранилась фотография, на которой запечатлена группа командиров, в том числе командарм Федюнинский, член Военного совета 54-й армии Д. И. Холостое и командир 218-го стрелкового полка 8-й стрелковой дивизии подполковник В. Ф. Маргелов.

Однажды, когда полки были выведены из боя и расположились на отдых и приведение себя в порядок в лесу, в шалашах, командующий заехал поинтересоваться, как устроились его бойцы, как кормят, как действует банное и прачечное хозяйство. Отдых у солдата на войне недолог: помылся, побрился, отоспался возле железной печи в шалаше на еловых лапках, застланных плащ-палаткой, поел вдоволь горячей каши с тушенкой и снова — стройся, шагом марш на передок...

Генерал шел по лесной тропе, перебираясь из одного полка в другой. Тропа хорошо натоптана, но узкая, двоим не разминуться. Навстречу молодой боец, по лицу совсем подросток, усы еще ни разу не брил. Одет ладно — в ватнике, в стеганых штанах. За спиной увесистая ноша — с десяток топоров без топорищ. Завидев генерала, сошел с тропы, чтобы пропустить начальство, и тут же провалился по пояс в глубокий снег.

— Ты что тут делаешь? — глядя в юное лицо бойца, спросил Федюнинский.

— Да вот, товарищ генерал, старикам моим надобно топоры раздать. Чтобы они их до ума довели, на топорища насадили да наточили хорошенько.

— Топоры? — удивился Федюнинский. — А зачем вам столько-то?

— В разведку собираемся. Приказ получили «языка» взять. А по такому лесу без топоров не пройти.

Генералу парень понравился. Яркий румянец на щеках. Сразу видно: старшина кормит людей хорошо. Взгляд прямой. Отвечает смело. С таким бойцом расставаться сразу не хотелось. С таким хотелось поговорить.

— К каким старикам? А ты кто такой?

— Командир взвода пешей разведки сержант Спиридонов. — И сержант сбросил с плеча связку топоров, лихо вскинул ладонь к шапке. Ладонь, освобожденная от рукавицы, в морозном воздухе парила. Парень — огонь!

Разговорились. Тем временем подошел начальник разведки полка и поддержал начатую беседу. Оказалось, раньше сержант Спиридонов был пулеметчиком. В одном из боев получил ранение, после госпиталя вернулся в свой полк. Попросился в разведку. Получил отделение. Потом, когда погиб лейтенант, командир взвода пешей разведки, заменил командира и теперь вполне себе справляется с новой должностью.

— И сколько он так справляется со взводом? — спросил Федюнинский начальника разведки полка.

— Да уже порядочно, больше трех месяцев.

— А сколько же ему лет?

— Девятнадцать. Это он только ростом не вышел. А в бою и в поиске действует решительно и храбро.

Когда вышли в расположение штаба полка, Федюнинский сказал начальнику разведки:

— Постройте ваш взвод.

Из просторного шалаша, построенного основательно и умелыми руками, вышло человек двадцать бойцов. Пожилые, кряжистые «папаши».

Оправляя и застегивая шинели и ватники, быстро, не мешкая, заняли свои места в строю.

— Командир-то у вас, оказывается, молодой, но опытный, — обратился командующий к разведчикам.

Те дружно подтвердили. А самый пожилой, видать по праву старшего, сказал:

— Сержант наш дело знает. И требует правильно. Башковитый сынок! — И кивнул со сдержанной улыбкой: — Вон, топоры где-то раздобыл. А топор для разведчика в таком лесу — первое дело.

Генерал выслушал «стариков» и сказал:

— Ну что ж, считаю, что ваш командир вполне заслуживает звания, соответствующего занимаемой должности.

«Старики» закивали:

— Заслуживает, товарищ командующий.

— Заслуживает.

Генерал повернулся к адъютанту старшему лейтенанту Рожкову:

— Вот что, сними-ка со своей гимнастерки пару «кубарей». В штабе добудешь себе новые.

Пока старший лейтенант возился с «кубарями», Федюнинский карандашом в полевом блокноте записал приказ: за умелое руководство боевыми действиями подразделения командиру взвода пешей разведки сержанту Спиридонову присваивается воинское звание «младший лейтенант». Вырвал листок из блокнота, передал начальнику разведки полка. Тот тут же зачитал его. И генерал прикрепил «кубари» на петлицы взводного.

Младший лейтенант Спиридонов был и смущен, и обрадован. Щеки его зарозовели еще гуще.

Следующей ночью «старики» приволокли с той стороны «языка». Группа вернулась без потерь.

После 80-й Федюнинский отправился в 177-ю стрелковую дивизию. Полки ее находились на переднем крае. Готовились к атаке.

НП командира 502-го стрелкового полка капитана Чумака был расположен в непосредственной близости к передовой линии окопов.

— Почему так близко? — спросил Федюнинский.

— Отодвинул бы, да нет возможности, — ответил Чумака и махнул в тыл, в десятке шагов сзади начинался лес, густая стена ельника. — Что оттуда увидишь? Так что маскируюсь у немца под носом.

Комполка с начальником связи и телефонистами сидел в неглубокой яме, вырытой в снегу и прикрытой сверху плащ-палатками. Командующий

с сопровождавшими его офицерами едва втиснулись в яму. Здесь было так же холодно, как и в лесу, правда, не продувало каленым февральским ветром.

— Сейчас, товарищ командующий, начнем атаку, — сказал помполка. — Все готово. Но снег проклятый мешает быстрому продвижению пехоты.

В тылу ударили орудия. Снаряды, шурша, полетели на ту сторону, куда смотрел в стереотрубу капитан. Разрывы артиллерийских снарядов колыхнули воздух. Сальная свеча погасла. Связисты больше ее не зажигали — ни к чему.

Вслед за капитаном все вылезли из ямы.

— Ну, пошли мои соколики, — с надеждой сказал капитан, напряженно всматриваясь в поле перед окопами.

Федюнинский тоже смотрел в поле. Фигурки в белых маскхалатах с каждым мгновением удалялись от своих окопов, но продвижение их было медленным. Попутно отметил: полк поднялся дружно, двинулся вперед уверенно.

— Снег... Вязнут... Лыж мало, на всех не хватает. — И капитан Чумак, чтобы хоть как-то подавить волнение, стал прикуривать, пряча в широких крестьянских ладонях огонек спички.

Наконец поступили первые сообщения. В глубине снежной ямы послышался зуммер телефона. Докладывали из батальонов.

— Продвигаются! Вопреки всему продвигаются! — Капитан Чумак торжествовал.

Об этом бое генерал Федюнинский после войны вспоминал: «За ночь полк продвинулся километра на два, уничтожив опорный пункт противника. На рассвете мы с капитаном Чумаком пошли по полю недавнего боя. Там, где прошли солдаты, виднелись глубокие извилистые борозды. Тела убитых не лежали, а стояли в снегу, наклонившись вперед. Казалось, что и мертвыми бойцы стремились в атаку. И не было среди убитых ни одного, который в последние минуты жизни повернулся бы спиной к врагу!»

Свои мемуары Федюнинский писал во времена, когда за каждой генеральской печатной строкой недреманным и строгим оком надзидало Главное политуправление Министерства обороны СССР. Поэтому все взаимоотношения уровня командарм — комфронта причесаны и приглажены до полной гармонии, чего, разумеется, на самом деле не было. Много, в том числе и в описании этого боя, маскировалось пафосом. Пафос здесь уместен: ибо что еще, по прошествии лет, мог сделать генерал, пославший своих солдат на смерть? Они умерли, выполняя приказ своего

командира полка, а в конечном счете волю его, командующего. А он в поисках смысла понесенных его армией потерь всю жизнь вспоминал своих мертвецов, остановившихся по пояс в том проклятом снегу в своей последней атаке.

На следующий день позвонил командующий войсками Ленинградского фронта Хозин. Федюнинский доложил правду. Она была горькой. Командир дивизии не поддержал успешную атаку 502-го полка артиллерией. Вдобавок ко всему соседний полк, который должен был поддержать батальоны капитана Чумака, потерял направление и двинулся в другую сторону. Соседняя 198-я стрелковая дивизия, поддерживавшая действия атакующих, своим авангардом, предназначенным для развития удара, заняла не то исходное положение и никакой реальной помощи наступающим не оказала.

Разговор был тяжелым. Комфронта мрачно предупредил:

— Мы не на военной игре. Начальники должны строго следить, чтобы войска занимали те исходные положения, которые им указаны.

В эти дни в 54-ю поступило пополнение. Маршевые роты пришли из Ленинграда и из-под Волхова. Были и уральцы. Им Федюнинский был особенно рад. Ленинградцев надо было еще откармливать — бледные, худые, в строю шатались. А уральцев сразу вывели на передок, в окопы. Но пополнение оказалось невелико — 1500 человек на всю армию, капля в море. Такие пополнения никак не восполняли потери, понесенные в боях и от морозов. Генерал Мороз, как известно, воевал с обеими армиями.

Бои в районе Погостья продолжались. Атаки сменялись контратаками противника. Сверху звонками и телефонограммами постоянно напоминали: вперед, вперед, во что бы то ни стало вперед! Насколько были истощены и обескровлены части и соединения армии, показывает такой эпизод.

Из штаба фронта позвонил начальник оперативного отдела и попросил уточнить номера полков, которые действовали на развилке дорог восточнее станции Погостье.

— Тут, по-моему, какая-то каша. Неужели все три полка действуют в одном эшелоне?

Начальник штаба армии взял трубку:

— Напрасно удивляетесь. В трех полках так мало людей, что на развилке места с избытком хватает всем. Второго эшелона нет, так как второй эшелон формировать не из кого. Так что восточнее Погостья в трех полках в лучшем случае по взводу бойцов, и командуют ими сержанты.

Именно в эти дни 2-я ударная армия генерала Н. К. Клыкова на узком участке прорвала немецкую оборону и устремилась вперед. Когда ее

наступление выдохлось, отдали приказ на наступление 54-й армии, предварительно усилив ее. Командование фронта, таким образом, не согласовало удары двух армий. Обе армии значительно приблизились к Любани, но достигнуть ее не смогли. Противник получил возможность воздействовать на их маневр последовательно, погасив атаку вначале одной ударной группировки, потом другой. Так тогда воевали.

При этом немцы не упустили возможности отсечь глубоко вклинившиеся в их оборону войска 2-й ударной армии. Как поясняют историки, «ко второй половине февраля 1942 года «котел», в котором впоследствии была уничтожена 2-я ударная армия, практически сложился».

Бои продолжались. Наши армии, в соответствии с приказами штабов фронтов, штурмовали немецкие опорные пункты, зачастую в лоб, теряя людей, расходуя и без того скудные запасы снарядов и патронов. За каждый такой опорный пункт войска Ленинградского и Волховского фронтов платили полком, а то и двумя, тогда как немецкий гарнизон составлял роту, усиленную артиллерией и минометами; в критический момент гарнизон отходил по расчищенной от снега дороге на тыловую позицию. Все приходилось начинать сначала. Приобретение Красной армией оказывалось невеликим — километр-два захваченной территории, нашпигованной минами.

Девятнадцатого марта северная и южная группы 18-й армии немцев соединились в четырех километрах от Мясного Бора между реками Полисть и Глушица. 2-я ударная оказалась в полном окружении. Начались попытки деблокировать окруженных. Иногда на сутки-двое нашим войскам удавалось разрывать кольцо окружения, в образовавшуюся горловину выходили полки и даже дивизии.

В апреле генерала Н. К. Клыкова Ставка заменила генералом А. А. Власовым, который до этого исполнял обязанности заместителя командующего войсками Волховского фронта. Наступала весна, распутица. Ухудшилось положение со снабжением. Немцы приступили к рассечению «котла», уничтожая по частям блокированную в лесах и болотах армию. 21 апреля Ставка приняла решение об объединении Волховского и Ленинградского фронтов в один — Ленинградский. Это только ухудшило управляемость войсками в районе действий.

В эти дни, впрочем как и всегда, Федюнинский постоянно бывал в войсках. В одной из публикаций в интернете я случайно наткнулся на одно «историческое исследование» по теме Любаньской операции, причин ее неудач и гибели 2-й ударной армии. В ней говорилось, с иронией, о том, что-де генерал Федюнинский руководил действиями своих дивизий из

штаба по карте... Это «исследование» можно было бы и пропустить, не отвлекаясь на его выводы не столько научного, сколько публицистического характера. Однако, к сожалению, в последнее время в общественном мнении преобладает навязанный социальными сетями чисто дилетантский, поверхностный взгляд. Этот общественный порок (иначе такое явление назвать трудно) существенно искажает образы великих полководцев той войны, в первую очередь Георгия Константиновича Жукова. А поскольку Иван Иванович Федюнинский почти всю войну был рядом с ним, то досталось и ему. После войны так действовали спецслужбы и официальная власть: когда потребовалось выбить из-под Маршала Победы опору в войсках и обществе, арестовали более ста генералов и офицеров из его окружения. Зачастую только потому, что они были рядом, что он им доверял, а они платили преданностью и надежностью во всех делах, в первую очередь, разумеется, военных.

Командующий, впрочем, и должен руководить войсками из штаба. И, разумеется, по карте. Времена Чапаева прошли: в то время согласно уставу даже командиры батальонов не ходили в бой. Солдат поднимали и вели ротные и взводные. Правда, комбаты, боевые «батяни», все еще занимали место в атакующей цепи. Кого обстоятельства заставляли, кого начальство, кого совесть.

Во всяком случае, компьютерные «историки», которые всюду спешат втиснуть три копейки своего мнения, должны помнить, что именно 54-я армия Ленинградского фронта в ходе наступления зимы — весны 1942 года на любаньском направлении достигла, после 2-й ударной армии, наибольших результатов. За четыре месяца непрерывных боев была прорвана оборона противника, захвачен большой участок железной дороги, очищена от немецких войск и потом удержана территория 20 на 22 километра. А что такое — удержать захваченный участок территории? Это значит закрепиться, врыться в землю, пусть даже в мерзлую. Правильно распределить огневые средства, определить позиции для пулеметов, минометов, артиллерии. Построить оборону, эшелонировать ее в глубину. И все это — под постоянным огнем противника.

Что касается руководства войсками из штаба...

Однажды в период распутицы командарм поехал на танке в Посадников Остров, где держала оборону одна из его дивизий. К тому времени оттепель осадилась снегом, промокли овражки, дороги распустило. Командирский танк двигался прямо по железнодорожной насыпи. В танке, кроме экипажа, тесно прижавшись друг к другу, сидели адъютант и два автоматчика охраны.

Вскоре командир танка, все это время наблюдавший в бинокль за местностью и дорогой, сказал:

— Всё, товарищ командующий, дорога закончилась. Насыпь разбита. Воронки такие, что танк не пойдет.

— Что ж, пойдём пешком, — решил Федюнинский, выбравшись на броню. — А вы, — приказал он командиру танка, — свяжитесь по радиации со штабом дивизии и доложите обстоятельства. Пусть навстречу кого-то пришлют, чтобы мы не заблудились и не ушли к немцам.

Насыпь впереди действительно была перепахана тяжелыми бомбами, железнодорожное полотно разрушено. Из черного снега торчали расщепленные шпалы и искореженные рельсы.

На передовую Федюнинский всегда одевался просто, по-солдатски. Вот и в этот раз — рыжий поношенный ватник, стеганые штаны, на ногах кирзовые сапоги, на голове — шапка-ушанка.

Адъютант и автоматчики, выбравшись из душной, наполненной выхлопными газами тесноты танка, закурили и от командующего отстали.

До штаба дивизии, если верить карте, оставалось километров пять. Федюнинский, миновав разбитый участок, налегке ходко шел по шпалам. Вскоре сзади его окликнули:

— Эй, пехота, или кто ты там, посторонись!

Генерал оглянулся. Его догонял всадник, пожилой боец. В седле он держался ладно, по-казачьи осанисто, так что Федюнинский в какое-то мгновение залюбовался им. Вспомнилась родина. Другую лошадь, тоже под седлом, казак держал в поводу. Эта и вовсе была красавица — тонконогая, с нервной кожей на шее.

— Не кричи, казак, немца разбудишь! — тем же тоном ответил ему Федюнинский.

— Э, брат ты мой, немец нынче далече! — засмеялся в прокуренные усы всадник. — Отогнали мы его порядочно. К насыпи и близко не допускаем. — И вдруг спросил: — А откуда ты знаешь, что я казак?

— По тому, как в седле сидишь да плеть держишь, вижу. Оренбургский? Уральский? Донской?

— Семиреченские мы, — ответил казак с важностью. — А ты далече ли путь держишь? Что-то, смотрю, без винтовки. Потерял, что ль?

— Моя винтовка всегда при мне, — уклончиво ответил Федюнинский. — А иду я на разъезд.

Разговор с казаком генералу уже нравился. Хотя на откровенный тон еще не выбрались.

— На разъезд? И я туда! Ладно, садись верхом. Если, конечно, умеешь.

— И казак усмехнулся. — Только, погоди-ка... Это — лошадь командира дивизиона. Он-то как раз из донских казаков. Я на нее пересяду. А ты — на мою. Не ровен час собьешь, пехота, командирской лошади спину, отдувайся потом за тебя.

— Ну, если так беспокоишься за коня, я и пешком дойду. До разъезда-то уже недалеко осталось. Слезай, закурим. — И Федюнинский вытащил коробку «Герцеговины флор».

Папиросы прислали ленинградцы. Как бы ни было им тяжело, а посылки на фронт продолжали идти. Продуктов жители блокадного города прислать не могли, а вот табачок, теплые вещи, кисеты для солдат присылали постоянно. В посылках лежали письма, иногда написанные детской рукой. Солдаты в первую очередь расхватывали эти письма, украшенные рисунками, и хранили их как обереги. Порой трудно определить, что нужнее всего солдату в мерзлом окопе. Котелок горячей каши — да. Горсть патронов во время отражения атаки, когда боеприпасы вот-вот иссякнут, — да. Погреться в землянке у самодельной печки — да. Но теплые строки, пусть даже безымянного ребенка, на листке, украшенном наивным рисунком... С таким листком за пазухой можно пережить любую атаку и перенести любую стужу. Так считали солдаты. И так было на самом деле.

Казак тут же слез с коня, сказал:

— Ты, земляк, видать близко к начальству ходишь, коли такие папиросы куришь. В ординарцах, небось, состоишь?

Казак закурил, с наслаждением задерживая пахучий табачный дым.

— Встречаюсь иногда и с начальством, — уклончиво ответил Федюнинский. — А почему ты меня земляком назвал? Так, ради красного словца?

— Да нет. По выговору вижу — сибиряк. Или уралец. А? Угадал?

— Угадал. Из Зауралья, тюменский.

— Ну вот! Выходит, земляк! Кто за Уралом родился и вырос, все земляки.

Заговорили о войне, о тех непростых обстоятельствах, в которых сейчас приходится жить солдату на передовой. Казак хорошо понимал обстановку, давал верные оценки и противнику, и своим действиям. Разговор Федюнинского заинтересовал еще больше. Но тут, как назло, со стороны разъезда показался другой всадник. Федюнинский издали узнал в нем офицера по особым поручениям штаба дивизии. Тот по-кавалерийски лихо осадил разгоряченного коня в двух шагах от них и так же браво доложил:

— Товарищ командующий! На разъезд для вас высланы лошади! Прикажете подать сюда?

Казак опешил. Выслушав доклад штабного офицера, он оглушенно огляделся по сторонам и потихоньку потянул повода в сторону. Федюнинский остановил его:

— Ты куда, семиреченский? Ты ж сам говорил, что нам по пути?

— Виноват, товарищ командующий, не признал, — заволновался казак. — Да и лишнего, видать, наболтал.

— Извиняться тебе не за что. Сказал все верно. Для меня сказанное тобой — еще одно подтверждение. Знаешь, как с разведданными? Если одна группа, вернувшись, доложила, что наблюдала то-то и то-то, — это, конечно, стоит принять к сведению, но не больше. Если же о том же, независимо друг от друга, доносят две группы, да еще подтверждает воздушная разведка, то так оно и есть. Так что давай поговорим откровенно. О нашем разговоре будем знать только ты и я. Даю слово. Своему непосредственному командиру можешь не докладывать.

Семиреченский оказался из артполка. Младший сержант, заряжающий дивизионной пушки «ЗиС-3». В бою иногда подменял наводчика и командира орудия. Расчет подбил два танка. О них писали в дивизионном «Боевом листке». Некоторых представили к медалям.

— Медали-то получили?

— Пока нет. Начальство обещает, что вот-вот...

— Ладно. Я начальство потороплю. Как со снарядами? Хватает?

— Какое там! Командир дивизиона поштучно выдает. За каждый выстрел отчитываемся. А немец лупит так, что на один наш снаряд десяток-другой нам подбрасывает.

— Ничего, казак, надо терпеть. Время такое — подвоз затруднен. Но скоро все изменится.

Впереди показался разъезд.

— Трудно сейчас солдатам? — спросил на прощание Федюнинский.

— Очень трудно, — вздохнул артиллерист. — Но не сомневайтесь, товарищ командующий, выдержим. Снарядов мало, но терпенье есть. За Ленинград бьемся, за всю, можно сказать, страну.

— Это верно. Куда сейчас?

— Домой, в батарею. Командиру дивизиона лошадей сдам.

Прощаясь с семиреченским казаком из артиллерийского дивизиона, Федюнинский пожал ему руку и отдал коробку «Герцеговины флор».

В штабе дивизии узнал: из-за раскисших дорог, которые зимой были проложены по болотам, начались перебои с продовольствием, боеприпасы,

в том числе и патроны, раздавали поштучно, в связи с сырой погодой при ночных заморозках увеличилось количество больных простудными заболеваниями.

Вернувшись в штаб армии, почитал донесения из других дивизий и, убедившись в том, что такая же картина и там, тут же связался со штабом фронта и сказал, что дальнейшие попытки наступления на Любань в условиях распутицы, без усиления, без достаточного обеспечения артиллерии снарядами, а стрелковых частей патронами и гранатами невозможны.

Разговор был тяжелым.

В двадцатых числах апреля 1942 года Федюнинский был вызван в штаб Ленинградского фронта и получил новое назначение — на Западный фронт, командующим 5-й армией. Дела 54-й армии он передал генералу А. В. Сухомлину.

Глава одиннадцатая

НА ЗАПАДНОМ ФРОНТЕ

«Кто наступал тогда, в низинах и болотах под Ржевом, вряд ли забудет эти дни...»

Здесь, под Москвой, было ничуть не легче, чем под Ленинградом. 1942 год был временем тяжелейшего и кровавого противостояния. Красная армия, накапливая силы, пыталась наступать. Немцы, по-прежнему сохраняя достаточный потенциал в живой силе и вооружении, а также занимая выгодные позиции и хорошо выстроенную оборону, парировали эти удары. В районе Сталинграда они вышли к Волге и угрожали перехватить эту важнейшую транспортную артерию. В центре, занимая ржевский и юхновский выступы и оседлав Варшавское, Минское и Ленинградское шоссе, готовились к новому наступлению на Москву.

Ставка проводила кадровые перестановки. Коснулись они и войск, сражавшихся под Ленинградом. 21 апреля 1942 года в связи с неудачей в проведении Любаньской наступательной операции был расформирован Волховский фронт. Его соединения были переданы Волховской группе войск Ленинградского фронта. 25 апреля в Ленинград из Подмосковья прибыл генерал-лейтенант артиллерии Л. А. Говоров^[28]. Он энергично сформировал из переданных ему соединений (23, 42 и 55-й армий, Приморской и Невской оперативных групп) Ленинградскую группу войск, укрепил внешний оборонительный периметр вокруг Ленинграда. Под его руководством строились полевые укрепления, насыщенные артиллерией и пулеметами. Был создан фронтовой резерв.

В начале лета 1942 года Говоров заменил командующего Ленинградским фронтом М. С. Хозина, которого отстранили от должности с довольно жесткой формулировкой: за невыполнение приказа Ставки о своевременном и быстром отводе войск 2-й ударной армии, за бумажно-бюрократические методы управления войсками, за отрыв от войск, в результате чего противник перерезал коммуникации 2-й ударной армии и последняя была поставлена в исключительно тяжелое положение. Хозяйство Говоров принял незавидное, но постепенно энергия и талант нового командующего это фронтовое хозяйство преобразили.

Перед назначением бывшего командующего 5-й армией на северный

участок командующий войсками Западного фронта Жуков дал своему подчиненному следующую характеристику: «Генерал-лейтенант тов. Говоров командует войсками Пятой армии с 18 октября 1941 года. Можайскую и Звенигородскую оборонительные операции провел успешно. Хорошо ведет наступательные операции по разгрому Можайске-Гжатской группировки противника. В оперативно-тактическом отношении подготовлен хорошо. Основным недостатком тов. Говорова является некоторая разбросанность по всему фронту и отсутствие навыка в собирании кулака для ударного действия... Тов. Говоров твердой воли, требовательный, энергичный, храбрый и организованный командующий войсками».

С прибытием на северный участок советско-германского фронта генерала Говорова Ленинград вступил в новый период своей военной истории. Меньше чем через год войска Ленинградского и Волховского фронтов разорвут блокаду. За успех операции по прорыву блокады Говорову присвоят звание генерал-полковника и наградят орденом Суворова 1-й степени.

Фронтная судьба еще вернет нашего героя под Ленинград, и ему доведется воевать бок о бок с генералом Говоровым и под его непосредственным руководством.

Генерал Хозин уезжал из Ленинграда побитым: с понижением в должности его назначили на 33-ю армию Западного фронта. 33-я армия только что пережила катастрофу окружения в районе Вязьмы и Юхнова. При выходе из окружения, во время прорыва, был тяжело ранен командующий генерал-лейтенант М. Г. Ефремов^[29]. Чтобы не попасть в плен, он застрелился. Несколько дивизий этой армии погибли в «котле» и во время попытки выхода.

Армию после столь тяжелых потерь нужно было собирать, переформировывать многие части. И эта работа оказалась не по плечу генералу Хозину. На 33-ю поставили более энергичного генерала, а Хозина назначили на более спокойную должность — заместителем командующего Западным фронтом. Но и в штабе фронта он продержался недолго. Комфронта генерал В. Д. Соколовский отстранил его от должности своего заместителя с формулировкой: «Генерал-полковника Хозина Михаила Семеновича за бездеятельность и несерьезное отношение к делу снять с должности заместителя командующего Западным фронтом и направить в распоряжение начальника Главного управления кадров НКО». Даже с понижением места на Западном фронте генералу Хозину не нашлось. Какое-то время, совсем непродолжительное, он командовал армией на

другом фронте, потом был назначен командующим войсками внутреннего Приволжского военного округа. Когда война закончилась и домой, в Союз, вернулись фронтовики, Хозина сняли и с округа, направили на преподавательскую работу.

Бывают генералы, и даже маршалы, которые могут успешно служить только в мирные годы. Воевать они не способны. И наоборот, в Красной армии были полководцы, которые после Победы, в мирной армии стали не нужны, нежелательны и даже опасны. Судьба маршалов Жукова, Конева и Рокоссовского тому яркое подтверждение.

Федюнинский был человеком корректным. О Хозине в своих мемуарах в укор своему бывшему командующему не проронил ни слова. Хотя, конечно же, знал многое. По поводу неудач в Любаньской операции многое зачислил на свой счет: «Анализируя наступление 54-й армии, должен признать, что я как командующий, командиры дивизий и бригад допустили тогда немало ошибок. Если бы их не было, операция привела бы к иным результатам. Это убедительно подтвердилось год спустя, когда советские войска успешно прорвали блокаду Ленинграда.

В чем же заключались основные причины, которые привели к тому, что попытка деблокировать Ленинград в 1942 году окончилась неудачей?

На мой взгляд, одна из главных причин состояла в том, что в ходе операции мы не сумели организовать тесного взаимодействия не только между фронтами, но и между наступающими армиями. Например, связь с 4-й армией Волховского фронта я поддерживал через штаб Ленинградского фронта. Непосредственная связь, а стало быть, и четкая координация действий отсутствовали.

Да и внутри армии — между дивизиями, в дивизиях — между полками взаимодействие нередко нарушалось. Удары наносились не одновременно и в разных направлениях, как бы растопыренными пальцами, что позволяло противнику маневрировать резервами. Наступление в ряде случаев готовилось наспех, без учета реальной обстановки, без сосредоточения сил на главных направлениях.

Происходило так, во-первых, из-за недостатка у штаба армии и штабов дивизий опыта организации непрерывного и устойчивого управления частями в наступлении, а во-вторых, в силу настойчивых требований штаба фронта продолжать активные действия даже тогда, когда это было не вполне целесообразно».

Это и есть оценка работы штаба фронта. По сути дела, Федюнинский в последнем абзаце этой обширной цитаты сказал о том, что командование Ленфронта в ряде случаев имитировало наступление. Наступление ради

демонстрации непрерывных «активных действий». Потому что Ставка постоянно напоминала: на Любань!

Есть в воспоминаниях генерала Федюнинского и резюме по поводу трагедии 2-й ударной армии. Не называя ни командующего, ни номера погибшей армии, автор книги «Поднятые по тревоге» пишет в конце главы о Любаньской операции: «На горьком опыте постигли мы непреложный закон наступления, который гласит: умеи своевременно остановиться, чтобы подтянуть резервы и не попасть под удар резервов противника, умеи всегда доложить правду о состоянии соединений или частей, как бы горька ни была эта правда».

И еще одно, очень важное признание: «Мы редко прибегали к охватывающим действиям, почти не применяли маневра силами и средствами, а наносили преимущественно фронтальные удары, причем чаще всего на одних и тех же направлениях, не используя элемента внезапности.

Слабо велась разведка, особенно танковая и инженерная. Танки натыкались на противотанковые орудия и минные поля, скрытые в глубоком снегу.

Артиллерийской подготовке, и особенно артиллерийскому сопровождению наступающих подразделений, уделялось мало внимания, недоставало тесного взаимодействия артиллерии с пехотой.

Отсутствовали четкое планирование и организация подвоза материально-технических средств. Тылы, несмотря на медленное продвижение частей, порой отставали, особенно весной, во время распутицы.

Таковы основные недостатки, которые выявились в ходе операции. Они-то и явились причинами наших неудач».

Писалось это не ради самобичевания. Наступило время размышлений, трезвых оценок, шла внутренняя работа наедине с памятью, разборка полетов, в том числе и неудавшихся.

*

Ставка забрала у Западного фронта одного из лучших командармов, направив его в район Ленинграда. Время и война покажут правильность этого шага. Говоров с самых первых дней действовал активно, системно. Вначале надежно закрыл город от возможных атак противника, а потом сам начал атаковать. Но еще под Москвой он слег с острым приступом

аппендицита, и на 5-ю тут же назначили генерала Федюнинского. Было ли это назначение результатом воли Жукова или все решила Ставка, неизвестно. Но факт остается фактом: Жуков снова заполучил под свою руку своего надежного халхингольца.

Из Москвы в расположение 5-й армии Федюнинский добирался на своей командирской «эмке». Как только выехали за город, попали в пробку. Надежд на движение не было никаких. Несколько часов — на одном месте. Генерал вышел из машины и пошел пешком. Водитель его вскоре догнал. Проехали километров десять и снова остановились.

В стороне от шоссе в березовом колке горел костер, возле него хлопотали солдаты. Федюнинский вышел из машины и пошел к костру. Солдаты, сидевшие у огня возле своих котелков, не обратили никакого внимания ни на вновь прибывшего, ни на его кожаное пальто, под которым могли скрываться петлицы не ниже полковничьих. Все их внимание поглощали мерцание костра и поставленные на угли котелки.

— Да, плоховато стало с харчем, — сетовал высокий худощавый боец, вороша палочкой сырые головешки, которые то лениво потрескивали, то вспыхивали ярче. От костра шло густое приятное тепло. Федюнинский продрог в машине в своем кожане и протянул к огню озябшие руки.

— Проходи поближе, браток, — сказал ему другой боец, внимательно следивший за крайним котелком, в котором бурлило пахучее густое варево; каша, видать, уже подходила, и хозяин котелка беспокоился, как бы она не пригорела.

Федюнинский сел на поваленную березу. Кора ее была нагрета, как и воздух вокруг костра.

— Распутица, — рассуждал третий, пожилой солдат в стоптанных валенках, от которых шел пар и запах натруженных ног.

Весна, а солдатам еще валенки на сапоги не поменяли, подумал Федюнинский.

— Да, дороги распустило, вот транспорт и остановился. — Боец выхватил из костра свой котелок, поставил на пень, вынул из-за пазухи ложку. — Давай, браток, поешь и ты. Что, ложки нет? Видать, из командиров будешь, раз ложки нет. — Покряхтел, порылся в «сидоре», достал вторую ложку, обдул ее и протянул Федюнинскому.

— Спасибо, солдат, — сказал он и взял ложку. Ложка была самодельной, отлитой из олова. Пахла табаком.

— Бери, бери... Каша получилась добрая. Не каждый день такой приходится отведать. Сегодня разжился по случаю, на курице выменял.

— Вчера подвезли кухню, — снова заговорил худощавый, — да суп

оказался такой, что крупинка за крупинкой гоняется, догнать не может.

— Зато горяченького похлебали.

— Ну да. А сегодня, видишь, и этого нет.

Разговор становился тоскливым и хмурым, как погода. Но вскоре его всколыхнул сержант, пришедший со стороны дороги.

— Ничего, ребята, — сказал он, скользнув взглядом по незнакомцу в кожаном пальто и, видать, мгновенно все оценил. — Скоро затор рассосется и старшина с кухней догонит нас. Сухари тоже везут.

— Ведь вот и Москву, слава богу, отстояли, и немец вроде хвост поджал, — не обращая внимания на слова сержанта, продолжал рассуждать худощавый, — так на тебе, распутица. А на голодный желудок воевать не больно сподручно.

Начал накрапывать дождь. Каша в котелке подходила к концу. Она была вкусна и сытна. Федюнинский достал коробку с папиросами, раздал бойцам и сам закурил. Коробку в благодарность за кашу протянул солдату. Тот, видя, что его напарник ищет, где бы помыть ложку, сказал:

— Давай, товарищ генерал, сам помою.

— Откуда знаешь, что я генерал?

— Да откуда... — усмехнулся солдат. — Был бы сержант, шинельку бы серую носил.

Федюнинский огляделся. Уже темнело. Дождь пошел всерьез.

— Видать-то, нам в спутники на всю ночь, — глядя в поле и в морозящее небо, сказал худощавый.

Надо было искать ночлег. Рядом темнели кирпичные постройки, зубчатая стена, часть которой была разрушена.

— Монастырь, что ли? — спросил он.

— Да, — ответил худощавый, — место известное — Колычевская обитель^[30]. Когда-то... — Он осекся, махнул рукой. — Теперь там госпиталь.

Попрощавшись с бойцами, Федюнинский направился к монастырю. Его дорога в штаб армии начинала напоминать гоголевский сюжет. Куда приведет его эта тропинка? И что его ждет за стенами монастыря?

Над воротами поникший флаг с красным крестом. Двор вымощен ровными, симметричными узорами булыжника. Снег убран. Кругом порядок. Возле ближайшей постройки Федюнинский чуть не столкнулся с пожилым человеком с тремя «шпалами» в петлицах и комиссарскими звездами на рукавах шинели. Тот взглянул на Федюнинского, резко повернулся и так же молча быстро удалился. Высокая массивная дверь тут же захлопнулась за ним. Все произошло почти мгновенно, так что генерал

не успел окликнуть комиссара, который теперь, когда он исчез, показался ему призраком.

Да, подумал Федюнинский, Гоголь, видимо, притаился где-то рядом. Только бы он, когда покажется из темноты, не заговорил по-немецки...

Дверь снова распахнулась. В проеме стоял невысокого роста толстый человек с петлицами военврача 1-го ранга на гимнастерке. Он попытался пройти строевым, неумело печатая шаг, приложил пухлую ладонь к белому колпаку с тесемками, довольно четко доложил:

— Товарищ командующий, вверенный мне подвижной полевой госпиталь развернут на новом месте и приступил к приему раненых и больных.

— Какое соотношение раненых и больных? — тут же спросил он доктора.

— Больше больных. Приблизительно два к одному.

— Причина болезней? Простуда?

— Да, товарищ командующий. Наступила весна, а личный состав обут в валенки. Сырость. И еще — недоедание. Больные поступают истощенными.

Федюнинский поморщился. И подумал: вовремя его судьба остановила в дорожной «пробке», потом привела к костру на обочине, а теперь в этот ППГ в монастыре. Но спросил доктора о другом:

— Откуда вы знаете, что я ваш новый командующий?

— Наш комиссар сказал. Он с вами давно знаком.

Старший батальонный комиссар стоял рядом.

— Мы встречались в Чите, — подтвердил он. — До войны. Когда входили в Ургу.

Забайкальцы Улан Батор еще долго называли по старинке — Ургой. Это было их отличительным признаком.

— Нам сообщили, что едет новый командующий, и фамилию назвали, — охотно пояснил он. — Я вас сразу вспомнил. Но не думал, что вы — сразу к нам...

Родная Сибирь! Ею в те дни было наводнено все Подмосковье.

Утром на полуторке, которую предоставил ему начальник госпиталя, Федюнинский поехал дальше. «Пробка» за ночь рассосалась. Костерок в березовом колке тоже давно погас. Таранспорт двигался в оба направления, но больше — на северо-запад, к фронту. Полуторка, оснащенная цепями противоскольжения, двигалась уверенно. Вскоре прибыли в деревню, где размещался второй эшелон штаба армии.

Никого из работников штаба армии Федюнинский на месте не застал.

Хотелось есть. Спросил у дежурного, где столовая. Девушка-официантка сказала:

— А обед у нас давно закончился.

— Может, что-нибудь осталось? — с надеждой спросил он.

— Суп есть. Только холодный.

— Подогрейте.

— Придется подождать. Нужно опять печку разжигать. Да и хлеба у нас нет уже четыре дня.

Из столовой Федюнинский вышел голодный и злой. Но, вдохнув апрельского воздуха, с иронией подумал: так тебе и надо, генерал, сперва солдат накорми, а то, чтобы поест, крупу на табак выменивают...

Решил, не задерживаясь, ехать в первый эшелон. Разбираться с неладами в подвозе надо было там. Но тут его окликнули: навстречу шел старший батальонный комиссар Веденеев, его монгольский сослуживец и боевой товарищ. Оказалось, он работал в политотделе армии.

— Ехать дальше не советую, — сказал он. — Дальше дорога такая, что проехать можно только на тракторе или верхом. Трактора нет, да и лошадь в темноте ноги поломают. Пойдемте к начальнику политотдела. Там пообедаете, переночуете. А утром — в штаб.

После обеда и разговора с начальником политотдела спросил:

— Почему люди голодают?

— Распутица, — развел руками бригадный комиссар. — Предпринимаем меры, но что поделаешь?..

Ответ бригадного комиссара Федюнинского не устраивал.

Утром чуть свет командарм приказал седлать лошадей.

Вскоре добрались до штаба армии. Нового командующего встретили начальник штаба генерал-майор Б. А. Пигаревич^[31] и начальник оперативного отдела подполковник С. Н. Переверткин^[32].

Генерал Пигаревич доложил обстановку: соединения 5-й армии занимают оборону на фронте протяженностью шестьдесят шесть с половиной километров; сосед справа — 20-я армия; сосед слева — 33-я армия. Противником армии был 9-й армейский корпус, дивизия 7-го армейского корпуса и другие части. Еще одна пехотная дивизия немцев, по сообщениям разведки, в качестве резерва квартировала в районе Гжатска. Соединения 5-й армии производили перегруппировку, совершенствовали свою оборону, доукомплектовывали свои части и подразделения, занимались боевой подготовкой.

Федюнинский выслушал доклад начальника штаба, отметив, что

положение дел тот знает хорошо и работать с ним будет, видимо, легко, но тут же сказал:

— Почему молчите о продовольственном обеспечении солдат? Обеспечить войскам нормальное питание — это сейчас наше первоочередное дело. И — переобуть личный состав в сапоги. Весна, дожди, а люди в валенках.

В тот же день колонна грузовиков и гужевого транспорта потянулась в тыл — на продовольственные и вещевые склады.

*

«Вот тебе и фронтовая судьба, думал Федюнинский, просматривая текущие документы, поступающие в штаб, — разведдонесения, сводки из дивизий. — Войну начинал в 5-й армии и снова теперь вернулся в 5-ю».

Но это была уже другая армия. Та армия, которая была сформирована в 1939 году в Киевском особом военном округе и в начале войны приняла удар в приграничном сражении, сгорела в летних боях. Тогда ею командовал генерал М. И. Потапов. О судьбе его ходили разные слухи: кто утверждал, что он убит, погиб во время выхода из окружения, кто — мол, жив, находится в плену. А он, Федюнинский, командовал одним из стрелковых корпусов этой армии. В сентябре 5-ю расформировали, части и подразделения, уцелевшие после киевского разгрома, передали на доукомплектование других соединений фронта. В октябре 1941 года 5-я армия была вновь воссоздана на базе частей Можайского укрепленного района и 32-й стрелковой дивизии. В тот период эта дивизия была единственным полнокровным соединением в составе новой армии. Она прибыла в район Москвы с Дальнего Востока. Так начиналась новая история 5-й армии. Это славное воинское соединение героически выполнит свою миссию в битве за Москву, на ржевском направлении, в Смоленской наступательной операции 1943 года, а затем в Белорусской наступательной операции в 1944 году. В 1945 году ворвется в Восточную Пруссию. В августе того же года, переброшенная на Дальний Восток, вместе с другими соединениями блестяще проведет Маньчжурскую стратегическую наступательную операцию в войне против Японии.

Через неделю, покончив с первоочередными делами в штабе армии, Федюнинский решил объехать дивизии и бригады. Вначале отправился в 3-ю гвардейскую.

— Борис Алексеевич, — уточнил он у Пигаревича, — это ведь бывшая

82-я мотострелковая?

— Так точно.

— Из Монголии?

— Так точно, из Монголии.

Это была его родная дивизия, которой он командовал после ранения в Халхин-Гольском сражении и госпиталя. Дивизия дислоцировалась в Монголии в городе Баин-Тумен. Это было хорошее, крепкое и надежное соединение. Гвардейские полки проявили себя с самой лучшей стороны и здесь, в подмосковных боях.

Отправляясь в родную дивизию, Федюнинский надеялся встретить своих сослуживцев. Так и случилось. Его обступили еще по пути к штабной избе. Вспоминали Монголию, Керулен, Баин-Тумен, землянки и монгольские ветра.

Из 3-й гвардейской дивизии Федюнинский отправился в 50-ю стрелковую дивизию генерала Н. Ф. Лебеденко^[33].

— Ну, здравствуй, Никита Федотович! — обнял он своего боевого товарища.

Во время боев на КВЖД Лебеденко командовал бурят-монгольским кавалерийским дивизионом, а позднее — кавалерийской бригадой.

— Так что ж мы, Иван Иванович, и по стопке чая не выпьем? — засомневался Лебеденко, когда Федюнинский предложил ему сразу поехать на НП ближайшего передового батальона.

— Потом, потом...

Дорога оказалась обычной, фронтовой, и вскоре машину развернуло и потащило в кювет. Оказалось, отвалилось заднее колесо. Лебеденко принялся ругать водителя за нерадивость. А тот кинулся выручать из грязи отлетевшее колесо, виновато приговаривая, что сроду с ним такого не случалось...

— Прокатил командующего! — не унимался командир дивизии, сердито поглядывая на водителя. — Теперь командующий будет думать, что все хозяйство у генерала Лебеденки такое же хромое и никчемное, как и личный транспорт.

Дальше пошли пешком. Ждать, когда водитель поставит на место колесо, не стали. По дороге тоже не пошли — Лебеденко указал направление движения, и они свернули в перелесок. Перебрались через неглубокий овраг. Дальше пошел кустарник, и чем дальше, тем гуще. Лебеденко двигался в авангарде, своей тучной фигурой раздвигая кустарник и молоденькие деревца. Он вполголоса продолжал ругать то своего водителя, то кустарник, причем чем дальше они шли — тем больше

доставалось кустарнику.

— Никита Федотович, не заблудились ли мы? — окликнул Федюнинский Лебедеико. — Что-то слишком долго идем.

— Нет, идем правильно. Батальон расположен вон в той рощице. — Последнюю фразу командир дивизии произнес не очень уверенно.

И оба, не сговариваясь, остановились. Прислушались. Стояла тишина. Только птицы перепархивали с ветки на ветку, посвистывали беспечно. Ничто не напоминало о том, что где-то рядом окопы, изготовившиеся к бою солдаты. Непонятно только — чьи?

Прошли еще метров триста. Рощица стала ближе. Все время держали на нее. Вышли к траншее. Она вылезала из кустарника и зигзагом пересекала угол поля. Над бруствером торчал пулемет и несколько голов в касках. И раструб ручного пулемета, и каски — свои.

— Вот и третий батальон! — обрадовался Лебедеико. — Сейчас узнаем, где находится комбат.

Но, прежде чем генералы успели это сделать, бойцы, заметив их, замахали руками, закричали:

— Товарищи командиры, прыгайте в траншею! Тут все простреливается с той стороны!

Теперь Лебедеико костерил пулеметчиков, которые, как ему казалось, просто решили подшутить над незнакомыми командирами. Как здесь могло простреливаться, если до немца еще с километр, а то и больше? Но в траншею генералы все же спрыгнули и пошли по ней к окопу пулеметчиков.

Все прояснил сержант, командир расчета. Он вначале доложил по форме, а потом растолковал, что их позиция — первая линия, что рощу, к которой Лебедеико и Федюнинский упорно ломались через кусты, занимают немцы, что там их окопы и пулемет, из которого они время от времени ведут огонь. Командир дивизии упрекнул было бойцов, что отдали противнику рощицу, но сержант тут же пояснил, что немцы занимали ее с самого начала. Федюнинскому только и оставалось, что молча покачать головой. А Лебедеико, поглядывая то на командующего, то на сержанта, смущенно покашливал.

Дальше пошли по траншее. Федюнинский отмечал добротность земляных и прочих работ: ход сообщения глубокий, в полный профиль, сухой, так как открыты водоотводные канавки; землянки для личного состава перекрыты бревнами в два, а то и в три наката, тщательно замаскированы. Заглянул командарм и в солдатские котелки — как раз в траншее появился старшина с термосами, началась раздача каши. Каша

наваристая, с тушенкой. Рыбные консервы — банка на двоих. Заметил: бойцы консервы припрятавали. Значит, каши хватало, не голодные. И чай с сухарями. Когда поговорил в одной землянке, в другой, понял, что бойцы знают последнюю сводку Советского информбюро, что последняя политинформация проведена вчера во второй половине дня по теме: «Не знай страха в бою, будь героем Отечественной войны».

— А в войсках у тебя, Никита Федотович, порядок! — похвалил Федюнинский командира дивизии.

Лебеденко сиял, наконец-то услышав от командующего заслуженную похвалу.

Федюнинский добавил:

— А к немцам ты меня чуть не завел оттого, что расстроился из-за колеса.

Генералы рассмеялись. Навстречу по траншее шла группа офицеров: комбат, комиссар батальона и инструктор политотдела дивизии. Высокий, сутулый, в круглых очках с толстыми стеклами, похожий на старорежимного профессора, он только что провел с бойцами беседу о международном положении.

*

А положение в мире и вокруг советско-германского фронта, да и на самом фронте, к весне 1942 года было таким.

Блицкриг был остановлен, истощен непрерывными боями и зарылся в землю, в русские глины и пески на всем фронте от Ленинграда до Крыма. Вермахт израсходовал свой наступательный потенциал и нуждался в передышке, в пополнении личным составом, в более организованном подвозе и обеспечении, соответствующем реальной обстановке. Танки были выбиты более чем наполовину. Многие из вышедших из строя не подлежали ремонту и восстановлению и могли быть полезными только для переплавки. Та же картина была и в автомобильных, артиллерийских, авиационных соединениях и частях. Германия уже не могла восполнить потери в пехоте. Пехотные дивизии переформировывались из девятибатальонных, какими они меньше года назад пересекли границу СССР, в шестибатальонные. Нехватку солдат Гитлер приказал восполнить дополнительным призывом рабочих. Сокращались аппараты различных учреждений. К станкам пришли иностранные рабочие и специалисты, в том числе из числа военнопленных и добровольцев из оккупированных

территорий. В Ваффен-СС начали зачислять добровольцев из Скандинавии, Франции, Бельгии и других европейских стран. Ценз пригодных для службы в СС постоянно понижался, и вскоре мундиры с рунами надели прибалты, украинцы, белорусы, русские, кавказцы.

Немецкая промышленность уже не могла полностью удовлетворить все потребности войны. Армия нуждалась в вооружении, боеприпасах, снаряжении. Всё это с вводом в производство новых образцов и видов оружия становилось более энергоёмким, требовались редкие металлы. Уже сняты были медные колокола с колоколен церквей, из типографий изъят медный шрифт. На фронте обязательным стал сбор медных и латунных гильз после каждого боя. Этим занимались специальные команды. Солдаты и унтер-офицеры отвечали за каждый израсходованный патрон, за каждый снаряд и мину.

Война переходила в стадию битвы на истощение. И, похоже, Сталин в ней начал переигрывать Гитлера по всем параметрам и составляющим.

Недавно на русский язык была переведена книга британского историка Роберта Кершоу «1941 год глазами немцев. Березовые кресты вместо железных». В ней бывший десантник, участник многих локальных войн исследует причины поражения вермахта, в частности группы армий «Центр», в первый период войны на Восточном фронте. «Боевую мощь армии можно сокрушить тремя способами, — пишет автор, — одолеть ее стратегически, уничтожить физически и сломить ее боевой дух. Стратегическая победа означает использование более совершенной стратегии и тактики. Успех блицкрига зависел от гибкости решений, принимаемых командным составом, зачастую прямо во время боя. К началу операции «Тайфун» трети офицеров и унтер-офицеров, начинавших кампанию, уже не было в строю. С точки зрения чисто арифметической потеря эта была вполне восполнима, но вот с точки зрения качественной их заменить оказалось просто невозможно — во-первых, на подготовку офицера вермахта уходило до полутора лет, во-вторых, боевой опыт приобретался только в боях. Таким образом, у неприятеля появилось больше возможности одержать победу в «войне умов».

Физическое уничтожение армии противника предполагает разгром его войск, нанесение огромных, невосполнимых потерь в живой силе и технике. Что касается потерь живой силы, войска вермахта на Восточном фронте получили сокрушительный, хотя и не смертельный удар — свыше одного миллиона погибших, что в три раза превысило совокупные потери предыдущих кампаний.

Третьим и самым главным способом является подрыв боевого духа

армии противника. Потери офицерского состава, унтер-офицеров неизбежно затронули не только область профессионализма командиров, но и еще одну важнейшую составляющую. Пехотинец, фронтовой солдат сражается, исполняя приказы командира. А командир пал в бою. Его потеря неизбежно парализует волю к победе. И даже такие, столь близкие, казалось бы, цели, какой была осенью 1941 года Москва, и те вдруг начинают казаться недостижимыми. Постоянное напряжение, порождаемые им отупение и апатия, усугублявшиеся отвратительным войсковым снабжением и истеричными посланиями из дома, тревога, что оставшиеся в тылу близкие окажутся под английскими и американскими бомбами — все это сокрушало и без того понизившийся к осени боевой дух немецких войск. Понятие «долга» в известной степени деградировало до степени беспрекословного исполнения преступных приказов, «узаконивавших» бесчинства в отношении местного населения. <...> Войска вермахта истекали кровью. Все три составляющих боевой мощи оказались под угрозой».

Мысль британского историка верная, даже глубокая, но неполная. Среди факторов, характеризующих подрыв боевого духа армии, в данном случае вермахта, названы и отвратительное снабжение, и постоянное напряжение, приводящее к отупению воюющих солдат, и, конечно же, бомбардировки английской и американской авиации германских территорий, о которых писали солдатам Восточного фронта из дома. Но Роберт Кершоу не упомянул о том, какой ужас царил в немецких ротах, батальонах и батареях после каждого боя, который уносил жизни десятков, а порой и сотен их боевых товарищей. Штабеля мороженых трупов, сложенных в сараях и под навесами в ожидании отправки в тыл. Эшелоны покалеченных и обмороженных, которые уныло тянулись на запад. Сгоревшие вместе с экипажами танки и штурмовые орудия перед траншеями, в которых прочно сидели красноармейцы. Одним словом, бывшие союзники никак не могут признать решающей роли Красной армии и советского народа в победе над фашистской Германией.

*

После стакана чая в штабе генерала Лебеденко Федюнинский отправился в 29-ю гвардейскую стрелковую дивизию полковника С. Т. Гладышева^[34]. С ним прежде встречаться не доводилось, но начальник штаба рекомендовал его как опытного боевого командира. Дивизия тоже

была одним из лучших соединений армии. Под Наро-Фоминском в конце октября, на пике последнего рывка немцев на Москву, Гладышев со своей 110-й Московской дивизией^[35] (так ее по инерции продолжали называть на Западном фронте) попал под каток танкового тарана 4-й полевой армии. Дивизия была разрезана, полки и батальоны действовали изолированно. Командование сгоряча отстранило командира дивизии от должности, но вскоре назначило на курсантскую бригаду. Бригада отличилась при освобождении Рузы и Можайского района, вышла на территорию Смоленской области. Когда под деревней Иванники 18 февраля погиб командир 32-й стрелковой дивизии полковник В. И. Полосухин, на дивизию тут же назначили Гладышева.

Федюнинский, как оказалось, попал на праздник — дивизии вручали гвардейское знамя. Гвардейцы выстроились в правильную каре на опушке леса. Из штаба армии приехал член Военного совета, работники политотдела. Сюда же прибыли представители всех полков и частей дивизии.

Гвардейское знамя расчехлили. Новенький багряно-алый шелк сиял. Командарм произнес короткую речь. Полковник Гладышев опустился на колено и поцеловал гвардейское полотнище.

Дивизия прошла героический путь. На фронт прибыла с Дальнего Востока. Из Сибири и Дальнего Востока в основном и пополнялась. Дралась на Бородинском поле, во время наступления освободила более двухсот населенных пунктов. Трофеи дивизии: 40 пленных, 39 танков, 79 орудий, 799 винтовок, 70 автомашин, большое количество боеприпасов и различного воинского снаряжения^[36].

Объезжая свои войска, Федюнинский воочию убедился в том, что здесь, в Подмосковье, немцев оттрепали хорошенько. На обочинах дорог стояли остовы сгоревших и разбитых огнем артиллерии и налетами авиации грузовиков, боевой техники, валялись трупы лошадей и немецких солдат. Их постепенно, с таянием снега, убирали.

Сейчас дивизия полковника Гладышева, уткнувшись в прочную немецкую оборону, остановилась перед Гжатском. Она простоит здесь еще почти год и только 6 марта 1943 года освободит город и продолжит наступление на запад, очищая от оккупантов смоленскую землю. В конце августа 1943 года дивизия войдет в Ельню. Дальше пойдет уже под именем 29-й гвардейской краснознаменной Ельнинской стрелковой дивизии. Последние бои, уже с другим командиром дивизии, проведет на берегу Балтийского моря в Курляндии. Какое-то время после окончания войны

полки дивизии квартировали в Эстонии, а затем были передислоцированы в Ельню. В Эстонии и Курляндии будет воевать и Федюнинский, но пути их больше не пересекутся.

В эти же дни в 5-ю армию поступило пополнение. Распределяли новоприбывших по соединениям и частям в зависимости от специальности, образования, возраста, национальности, боевого опыта. И вот на дороге командующему встретилась колонна. Старший колонны, майор, доложил: маршевый батальон в количестве двух тысяч бойцов движется в распоряжение 3-й гвардейской стрелковой дивизии.

— Национальный состав? — спросил Федюнинский майора.

— В основном казахи и киргизы, — ответил тот.

Командующий приказал майору построить батальон на лесной полянке.

— Большинство не понимают по-русски, — пояснил майор.

— Ничего. Назначьте в каждой роте переводчика.

Федюнинский забрался на поваленное дерево, поднял руку:

— Товарищи бойцы! Я — командир Пятой армии генерал Федюнинский. Отныне вы будете служить в Третьей гвардейской дивизии этой армии. Эта дивизия гвардейская, а значит, самая лучшая в нашей армии. Она воевала еще на ХалхинГоле, отличилась под Москвой. — После каждой фразы Федюнинский делал паузу, чтобы переводчики успели донести до личного состава своих рот смысл сказанного. — Дорожите честью служить и воевать в такой дивизии!

Батальон слушал внимательно. Командарм снова поднял руку:

— У кого есть вопросы и претензии?

Из строя вышел высокий широкоскулый боец.

— Есть претензия! — сказал он и оглянулся на своих товарищей; те с надеждой смотрели на своего делегата, по всему было видно, что он должен был высказать генералу то, о чем они уже переговорили в ротах. — Товарищ генерал! Перед отправкой на фронт бойцы не получили ни чая, ни табака!

Претензия была неожиданной. Командующий оглянулся на майора. Тот стоял вытянувшись в струну. Батальон тоже молчал.

— Это верно, товарищ генерал, — снова заговорил боец. — Мы действительно не успели их получить! Как воевать без чая?

Федюнинский знал, что такое уроженец Средней Азии — чай для него дороже обеда.

— Хорошо! Обещаю вам, что, как только прибудете в дивизию, сразу получите и табак, и чай. Даже ваш любимый кок-чай постараемся достать и

приготовить!

По рядам прокатилась волна одобрительного гула.

— А пока могу угостить вас папиросами, — сказал командующий. — Только у меня с собой всего две упаковки по двести пятьдесят штук. На каждого по целой папиросе не хватит.

— Ничего, товарищ генерал, мы поделимся по-братски! — раздались радостные голоса во взводных колоннах.

Адъютант принес папиросы, и Федюнинский раздал их солдатам. Бойцы тут же закуривали. И через минуту голубоватый табачный дым загустел над лесной полянкой. Все пятьсот папирос, разделенные на две тысячи бойцов, были зажжены одновременно.

Машина командующего обогнала колонну. Маршевому батальону предстояло пройти еще 15 километров. Времени для исполнения обещания у Федюнинского оставалось немного. Но когда роты вошли в село, где располагались тылы 3-й гвардейской стрелковой дивизии, их ждал обед и чай.

*

На Западном фронте стояло затишье. Обе стороны приводили себя в порядок после изнурительных зимних боев. Принимали пополнение, проводили перегруппировку, совершенствовали оборону. Наводили переправы, мосты, сорванные паводком, строили дороги. В частях и подразделениях шла боевая учеба. Артиллерия противника время от времени производила огневые налеты, по большей части по ложным целям. Саперы работали день и ночь, заполняя макетами танков и орудий лесные поляны и опушки лесов и таким образом имитируя сосредоточение боевой техники и вооружения. Наши артиллеристы отвечали. Во время затишья всегда много работы у разведки и снайперов.

Из журнала боевых действий 5-й армии:

«5.6.42 г.

За период с 1.5—31.5.42 г. снайперами и снайперскими артиллерийскими расчетами уничтожено 1269 солдат и офицеров противника.

Из них 474 солдата и офицера уничтожено снайперами.

Лучшими снайперами оказались:

108-я сд — красноармеец Рогов — 42 солдата и офицера пр-ка;
108-я сд — красноармеец Романов — 36 солдат и офицеров пр-ка;
108-я сд — красноармеец Голицын — 35 солдат и офицеров пр-ка;
19-я сд — ст. сержант Вертитнев — 26 солдат и офицеров пр-ка;
144-я сд — красноармеец Акуличев — 21 солдат и офицер пр-ка;
144-я сд — командир отделения Гордлик — 20 солдат и офицеров пр-ка;
144-я сд — красноармеец Филимонов — 18 солдат и офицеров пр-ка»^[37].

Снайперских винтовок всем охотникам не хватало. В дивизиях были и такие мастера, кто до полукилометра стрелял из простой винтовки. Опасность их охоты заключалась в том, что им приходилось работать с ближних дистанций. Надо было подбираться к самым окопам противника, и там они после двух-трех выстрелов, даже точных, становились легкой добычей немецких снайперов, а также пулеметчиков и минометчиков. Но в начале лета 1942 года снайперские винтовки, в том числе и автоматические, стали поступать на фронт в достаточном количестве. СВТ и «мосинки» были оснащены мощным и надежным прицелом и в умелых руках становились грозным оружием.

Немцы ценили советские снайперские винтовки. Корректировщик артиллерийского огня Вильгельм Липпих, воевавший на Восточном фронте, писал о снайперах РККА, которые на передовой были его первейшими врагами: «Они были лучше обучены и экипированы, чем снайперы вермахта, которые считали советские винтовки более эффективными и предпочитали советское оружие своему, немецкого производства. Когда мне в руки попала такая снайперская винтовка и я смог опробовать ее, меня поразила ее точность. Точность снайперского огня означала, что количество убитых из этих винтовок по сравнению с числом раненых было намного выше, чем количество убитых из другого вида оружия. Наши каски неплохо защищали от скользящих выстрелов пуль и шрапнели, но не выдерживали прямого попадания. Имея рост шесть футов, я быстро научился пригибать голову и стремительно передвигался по особо опасным участкам передовой».

Лучшим снайперам армии Федюнинский вручал винтовки собственноручно, перед строем, как награды.

Снайпер — особая профессия на войне. И особая судьба. В плен их обычно не брали.

Тринадцатого июня Федюнинскому было присвоено воинское звание «генерал-лейтенант». Первым его поздравил комфронта Жуков.

Во время летнего затишья в штаб армии позвонили из Наркомата иностранных дел и сообщили о том, что в распоряжение армии на днях придут военные атташе Великобритании и США и что их надлежит встретить, уделить время для беседы и так же вежливо проводить. Час от часу не легче! Это нарушало повседневные планы командующего, да и всего штаба, но делать нечего, надо встречать союзников. В день прибытия иностранцев Федюнинского вызвали в штаб фронта. В эти дни на правом фланге в районе Жиздры и Сухиничей немцы начали активные действия, в дело пустили танки, мотопехоту и авиацию. Назревало что-то серьезное. Командование было обеспокоено и приказало усилить наблюдение, разведку и боевое дежурство на всех участках.

Надо заметить, что после того, как в ходе контрнаступления группу армий «Центр» фронтальными ударами отжали от Москвы, освободили многие города, в том числе и областные центры, опасность повторного удара на столицу не исчезла. Противник оставил за собой Ржевско-Юхновский выступ, пронизанный артериями весьма выгодных для немцев коммуникаций, и постоянно угрожал с этого нависающего над Западным фронтом выступа.

Союзниками в тот день занимался генерал Пигаревич. Федюнинский, задержавшись в штабе Западного фронта, приказал ему отослать иностранцев в 20-ю танковую бригаду. Бригада к этому времени была выведена во второй эшелон, приводила себя в порядок, доукомплектовывалась, в том числе ленд-лизскими танками «валентайн» и «матильда». Когда союзники вернулись из бригады, командующий армией был уже на месте. В штабе фронта, как водится, он получил подробный инструктаж, какие темы следует поддерживать и развивать в беседах с военным атташе, от каких целесообразнее уклониться. Война есть война, военачальники его уровня не обо всем могут откровенно разговаривать с офицерами армий других стран, даже союзных. Тыловики получили на складах все необходимое для приема высоких гостей, даже коньяк и сигары.

Встречу Федюнинский впоследствии описал довольно подробно: «Английский полковник был сухощав, высок, американец — пониже ростом и потолще. Оба они и сопровождавшие их младшие офицеры

держались скромно. Исключение составлял переводчик капитан Паркер, который вел себя несколько развязно и суетливо. Он в совершенстве владел русским языком и говорил без всякого акцента.

Впрочем, особой надобности в услугах Паркера мы не испытывали. Оба полковника вполне сносно изъяснялись по-русски.

Вначале разговор зашел о незначительных вещах. Англичанин заявил, что он и его американский коллега довольны представившейся возможностью побеседовать с командующим одной из русских армий, которые так героически сопротивляются натиску общего врага — фашистской Германии. Я, разумеется, ответил, что тоже рад видеть представителей союзных армий.

Американский полковник молчал и откровенно рассматривал меня своими маленькими глазами, глубоко запавшими под тяжелыми веками. Нижняя губа у него была толще верхней и брезгливо выпячивалась вперед. Неожиданно он довольно бесцеремонно перебил англичанина:

— У нас есть вопросы, господин генерал...

— Простите, господа, — сказал я, — вопросы немного позже. Сейчас приглашаю вас поужинать.

Первый бокал подняли за победу над фашизмом.

Потом я предложил:

— Выпьем за то, чтобы эта война была последней, чтобы на всей земле после победы установился прочный мир.

Тост был принят. Но американцу, как видно, не терпелось задать свои вопросы.

— Господин генерал, почему Красная армия отказалась сейчас от корпусной структуры?

— В данное время мы считаем целесообразным приблизить более квалифицированное армейское руководство непосредственно к войскам, — ответил я. — Но, повторяю, так мы считаем в данное время, в данных условиях. А дальше будет видно.

— Очень хорошо! — вступил в разговор английский полковник. — В таком случае скажите, после упразднения корпусов как быстро ваш приказ стал доходить до войск?

Вопрос был задан не случайно: управление войсками все еще являлось нашим узким местом. Это показала, в частности, Любаньская операция. Англичанин выжидательно смотрел на меня.

— Это зависит от штаба и от начальника штаба, — осторожно заметил я.

— О да, у вас очень энергичный начальник штаба! — Англичанин

широко улыбнулся, показав крупные желтоватые зубы, и слегка поклонился в сторону генерала Пигаревича. Однако было заметно, что мой ответ его не удовлетворил.

Американец засмеялся, откинувшись на спинку стула, потом, оборвав смех, спросил:

— Какое у вас мнение о танках «Матильда» и «Валентайн»?

— Что ж, машины в общем-то хорошие... — Я сделал небольшую паузу, а потом продолжал: — Где-нибудь в Африке, в степных и полустепных районах, да еще в колониальной войне, когда не требуется прорывать прочную оборону, они вполне себя оправдают. Для этого, вероятно, и предназначаются. У нас же тут местность лесисто-болотистая, пересеченная, а гусеницы у ваших машин узкие, поэтому «Матильдам» и «Валентайнам» трудно приходится. Кроме того, при движении по лесу, на крутых поворотах, подъемах и спусках гусеницы часто слетают. И потом, на мой взгляд, ваши машины излишне комфортабельны: в них много гуттаперчи, которая, к сожалению, легко воспламеняется. Впрочем, этот конструктивный недостаток мы устранили.

— Каким образом? — осведомился англичанин.

— Очень просто: сняли всю гуттаперчу и отдали девушкам на гребешки.

— Bravo! Хорошо сказано! — опять засмеялся американец. — Ну а как вы оцениваете самолеты «Томагаук»?

— В нашей армии их нет.

— Да, но вы имели их в своем распоряжении, когда командовали Пятьдесят четвертой армией, — чуть прищурившись, сказал американец.

Я подумал, что гости, видимо, успели ознакомиться с моей биографией, и ответил:

— Самолеты неплохие. Но при отправке их к нам ваши фирмы нередко допускают оплошность — не присылают запасных частей. В результате самолеты часто из-за небольших поломок выходят из строя.

— Позвольте еще один вопрос, господин генерал, — обратился английский полковник. — Как вы расцениваете значение второго фронта?

Это уже был вопрос деликатного свойства, обсуждать его мне совсем не хотелось, и я сказал:

— Отвечу вам, господа, вопросом на вопрос: что легче — драться с врагом один на один или втроем бить одного врага? Как вы думаете?

— Конечно, втроем бить врага легче, — озадаченно ответил англичанин.

— Вот и я так думаю. Прошу, господа, закусьвать. Кажется, мы

слишком увлеклись разговорами и забыли о наших бокалах.

После ужина все перешли в переднюю половину землянки, где был приготовлен кофе и лежали коробки с сигарами. Я сел на свое обычное рабочее место за столом. Позади меня на стене висела большая карта районов Гжатска и Вязьмы.

Переводчик, расхаживая по землянке, словно невзначай подошел к ней и начал внимательно разглядывать. На карте не было никаких карандашных пометок, но я все же сказал, не поворачивая головы:

— Господин Паркер, я всегда стараюсь следовать примеру великих русских полководцев. Когда Суворова во время итальянской кампании высокопоставленные представители австрийского правительства спросили, каковы его планы ведения войны, он ответил: «Если бы моя шляпа знала мои планы, я бы ее сжег».

Английский полковник так взглянул на Паркера, что тот сразу съезжился и отошел в угол землянки, подальше от карты».

*

На какое-то время война будто ушла из Подмосковья. Бои шли юго-западнее, на брянском направлении, в большой излучине Дона и на Северном Кавказе. Германской армии катастрофически не хватало ресурсов, и Гитлер толкал свои армии и корпуса на юг, к бакинской и грозненской нефти, к Волге.

В августе начались перегруппировки и в полосе центра и правого фланга Западного фронта. 5-й армии было приказано принять полосу обороны соседа справа — 20-й армии генерала М. А. Рейтера^[38]. Рейтер свои дивизии отводил правее. Войска 5-й и соседних армий садились в окопы плотнее обычного, в несколько эшелонов. Солдаты и командиры сразу поняли — скоро бои.

Ржевско-Сычевская операция Западного и Калининского фронтов началась в первых числах августа. Вначале атаковали войска Калининского фронта. Через несколько суток, переждав ливневые дожди, которые мешали танковому маневру, вперед двинул свои армии Жуков.

Замысел операции заключался в следующем: ударами левого крыла Калининского фронта на ржевском направлении и правого крыла Западного фронта на сычевском направлении разгромить 9-ю полевую армию противника, ликвидировать ржевский выступ. При этом — овладеть городами Ржев, Сычевка, Зубцов, Вязьма. Главная роль отводилась ударной

группировке Западного фронта. 5-я и 33-я армии должны были наступать южнее главного удара направлением на Вязьму и Сычевку. Комфронта Жуков, маскируя направление главного удара, приказал левому крылу изображать активность мощной группировки. Несколько маскировочных и саперных рот изготовили 833 макета танков, автомобилей, орудий, автоцистерн и даже походных кухонь. Эти «колонны» демонстрировали немецким летчикам то на одной дороге, то на другой. И, похоже, сработало: в немецких сводках и донесениях появились сообщения о сосредоточении крупных сил противника на брянском направлении. Немецкая авиация начала методично обрабатывать ложные районы.

Главный же удар Жуков решил нанести в районе Погорелого Городища.

Жукову удалось перехитрить командующего группой армий «Центр» фельдмаршала фон Клюге и его разведку. Удар на Погорелое Городище оказался для немцев неожиданным. Однако группировка противника, занимавшая ржевский выступ, имела хорошо выстроенную оборону по всему периметру. В тыловых районах своего часа ждали оперативные резервы: 6-я пехотная дивизия — в районе Сычевки, 5-я танковая — в районе Вязьмы, 1-я танковая — в Ржеве, 2-я танковая — в Смоленске, 253-я пехотная — в районе Дорогобужа. Все они сидели на магистралях, имели достаточное количество транспорта и подвижного состава, чтобы в самое короткое время произвести марш-маневр на любой участок фронта. Это была мощная мобильная группировка, вполне способная парировать самый сильный удар, на который в то время способен был Западный фронт.

Наступление совпало с проливными дождями. Генерал Н. М. Хлебников^[39], тогда командовавший артиллерией Калининского фронта, вспоминал: «Кто наступал тогда, в низинах и болотах под Ржевом, вряд ли забудет эти дни. Вода льет потоками сверху, вода пробивается снизу, моментально заполняя свежевырытые окопы. Во влажных испарениях, в тумане, идет пехота. Ноги вязнут в черном жидком месиве так прочно, что кирзовые сапоги прихватывает, как клещами. Артиллеристы впрягают десяток лошадей, чтобы вытащить легкую 76-мм пушку, но и это не помогает. Лошади садятся в грязь едва ли не по брюхо, их приходится вытаскивать веревками. Грязь была нашим главным врагом, она заставила нас терять массу времени на преодоление каждого километра».

Вот откуда взялись горькие строчки знаменитого стихотворения Твардовского: «Я убит подо Ржевом // В безымянном болоте...»

Ударная группировка Западного фронта после полуторачасового артнаступления, в результате которого оборона противника была буквально

сметена, взломала оборону немцев на всю глубину. Фронт прорыва составил около 15 километров. Пехота, танки и артиллерия сопровождения пошли вперед — на Погорелое Городище и Глубинку. Не повезло 161-й пехотной и 36-й моторизованной дивизиям вермахта, оказавшимся на острие удара Жукова: они не смогли оказать какого-либо организованного сопротивления и были уничтожены, рассеяны по лесам и загнаны в болота. В Погорелом Городище и окрестностях были захвачены богатые трофеи. Все исследователи в один голос в этом трофейном списке называют: 1) 400 новеньких мотоциклов, которые только-только поступили на укомплектование 36-й моторизованной дивизии; 2) офицерский публичный дом с полным штатом, девушки «армии спасения» прибыли из Германии. Дальнейшая судьба их неизвестна.

К исходу вторых суток наступления ударная группировка Западного фронта прорвала главную полосу немецкой обороны на всю глубину и уткнулась в тыловой рубеж по линии реки Вазуза.

Седьмого августа на подступах к Вазузе произошло встречное танковое сражение. Наши танковые корпуса схлестнулись с немецкими резервами — 1-й и 5-й панцер-дивизиями.

В этот же день отмашку дали 5-й армии: вперед!

Документы, как известно, лучший свидетель. О действиях армии Федюнинского в ходе Ржевско-Сычевской операции 1942 года нам расскажет журнал боевых действий 5-й армии.

«7.8.42.

В течение дня правофланговые соединения 5-й Армии ведут наступательные бои в составе: 3-я гв. сд, 19-я сд, 1-я гв. мед, 28-я и 154-я с одним бат. 35-й сбр, 120-я, 154-я тбр с частями артиллерии усиления.

Арт. наступление началось в 4.20. Атака пехоты в 6.00.

К 7.50 3-я гв. мед с танками овладела КРУТИЦЫ и вела бой за овладение САВВИНО.

Левифланговый полк встретил сильное огневое сопротивление из опорного пункта пр-ка от дороги 2 км юговост. САВВИНО, преодолеть которое в течение дня не смог.

19-я сд к 8.00 овладела населенным пунктом ПЕТУШКИ и ведет бой за подходы к дороге западнее.

149-я сбр во взаимодействии с одним батальоном 35-й сбр вела бой в лесу сев. ПАЛАТКИ и к 14.00 продвинулась на линию 500 м восточнее безым. высоты 2 км ПЕТУШКИ.

Попытки 40-й сбр двумя батальонами вести наступление на

АРЖАНИКИ встречены сильным огневым сопротивлением пр-ка.

Взаимодействующая и поддерживающая авиация свои боевые вылеты произвела с большим опозданием.

Перед рассветом и в течение ночи пр-к производил сильные арт. мин. налеты по боевым порядкам готовившихся к наступлению частей. В течение дня пр-к оказывает упорное сопротивление, опираясь на систему оборонительных сооружений по западному берегу реки САВИНКА.

С 8.00 до 15.00 авиация пр-ка, пользуясь отсутствием прикрытия наших частей с воздуха, производила групповые налеты истребителей и бомбардировщиков — бомбила боевые порядки наступающих частей, чем приковала их на продолжительное время к земле и дальнейшее их движение было приостановлено.

Огнем нашей зенитной артиллерии сбито 5 самолетов и подбито два, взят в плен экипаж, 3 чел., с одного подбитого самолета.

Наши потери в танках по 120-й и 154-й тбр составляют: сгорело средних танков — 7, подбито — 3; сгорело малых танков — 1, подбито — 3.

На остальных участках изменений в положении частей не произошло»^[40].

Главные события в первые дни операции происходили на правом фланге, на ржевском направлении, где 9-ю армию генерала Моделя атаковали 31-я и 20-я армии Западного фронта и 30-я и 29-я армии Калининского фронта. Удары производились по сходящимся направлениям с целью окружения противника. Сосед слева, 33-я армия, наступала на Вязьму. 33-я еще не оправилась от весеннего поражения в районе Знаменки и Угры на вяземском направлении, где погибла Западная группировка армии и ее командующий, генерал-лейтенант Ефремов. Не увенчается удачей и этот удар.

Как видно из записи в журнале боевых действий, с самого начала наступления многое пошло не так. Мощное артиллерийское наступление не везде, не на всех участках обеспечило прорыв пехоты и танков. Успешно наступала 3-я гвардейская стрелковая дивизия. Однако при этом соседи не смогли преодолеть не разрушенные артиллерией опорные пункты с их мощной системой огня. Опоздала наша авиация, которая, как правило, в таких случаях приступала к своей работе сразу после того, как смолкала артиллерия. Более того, при запоздалой бомбардировке увеличивалась вероятность воздушного удара по своим, так как наступающая пехота, в случае успеха, достигала уже линии обороны противника. Информация о

том, что немецкая артиллерия в ночь перед наступлением производила мощные огневые налеты на изготовившиеся к атаке войска, свидетельствует о том, что немцы, скорее всего, знали о месте и времени этой атаки. Отсутствие истребительного прикрытия с воздуха наземных частей, как видим, позволило немецкой бомбардировочной и штурмовой авиации воздействовать на наши наступающие войска. На некоторых участках наступление было фактически сорвано. Количество потерянных танков было невелико, но то, что абсолютное большинство их сгорело, — еще одно свидетельство в пользу того, что здесь наступления ждали и противотанковую артиллерию разместили на выгодных и заранее пристрелянных позициях. Против наших танкистов работала и погода, а вернее, непогода — дожди, превратившие леса в болота, а луга в озера. В этих обстоятельствах танковые экипажи вынуждены были держаться дорог, насыпей, гатей, возвышенностей. Но там-то их и ждали противотанковые расчеты противника. Дожди и бездорожье загоняли наши танки в ловушки.

В один из дней в расположение штаба 5-й армии прибыл командующий войсками фронта Жуков. Федюнинский доложил обстановку. Жуков выслушал, задал несколько вопросов и повелительно махнул в сторону ревающего фронта:

— Поехали.

Водитель Жукова Александр Николаевич Бучин после войны писал в своей книге о Маршале Победы: «Бои шли в лесистой, местами заболоченной местности, а лето в 1942 году выдалось на диво дождливое. На всю жизнь мне врезались в память названия речек: Держа, Вазуза, Гжать. Сумрачные кармановские леса (по названию села Карманово). Георгий Константинович выдвинул свой командный пункт чуть ли не в боевые порядки войск. Он был везде — с пехотинцами и саперами, артиллеристами и особенно танкистами. Лазил везде, возвращался, шатаясь от усталости, в сапогах, грязных до верха голенища. До сих пор жуть берет, когда вспомнишь бешеную тряску на гатях, проложенных через топи, сумрак лесов, пропахших порохом и трупным смрадом, зловонную жижу, бившую фонтанами из-под колес. Нередко вода в речках черная от крови. Нам пришлось форсировать Держу, топкие берега которой были нашпигованы минами. Многие ли знают, что происходило на небольшом участке на рубеже речек Вазузы и Гжати 9—10 августа 1942 года? В эти два дня тут гремело, ревело и лязгало встречное танковое сражение, до 1500 танков с обеих сторон. У Прохоровки бились в открытом поле, здесь — в лесу с густым подлеском, вязли в болотах, продирались через кустарник. Под Прохоровкой гибли на виду, а на миру, как известно, и смерть красна; в

этом сражении убивали безмянными. На моих глазах на страшный грохот битвы шли наши танки, колонна за колонной. Бледные, измученные лица, моложе меня, 25-летнего. Для многих кармановские леса — последнее, что им удалось повидать в куцей жизни».

В кармановских лесах наступала 5-я армия.

Журнал боевых действий армии. Читаем дальше:

«8.8.42.

Правофланговые части Армии с 7.00 8.8.42. вели наступательные бои на рубеже КОЗУЛЬКИ, ПЕТУШКИ, ПАЛАТКИ.

Части центрального и правого участков обороняли ранее занимаемые позиции.

После дополнительной арт. обработки узлов сопротивления САВВИНО, КОЗУЛЬКИ, КЛИМОВО и рощи юговост. ПОДЪЕЛЬЕ, дороги сев. — вост. и вост, пехота возобновила атаку и, ломая упорное сопротивление пр-ка, к 19.00 заняла следующее положение:

40-я сбр двумя батальонами из района КРУТИЦЫ наступает на АРЖАН И КИ, успеха не имеет.

3-я гв. мед на своем правом фланге одним полком овладела узлами сопротивления КОЗУЛЬКИ, САВВИНО и развивает успех в направлении ВЕТРОВО.

Левифланговый полк блокировал узел сопротивления в районе юго-восточнее САВВИНО, 2 км, и ведет бой за рощу южнее САВВИНО.

Второй полк, введенный в бой в 15.00, развивает удар на КЛИМОВО.

19-я сд в 18.00 своим правым флангом овладела рощами сев. — вост. ПОДЪЕЛЬЕ. Левым флангом вышла на лесные дороги ПОДЪЕЛ БЕ — ВОРОБИНО и ведет бой за рощи западнее.

19-я сд ведет лесной бой западнее дороги ПЕТУШКИ— ПАЛЬКОВО, медленно продвигается в юго-западном направлении.

35-я сбр одним батальоном в течение 7 и 8.8.42. ведет бой за овладение ПАЛАТКИ, успеха не имеет.

Вследствие неблагоприятных метеорологических условий в течение дня 8.8.42. пехота действовала только во взаимодействии с артиллерией, танки не работали.

Артиллерия организовала свое огневое воздействие на противника с учетом неполной обеспеченности боеприпасами, подвоз которых из-за плохих дорог затруднен.

Потери частей и соединений армии: убитыми — около 170 человек, ранеными — около 800 человек.

Решение командарма: продолжать развивать наступление на рубежи р. ЯУЗА. В ночь на 9.8.42. ввести в бой резервные 28-ю сбр и 1-ю гв. сд с тем, чтобы 9.8.42. овладеть рубежом (название неразборчиво), ШЕЛОМКИ, ПЕСКИ, ХРЕНЫ, ВОРОБИНО, ПАЛАТКИ.

Войдя в соприкосновение с частями 20-й Армии в районе восточнее КАРМАНОВО, развивать наступление на САМУЙЛОВО».

Почерк боя генерала Федюнинского к этому времени уже достаточно выработался. При атаках на опорные пункты противника батальоны не лезли в лоб. Немецкая оборона вначале основательно обрабатывалась артиллерией. Потом, действуя с флангов, в обход, в дело вступала пехота. Если огневые точки врага оживали, артиллерия сопровождения тут же принималась снова долбить доты и блиндажи, выковыривать из них засевших пулеметчиков, препятствующих продвижению пехоты. Именно этого требовал в своих приказах и в телефонных разговорах комфронта Жуков.

Из записи в журнале боевых действий 8 августа 1942 года видим: по мере продвижения дивизий и частей 5-й армии на запад возникает проблема подвоза; растянута коммуникация усугублялась еще и непрекращающимися дождями, которые дороги тут же превращали в реки. Командарм приказал своему заместителю по артиллерии ужесточить контроль за расходом боеприпасов, вести огонь только по заранее разведанным целям; при этом противник не должен почувствовать, что у них дефицит снарядов, что артиллерия ослабила напор.

Безвозвратные потери армии пока были невелики, но санитарные — огромны.

Почувствовав возрастающее сопротивление противника, Федюнинский решает ввести в дело крупные резервы — стрелковую дивизию и стрелковую бригаду. Посмотрим, что это дало:

«9.8.42.

Противник, подтягивая глубокие резервы (неразборчиво), продолжает оказывать упорное сопротивление наступающим частям правого фланга Армии.

Артиллерийским наблюдением и авиаразведкой в середине дня 9.8.42. установлено движение пехоты пр-ка силою до полка (неразборчиво) 50 автомашин, 30 повозок, 10 орудий на конной тяге из района Ст. КОЛЕСНИ в направлении СТАРОЕ, ПОЛЬКИ и далее на север.

Соединения и части правого фланга Армии с рассвета 9.8.42.

возобновили наступление.

С 8.00 9.8.42. были введены в бой 28-я сбр и 1-я гв. сд. Первая — в стык между 3-й гв. мед и 9-й сд; вторая — в стык между 19-й сд и 49-й сбр.

К 19 часам занимают положение:

40-я сбр — двумя сб наступая на АРМАН И КИ с юго-востока, достигла лощины в 1 км юговост. АРМАНИКИ;

3-я гв. мед — своим правым флангом двумя б-нами ворвалась в ВЕТРОВО и ведет уличный бой в центре деревни. Деревня горит. Левый фланг дивизии овладел ВЫСЕЛКИ, КЛИМОВО, рощами сев. ПОДЪЕЛЬЕ и ведет бой за овладение КЛИМОВО во взаимодействии с 28-й сбр;

28-я сбр ведет бой в роще 0,5 км вост. КЛИМОВО;

19-я сд овладела ПОДЪЕЛЬЕ и рощей южнее, ведет бой на восточных опушках рощи зап. и юго-зап. ПОДЪЕЛЬЕ;

1-я гв. сд ведет бой на сев. — вост. окраине ВОРОБИНО;

49-я сбр, преодолевая упорное сопротивление пр-ка, подошла к дороге ПАЛАТКИ — ВОРОБИНО и ведет бой на этом рубеже.

За 9.8.42. 3-й гв. сд и 19-й сд захвачены трофеи: орудий разных калибров — 7, пулеметов ручных и станковых — 44, более 100 винтовок, 12 минометов, 5 подбитых танков, 2 склада с боеприпасами. Сбит самолет противника Ю-88. Разгромлен штаб б-на 648-го пп и взяты документы и много другого имущества.

Потери за 9.8.42.: убитыми — 420 чел.; ранеными — 1395 чел.

Решение командарма: продолжая развивать наступление на рубежи р. ЯУЗА, овладеть рубежом НОСОВЫЕ, ШЕЛОМКИ, ПЕСКИ и к исходу 10.8.42. войти в соприкосновение с частями 20-й Армии в р-не вост. КАРМАНОВО и развивать наступление на САМУЙЛОВО».

Как видно из записи от 9 августа 1942 года, Федюнинский свои резервы вводит очень грамотно, осторожно, в стыки, уплотняя боевые порядки наступающей группировки. Пробивная мощь ее таким образом значительно усиливается, не нарушая единства.

С увеличением темпов наступления, при том, что противник не бежит, но продолжает упорно драться за каждую позицию, неизбежно увеличиваются потери.

Превосходно дерется 3-я гвардейская стрелковая дивизия генерала Акимова. Решительно и умело взламывает оборону противника, действует охватом, отсекая пути отхода. Поэтому захватывает богатые трофеи.

Первая Ржевско-Сычевская наступательная операция до сих пор основательно не разработана нашими историками. Нет точных данных по

количеству потерь. Впрочем, и немецкая сторона точной статистики по безвозвратным и санитарным потерям в войсках 9-й полевой и 3-й танковой армии не имеет. Поэтому, дорогой читатель, давайте, раз уж дорвались до подлинных архивных документов, читать их дальше, чтобы иметь, сколь возможно, наиболее полное представление о действиях 5-й армии в этой масштабной и во многом сумбурной операции.

«10.8.42.

40-я сбр двумя б-нами овладела населенным пунктом АРМАНИКИ, захватила, по уточненным данным, трофеи: 4 орудия разных калибров, 8 ст. пулеметов, много убито солдат и офицеров пр-ка, разгромлен штаб батальона, захвачены карты, печати, документы и один продовольственный склад.

3-я гв. мед — 6-й мсп ведет бой в роще зап. ВЕТРОВО, 1,5 км и седлает своим левым флангом дорогу НОСОВЫЕ— ВЕТРОВО.

5-й мсп овладел ВЫСЕЛКИ, КЛИМОВО и ведет бой в роще вост. отм. 206,3.

250-й мсп во втором эшелоне за 5-м мсп. Головным батальоном прошел дорогу ВЕТРОВО — КЛИМОВО с целью сосредоточения в лесу южнее отм. 205,8.

28-я сбр овладела ВЫСЕЛКИ, КРУТОЕ, ведет одним батальоном бой за РЫТВИНО и двумя батальонами ведет бой в КРУТОЕ, занимая восточную половину деревни.

19-я сд вела бой юго-зап. ПОДЪЕЛЬЕ. Передовые отряды полков вышли на р. ЯУЗА на фронте (иск.) КРУТОЕ, отм. 217,6.

Главные силы полков переходят дорогу КРУТОЕ — ВЕР-БИНО.

Захвачены трофеи: 6 танков, 7 пушек разного калибра, 6 пулеметов, 2 рации, 2 миномета, 75 винтовок, 15 автоматов, 50 пул. лент, 50 000 патронов, 3 орудийных передка, 400 снарядов, 500 мин.

Уничтожено более 200 солдат и офицеров пр-ка.

1-я гв. сд, 1-й и 3-й сп в 19.30 овладела ВОРОБИНО, ХРЕНЬ. Трофеи подсчитываются. По предварительным данным, трофеи: 4 пулемета, 2 миномета, 1 орудие, 10 винтовок. На поле боя осталось много трупов солдат и офицеров противника.

49-я сбр двумя батальонами прикрывает ударную группировку от контратак с направления С АЖЕ Л КА, ПАЛАТКИ, имея два батальона в лесу 0.5 км южн. ПЕТУШКИ.

Части пр-ка, 342-й пд — 697-й, 698-й и 699-й пп — выбиты из сильно укрепленных опорных пунктов и узлов сопротивления и отброшены на

рубежи леса зап. АРМАНИКИ, ВЕТРОВО. Одновременно противник усилил участок 342-й пд подброской частей из корпусного резерва — 461-й пп 252-й пд и оперативного 113-го мп 1–1 танковой дивизии.

10.8. огнем нашей артиллерии уничтожено: 2 танка, подавлена артиллерийская и 2 минометных батареи, уничтожено 2 ст. пулемета, рассеяно и частично уничтожено несколько колонн пехоты противника.

Решение командарма: продолжить развивать наступление, в течение 11.8.42. войти в соприкосновение с частями 20-й армии в районе восточнее КАРМАНОВО и в дальнейшем во взаимодействии с последними развивать наступление на САМУЙЛОВО».

Как можно вывести из записи в журнале боевых действий за минувший день, дивизии и бригады 5-й армии, не ломая боевых порядков, продвигаются вперед, выполняя приказ штаба фронта. При этом они имеют построение в два эшелона, тесно взаимодействуют с соседними подразделениями. К примеру, в Выселки в этот день одновременно ворвались и роты 28-й стрелковой бригады, и 5-го мотострелкового полка 3-й гвардейской мотострелковой дивизии. Штаб армии четко управляет наступающими частями, прикрывая с флангов ударные группы, которые в ходе продвижения вперед глубоко врезаются в немецкую оборону, неизбежно открывая фланги.

Наконец-то генерал Федюнинский, как командующий армией, имеет достаточное количество войск и мощный ресурс усиления — артиллерию и танки — для решения текущих задач. Наконец-то он может проявить свое умение маневрировать на поле боя: атаковать, охватывать опорные пункты врага, наносить фланговые удары, пускать в дело артиллерию для уничтожения огневых точек, дотов, блиндажей, парировать контратаки, правильным построением предупреждать возможные контрудары. В эти дни штаб — оперативный отдел, разведка, инженерная служба, связисты и все службы — работал как часы. Генерал Пигаревич почти не спал.

Разведка работала день и ночь. Разведгруппы притаскивали «языков», проникали в ближайший тыл противника, вели наблюдение за узлами дорог. Штаб армии имел достаточно полную информацию о положении и состоянии немецких войск, противостоящих 5-й армии.

Судя по трофеям, а именно по количеству захваченных в опорных пунктах и на узлах сопротивления снарядов и мин, немцы имели достаточные запасы выстрелов, чтобы продолжать сопротивление. Таким образом, настойчивые мемуарные жалобы немецких генералов и солдат, переживших Московско-Ржевское сражение, на нехватку боеприпасов и

продовольствия несостоятельны. О войне врал и врут все, при каждом удобном случае. Однако, к счастью, бывают периоды поисков правды и очищения истории от лжи. Такой период мы, дорогой читатель, сейчас и переживаем (не путать с попытками переписать историю).

Против дивизий 5-й армии стояли соединения и части 9-й полевой и 3-й танковой армий. 342-я пехотная дивизия сформирована в конце 1940 года в Германии. Состав — немцы и австрийцы. Вначале стояла во Франции, затем переброшена в Югославию. Вела боевые действия против сербских партизан и карательные — против местного населения. Солдаты и офицеры этой дивизии участвовали в расстрелах партизан и мирных жителей — заложников. В феврале 1942 года направлена на Восточный фронт, заняла оборону в районе Ржева. Командовал дивизией генерал-лейтенант Альбрехт Байер.

252-я пехотная дивизия формировалась в округе Бреслау. Участвовала во французской кампании, отличилась в боях во время прорыва линии «Мажино». С июля 1941 года на Восточном фронте. Ее путь: Мозырь, Почеп, Брянск, Вязьма, Руза. В ноябрьских боях дивизия потеряла 1250 человек убитыми и ранеными. В декабре 1941 года, после новой волны потерь, 452-й пехотный полк был расформирован, личный состав передан на укомплектование оставшихся двух полков. С марта 1942 года дивизия держала оборону на гжатско-вязьминском направлении. Численный состав ее упал до трех тысяч человек. В апреле поступило пополнение — 800 человек, выписавшихся из госпиталей. Это все, что осталось от 16 860 человек личного состава, с которым дивизия прибыла на Восточный фронт. Эмблема дивизии — два дубовых листа.

1-я танковая дивизия сформирована в 1935 году из кавалерийской. Во Второй мировой войне с самого ее начала. Прошла бои в Польше и Франции. Во время кампании на Востоке — в составе группы армий «Север». Наступала на Ленинград, дошла до Луги, где была остановлена. В начале сентября спешно переброшена в полосу действий группы армий «Центр» для участия в операции «Тайфун». Ближе других соединений подошла к Москве, достигнув Белого Раста. Участвовала вместе с 5-й танковой во встречном танковом сражении под Ржевом в августе 1942 года. Командовал дивизией генерал-майор Вальтер Крюгер.

78-я пехотная дивизия. Ее называли то «штурмовая», то «гренадерская». Формировалась в 1939 году в Штутгарте. Участвовала в боях во Франции. С начала войны против СССР — на Восточном фронте. Минск, Ельня, Вязьма. В составе 9-го армейского корпуса во время операции «Тайфун» действовала в районе Звенигорода. В ноябре 1941 года,

понеся большие потери, выведена во Францию. Пополнена и переформирована в 5-ю легкопехотную дивизию и снова направлена в Россию. С января 1942 года на гжатской линии обороны. Понесла тяжелые потери в результате августовского наступления советских войск на ржевско-сычевско-гжатском направлении. Командир дивизии — генерал-лейтенант Пауль Фелькере.

Это лишь некоторые соединения, дравшиеся с 5-й армией Федюнинского. Были и другие.

Действиями немецких войск на ржевском выступе командовал генерал Вальтер Модель, гений обороны, как называли его в Берлине. И он свое прозвище вполне оправдывал. Ни 5-й армии Федюнинского, ни левофланговой 33-й, которой командовал генерал Хозин, ни основной ударной группировке, наступавшей правее на Ржев, ни армиям Калининского фронта, которые пытались взломать немецкую оборону с севера, не удавалось главного — прорвать оборону противника на всю ее глубину и дальше действовать по сходящимся направлениям с целью охвата всей Ржевско-Сычевской группировки врага. Армии Западного и Калининского фронтов своими ударными группировками прогрызали немецкую оборону, не имея ни сил, ни средств действовать иначе, то есть более решительно и мощно. И противник, надо признать, делал все, чтобы такой возможности у Красной армии не появилось. Особенно губительными для наших наступающих войск были налеты немецкой авиации. Действуя массированно и небольшими группами, люфтваффе наносило дивизиям и бригадам 5-й армии огромные потери, зачастую срывало атаки, обрабатывало только что захваченные красноармейцами опорные пункты, не оставляя ни одного целого дома, ни одной постройки, ни одного камня на камне.

В ночь на 10 августа Федюнинскому позвонил Жуков. Комфронта выслушал доклад и коротко сказал, что в связи с тяжелыми обстоятельствами на правом крыле в районе Ржева и тревожной обстановкой на левом крыле в районе Жиздры задача 33-й и 5-й усекается: основные усилия следует сосредоточить на овладении крупным опорным пунктом противника Карманово.

— Новую директиву из штаба фронта получите утром, — сухо подытожил Жуков и, так же сухо попрощавшись, положил трубку.

Разговор и корректировку задач обсудили с генералом Пигаревичем. Карманово лежало немного правее, на стыке с соседней 20-й армией, и этот опорный пункт с приближением к нему фронта, постепенно откочевывал в полосу наступления правофланговых соседей. А перед ними лежало

Самуйлово. Если захватить Самуйлово, Карманово тут же окажется под ударом правого фланга 5-й армии. Таким образом, задача по существу не менялась. Ударную группировку армии в связи с корректировкой дальнейших планов командования фронта необходимо было постепенно переместить на правый фланг.

«11.8.42.

Соединения и части 5-й армии с 7.00 11.8.42. возобновили наступление с прежней задачей.

Противник, усилив 342-ю пд частями 252-й пд (461-й пп переведен с центрального участка фронта) и оперативными резервами (13-й мотомехполк, усиленный танками 1-й тд), продолжает оказывать упорное сопротивление наступлению наших войск, используя инженерные препятствия и переходя в частые контратаки.

Преодолевая упорное сопротивление пр-ка, наши части продвинулись вперед и к исходу дня заняли позиции:

40-я сбр во взаимодействии с 82-й сд (20-я А) уничтожает пр-ка в районах ПРОЗОРОВКА, ПУСТОЙ ВТОРНИК, и своим левым флангом закрепились в АРЖАНИКИ, очищает от пр-ка лес сев. и сев. — вост. АРЖАНИКИ.

3-я гв. мед, овладев МАЛ. И БОЛ. НОСОВОЕ, развивает наступление в направлении СТАР. КУРДЮКИ, ПУ-ДЫШИ.

28-я сбр овладела КРУТОЕ, ШЕЛЮМКИ, наступает на ИГНАТЬЕВО.

19-я сд во взаимодействии с 1-й гв. сд ведет бой по овладению МАХОТИНО.

1-я гв. сд одним полком ведет бой за МАХОТИНО, другим полком наступает на ПРОХОРЫ.

49-я сбр во взаимодействии с батальоном 35-й сбр овладела БОЛ. и МАЛ. ПАЛАТКИ и развивает наступление на СЕМЕНКИ.

35-я сбр одним сб наступает на БОЛ. ТРИСЕЛЫ.

Танки 120-й, 154-й и 161-й тбр в течение дня действовали в тесном взаимодействии с пехотой.

По предварительным данным, наступающие части Армии в течение 11.8.42. захватили трофеи: пушки 75-мм — 2, пулеметов разных — 36, минометов — 18, автомашин с боеприпасами — 2, танков — 2, автоматов — 21, велосипедов — 15, мотоциклов — 2, винтовок — 192, телефонных аппаратов — 2, патронов разных — 55 000, мин — 700, тягачей — 1, складов с боеприпасами — 2, складов вещевых — 1, радиоприемников — 3.

Взято в плен — 25 солдат.

Решение командарма:

а) прикрываясь частью сил с севера и северо-запада, 40-я сбр выходит в р-н АРМАНИКИ и лес севернее и северо-восточнее с задачей 12.8.42. частью сил выйти в р-н ПАВЛОВО, ГОРШКОВО;

б) 3-я мед, 28-я сбр, 19-я сд, 1-я гв. сд, 49-я сбр 12.8.42. выйти на рубежи ПОДВЯЗЬЕ, САМУЙЛОВО, САЖЕЛКА с предварительной выброской и захватом САМУЙЛОВО танковой группой в составе танкового и мотострелкового батальонов;

в) частью сил 352-й сд сменить 35-ю сбр на участке отм. 236, РАТЬКОВО, ПОДЪЕЛЬЕ, (иск.) БЕЛАВКИ, после чего 35-й сбр сосредоточиться в р-не леса сев. — восточнее и восточнее БОЛ. ТРИСЕЛЬ! в своем резерве с задачей в последующем развивать преследование пр-ка и свертывая фронт Армии на юго-зап. и юг».

*

По мере продвижения ударной группы 5-й армии вперед трофеев становилось больше. Немцы уже не успевали эвакуировать склады, тяжелое вооружение и боевую технику. В плен попадали целые подразделения. Из записей в журнале боевых действий можно понять, что главной целью наступающих становится Самуилово.

Самуилово — большое село с древней историей. В центре огромный старинный парк с усадебными постройками из кирпича и камня — бывшее имение князей Голицыных. Церковь Рождества Богородицы на Никольском погосте. Здесь немцы устроились основательно — построили оборону, разветвили ее по фронту наступления Красной армии, эшелонировали в глубину, так что на подходах к Самуилову ударная группировка 5-й армии наткнулась на передовые опорные пункты и вынуждена была истощать свои силы, огневые средства и время еще на подходе к главной цели.

В сущности, так оно и произойдет: 5-я армия свою задачу не выполнит, Самуилово останется за противником, немцы будут сидеть в голицынской усадьбе и окрестностях до марта 1943 года, когда, готовясь к решающему сражению между Белгородом и Орлом на гигантской Курской дуге, группа армий «Центр» начнет спрямлять линию фронта, чтобы высвободить несколько дивизий для переброски южнее.

В журнале боевых действий довольно часто упоминаются рощи. На самом деле это леса и перелески. 5-й армии досталась для наступления

широкая полоса лесов, болот и речек. В это дождливое лето даже ручьи превратились в самые настоящие реки. Кривуша, Гаевка, Яуза, Тынок, Оля, Савинка... Они причудливо петляли в лесах и рощах, огибали деревни, делая подступы к ним еще более сложными. Разливались по лугам и низинам, превращая их в заболоченные участки, где не пройти танкам и грузовикам, а орудия надо было протаскивать двойными запряжками, а то и проносить на руках. Куклинка, Труплянка, Сукромля, Дерильня, Становка, Чернушка...

«12.8.42.

Противник разбитыми частями 697-го, 698-го, 699-го пп 342-й пд, 113-го мп 3-й мд и постоянно подбрасываемыми резервами 3/461-го пп^[41] 252-й пд и 215-го пп 78-й пд, усиленных танками, временно закрепился на промежуточном рубеже в рощах ю.-з. СТАР. ТРУПНЯ, НОСОВО, БОЛ. ТРИСЕЛЬЕ — оказывает сопротивление нашим наступающим частям, широко применяет инженерные препятствия на путях отхода и воздействует массированными ударами бомбардировочной авиации.

В 5.20. 12.8.42. наши части возобновили наступательные действия и в 12.30 заняли населенный пункт СТАР. ТРУПНЯ, вошли в связь с 20-й Армией, 82-й сд (неразборчиво) НОВ. ТРУПНЯ.

Дальнейшее продвижение задерживается организованным огнем с временно обороняемого рубежа пр-ка: ю. — зап. СТАР. ТРУПНЯ и западнее ПУДЫШИ, НОСОВО, ИГНАТЬЕВО, ПЕСКИ, ПРОХОРЫ, СИДЛЕНКА, БОЛ. ТРИСЕЛЫ.

К исходу дня части достигли:

3-я гв. мед — 250-й мсп — СТАР. ТРУПНЯ и ведет бой за рощи юго-западнее; 5-й МСП — овладел ПУДЫНИ и ведет бой за рощи западнее; 6-й мсп — во втором эшелоне занимает НОСОВОЕ.

28-я сбр занимает тремя батальонами НОСОВО, ИГНАТЬЕВО, ШЕЛОМКИ, одним батальоном во втором эшелоне. Ведет бой за рощи зап. и южнее ПУДЫШИ, НОСОВО, ШЕЛОМКИ.

19-я сд во взаимодействии со 2-м сп 1-й гв. сд и подвижной группой тбр — танкового батальона и мсб 161-й тбр — ведет бой в ПЕСКИ.

1-я гв. сд с частями усиления ведет бой за овладение САЖЕЛКА, КРАСНЫЙ ПОСЕЛОК. 3-й сп во взаимодействии с 49-й сбр ведет бой за овладение САЖЕЛКА.

49-я сбр во взаимодействии с 3-м сп 1-й гв. сд с рощи севернее и восточнее САЖЕЛКА ведет бой за ее овладение.

35-я сбр ведет бой за овладение узла сопротивления БОЛ. ТРИСЕЛЫ,

успеха не имеет.

На фронте Армии положение без изменений.

12.8.42. захвачено трофеев:

автомашин грузовых — две;

легковых автомашин — 2;

зенитных орудий — 1;

орудий 105-мм — 1;

дальнобойных орудий — 1;

орудий ПТО — 8;

ст. пулеметов — 55;

ручных пулеметов 15;

автоматических винтовок — 30;

пулеметов крупнокалиберных 1;

танков — 4;

тракторов — 2;

велосипедов 20».

Как явствует из записи в журнале боевых действий, танковый десант с мотострелковым батальоном на броне, выброшенный в направлении Самуйлово, завяз перед опорным пунктом Пески. Обойти Пески с флангов или просто обойти, чтобы выполнять основную задачу, было невозможно — овраги, разлившиеся ручьи, болота. Да и противник подбрасывал и подбрасывал резервы, уже определив линию, дальше которой наступающие войска Красной армии решил не пускать. Все походило на зимнее наступление 1941–1942 годов. Прием по остановке русских немцами был уже хорошо отработан.

Двенадцатое августа стало пиком наступления 5-й армии. Потом пришел период некоего затишья: и наступающая сторона, и обороняющаяся проводили перегруппировку сил. Но вскоре фронт снова оживился. По всему периметру загрохотало, задвигалось. Основной удар на левом фланге наносила 20-я армия. Ей был передан 8-й танковый корпус, а затем и 8-й стрелковый корпус. Кармановское направление на какой-то период стало основным на ржевском выступе.

Двадцать третье августа стало днем побед. 31-я армия штурмом взяла Зубцов. 20-я армия при поддержке 5-й армии захватила районный центр и крупный коммуникационный узел Карманово. Тем временем армии Калининского фронта вплотную подошли к Ржеву, однако овладеть городом не смогли. Наступательный ресурс обеих группировок — и Калининского, и Западного фронтов — оказался исчерпанным. Требовалась оперативная

пауза. Войска нуждались в отдыхе. Части и подразделения — в пополнении.

О том, как действовала в дни зубцовской и кармановской побед 5-я армия, нам снова расскажет журнал боевых действий:

«22.8.41.

На левом фланге Армии противник подтянул ближайшие резервы непосредственно к переднему краю, сковывает и оказывает упорное сопротивление контратаками и массированным огнем пулеметов и минометов.

Бомбардировщики противника непрерывно бомбили боевые порядки наступающих правифланговых частей.

1-я гв. сд во взаимодействии с 6-м мсп 30-й гв. мед с рассветом 22.8.42. возобновила наступление и к 13.30 овладела МЯСНИКОВО, развивая успех в направлении КОТИКОВО, ПЕТРИЩЕВО. К 9.00, оставив прикрытие против КОТИКОВО, 1-й сп наступает на РУГАТИНО, 2-й и 3-й сп — овладели ПЕТРИЩЕВО.

3-я гв. мед в 2.00 22.8.42. ночной атакой овладела ПУДЫ-ШИ. Развивая наступление совместно с 1-й гв. сд, овладела в течение дня МЯСНИКОВО, СТАРОСЕЛЬЕ, ДУБКИ, ПОДОБЕДОВО. К 9.00 ведет бой в роще сев. — вост. ЛЕУШИНО; 5-й сп — в районе ПОДОБЕДОВО и рощи юго-восточнее.

19-я сд — 1310-м и 315-м стрелковыми полками, ведя бой за ЛЕУШИНО, успеха не имеет, встречая сильное огневое сопротивление из ЛЕУШИНО и рощи ю. — зап. ЛЕУШИНО.

Остальные части правого фланга Армии закрепляют достигнутые рубежи и ведут разведку в своих полосах.

Левифланговые части Армии — 29-я гв. сд, 144-я сд, — встречая сильное огневое сопротивление пр-ка, успеха не имеют. Бои продолжаются.

Артиллерия, в своем прежнем составе обеспечивая наступательные действия частей правого фланга, подавляла живую силу и огневые средства противника

За 22.8.42. сбито 2 бомбардировщика пр-ка и один подбит. Горящий самолет ушел на территорию пр-ка.

Решение командарма: не прекращая боевых действий в течение ночи, ударом 1-й гв. сд, 3-й гв. мед, 19-й сд, 28-й сбр и одного батальона 40-й сбр в юго-зап. направлении во взаимодействии с 20-й А продолжит уничтожение кармановской группировки противника и к рассвету 23.8.42. выйти на рубеж ГОЛОМАЗДОВО, КОСТИНО, ТЕТЕРЕВЛЕВО».

Потери за 22 августа составили: 57 человек убитыми, 540 ранеными и 17 заболевшими.

Продвижение вперед оставалось таким же медленным, как и накануне, хотя 1-я и 3-я гвардейские стрелковые дивизии захватили несколько населенных пунктов. Маневр ударной группировки армии по-прежнему оставался скованным, узким. Ограничивали его постоянные контратаки противника, его авиация и опасность более серьезного удара с юго-запада.

Вот уже несколько дней как правофланговая группировка группы армий «Центр» атаковала левое крыло Западного фронта. Немцы проводили операцию «Смерч» — наступление из района западнее Волхова направлением на Калугу. Замысел был опасным. Жуков хорошо помнил, как противник в период зимних боев на стадии затухания советского контрнаступления из-под Москвы с легкостью отсек от тылов и основных войск глубоко прорвавшиеся на запад советские соединения и потом уничтожил их в больших и малых «котлах». А потому старался держать свою ржевскую группировку в едином кулаке, а войска, наступавшие на второстепенном направлении и выполнявшие задачи прикрытия, придерживал.

«Смерч» был погашен контрударом советских стрелковых и танковых корпусов. В дни, когда 20-я и 5-я армии атаковали на Самуйлово и Карманово, под Козельском и Сухиничами в наступление пошли 16-я, 61-я общевойсковые и 3-я танковая армии Западного фронта. Задачу свою они выполнили, остановили немецкое наступление. Но на это затратили колоссальные силы, которые были отвлечены от ржевского выступа.

«23.8.42.

В течение истекших суток части правого фланга Армии продолжали наступательный бой с пр-ком.

Противник перед правым флангом Армии, прикрываясь арьергардными частями, при поддержке артиллерии и авиации с боем отходит в южном, юго-западном направлении.

1-я гв. сд, преодолевая упорное сопротивление пр-ка, к 11.00 23.8.42. овладела РУГАТИНО, войдя в локтевую связь с частями 20-й Армии. Дивизия приводит свои части в порядок в районе РУГАТИНО, ПЕТРИЩЕВО и прилегающих рощах.

3-я гв. мед своими 6-м и 5-м гв. сп к 15.30 23.8.42. овладела КНЯЖЕЕ и развивает наступление в направлении КОСТИНО, ТЕТЕРЕВЛЕВО.

К 18.30 передовые подразделения частей дивизии, преследуя

отходящие части пр-ка, достигли рощи 1.5 км юговост. КНЯЖЕЕ и ведут бой за ПОПОВО.

250-й мсп во взаимодействии с частями 19-й сд к 18.00 овладел ЛЕУШИНО и ведет бой в роще 0,5 км ю.-з. ЛЕУ-шино.

19-я сд своим 1310-м и 315-м сп ведет бой в роще 1 км западнее ТРИСЕЛЫ.

28-я сбр одним батальоном во взаимодействии с частями 19-й сд ведет бой юго-западнее ТРИСЕЛЫ 1 км, остальными силами удерживает ТРИСЕЛЫ.

40-я сбр одним сб ведет бой за овладение ТВЕРДУНО-ВО, остальными силами удерживает прежние позиции.

49-я сбр с 32-м сп 19-й сд, 35-я сбр, 323-я, 108-я сд обороняют прежние позиции.

29-я гв. сд и 144-я сд закрепляются на достигнутых рубежах.

По предварительным неполным данным, частями 3-й гв. мед захвачены трофеи:

Тяжелые орудия 1;

ст. пулеметы — 4;

ручные пулеметы — 4;

винтовки — 95;

ручные гранаты — 700;

патроны — 200 000.

Командарм решил: не прекращая боевых действий в течение ночи, к исходу 24.8.42. правым флангом ударной группы Армии в составе 3-й гв. мед, 161-й тбр, 19-й сд, 28-й и 40-й сбр выйти на рубеж ВЫХОДОВО, ДЯТЕЛКИ, БОЛ. ПОЛОЗОВО, БУРИНОВО, САМУЙЛОВО, отм. 254,2, выйдя (неразборчиво) 1-й гв. сд в р-не РУГАТИНО, КНЯЖЕЕ, СТАРОСЕЛЬЕ».

Потери ударной группировки в тот день снова были большими: 91 человек убит, 390 — ранено, 42 — выбыли из строя по причине болезни.

Каждый новый день наступления уносил батальон.

В состав ударной группировки Федюнинский ввел новые соединения. Одновременно те, которые были сильно истощены и выбиты в предыдущих боях, отвел во второй эшелон, на отдых и пополнение.

Перед Самуиловым снова начались болота. Танки в бой не пошли. Немцы подвели резервы и начали контратаковать. 24 августа применили реактивные минометы. Ударная группировка 5-й армии топталась перед этим крупным опорным пунктом, но так и не смогла его взять. Оборону

здесь держал 39-й танковый корпус 9-й армии генерала Модели.

В начале сентября Жуков вновь усилил гжатское направление, перебросив сюда 6-й танковый и 8-й гвардейский стрелковый корпуса. Битва в ржевских лесах и болотах возобновилась с прежней яростью. Однако успеха добиться не удалось. Неделью спустя такое же массированное наступление с привлечением резервов было предпринято на Ржев основной ударной группировкой, но оно закончилось тем, что войска после нескольких суток жестокой бойни вынуждены были вернуться на исходные.

Положение Западного фронта осложнялось тем, что в эти же дни немцы при поддержке крупных танковых соединений и авиации атаковали Сухиничи с последующим выходом на Калугу. Неимоверными усилиями войск, постоянной перегруппировкой ограниченных ударных сил Западному фронту удалось погасить удар на своем левом фланге и стабилизировать обстановку. Генерал Гальдер в своем дневнике еще 22 августа вынужден был сделать следующую запись: «Наступление по плану «Смерч» из разряда решающих переводится в категорию сковывающих. Уже понимают, что достигнуть ничего не удастся, но думают, что нельзя отказываться от сковывания здесь крупных сил противника»^[42].

Таким образом командование группы армий «Центр» получило возможность для переброски новых резервов в район Ржева и Гжатска. Ржев по-прежнему удерживался. Немецкому Генеральному штабу и командованию группы армий «Центр» казалось, что их усилия сковывают на центральном участке значительные силы Красной армии и не позволяют советскому командованию перебрасывать дополнительные резервы на юг, в район Сталинграда, где в это время писался основной сюжет не только войны на Восточном фронте, но и всей Второй мировой. Для поддержания прочности своих рубежей в районе Ржева, Варшавского шоссе и Жиздры немцы перебрасывали сюда свежие дивизии, бросали в топку сражений огромные материальные ресурсы. Возможно, их-то 6-й армии и не хватило под Сталинградом...

В своих мемуарах генерал Федюнинский уделил подмосковным боям очень скромное место. Наступлению 5-й армии в ходе Ржевско-Сычевской наступательной операции, по существу, посвящен всего один абзац: «В начавшихся боях 5-я армия частью сил наносила удар в направлении крупных населенных пунктов Самуйлово и Карманово. В первый день, взламывая глубоко эшелонированную оборону противника, войска продвинулись на несколько километров. Были захвачены довольно значительные трофеи. На следующий день прошли еще немного. Но затем

продвижение прекратилось. Подтягивая резервы из Гжатска и Вязьмы, противник предпринял сильные контратаки».

Скучно, сухо, да и не совсем точно. Продвижение ударной группировки 5-й армии продолжалось и на третий день операции, и на четвертый, и на седьмой. Были и победы, и новые трофеи.

Немногословие мемуариста объясняется, по всей вероятности, тем, что тот период, когда писались воспоминания, бои в районе Ржева были темой не то чтобы закрытой, но нежелательной. А автор «Поднятых по тревоге» был человеком военным, исполнительным...

Глава двенадцатая

ПРОРЫВ

«...и тем самым прорвали блокаду Ленинграда».

Октябрь 1942-го. Генерал Федюнинский снова под Ленинградом. Рядом со штабной землянкой плещутся серые осенние воды Ладожского озера. На столе карта с нанесенными карандашными пометками вокруг населенных пунктов со знакомыми названиями: «Гайтолово», «Липка», «Тортолово»...

Ставкой была разработана очередная операция по прорыву блокады Ленинграда. Почти одновременно с директивой на наступление северных фронтов туда же вместе с группой генералов и офицеров был направлен и Федюнинский. По существу — в качестве своеобразного резерва Ставки и Генерального штаба.

Федюнинский после войны, вспоминая неожиданное возвращение под Ленинград, признавался, что обрадовался такому назначению — «хотелось довести до конца дело, которое не удалось осуществить прошлой зимой».

Блокированный город по-прежнему страдал от постоянных обстрелов и голода. Тонкая ниточка Дороги жизни, проложенная через Ладожское озеро, не могла обеспечить жителей Ленинграда достаточным количеством продовольствия, а его защитников необходимыми военными грузами.

Еще в Москве перед отлетом в Ленинград Федюнинский встретился с генералом армии К. А. Мерецковым. Ставка назначила его командующим войсками Волховского фронта. Судьба их сводила часто — в самые трудные дни обороны Северной столицы командовали соседними армиями.

Поздоровавшись, Мерецков сразу сказал о главном:

— Вы, Иван Иванович, назначаетесь не только моим заместителем. Ставка возлагает на вас персональную ответственность за прорыв блокады.

Они подошли к карте.

— Вот он, этот выступ. — И Мерецков указал на глубокий выступ, заштрихованный синим карандашом между Шлиссельбургом и Синявино. — Его и предстоит срезать. Операцию будут проводить два фронта. Говоров ударит навстречу.

Федюнинский пристально разглядывал заштрихованный синим выступ, упирающийся в Ладожское озеро, перебирал, как четки, знакомые

названия населенных пунктов и рек. Наконец сказал:

— Здесь у нас стоит 2-я ударная. Напротив, на той стороне, — 67-я...

— Да, именно так — встречный удар, — кивнул Мерецков. — Места вам известны хорошо. Так что, Иван Иванович, вам и *карта* в руки. — И придвинул карту к Федюнинскому.

*

На машине он добрался до Малоярославца. Там, на полевом аэродроме, его уже ждал заправленный и готовый к полету По-2. Пилот капитан Маслов тут же запустил мотор. Легкий «кукурузник» разогнался, затем словно подпрыгнул и начал набирать высоту. Сверху хорошо просматривалась окрестность, извилистая лента реки Протвы, линии окопов. Здесь попеременно дрались соседние 33-я и 43-я армии Западного фронта против соединений 4-й полевой армии вермахта. К реке лепились двory деревень. Некоторые были сожжены, торчали одни трубы. Где-то среди них — Стрелковка, родина комфронта и боевого товарища Жукова. О ней он часто вспоминал во время встреч. Деревню, как и райцентр Угодский Завод, Малоярославец и Боровск, освободили еще в декабре 1941 года во время первого удара.

Федюнинский подумал и о своей родине. Пополнения на фронт шли непрерывным потоком. В маршевых ротах и лыжных батальонах были и зауральцы, и сибиряки.

Самолет набрал высоту и, ровно стрекоча мотором, пошел на север. Капитан Маслов время от времени оглядывался, крутил головой по сторонам. Работа у него непростая — рядом фронт. Немецкие истребители часто залетали на оставленную год назад территорию то с разведывательными, то с иными целями.

До полевого аэродрома 2-й ударной армии долетели благополучно. Капитан Маслов тут же кинулся к заправщику. Ему предстояла обратная дорога. Попрощались. Маслов был опытным летчиком, надежным боевым товарищем. Федюнинский много часов провел с ним в воздухе. Попадали и под обстрел немецких зениток, и, случалось, прятались, прижимаясь к самым верхушкам деревьев, от немецких истребителей. Всегда он выводил машину и своих пассажиров из-под удара и угрозы быть сбитыми.

Самолет был заправлен. Капитан ловко влез в кабину, еще раз помахал рукой в кожаной краге. По-2 легко побежал по прикатанной взлетной полосе.

Как вскоре оказалось, они простились навсегда.

Примерно через месяц Федюнинский узнал о гибели капитана Маслова. Тот летел с генералом Пигаревичем из штаба фронта в штаб

армии. При подлете к аэродрому из-за облаков на тихоходный По-2 свалился «мессершмитт», сразу же атаковал. Капитан Маслов был убит первой же очередью. Какое-то время самолет был неуправляем. К штурвалу пробрался Пигаревич, вскоре он выправил полет. Зенитки тем временем отогнали истребитель, не дали ему сделать новый заход. Пигаревич до этого летал на самолете только пассажиром. Видел, конечно, как Маслов управляет машиной, как переключал различные тумблеры и рычажки перед взлетом и посадкой. Но представления об их функциях и назначении почти не имел. На войне учатся мгновенно, в бою. Как говорили старики, выжил в первом бою — солдат. Вот так и генералу пришлось осваивать летное дело. Время для учебы ограничено запасом топлива. Сделал несколько виражей, заходов на взлетную полосу и, наконец, освоился и вполне удачно посадил По-2. Правда, после посадки долго катался по окрестному полю, так что техникам пришлось ловить самолет.

*

Уточненные и конкретные задачи Ленинградскому и Волховскому фронтам Ставка направила в начале декабря 1942 года. Операции дали кодовое название — «Искра». Готовность — к 1 января 1943 года.

Для проведения операции были сформированы две ударные группировки. Ленинградский фронт выдвигал 67-ю армию генерал-майора М. П. Духанова^[43]. Волховский — 2-ю ударную генерал-лейтенанта В. З. Романовского^[44].

Задачи обеим сторонам поставили следующие. Группировке генерала Духанова: форсировать по льду Неву, прорвать оборону противника на участке Московская Дубровка, Шлиссельбург, зачистить этот участок, соединиться с авангардом Волховского фронта и, таким образом, восстановить связь с Большой землей, затем выполнять дальнейшие задачи. Группировке генерала Романовского: прорвать оборону на участке Липка, Гайтолово, овладеть рубежом Рабочий Поселок № 1 и № 5, Синявино, разгромить синявинско-шлиссельбургскую группировку противника и соединиться с авангардом Ленинградского фронта и в дальнейшем наступать на юг.

Задачу прикрытия флангов наступающих группировок выполняли соседние армии. Авиационную поддержку осуществляли две воздушные армии и авиация дальнего действия. Береговая и корабельная артиллерия

должна была поддерживать атаку огнем.

Группировкой Ленинградского фронта руководил генерал-лейтенант Л. А. Говоров. Группировкой Волховского фронта — генерал-лейтенант И. И. Федюнинский. На усиление той и другой передали резервы, в том числе артиллерийские. На тринадцатикилометровом участке прорыва 67-й армии сосредоточили 1909 орудий и минометов калибра 76-мм и более. Основной участок прорыва 2-й ударной армии был намного уже — около трех с половиной километров. Плотность орудий на один километр предполагаемого прорыва здесь составляла от 183 единиц до 365. На вспомогательном направлении — 101 орудие на километр фронта.

Последний месяц 1942 года ушел на подготовку. 2-я ударная армия доукомплектовывалась, усиливалась. Перед атакой она насчитывала одиннадцать стрелковых дивизий, две лыжных бригады, четыре танковых бригады, танковый полк, четыре отдельных танковых батальона, тридцать восемь артиллерийских и минометных полков, инженерные и саперные части.

В тылу каждой дивизии оборудовали учебный полигон, рельеф которого был схож с рельефом местности предстоящего наступления. «Здесь, — вспоминал генерал Федюнинский, — подразделения и части учились штурмовать укрепленные позиции, вести наступательный бой в лесу. Помня уроки Любаньской операции, я на всех учениях требовал от командиров четкой отработки вопросов взаимодействия и управления в ходе наступления».

Однажды Федюнинский, объезжая учебные городки, приехал в 18-ю стрелковую дивизию. Дивизия только что прибыла из-под Сталинграда. Сразу обратил внимание: ледяные валы, имитирующие оборонительные сооружения противника, огромные, высотой под два метра, сделаны из снега, политого водой. Вместе с генералом Романовским он наблюдал за ходом учебной атаки. Вот пехота и танки пошли вперед. Вначале все шло хорошо. Пехота плотно бежала за танками, надежно укрываясь за броней. Но вот «атакующие» сблизилась с инженерными сооружениями — и замешкались. Танки не могли с ходу пробить ледяные валы, начали бодать их, буксовать. Стрелки отскочили, чтобы не попасть под гусеницы. Ни фашинов, ни удлиненных зарядов, ни лестниц, ни железных когтей или каких-либо других приспособлений для того, чтобы преодолеть ледяные валы, у них не оказалось. «Атака» была сорвана.

Начали «разбор полетов».

— Не следует умахать трудностей, — сказал Федюнинский командиру дивизии, — но нельзя и преувеличивать их. Посмотрите! Вы наморозили

такие валы, каких у противника нет. У них они значительно ниже и уже. Зачем же пугать солдат, внушать им невозможность преодоления немецкой обороны?!

В заключение провели учения с боевыми стрельбами.

Одновременно усиленно работала разведка. Некоторые разведгруппы Федюнинский инструктировал сам. Потом беседовал с разведчиками о том, что они наблюдали на той стороне. Допрашивал «языков». В разведку посылали только группы из частей, которые давно находились в соприкосновении с противником. Работала авиаразведка. Фотосхемы и выправленные в соответствии с последними разведданными карты непосредственно перед наступлением получили все командиры, до рот и батарей включительно.

Тылы тоже готовились к работе в условиях наступления. Ремонтировали дороги, автомобильный транспорт, подводы и сани.

Особое внимание уделялось обеспечению секретности. Перегруппировку войск производили исключительно в темное время суток или в нелетную погоду, когда передвижение не могла засечь авиаразведка.

Склады, подтянутые к передовой линии, артиллерийские позиции на новых огневых, которые были значительно уплотнены, тщательно маскировались. Для этого не жалели ни времени, ни сил.

Все это в конечном итоге сыграло положительную роль. Немцы узнали о готовящемся наступлении буквально за несколько часов до красной ракеты, когда ничего уже нельзя было предпринять. А о направлениях главного удара так и не догадались.

Подготовка к решающему сражению была грандиозной и тщательной. Все, от генерала до рядового красноармейца, понимали значение этой подготовки. Войска были настроены только на победу. Мотивация была огромной — голодающий Ленинград, где каждый день, каждый час и минуту страдают женщины, дети, старики.

В ночь на 11 января после оттепели ударил морозец. «В кромешной темноте, двигаясь по густым лесам, — вспоминал генерал Федюнинский, — соединения первого эшелона 2-й ударной армии скрытно заняли исходное положение в 300–500 метрах от первой траншеи противника».

По совету Федюнинского командарм-2 в первый эшелон поставил шесть стрелковых дивизий, тяжелый танковый полк и одну танковую бригаду, усилив этот кулак артполками и саперными частями. В затылок первому выстраивался второй эшелон: четыре стрелковые дивизии, три танковые бригады. В резерве командующего были одна стрелковая дивизия и две лыжные бригады. Штабы придвинулись вплотную к войскам.

Связисты навели проводную связь. Все звенья были сомкнуты, все работало безотказно, подчиняясь единой воле командующего.

Ночью начали. По штабам противника, артиллерийским позициям, складам боеприпасов и горючего, по другим важным и заранее разведанным целям по ту сторону фронта в полосе прорыва отработала тяжелая авиация. Вскоре самолеты вернулись. И снова наступила тишина. Прелюдия была исполнена. Противник подсчитывал потери. Но главное действие было впереди. Немцы, конечно же, уже насторожились, уже ждали атаки. Но где? На каком участке русские ринутся в наступление?

Генерал Федюнинский вспоминал: «На рассвете, накинув на плечи шинель, я вышел из землянки, отрытой на наблюдательном пункте командующего 2-й ударной армией. В лесу стояла настороженная тишина. Только слышался скрип снега под валенками мерно прохаживавшегося часового, да со стороны переднего края доносились редкие, приглушенные расстоянием пулеметные очереди».

Он так и не прилег в ту ночь. Много курил. Ходил вокруг стола с разложенной картой. Смотрел на заштрихованный синим карандашом выступ. Всего 15 километров отделяли 2-ю ударную от 67-й армии. На лыжах сибиряку, хорошим шагом, — час ходьбы.

В 9.30 загудело. Затряслась земля. С елей и сосен посыпался снег. В лицо ударило снежной пылью. Началось.

Артподготовка длилась 1 час 45 минут. Некоторые историки настаивают: на час дольше. Пусть так — тем хуже для противника...

Еще не затихли пушки, над лесом показались группы штурмовиков. Они летели на штурмовку немецкой обороны ближних опорных пунктов — Синявино и Рабочих поселков. Накануне летчики хорошо разведали цели, нарисовали схемы и основательно проинструктировали пилотов, распределив обязанности и объекты для ударов.

В 11.15 на участке прорыва между Липками и Гайтолово поднялась пехота. Вскоре сообщили: на левом фланге начала атаку и 8-я армия. Соседняя 8-я бросила в бой ударную группу своего правого крыла, которая прикрывала фланг основной группировки.

Несмотря на мощную обработку немецких линий артиллерией и авиацией, оборона противника не рухнула, не распалась. Ожили не подавленные заранее огневые точки. Их гасили артиллерией сопровождения и огнем танков. Иногда — гранатами. Вскоре по поступающим донесениям из дивизий и бригад стало очевидным, что продвижение идет медленно и что бой принимает характер прогрызания немецкой обороны. Это было нежелательным. Этого опасались во время

планирования операции. Но и это имели в виду и подготовили свои контрмеры.

К исходу дня первая линия обороны противника была взята. Дивизии и бригады местами продвинулись на пять километров. Авангарды овладели рощей Круглая.

Генерал Романовский отдал приказ прекратить атаки, закрепиться на достигнутых рубежах и готовиться к дальнейшему наступлению. Для уставших бойцов утро наступило быстро. Не успели сомкнуть глаза в мерзлых окопах среди окоченевших трупов немецких солдат и своих товарищей, как взводные и ротные командиры снова начали поднимать в атаку.

Утром 13 января генерал Романовский ввел в дело две стрелковые дивизии и одну танковую бригаду из второго эшелона.

Немцы тоже бросили в бой резервы — командующий 18-й армией группы армий «Север» генерал Линдемманн прорыв 2-й ударной армии пытался заделать 96-й пехотной дивизией, переброшенной сюда из района Мги.

Сейчас, когда опубликованы многие документы, в том числе из немецких архивов, стало известно, что командир 26-го армейского корпуса, стоявшего на вершине выступа, в критический час предложил Линдемманну отвести войска от Шлиссельбурга и тем самым спасти корпус от сокрушительного тарана с двух сторон. Однако командующий 18-й армией отклонил его предложение и приказал войскам держаться. Это упорство стоило десятков тысяч жизней, вырванных смертью с обеих сторон. Но если бы 26-й армейский корпус отвел свои силы на юг и юго-запад, схватка могла продлиться и стать более жестокой.

В то утро Федюнинский, не выдержав дежурства у телефонных аппаратов, — из коридора прорыва потоком шли противоречивые сведения, — отправился в одну из дивизий первого эшелона. Дивизия наступала вместе с 16-й танковой бригадой южнее Рабочего поселка № 6. Дивизию он эту знал — 239-я сибирская. Прибыла с Дальнего Востока в самый разгар битвы за Москву. В октябре 1941 года дралась под Тулой, жгла танки Гудериана на подступах к городу оружейников. В ходе московского контрудара наступала на Козельск и Сухиничи, затем была переброшена в район Ржева. Теперь в составе 2-й ударной армии прорывала блокаду. Командовал дивизией генерал-майор П. Н. Чернышев^[45]. От него начали поступать путанные доклады. За этот участок Федюнинский беспокоился особо.

Шли втроем. Адъютант, офицер связи и он, заместитель

командующего войсками фронта, исполняющий обязанности командующего ударной группировкой Волховского фронта.

Офицер связи местность знал, вел, держась ему одному известных ориентиров. Вышли на опушку. Дальше тропа лежала по полю, изрытому воронками. Дошли до середины поля и повернули к лесу, держа курс на огромную ель с перебитой макушкой.

— Стоп, лейтенант! — сказал Федюнинский офицеру связи. — Похоже, мы вышли на минное поле, — и указал на торчащий из снега колышек с дощечкой: «Осторожно! Мины!»

— Так точно, товарищ генерал, — неожиданно спокойно ответил тот. — Но вы не беспокойтесь — зимой мины не взрываются. Взрыватели вмерзли в землю и не действуют.

И они пошли дальше.

Генерала Чернышева они отыскиали в шалаше, сложенном из торфяных кирпичиков. Внутри жарко топилась печь. В топку телефонисты то и дело подбрасывали все те же торфяные кирпичики. Командир дивизии, одетый в новый, но сильно испачканный маскировочный халат, сидел у чугунки и внимательно разглядывал пристроенную на коленях карту.

Федюнинский взглянул на карту и сказал:

— Должен заметить, товарищ Чернышев, что ваш НП расположен слишком далеко от боевых порядков полков.

Федюнинский знал историю генерала Чернышева. Самые трудные месяцы московской обороны тот командовал 18-й дивизией народного ополчения. Дивизия и ее командир отличились, 18-я ДНО получила гвардейское знамя и стала именоваться 11-й гвардейской стрелковой дивизией. Полковник Чернышев был произведен в генерал-майоры. Когда 5-я армия атаковала на Карманово и Самуйлово, а на левом крыле Западного фронта, форсировав реку Жиздру, немцы начали наступление силами Брянской группировки на направлении Калуги, 11-я гвардейская дивизия оказалась на пути танкового тарана 17-й и 9-й танковых дивизий. Были разгромлены штаб дивизии и передовой командный пункт. Погибли многие штабные работники. Ходили разговоры, что генерал Чернышев смалодушничал и бежал в тыл, сказавшись больным. Неизвестно, какая болезнь его скрутила во время атаки немецких танков — дизентерия, язва желудка или довольно распространенная на фронте «медвежья». Ему грозил военный трибунал, но следователи военной прокуратуры явной вины Чернышева не нашли. К тому же прорыв вскоре был ликвидирован. Дивизию собрал в кулак и повел в бой начальник штаба. Чернышева из дивизии убрали, назначили на 239-ю стрелковую, которая вела бои на

Варшавском шоссе в районе Мосальска, а потом была переброшена на ржевское направление. Вскоре 239-я, пополненная и доукомплектованная, прибыла на Волховский фронт.

— Связь с полками устойчивая? — снова спросил Федюнинский не отрывавшегося от карты Чернышева.

— Связь? Связь есть. Но не со всеми. — Командир дивизии наконец отложил в сторону карту, в голосе его чувствовалась неуверенность. — С полком, который вышел на железнодорожную насыпь, никак не могу связаться уже несколько часов.

— Что собираетесь предпринимать?

— Сейчас пошлю туда офицера связи.

— А где другие полки? Что у них?

— Закрепляются на достигнутых рубежах. — В голосе Чернышева снова задрожала неуверенность.

— Закрепляются? — Федюнинский негодовал. Но взял себя в руки, хорошо понимая, что в данной ситуации главное — выяснить истинное положение полков. — Дайте мне двоих автоматчиков, которые знают дорогу в потерянный полк.

— Товарищ заместитель командующего, связь сейчас будет восстановлена. Уже посланы люди...

Слова командира дивизии и тот просительный тон, которым они были произнесены, еще сильнее подстегнули Федюнинского. Он достал папиросу, взглянул на Чернышева и молча вышел из натопленного шалаша. Следом за ним выбежал адъютант.

Морозная поземка ударила в лицо. Он закурил. Подошли автоматчики.

— Ну что, ребята, дорогу знаете? — спросил Федюнинский.

— Известна, товарищ генерал, — живо ответил один из автоматчиков и махнул в сторону опушки леса. — Тут по-над лесом пройдем, потом через насыпь, а там уж и рукой подать.

Солдат на фронте дорогу меряет своей мерой. Путь оказался неблизким. Долго шли опушкой. Хорошо, стежка оказалась натоптанной. Наконец добрались до насыпи. Вскрабкались вверх. Осмотрелись.

— В прошлый раз тут стреляли, — сказал автоматчик. — Опасно было по насыпи идти. Сейчас тихо.

И действительно, с переднего края не доносилось звуков стрельбы. Это удивило Федюнинского.

— Что там такое? — спросил он автоматчиков, которые всматривались в темень, где, похоже, горели костры. Но кто там мог жечь костры, когда полк должен был наступать?

— Похоже, товарищ генерал, костры, — ответил изумленный автоматчик. — Народ озяб, греется...

Спустились вниз. Подошли к ближнему костру. Действительно, вокруг греются бойцы. Лица усталые, серые.

— Кто такие? Что здесь делаете? — спросил Федюнинский.

— Греемся, товарищ генерал, — ответил пожилой.

— Какой части?

Бойцы назвали полк. Все верно, подумал Федюнинский, автоматчики привели правильно. Он немного успокоился.

— Кто правее вас?

— Третий батальон, — ответил все тот же, пожилой; похоже, он тут был за старшего.

— А слева?

— Вторая рота.

— А там? — указал Федюнинский на цепочку костров впереди. — Чьи костры там?

— Там немцы греются, — тем же спокойным тоном ответил пожилой. — Небось замерзли сильнее нашего. Мы-то привычные.

Солдаты, обступившие костер, сдержанно засмеялись.

«Но мне было не до смеха, — вспоминал генерал Федюнинский. — Значит, с наступлением ночи боевые действия прекратились. Противник получил возможность подтягивать резервы и усиливать сопротивление. По данным разведки я знал, что из района Кириши начинают подходить части 61—1 и 69-й пехотных дивизий, а из района поселка Михайловского выдвигалась 1-я пехотная дивизия.

Конечно, приходилось считаться с тем, что за день боя люди устали. Но в конце концов нужно было или подменить некоторые части, или действовать в ночное время силами небольших отрядов.

Ведь сейчас положение было иным, чем в период боев под Погостьем, теперь у нас были и вторые эшелоны, и резервы.

Я поручил одному из солдат разыскать командира батальона. Комбат доложил, что приказа продолжать наступление ночью не получал. Это подтвердил и командир полка.

По моему указанию была проведена некоторая перегруппировка. Из батальона второго эшелона выделили усиленную роту, которую послали в обход гитлеровцев^[46], беспечно греющихся у своих костров.

Вернувшись на НП дивизии, я был вынужден сделать генералу Чернышеву серьезное замечание за плохую организацию связи, нераспорядительность, за то, что он и его штаб оторвались от частей, плохо

знают обстановку».

Возможно, генерала Чернышева надломила жиздринская история. Конечно, не его вина, что дивизия в августе 1942 года оказалась на острие танкового удара и на ее боевые порядки навалились сразу две танковые дивизии противника. Но как во время боя он оказался в глубоком, по масштабам дивизии, тылу, за десяток километров от своего передового КП?

Генерал Федюнинский в своих мемуарах о столкновении в жарко натопленном шалаше с командиром 239-й стрелковой дивизии написал довольно мягко. Хотя все упущения генерала Чернышева перечислил. По существу, штаб дивизии в ночь на 14 января потерял связь с частями, утратил инициативу и прекратил наступление. Можно предположить, что характер разговора между двумя генералами в ту ночь был иным. И возможно, что именно тот тяжелый разговор помог генералу Чернышеву преодолеть в себе жиздринский синдром. Воевал Петр Николаевич после той ночи хорошо, энергично управлял полками и прошел в должности командира дивизии всю войну.

*

В штабной землянке генерал-лейтенанта Романовского было шумно. Начальник штаба постоянно звонил то в одну дивизию, то в другую. Потом, после короткой паузы, начинал уточнять обстановку по новому кругу. Тут же наносил остро отточенным карандашом пометки на оперативную карту. Пометки все ближе и ближе придвигались к пометкам, обозначающим положение ударной группировки Ленинградского фронта, которая шла навстречу. Федюнинский и Романовский после каждого донесения сразу умолкали и молча смотрели на карандаш начштаба. Все уже становился коридор, заполненный обороняющимися немецкими войсками.

— Завтра! — сказал Романовский, не отрываясь от карты.

— Да, — кивнул Федюнинский, — не позже, чем завтра. А теперь стоит отмотать ленту событий немного назад.

По решению Ставки координацию действий обеих фронтов в ходе операции «Искра» осуществлял маршал К. Е. Ворошилов. Он ежедневно докладывал Верховному о подготовке войск к наступлению, о поведении противника. 6 января 1943 года во время телефонного разговора обронил: «об «Искре», по всем признакам, пока противник не смекает...» Сталин тут же насторожился, не вполне доверяя мажорному настроению Клина, тем

более что в октябре 1941 года старый маршал не справился с ситуацией в районе Ленинграда и туда пришлось посылать более надежного Жукова и группу генералов.

Жуков тем временем находился в штабе Воронежского фронта. Сталин позвонил туда и сказал:

— Товарищ Жуков, в Ленинграде как представитель Ставки находится Ворошилов. Государственный Комитет Обороны считает, что вам также необходимо поехать туда. Нужно на месте посмотреть, все ли сделано для того, чтобы операция «Искра» прошла успешно.

Десятого января генералы Мерецков и Федюнинский встречали Жукова в штабе Волховского фронта. Как всегда, выслушав доклад, Жуков сразу же предложил выехать на место и увидеть воочию то, что можно увидеть. Объехали дивизии первого эшелона, побывали и на левом фланге в 8-й армии. Вечером Жуков докладывал в Ставку: «Сегодня был на командном пункте Романовского и Старикова^[47], с которыми подробно разобрал обстановку и принятые решения. Разобрал также обстановку с командиром 128 сд и его решение на бой.

Основными недочетами в решениях о обеспечении операции являются:

1. Дивизии, наступающие в общем направлении на Рабочий поселок № 8 в обход синявинского узла сопротивления, не имели танков, и по опорному пункту Рабочий поселок № 8 было недостаточно сосредоточено огневых средств. Отсутствие танков и недостаточное количество огневых средств не гарантировало прорыв.

2. Взаимодействие на стыках армии, соединений и частей отработано слабо.

3. Расположение дивизионных резервов в боевых порядках было слишком близкое, и по существу резервы превращались во вторые эшелоны, отмененные вашим приказом. Удаленность их от 1-го эшелона на 1–1,5 км могла привести к большим потерям.

4. Кроме того, обнаружен ряд мелких тактических и технических ошибок.

5. По всем обнаруженным недостаткам даны исчерпывающие указания Афанасьеву^[48] и командирам».

Во время этого же сеанса связи Жуков запросил подать для Волховского фронта воздухоплавательный аэростатный отряд и одно-два звена самолетов-корректировщиков. Кроме того, потребовал дополнительно более ста тысяч выстрелов для гаубиц, 120-мм минометов и реактивных снарядов для «катюш». Сталин согласился с замечаниями и

доводами Жукова и приказал командующим войсками фронтов немедленно устранить выявленные недостатки.

Порой можно услышать такой упрек в адрес маршала Жукова: он, мол, умел побеждать только тогда, когда имел кратное превосходство над противником...

Что тут можно сказать?

Во-первых, согласно уставам, да и здравому смыслу, наступающая сторона действительно должна накопить ресурс превосходства над противником не менее трехкратного. В противном случае наступающая сторона погубит личный состав в бессмысленной атаке, израсходует материальный ресурс и мало того, что не выполнит приказ, но и рискует заполучить мощную контратаку и утратить позиции, достигнутые до этого. Во-вторых, в данных конкретных обстоятельствах инспекция Жукова действительно способствовала успеху операции «Искра». Имея воздушных корректировщиков, артиллерия стреляла точнее, и эффект ее огня оказался значительно выше. А дополнительные десятки тысяч снарядов и мин усилили мощь артподготовки и огневых налетов в период артиллерийского сопровождения наступающих войск.

Таким образом, появление под Ленинградом Жукова накануне наступления сыграло положительную роль в успешном его проведении и завершении.

В ходе наступления ударная группировка Волховского фронта значительно расширила к флангам полосу прорыва. 128-я стрелковая дивизия и 12-я лыжная бригада совершили смелый маневр по обходу по льду Ладожского озера опорного пункта Липки. В результате немцы в Липках были полностью окружены, а затем уничтожены.

Начиналась уже другая война.

*

Утром 18 января авангарды двух фронтов, отбив контратаку противника, снова бросились в бой. Вскоре на линии Рабочего поселка № 1 они соединились. В тот же день были очищены от врага Шлиссельбург и южное побережье Ладожского озера.

Коридор шириной до 11 километров, пробитый вдоль берега Невы, восстановил прямую сухопутную связь Ленинграда с Большой землей.

Из сообщения Совинформбюро 19 января 1943 года: «Прорвав долговременную укрепленную полосу противника глубиной до 14

километров и форсировав реку Нева, наши войска в течение семи дней напряженных боев, преодолевая исключительно упорное сопротивление противника, заняли г. Шлиссельбург, крупные укрепленные пункты Марьино, Московская Дубровка, Липки, Рабочие поселки № 1,2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, станцию Синявино и станцию Подгорная. Таким образом после семидневных боев войска Волховского и Ленинградского фронтов 18 января соединились и тем самым прорвали блокаду Ленинграда...»

Волховская группировка, соединившись с ленинградской, пыталась развить наступление на юг в сторону Мги. Однако вскоре продвижение застопорилось. Немцы перебросили в район Синявина 5-ю пехотную дивизию, усилили артиллерию на Синявинских высотах. Перегруппировка немецких войск продолжалась. Стало очевидным, что противник готовится к серьезной контратаке с целью вернуть утраченные позиции. «Угроза нашему левому флангу вырисовывалась все явственнее, — вспоминал генерал Федюнинский. — Можно было предполагать, что гитлеровцы попытаются восстановить блокаду Ленинграда. Командование Волховского фронта приняло необходимые меры. В ночь на 20 января был произведен сильный огневой налет по войскам противника, сосредоточивающимся в районе Синявинских высот. Кроме того, 20 января мы усилили левый фланг тремя дивизиями. С их командирами я выехал в район роци Круглая для уточнения задачи на местности».

Погода в тот день была хорошая, видимость отличная, а немецкие наблюдатели работали превосходно. Поэтому как только штабная машина появилась на открытой дороге в непосредственной близости к передовым линиям, немцы открыли минометный огонь. Ни водитель Александров, ни сидевший в машине полковник Московский, ни Федюнинский шелеста подлетающих мин не услышали. Увидели только, как первая серия разрывов обступила дорогу. Шатнуло машину, осколки хлестнули по обшивке и радиатору. Мотор заглох.

— Что, приехали? — сказал Федюнинский водителю.

— Сейчас посмотрю...

Водитель выскочил из машины, открыл капот. Из-под заслонки с шипением гнало пар.

— Попали, — сказал шофер.

И тут новая серия мин начала рваться, подступая к машине все ближе и ближе. Полковник Московский бросился бежать назад. Федюнинский и водитель упали на снег. Когда грохот взрывов стих, Федюнинский, видя, что водитель не встает, позвал его:

— Александров, ты живой?

— Живой, товарищ генерал. Но ранен. Встать не могу.

Федюнинский попытался встать, но от боли, пронзившей ногу, едва не потерял сознание. Водитель Александров, видя его беспомощное состояние, сказал:

— И вас? В ногу? Пережмите повыше, чтобы кровью не истечь. Наши уже едут.

Помощь подоспела через несколько минут. Подъехала вторая машина, где сидели порученец майор Чуканов, адъютант Рожков и офицеры оперативного управления штаба фронта. Они наспех перевязали раненых, погрузили в машину и увезли на ближайшее дивизионное КП, где пострадавшими занялся врач. Потом на санитарной машине их отправили в госпиталь в деревню Горку.

Когда Федюнинского уже готовили к операции, в госпиталь приехали К. А. Мерецков и член Военного совета Волховского фронта Л. З. Мехлис. Мерецков посмотрел на своего заместителя, на его забинтованную ногу, и трагические морщины на его лице заметно расправились.

— Не волнуйтесь, Иван Иванович, — сказал он. — Все будет в порядке. Оперировать вас будет сам профессор Вишневский. А нам сообщили, что вас в голову ранило...

Федюнинского колотило. Он хотел сказать Мерецкову, чтобы принесли коньяка, но в это время зашли санитары, переложили его на носилки и унесли в операционную.

Профессор А. А. Вишневский посмотрел на раненого, покачал головой. Сказал:

— Сейчас сестра сделает наркоз и колотить перестанет.

Операцию решили проводить под местным наркозом. От общего Федюнинский решительно отказался. Сказал:

— Ничего, потерплю. Вот только замерз. Прикажите хотя бы коньяку налить.

Вишневский усмехнулся и распорядился принести рюмку коньяку. Федюнинский выпил, и на какое-то время ощущение тепла, разлившегося по телу, его успокоило.

Операция длилась довольно долго. Когда профессор начал копаться в ране, вытаскивать осколок, а потом выковыривать куски одежды, стало совсем лихо, и Федюнинский попросил еще коньяка.

— Больше нельзя, — сказал профессор.

— А курить? Курить можно?

Профессор усмехнулся:

— Можно.

Ему подали зажженную папиросу. Сделал одну затяжку, и в голове сразу закружилось, как во время легкой контузии. Но и боль как будто бы ушла — а может, просто притерпелся к ней.

Осколок был большим, сантиметра четыре, плоский, как черепок, с острыми зазубренными краями. Профессор промыл его под краном и протянул Федюнинскому со словами:

— Возьмите на память. За успешное проведение операции «Искра».

— Возьму. Что и говорить, орден заслуженный. — И вдруг спросил: — А где мой Александров?

— С ним все в порядке. Операцию ему сделал мой коллега. Вынули несколько мелких осколков и отправили в тыловой госпиталь.

Он сделал еще одну глубокую затяжку, и снова закружилась голова. Курево ему всегда помогало. Папироса, как оказалось, действовала лучше рюмки коньяка.

Уже наутро Федюнинский почувствовал себя лучше. Несколько раз заходил Вишневский. Профессор сам делал перевязку. Внимательно осматривал рану. Через несколько дней сказал:

— Можем перевести вас в тыловой госпиталь. Там спокойней и уход лучше.

— Нет, профессор, позвольте мне остаться здесь, в Горке. Мне с вами спокойнее. И если будете наливать мне хотя бы по рюмке коньяку, обещаю через неделю встать на ноги.

Рюмку коньяку приносили, но реже. Читать много не разрешали. Он лежал на госпитальной койке, смотрел на бревенчатую стену и изучал сучки. Они были разной формы. Некоторые, наполненные смолой, светились. Вспоминалась родная деревня, дом над речкой. Думал о Елене Владимировне, Леле... Начиная сочинять ей письмо. Письмо сочинялось непростое — в стихах. Строчки подбирались не сразу, стекались в ритмичную вязь. О том, как любит ее. О победе и снятии блокады. И ни слова о своем ранении.

Рана — пустяк. Сколько народу убито...

В палату иногда заходили офицеры, делились новостями, приносили газеты. Но основной беспроводной связью с миром и штабом фронта оставался порученец майор Чуканов. По предварительным подсчетам, 2-я ударная, 8-я и 14-я воздушная армия, поддерживавшая ударную группировку Волховского фронта, только безвозвратно потеряла около двадцати тысяч человек. Ленфронт потерял около двенадцати тысяч убитыми. Погибли многие боевые товарищи. Григорий Пантелеевич Кравченко, генерал, командир авиадивизии, халхинголец, дважды Герой

Советского Союза. Они вместе учились в Москве. Каждый день он поднимался в небо на своем истребителе. В одном из воздушных боев его самолет был подбит. Кравченко выбросился с парашютом, но немцы открыли огонь с земли. Пулей перебило вытяжной тросик парашюта, купол не раскрылся. Уже после завершения операции «Искра» во время авианалета погиб командующий бронетанковыми и механизированными войсками Волховского фронта генерал-майор Николай Антонович Болотников: прямое попадание авиабомбы в штабную землянку.

Общие потери противника — тридцать тысяч человек. Рубка была знатная.

Двадцать пятого января зачитали приказ Верховного главнокомандующего: за успешные боевые действия по прорыву блокады Ленинграда объявлена благодарность войскам Волховского и Ленинградского фронтов. Сталин поздравлял их с победой.

Это была действительно большая победа. Здесь, на северном крыле советско-германского фронта, Красная армия одержала первую сокрушительную победу и закрепилась на новых рубежах. Противник был отброшен всего лишь на 10–12 километров. Вроде недалеко, но блокада была снята. Город задышал спокойнее. Людей стали значительно лучше кормить. На фронте произошел перелом. Прорыв под Синявином не оставил шансов немцам и финнам соединиться для совместных действий. Советские войска начали накапливать силы для нового наступления.

Однажды в палате зазвонил телефон ВЧ. Он всегда молчал, так что порой хозяин палаты думал, что аппарат здесь стоит для полноты интерьера — палата-то генеральская. И вот зазвонил по-настоящему. В трубке послышался радостный голос генерала Мерецкова:

— Иван Иванович, мы с Львом Захаровичем сейчас к вам приедем!

Через полчаса Мерецков и Мехлис были у него. Мехлис торжественно зачитал указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении генерал-лейтенанта Федюнинского орденом Кутузова 1-й степени. Федюнинский принял красивый, недавно введенный орден и начал разглядывать генералов. На них были новенькие мундиры с погонями и золотыми звездами. В них было что-то старорежимное, но шутить по этому поводу Федюнинский в присутствии Мех-лиса не стал.

Во второй половине февраля он встал с кровати, начал ходить на костылях.

Снова зазвонил телефон. Звонили из Москвы, из Генерального штаба. Поинтересовались, как здоровье, настроение. Через два дня — снова звонок, оттуда же. И снова те же вопросы. Такая нетерпеливая забота о его

здоровье показалась странной. Оставалось ждать. И вот аппарат ВЧ снова зазвонил. На этот раз сказали прямо: создались благоприятные условия для замыкания кольца в районе Демянска; ему предлагали возглавить ударную группу войск, которая должна была атакой с севера перехватить «рамушевский коридор», окончательно запечатать демянский «котел», а затем участвовать в его ликвидации.

Армии Северо-Западного фронта в это время окружили и прочно держали в полуокружении значительную группировку противника — около пятнадцати дивизий. Проклятый осколок, подумал Федюнинский с горечью. Он понимал, что в Генштабе это предложение сформировалось, скорее всего, с подачи Жукова. Нужен был командир с опытом подобных прорывов. Что говорить, шлиссельбургско-синявинский выступ они срезали лихо, одним махом. Федюнинский был доволен тем, как действовали соединения и части 2-й ударной и 8-й армий. Упорно ломали вперед, широко применяли артиллерию и авиацию, уверенно гасили контратаки и тут же, на плечах противника врывались в опорные пункты, при этом надежно распирала фланги, чтобы противник концентрированным ударом не подсек основание прорыва.

— Спасибо за доверие, — ответил он. — Но мне, к сожалению, нужно время. А пока я могу командовать, только лежа на кровати. И непродолжительное время — на костылях...

Больше из Генштаба не звонили.

Проклятый осколок!..

А тут еще, как назло, пропал порученец.

— Где майор Чуканов? Почему его нет уже три дня? — спросил он адъютанта Рожкова.

— Заболел, — как-то нехотя ответил адъютант.

— Чем заболел?

— Не знаю... Чем-то заболел. Отправлен в тыл.

— Как — отправлен в тыл? Кем?

Адъютант пожал плечами.

Федюнинский забеспокоился. С майором Чукановым он работал давно. Майор был инициативным, умным, образованным человеком, и терять такого офицера не хотелось. Из госпиталя зашлют в армейский или фронтовой резерв, а там назначат куда-нибудь в дивизию или в армию на штабную вакансию. Он кинулся к ВЧ и начал звонить в штаб фронта.

И что оказалось?

Оказалось, что Военный совет фронта действительно отправил его в тыл — с поручением срочно доставить в деревню Горку под Ленинград

Елену Владимировну Федюнинскую.

И вот дверь генеральской палаты распахнулась. Генерал, увидев жену, встал навстречу. Елена Владимировна окинула его беспокойным взглядом и тихо сказала:

— Опять в ногу.

Третье ранение в ногу, и снова в правую. Первое — на польском фронте в 1920 году. Второе — в 1939 году на Хал-хин-Голе. И вот — третье...

Он шевельнул ногой, поправил штанину пижамы и ответил:

— А брюки целы...

Они рассмеялись и обнялись.

*

В штаб Волховского фронта Федюнинский вернулся в начале марта. Ходил первое время с палочкой, прихрамывая. Потом свою помощницу где-то потерял. Подозревал, что ее спрятал майор Чуканов.

Войска фронта вели подготовку для операции с целью улучшения положения в районе Синявинских высот. В один из дней на передний край прибыл представитель Ставки маршал С. К. Тимошенко. С ним Федюнинский выехал на передний край в одну из дивизий 54-й армии. Маршал решил осмотреть район предстоящего наступления. Водители неосторожно выехали на открытое место, где и остановили машины. Немецкие наблюдатели тут же среагировали. Короткий огневой налет, последовавший буквально через минуту, живо напомнил Федюнинскому недавнюю историю у рощи Круглая...

К счастью, на этот раз стрелки на той стороне оказались неважнецкие — снаряды рвались поодаль. Машины пришлось отогнать в лес.

— Товарищ маршал, давайте спустимся в блиндаж, — предложил Федюнинский Тимошенко.

Тот, не отрываясь от бинокля, сказал:

— Знаю, вы недавно из госпиталя. Осколочное ранение при сходных обстоятельствах. Понимаю ваше беспокойство. Можете спуститься в укрытие. Я пока постою здесь. Оттуда ни черта не видно.

Никто никуда не пошел.

Наступила весна. Леса вокруг помолодели. Природа встрепенулась. Окопы и блиндажи обросли подснежниками.

По новой железнодорожной ветке, проложенной по южному берегу

Ладожского озера, пошли поезда. В Ленинград сплошным потоком шли грузы — продовольствие, армейское снаряжение, сырье для промышленных предприятий. Из Ленинграда на фронт составы везли тяжелые танки КВ. Город-солдат по-прежнему оставался в строю. Теперь, наладив полноценный и устойчивый подвоз, он сражался еще яростнее.

В эти весенние дни Федюнинский получил новое назначение.

Глава тринадцатая

НА ОРЛОВСКО-БРЯНСКОМ НАПРАВЛЕНИИ

«Вражеские танки на моем направлении не пройдут...»

В мае 1943 года Федюнинский прибыл на Брянский фронт, которым командовал генерал-полковник М. А. Рейтер. Федюнинский был назначен его первым заместителем. С Максом Андреевичем Федюнинский воевал бок о бок летом 1942 года. Тогда их армии, 5-я и 20-я, атаковали на Карманово направлением на Гжатск. Карманово взяли, до Гжатска не дошли.

Рейтер познакомил своего нового заместителя со штабом, ввел в курс дел и задач. Брянский фронт был небольшим, состоял из трех армий: 61-й, которой командовал генерал-лейтенант П. А. Белов^[49], 63-й генерал-лейтенанта В. Я. Колпакчи^[50] и 3-й генерал-лейтенанта А. В. Горбатова^[51].

О том, какая битва ждет их впереди, никто тогда в штабе фронта речи не вел. Но о том, что скоро предстоит наступать на Орел, речь не только вели, но и всюю готовились к этому наступлению. Сроки атаки были неизвестны. Комфронта сказал коротко:

— У вас есть опыт подготовки прорыва, поэтому я намерен поручить вам ряд важных дел. Сейчас на фронте затишье. Имеются все условия, чтобы развернуть боевую учебу. Цель учебы — отработка приемов действий подразделений и частей в наступлении.

Федюнинский тут же отправился в войска. В поездке он получил массу необычных впечатлений. И первое, самое сильное: войска расслабились, размагнитились, распаялись, будто перед ними не тот самый противник, который осенью сорок первого гнал Красную армию по этим местам, уничтожая целые дивизии и корпуса.

В первый же день, объезжая позиции 61-й армии, Федюнинский наблюдал следующую сцену. В бинокль на другом, западном берегу Оки он увидел немецких солдат, которые деловито копошились в прибрежном кустарнике. При этом никакой опасности с восточного берега не предполагали.

— Чем это они там занимаются? — спросил он командира дивизии.

Комдив тоже расчехлил бинокль и спокойным тоном доложил:

— По всей видимости, минируют, товарищ генерал.

— Как? У вас под носом?! — взорвался Федюнинский. — Вам же завтра форсировать реку и высаживаться на том берегу! На мины!

Командир дивизии растерянно смотрел на Федюнинского.

— Немедленно прикажите своей артиллерии открыть огонь, — уже спокойно сказал он.

Заместитель по артиллерии находился тут же. Он нехотя подошел к телефону, связался с командиром артполка и отдал необходимые распоряжения.

— Всё? Необходимые распоряжения отданы? А теперь давайте посмотрим, насколько оперативно и точно отработает ваша артиллерия.

Ждать пришлось около часа. Командир дивизии то бледнел, то покрывался красными пятнами. А ведь по дороге сюда пытался, как говорят, проверить на вшивость заместителя командующего фронтом: приказал своему водителю ехать вдоль берега Оки между второй и первой траншеями, местность прекрасно просматривалась с той стороны, и немцы, конечно же, вскоре открыли минометный огонь. Командир дивизии, как видно, был человеком не робкого десятка, всю дорогу искоса посматривал на генерала. Федюнинский молчал. Только когда добрались до места, спросил:

— Вы всегда ездите этой дорогой?

— Нет, не всегда, — честно ответил командир дивизии, но в глаза Федюнинскому посмотреть не решился. — Обычно мы добираемся до НП по дороге, которая проходит за высотами, за третьей траншеей. Но та дорога очень плохая. Я не хотел, чтобы вы меня отчитывали еще и за плохие дороги, если бы мы, к примеру, застряли.

Федюнинский знал: народ на передовой тертый, смерти не раз в глаза заглядывали.

— В таком случае, — тем же спокойным тоном посоветовал он командиру дивизии, — с завтрашнего же дня займитесь дорогами. А перед противником на штабных машинах выплясывать незачем. Вы меня поняли?

— Так точно.

Командующий артиллерией уже несколько раз подбегал к телефонному аппарату, запрашивал артполк.

Наконец, первые пристрелочные снаряды с тревожным шелестом перелетели Оку и взорвались далеко от кустарника, где все это время продолжали работать немецкие саперы. После поправки на западном

берегу легла вторая серия снарядов, ничуть не точнее и все с тем же большим разбросом. Немецкие саперы исчезли. Продолжать обстрел стало бессмысленно.

— Дайте отбой вашей артиллерии, — сказал Федюнинский. — Довольно. Вы достаточно напугали противника. А стрелять надо учиться.

На обратном пути заехали в один из полков.

Во второй линии в пулеметном окопе группа солдат во главе с лейтенантом занималась изучением материальной части станкового пулемета «максим». Федюнинский приказал остановиться. Навстречу выскочил молоденький стройный лейтенант, перетянутый новенькими ремнями. Бойко, без запинки доложил. Федюнинский сказал, чтобы продолжали. Лейтенант объяснял толково, со знанием дела давал практические советы, как управлять пулеметом в бою, как избежать утыкания пули и прочих неприятностей и задержек огня. Наконец закончил. Федюнинский похвалил его. А лейтенант неожиданно заявил:

— Товарищ генерал, а ведь я вас хорошо знаю. А вы меня разве не помните?

Он внимательно посмотрел на лейтенанта:

— Нет. А где мы с вами встречались?

— В Чите! В Чите, товарищ генерал! Моя фамилия Турьев. Я — сын полковника Турьева.

С полковником Степаном Ильичом Турьевым Федюнинский служил в Забайкалье, в 36-й стрелковой дивизии. Степан Ильич — богатырь под два метра ростом. В командирской среде его так и называли — Степан-гора. Теперь он вспомнил шустрого мальчугана, которого не раз видел, когда приходил вместе с Еленой Владимировной в гости к Турьевым. Где ж узнать в этом бравом лейтенанте мальчишку-школьника?

— Где отец?

— Где-то здесь, на центральном участке, — ответил лейтенант Турьев. — Связи пока не имею. Но надеюсь в скором времени установить.

— Что ж, я обязательно разыщу полковника Турьева и расскажу ему о нашей встрече.

— Спасибо, товарищ генерал!

Генерал обнял лейтенанта, как обнял бы сына, если бы встретил вот так, случайно, на фронте.

Пока Федюнинский наводил справки, пока разыскивал старого боевого товарища^[52], из дивизии сообщили: во время передислокации батальона в другой район лейтенант Турьев убит наповал шальным снарядом, прилетевшим с западного берега реки; больше в батальоне никто не

пострадал. Эх, лейтенант, лейтенант... Как хотелось бы тебя уберечь от смерти! И тебя, Турьев-младший, и всех других, юных, еще не поживших на земле. Но как это сделать?

Вот тебе и судьба солдата на войне...

С полковником Турьевым он встретится после войны в Москве. Степан Ильич с женой приедет к нему, чтобы узнать подробности его встречи с сыном и уточнить место гибели лейтенанта Турьева. Степан-гора заметно осел, ссутулился. Потеря единственного сына не прошла даром.

О гибели Турьева-младшего Федюнинский рассказал жене еще тогда, летом 1943 года. Елена Владимировна сразу заплакала. И потом, уже выплавав свою женскую слезу, сказала:

— Я бы умерла, если бы такое случилось с нами.

В ее словах были и жалость к Турьевым, и ко всем, потерявшим своих сыновей, и к себе, живущей с затаенной мечтой о материнстве.

*

Опыт, полученный под Ленинградом, пригодился и здесь, на подступах к Орлу и Брянску.

По приказу Федюнинского в тыловых районах были построены полигоны. Отрабатывались приемы преодоления водной преграды. Саперы учились быстро и надежно наводить мосты и паромные переправы. Проводились штабные игры. Интенсивная учеба шла около месяца. За это время в полосе фронта было построено 250 километров новых дорог, 75 мостов, оборудовано 39 бродов. Приведены в порядок старые дороги, мосты и переезды.

Армиям Брянского фронта предстояло действовать на северном фесе Орловско-Курской дуги.

«Мы должны были наносить удары из районов Волхова и Новосили, охватывая Орел с севера и юга, — вспоминал генерал Федюнинский. — Главный удар намечался на левом крыле западнее Новосили смежными флангами 3-й и 63-й армий на участке в 18 километров. 61-я армия должна была наступать на Болтов, взаимодействуя с войсками 11-й гвардейской армии Западного фронта».

Наступление началось 12 июля. А через два дня, когда Федюнинский находился на КП генерала Белова под Волховом, поступила срочная телефонограмма: немедленно выехать в район Калуги и вступить в командование 11-й армией.

Эту армию очень часто путают с 11-й гвардейской, бывшей 16-й. Они действовали в одних и тех же операциях и, более того, рядом. А между тем это разные соединения. У каждой свой послужной список. Свои победы. Свои командующие. Своя история.

Первый состав 11-й армии почти целиком погиб в сорок первом в приграничных боях в Литве. В 1943 году армия создавалась вновь. Дивизии формировались в районах Тулы и Калуги. По свидетельству самого Федюнинского, в 11-ю армию в тот период входило девять стрелковых дивизий, артиллерийские, танковые и инженерные части. Но в состав армии они вошли не сразу.

Уже шла битва на Курской дуге. В тылах было все напряжено. Все находилось в движении. Получила приказ выдвигаться к фронту и 11-я армия. К тому времени Красная армия накопила такой потенциал, который не способны были сокрушить никакие танковые тараны с новыми тяжелыми «тиграми» и «пантерами» во главе. В войне на истощение Гитлер проигрывал. Германия, раскорячившись на несколько фронтов, уже не могла полностью обеспечивать нужды и запросы вермахта. Но фронт оставался в состоянии крайнего напряжения, и там, в окопах, могло произойти самое неожиданное, если одна из сторон дрогнет или, наоборот, проявит небывалое упорство.

Красная армия начала операцию «Кутузов». Замысел ее сводился к следующему: концентрическими ударами войск Западного, Брянского и Центрального фронтов в общем направлении на Орел расцезь орловскую группировку противника на три отдельные группы, окружить их в районах Волхова, Мценска и Орла, затем изолированно уничтожить. Предусматривалось нанесение четырех мощных ударов: армии Западного фронта атаковали на Волхов и Хотынец, армии Брянского фронта — на Орел (главный) и Хотынец (вспомогательный), четвертый удар наносился на Кромы силами Центрального фронта.

Когда на орловском направлении наши войска прорвали немецкую оборону и в первые же дни углубились на 17–22 километра, в Берлине поднялся переполох. Взбешенный неудачей Гитлер тут же отстранил от командования 2-й танковой армией генерал-полковника Рудольфа Шмидта, передав войска командующему 9-й полевой армией генералу Вальтеру Моделю. «Гений обороны» мгновенно перебросил на северный участок несколько дивизий. Задача Западного и Брянского фронтов сразу усложнилась. Но этим маневром Моделя тут же воспользовался командующий Центральным фронтом генерал Рокоссовский — его войска нанесли серьезный удар по орловской группировке 9-й армии с юга и

потеснили ее, тем самым ухудшив положение немецких войск на всем Курском выступе. Командование группы армий «Центр», чтобы не допустить обвала фронта, перебросило на усиление 2-й танковой армии еще 12 дивизий, в том числе семь танковых и одну моторизованную. Немцы, по существу, создали здесь еще одну линию фронта. Наступление Красной армии на время было приостановлено мощными контрударами при поддержке танков и авиации, но остановить его в принципе и повсеместно было уже невозможно.

Однако надо признать, что во время наступления в рамках операции «Кутузов» были допущены и многие просчеты. А всякая ошибка штабов — это солдатские жизни, унесенные бессмысленными атаками, непродуманными и торопливыми действиями младших командиров.

Генерал Федюнинский, вспоминая дни своего прибытия из-под Волхова в новое соединение, на которое его назначили в период наступления советских войск на северном фланге Курской дуги, пишет, что полевое управление 11-й армии он догнал в районе Козельска, что дивизии находились на марше и что уже получен был приказ командующего Западным фронтом генерала В. Д. Соколовского о немедленном введении корпусов в бой на стыке 50-й и 11-й гвардейской армий. В 11-ю армию должны были войти три стрелковых корпуса — 46, 25 и 53-й с танковыми, артиллерийскими и инженерными частями. Но к моменту ввода армии в дело под рукой у Федюнинского был, по существу, всего один корпус и части усиления. К тому же все было разбросано на большом пространстве, в местах формирования и в районах ожидания.

Выполнить приказ было невозможно. Быстро собрав Военный совет, Федюнинский доложил в штаб фронта, что к назначенному сроку все дивизии в район сосредоточения прибыть не смогут. Тем не менее из штаба фронта давили. Стало очевидным, что придется повторять ошибку, давно политую кровью, — вводить соединения в бой по частям. Все возражения и доводы Федюнинского комфронта пресек жесткой фразой, суть которой сводилась к тому, что 11 — я должна вступить в бой, даже если к назначенному часу к передовой подойдет только одна дивизия.

— На участке Дешево — Кцынь оборона противника слабая, — информировали его из оперативного отдела штаба фронта. — Так что особых трудностей у вас там не будет. Желаем успехов!

«Желаем успехов...»

Никаких конкретных разведданных ему не передали. Верить на слово? Но отвечать за результаты наступления — ему. И Федюнинский с офицерами штаба армии выехал на место предстоящих действий. Ему

доложили, что к Кцыни подошли части 53-го стрелкового корпуса. В командование корпусом только что, уже на марше, вступил генерал-майор И. А. Гарцев^[53].

В архиве Министерства обороны Российской Федерации в Подольске удалось отыскать документы 53-го стрелкового корпуса, входившего в состав 11-й армии. Корпус формировался между Тулой и Калугой.

Вот запись в журнале боевых действий о результатах марша авангарда 11-й армии в район сосредоточения.

«Марш соединения корпуса совершили длиной: 135-я сд — 161 клм; 197-я сд — 145 клм; 369-я — 175 клм и управление корпуса — 140 клм.

Марш совершался в трудных условиях. Вследствие частых дождей дороги были трудно проходимы, особенно для автотранспорта. Марш совершался исключительно в ночных условиях, что еще более затрудняло движение. В районах дневок производилась отрывка щелей, мытье ног и меры боевого обеспечения от воздушного нападения противника.

Личный состав соединений корпуса в большинстве непривычен к большим переходам и не имеет достаточной военной подготовки. Полная дисциплина марша не соблюдалась, вследствие чего в районах дневок были случаи самовольных отлучек из района расположения, выход из строя без разрешения, отставание и дезертирство.

Установленный распорядок марша в основном соблюдался. Имелись случаи отставания колонн, растяжка в районах переправ, труднопроходимых мест в лесу и в болотистых местах.

Автотранспорта и гужтранспорта в соединениях корпуса было недостаточное количество, ввиду чего личный состав был перегружен матчастью, как то: стан, пулеметами, минометами и ружьями ПТ.

Во время пребывания КП — управление корпуса — в Васильевском подвергался бомбардировке вражеской авиации, где был убит один боец.

18.7.43 г. на основании предписания ГУКа прибыл командир корпуса генерал-майор Гарцев и 19.7.43 г. вступил в командование таковым.

По приказу Штарма 11 дивизии должны были выйти в новый р-н сосредоточения к 4.00 20.7.43 г., но вследствие дождей, плохих дорог и недостаточного количества горючего перед началом марша, лишь часть стрелковых полков прибыла в район сосредоточения к 6.00 20.7.43 г., остальные подтягивались в течение дня.

Артиллерия и тылы растянулись, часть автотранспорта и материальные части задержались в пути следования, боеприпасы полностью не подвезли, часть их осталась в районах прежней

дислокации»^[54].

О дальнейших событиях журнал боевых действий корпуса повествует следующее:

«20.7.43.

Боевая задача.

Выписка из боевого приказа № 007/оп Штарма 11.

Лес (2 км сев. — вост. КОЗЕЛЬСК) к 9.00 19.7.43.

Противник, отходя в общем направлении на юг, пытается задержаться на рубеже: ЛОШЕВО, БРУСНЫ, МОЙЛОВО, КЦЫНЬ и далее по р. РЕССЕТА, имея на этом участке разбитые части 183-й пд и 5-й тд.

В р-не ПОДБУЖЬЕ, ПЕНЕВИЧИ, ХВАСТОВИЧИ сосредоточивает резервы.

Задача.

53-й ск с 8-м ТТП, двумя полками 2-й мин. бр., 1-м полком 21-й гв. абр, двумя ап сд (135, 369 сд)^[55] к 4.00 20.7.43. занять исходное положение для наступления на рубеже, достигнутом левофланговыми частями 31-й гв. сд.

Ближайшая задача: захватить МЕХОВАЯ, БЕРЕСТНА, КЦЫНЬ и к исходу дня овладеть рубежом: (иск.) ФРОЛОВО, МЕДВЕДЕВКА, КОЛОДЯССЫ, МОКРЫЙ ВЕРХ, КЦЫНЬ.

Поддерживают — два гаубичных полка 118-й бр.^[56]

Готовность артиллерии в 24.00 19.7.43.

Готовность пехоты и танков к наступлению к 3.00 19.7.43. КП 11 А с 19.00 19.7.43. лес сев. КРАСН. ОКТЯБРЬ».

Это — задачи, поставленные корпусу штабом армии. А вот какой приказ отдавал генерал Гарцев своим дивизиям и частям, которые подходили к месту новой дислокации.

«Начало боевых действий корпуса.

Боевой приказ № 002 Штакара 53 лес 0,5 км зап. МИТРОВКА

10.00 20.7.43.

Противник, обороняя рубеж: безым. высота 1,5 юго-зап. БРУСНЫ, южн. часть МОЙЛОВО, вост, окраина КЦЫНЬ, отм. 158,7 подразделениями 330-го пп 183-й пд, остатками 5-й тд и спецподразделениями 211-й мотодивизии, в течение

19.7.43. продолжал совершенствовать свою линию обороны.

Узлы сопротивления: МОЙЛОВО, КЦЫНЬ.

Задача корпуса.

53-й ск с 42-м тп, 135-м и 130-м мп, 1171-м лап к 4.00

20.7.43. занимает исходное положение на рубеже: зап. окраина БРУСНЫ, сев. и сев. — вост. окраина МОЙЛОВО и далее по вост. берегу р. РЕССЕТА и переходит к наступлению в общем направлении БЕРЕСНА, МИЛЕЕВО.

Начало атаки 12.30.

Поддерживает 364-й и 173-й аап.

Справа наступает 273-я сд, разгранлиния с ней: (иск.) НИКИТСКОЕ, ВЯЛЬЦЕВО, (иск.) ХОЛМИЩИ, (иск.) СУСЕЯ, (иск.) БРУСНЫ, МЕХОВОЕ, (иск.) ФРОЛОВО.

Слева — 1-я гв. сд обороняется по вост. берегу р. РЕССЕТА^[57]. Разгранлиния с ней: СЕНИЧКИН, ДУДОРОВСКИЙ, КЦЫНЬ, далее по р. РЕССЕТА.

Решение комкора.

Ударом в направлении МЕХОВАЯ, ВЫСОКОЕ уничтожить пр-ка в р-не БЕРЕСТНА, ВЫСОКОЕ, КОЛОДЯССЫ, в дальнейшем наступать на ХВАСТОВИЧИ.

197-ю сд иметь во втором эшелоне за правым флангом.

135-я сд с 42-м гв. тп наступать в направлении МОЙЛОВО, МЕХОВАЯ.

Ближайшая задача: овладеть МОЙЛОВО, ЗАЗЕМСКИЙ, южн. опушка леса вост. МЕХОВАЯ. В дальнейшем наступать в направлении МЕХОВАЯ, ВЫСОКОЕ.

Поддерживает 261-й ап 197-й сд, 364-й гап.

КП — лес 1 км сев. — зап. ВЫГОН.

Разгранлиния слева: МЕДЫНЦЕВО, МОЙЛОВО, (иск.) сев. окр. БЕРЕСТНА.

369-й сд с 130-м мп, 1171-м лап наступать в направлении КЦЫНЬ, БЕРЕСТНА.

Ближайшая задача: овладеть лесом сев. — вост. БЕРЕСТНА, КЦЫНЬ, в дальнейшем на КОЛОДЯССЫ.

Поддерживает 173-й гап.

КП — лес 1,5 км сев. ДУДОРОВСКИЙ.

197-й сд — сосредоточиться в р-не МУШКАНЬ, СЕ-МЕЙСКАЯ в готовности к действию в направлении ДУДОРОВСКИЙ, КЦЫНЬ.

КП — КУМОВО.

Артиллерия:

Готовность огня — 8.00 20.7.43.

КП — лес 0,5 км зап. МИТРОВКА. В дальнейшем — лес 2 км КЦЫНЬ.

В 12.30 2.7.43. после получасовой артподготовки корпус двумя сд с поддерживающими средствами перешел в наступление.

135-я сд — 396-й и 791-й сп — ведя бой за овладение МОЙЛОВО, нанося удар правым флангом, встретила огневое сопротивление пр-ка из р-на МОЙЛОВО, БРУСНЫ. В 15.00 в бой ввели 42-й тп. Танки и пехота ворвались на сев. — зап. окраину МОЙЛОВО, в ожесточенном бою сломали сопротивление пр-ка и овладели МОЙЛОВО. В результате боя уничтожено до 150 солдат и офицеров пр-ка и взято в плен 2 солдата, 4 ефрейтора, 1 унтер-офицер.

Противник, пытаясь восстановить свое положение, дважды переходил в контратаку. Контратаки отбивались с большими потерями для пр-ка.

В итоге боя за день взяты трофеи:

Муки — около 40 тонн.

Склад овощей.

Хлеба печеного — 4 тонны.

Одна подбитая пушка.

Подбит один танк.

Потери дивизии за день: убито 64 чел.; ранено — 134 чел.

369-я сд — 1123-й и 1225-й сп — одновременно с артподготовкой перешла в наступление за овладение лесом сев. — вост. КЦЫНЬ и в 12.30 форсировала реку РЕССЕТА в районе 1 км сев. — вост. отм. 171,3. К 15.30, продвинувшись на 400–500 метров, зап. берегом р. РЕССЕТА, встретила организованное огневое сопротивление пр-ка из пулеметов, минометов, артиллерии и автоматов, вследствие чего продвижение задержалось.

Попытки дальнейшего продвижения за овладение КЦЫНЬ не увенчались успехом.

В 21.00 части дивизии закрепились на достигнутом рубеже, ведя методический огонь по боевым порядкам противника.

В результате боя за день уничтожено до 50 солдат и офицеров пр-ка. Взят в плен один ефрейтор 183-й пд.

От огня противника в бою за день части дивизии понесли потери: убитыми — 77 человек, ранеными — 375 человек.

197-я сд. с 17.00 совершая марш из района дневки КУМОВО в район сосредоточения боевых действий ДУДОРОВСКИЙ.

Комсоставом днем проводилась рекогносцировка. 197-я сд находится

во втором эшелоне.

Связь с дивизией организована плохо, с большими перебоями, как с частями дивизии, так и со штабом корпуса.

Погода в течение дня резко менялась: до 12.00 — солнечная, после 12.00 — дождливая.

Вывод.

В связи с трудным и длительным маршем соединения и части 53-го корпуса несвоевременно вышли на исходное положение для наступления, не успели подвезти до нормы боеприпасы и продовольствие. Тылы не успели развернуться в районах боевых действий».

«21.7.43.

В 7.30 пр-к силой до двух батальонов пехоты при поддержке 18 танков вновь контратаковал МОЙЛОВО, овладел МОЙЛОВО, потеснив части 135-й сд.

Авиация пр-ка с наступлением темноты до рассвета производила разведывательные полеты отдельными самолетами над нашими боевыми порядками.

135-я сд. В 11.45 контратакой с нашей стороны противник вновь был выбит из МОЙЛОВО и отошел в юго-западном направлении.

В 16.30 противник силой до 900 человек при поддержке десяти танков и 4-х самоходных орудий перешел в контратаку с двух направлений — с отм. 215,2 и ЗАЗЕМСКИЙ. Вследствие двойного перевеса сил ему удалось потеснить правофланговый полк — 889-й сп. 197-й сд, который отошел за ручей ХОЛ У НЯ.

Производимые ночные поиски 3/497-го сп и отдельными группами успеха не имели.

В течение дня части 135-й сд вели ожесточенный бой с контратакующим противником, вследствие чего задачи корпус не выполнил.

В ожесточенных боях противник потерял около 300 чел. Солдат и офицеров.

На поле боя пр-к оставил 4 подбитых танка.

За день боя взяты трофеи:

винтовок — 18 штук;

автоматов — 10 штук;

орудий — 4 штуки, из них 2 самоходных;

велосипедов — 4 штуки;

муки — до 38 тонн разных сортов.

369-я сд. Противник в полосе обороны дивизии активности не проявлял. В ночь на 21.7.42., производя перегруппировку сил, 2/1227-го сп занял оборону на участке 169-го сп 1-й гв. сд (иск.) КЦЫНЬ, отм. 182,7, отм. 237,1. 1/1227-го сп передан в оперативное подчинение командиру 1225-го сп. 1223-й сп продолжал находиться на достигнутом рубеже, приводя в порядок свои подразделения. 1225-й сп пытался несколько раз перейти в наступление за овладение КЦЫНЬ, но успеха не имел, ввиду сильного минометного и пулеметного огня противника.

Работала артиллерия — подвезли снаряды».

Среди причин неудачного наступления соединений и частей корпуса называются усталость войск, которые прямо с марша бросаются в атаку, нехватка снарядов для артиллерии, затрудненный маневр для танков, а также многонациональный состав соединений. Дивизии пополнялись маршевыми батальонами из Средней Азии. Новобранцы не владели опытом боевых действий, многие до призыва не служили в армии, не знали русского языка, не умели стрелять из винтовки, не понимали команд.

Итак, что можно вынести из вышеприведенных документов? Авангард 11-й армии в бой пошел, по существу, без подготовки. Генерал Гарцев своего корпуса не знал, так же, как не знал своей армии генерал Федюнинский. Оба входили в курс дел на марше, а потом в бою. Прямо надо заметить: командованием Западного фронта им был предложен не лучший метод подготовки войск к наступлению. Подготовки как таковой, по сути дела, не было. С марша — в бой. Операция по прорыву вражеской обороны на кцыньско-мойловском направлении спланирована не была. Результатами этой неразберихи и сутолоки, созданной штабом Западного фронта, воспользовался противник.

К месту нового исходного рубежа оба полевых управления, 11-й армии и 53-й стрелкового корпуса, примчались почти одновременно. Выслушали доклады командиров полков и передовых батальонов, допросили пленных, обошли участок предполагаемого прорыва, провели рекогносцировку.

— Мы две недели топчемся на месте и никак не можем продвинуться вперед, — сказал командир одного из полков, занимавшего здесь оборону с самого начала сражения на Курском выступе и теперь сдававшего свой участок. — Удивляюсь, что вас информировали, будто немец здесь слаб. Они укрепились основательно, по всему участку нашего фронта. Хорошо организовали систему огня. Часть танков окопали и используют в качестве неподвижных огневых точек. Сил у них здесь достаточно для организации длительной обороны.

Следующий вопрос Федюнинский задал начальнику штаба 53-го стрелкового корпуса:

— Как у вас с боеприпасами? Меня интересует прежде всего артиллерия. Сможет ли она поддержать ввод в бой наших дивизий?

— Со снарядами плохо, — ответил начштаба. — В батареях меньше одного боекомплекта, а подвоз пока не наладили. Дороги, сами видели, размыты дождями, разбиты транспортом. К тому же дожди не прекращаются.

Федюнинский тут же связался со штабом фронта, доложил обстановку и попросил отсрочить ввод его армии на пять-шесть дней. Основные силы были еще на марше. Артполки растянулись на десятки километров. Боеприпасы лежали на складах в местах прежнего базирования. Старшины сбивались с ног, стараясь вовремя накормить личный состав, но в пути это не всегда удавалось. Кроме того, нужны были тщательная разведка районов предстоящего наступления, точные сведения о противнике. Федюнинский пытался убедить комфронта дать ему возможность спланировать операцию по прорыву немецкой обороны, подтянуть войска, тылы со складами боеприпасов и продовольствия, создать ударную группу, выбрать наиболее перспективный участок для удара, дать возможность артиллерийской разведке определить цели, чтобы не расходовать скудный запас выстрелов в никуда, по площадям.

Генерал Соколовский выслушал его и коротко приказал выполнять ранее полученный приказ.

Это была первая стычка генералов, которая вскоре перерастет во взаимную неприязнь.

А под Кцынью, Мойловом и Берестной на брянском направлении между тем шли кровопролитные бои. Не подготовленные к действиям в лесистой и болотистой местности войска бросались в бой на основательно укрепленные опорные пункты и узлы сопротивления немцев. Каждый день таких боев увеличивал потери. Суточная безвозвратная убыль дивизий исчислялась сотнями солдат, сержантов и офицеров.

Все, что происходило на участке наступления 11-й армии, было настолько непохоже на то, что было пусть не блестяще, но все же успешно проведено зимой под Ленинградом, что Федюнинского буквально трясло.

После войны, засев за мемуары, он напишет об этих боях сдержанно: «За неделю боев войска армии продвинулись всего на 12–15 километров».

И еще: «28 июля ко мне на наблюдательный пункт приехали командующий Западным фронтом и член Военного совета. Ознакомившись с обстановкой, они остались недовольны результатами наступления.

— Почему так неудачно действуют совершенно свежие дивизии? — спросил командующий.

Я ответил, что еще перед началом наступления докладывал о нецелесообразности столь поспешного ввода войск в бой без предварительной подготовки.

— Вот и напишите объяснение в Ставку, — потребовал командующий.

Я написал обо всем правдиво, ничего не скрывая. Копию своего доклада послал в штаб Западного фронта.

Через день, 30 июля, решением Ставки 11-я армия была передана в подчинение командующего войсками Брянского фронта.

Генерал-полковник М. М. Попов^[58] при первой же встрече спросил:

— Иван Иванович, скажите, в чем причина неудачи прорыва на кцыньском направлении? Ставка поручила мне разобраться в этом.

— Я уже докладывал Ставке по требованию командующего Западным фронтом. Могу только повторить, что не следовало вводить армию по частям, — ответил я и высказал соображение, что сейчас, на мой взгляд, нужно использовать 11-ю армию на правом фланге фронта для нанесения удара на Карачев, а в последующем на Брянск.

— Сколько времени вам потребуется на подготовку к дальнейшему наступлению? — спросил Попов.

— Не меньше восьми суток.

Генерал Попов, человек опытный, с большим оперативно-тактическим кругозором, ответил не сразу. Он прошелся по комнате, склонился над картой.

Я терпеливо ждал ответа. Наконец командующий выпрямился, опершись ладонями обеих рук на карту, и сказал:

— Хорошо. С вашими доводами согласен. Но восемь суток — это слишком мало. Даю вам двенадцать.

Мы постарались использовать это время с наибольшей пользой. Была осуществлена некоторая перегруппировка войск в связи с включением в состав армии соединений 46-го и управления 25-го стрелковых корпусов. Командиры корпусов и дивизий производили рекогносцировку, уточняли вопросы взаимодействия. Непрерывно велась разведка. Подтянулись тылы, налажился подвоз боеприпасов».

С Маркианом Михайловичем Поповым у Федюнинского сразу сложились хорошие, деловые, отчасти даже товарищеские отношения. Комфронта почувствовал надежность командарма-11, его боевой опыт. Оба казацких кровей, оба воевали под Ленинградом.

Разрабатывая план предстоящей наступательной операции, штаб 11-й

армии принял решение главный удар нанести в направлении Карачева силами 46-го стрелкового корпуса. Одновременно планировался вспомогательный удар в центре при активной обороне и готовности перейти в наступление на правом фланге.

53-й корпус, потрепанный в затяжных боях под Кцынью и Мойловом, приводил себя в порядок, принимал прибывающее пополнение. В полосе главного удара была создана цепь наблюдательных пунктов. На вышках, в блиндажах, на деревьях и на крышах высоких зданий постоянно дежурили наблюдатели, артиллерийские офицеры и методично наносили на карты вновь выявленные огневые точки, переправы, командные и наблюдательные пункты, основные и запасные позиции артиллерии и минометов. Для стрельбы прямой наводкой и точечного поражения разведанных целей Федюнинский приказал выделить по десять-одиннадцать орудий на каждый километр фронта. Саперы прокладывали дороги, ремонтировали старые, чтобы при необходимости танки и артиллерия шли без задержки и помех.

К исходу 11 августа из дивизий и корпусов доложили: всё готово.

Накануне разведчики притащили с той стороны двух «языков».

Первый: обер-ефрейтор 5-й роты 2-го батальона 35-го пехотного полка 183-й пехотной дивизии Адольф Ширнгер. Захвачен был в районе Кцыни. Допрашивал его сам командующий. Обер-ефрейтор показал, что он член гитлеровского союза молодежи. Крестьянин. На фронте с 1939 года. Воевал во Франции, в Бельгии. На русском фронте с сентября 1941 года. Дважды ранен. Пленный, кроме всего прочего, показал, что в частях большие потери. В ротах по 60–70 человек. Состав: немцы, поляки, чехи. Назвал имена командиров полка и дивизии.

Второй: рядовой солдат 5-й роты 2-го батальона 273-го пехотного полка 95-й пехотной дивизии. Захвачен в районе Мокрый Верх. Фамилия в документе неразборчива, похожа на французскую, имя — Марсель. Пленный офицер показал, что личный состав его роты переброшен на самолете из Дорогобужа 22 июля. Дивизия состоит из трех полков: 278, 279 и 280-го пехотных. Кроме того, в состав дивизии входит бронетанковый разведотряд: шесть легких танков и рота велосипедистов. В обозе служат украинские солдаты.

Из показаний пленных стало ясно, что противник тоже время даром не терял — сюда переброшены резервы с северного участка фронта, из-под Вязьмы.

Однако обстановка на фронте к тому времени существенно изменилась. 5 августа наши войска освободили Орел. 7 августа началось

наступление в районе Спас-Деменска. Брянская группировка противника оказалась под угрозой фланговых ударов, а при худшем развитии событий — окружения.

Корпус генерал-майора К. М. Эрастова^[59] атаковал 12 августа в юго-западном направлении. От каждой дивизии был выделен усиленный батальон для ведения разведки боем. Батальоны быстро продвигались вперед, занимая одну деревню за другой. На следующий день авангарды 46-го корпуса ворвались в село Одрино, захватили железнодорожную станцию и перерезали железную дорогу Москва— Орел. Одрино немцы пытались удерживать силой до полка пехоты и двадцати танков.

Константин Максимович Эрастов тоже оказался халхингольцем. Командовал стрелковой дивизией в Забайкалье. Боевое крещение получил под Малоярославцем в октябре 1941 года. В 1942 году, командуя 12-й гвардейской стрелковой дивизией, недалеко отсюда, у села Брынь, он был тяжело ранен. Опытный, боевой командир, храбрый солдат. Он не вылезал из солдатских окопов и передовых НП. Прекрасно владел обстановкой и оперативно управлял войсками и обстоятельствами.

Утром 15 августа его дивизии во взаимодействии с частями соседней 11-й гвардейской армии штурмом овладели городом и районным центром Карачев. За эту победу 369-й и 238-й дивизиям корпуса генерала Эрастова были присвоены наименования «Карачевские».

Наступало время побед.

К 25 августа 11 — я армия продвинулась в глубину до 50 километров, очистила от врага огромную по тому времени территорию в 1860 километров. Захватила большие трофеи: 47 орудий разного калибра, 18 танков, 120 пулеметов. Пытаясь сдержать напор армии, противник потерял убитыми, ранеными и захваченными в плен до 18 тысяч солдат и офицеров.

Бои и марши сплотили войска. Солдаты получили опыт. Командиры и политработники нашли подходы к более гибкому и оперативному управлению теми подразделениями, в которых основу составляли выходцы из Средней Азии и Казахстана. Перед наступлением выпускались листовки и патриотические письма на казахском и узбекском языках.

«Весь узбекский народ устремил полные надежд взоры на вас... истребляющих гитлеровцев на всех фронтах, на вас, в чьих руках судьба нашей Родины. Наши мысли и сердца нераздельно с вами...

В дом твоего старшего брата — русского, в дом твоих братьев — белоруса и украинца — ворвался фашистский басмач. Он несет коричневую чуму, виселицу и кнут, голод и смерть. Но дом русского — также и твой дом. Ибо Советский Союз — дружная семья... А в дружной

семье раздора не бывает...

Коричневая чума — фашизм должен быть уничтожен во что бы то ни стало. Так велит Родина, такова воля всего советского народа!»

В те дни в освобожденном Карачеве Федюнинский подписал сотни наградных листов на отличившихся бойцов и командиров. Среди них были русские, украинцы, белорусы, татары, казахи, узбеки, армяне, таджики, башкиры, киргизы, грузины. В братские могилы, которые неминуемо оставались после каждого боя, убитых тоже складывали вместе, голова к голове — русских, казахов, татар...

Как известно, самые точные определения и качественные характеристики войску дает противник, враг. Так вот немцы всех — и таджиков, и казахов, и татар — называли русскими. Но русским солдатом на войне можно было стать только в бою. Этот настрой очень точно выразил один из бойцов 1030-го полка 260-й стрелковой дивизии бронейщик, командир расчета ПТР казах Курбан Джуманиязов. В заявлении для вступления в партию в те дни он писал: «Идя в бой вместе с моими братьями русскими, украинцами, узбеками, таджиками, я клянусь, не щадя своей жизни, уничтожить вражеские танки. Моя бронейка к бою готова. Прошу парторганизацию принять меня в партию, звание коммуниста оправдаю в боях. Приказ командования, приказ Родины выполню с честью, мужеством, героизмом. Пока будет биться мое сердце, вражеские танки на моем направлении не пройдут».

Такие документы — не только слова. Конечно, писались они зачастую под диктовку политработников, наполнены обязательными оборотами и штампами. И тем не менее они возвышали людей на войне, где смерть была у каждого за плечами. Эти заявления и клятвы, беседы парторгов и комсомольских вожаков, проводимые в окопах, перед боем делали людей более прочными, твердыми, стойкими.

*

Следующей целью федюнинцев были Брянск и одноименная крупная узловая станция.

Армия быстро провела перегруппировку. В целях маскировки и введения противника в заблуждение на левом фланге было имитировано сосредоточение танков и артиллерии. Мощная громкоговорящая установка транслировала на ту сторону звуки танковых моторов. Саперы за ночь собрали фанерные макеты танков и машин и продемонстрировали их

немецким летчикам, проводившим авиаразведку. На другой день установка имитировала звуки строительства дороги. «Валили лес» «пилили бревна» и «рубил настил». Все это делали так натурально, что из 260-й стрелковой дивизии, которая занимала оборону западнее Палома на брянском направлении, прислали делегата с запиской, что «строить настил нет необходимости, так как поблизости имеются объезды».

На правом фланге в обстановке жесточайшей секретности — все передвижения только ночью — 53-й стрелковый корпус генерала Гарцева накапливался в районах сосредоточения и готовился к прыжку.

Тем временем соседняя 11-я гвардейская армия вышла к восточному берегу Десны, и немецкая группировка, оборонявшая Брянск, оказалась в полуокружении.

На рассвете 10 сентября земля вздрогнула. Войска пошли вперед.

Семнадцатого сентября 25-й корпус освободил город Бежицу. А 53-й во взаимодействии с 217-й стрелковой дивизией 11-й гвардейской армии вошел в Брянск, очистив город и станцию от противника.

Генерал Федюнинский вспоминал: «Форсирование реки Десны и одновременный удар на Брянск с севера и востока были осуществлены столь стремительно, что командование фронта усомнилось в достоверности нашей информации об освобождении города. Военный совет фронта несколько раз запрашивал подтверждения о том, что Брянск действительно освобожден.

Я направил в город офицера связи. Он вылетел туда на самолете и вскоре передал по радио, что находится в Брянске на наблюдательном пункте командира 197-й дивизии полковника Абашева.

Утром следующего дня с членами Военного совета армии генералами Прудниковым и Панковым мы тоже приехали в Брянск. Жители города встречали наших солдат, сержантов и офицеров с цветами. Встреча была радостной и волнующей. Помню, к моей машине подошла пожилая женщина с девочкой лет шести. Девочка протянула букет полевых цветов, а женщина, горько вздохнув, сказала:

— Мы-то дождались светлого праздника. А вот ее отец и мать не дождались. Опоздал ты, командир... — И пояснила: — Это внучка моя. Отец ее в партизанах погиб, а мать расстреляна немецким комендантом».

На Брянской земле «новый порядок» оккупационные власти приживляли методами самыми жестокими. Жители сел и городов оказались между двух огней. Из многих семей отцы, мужья и братья ушли в лес, в партизанские отряды. Брянские, смоленские и белорусские леса стали адом для оккупантов. Но одновременно в нескольких районах к югу от Брянска

энергичными антисоветчиками и германофилами была создана своего рода антибольшевистская и антипартизанская автономия, этакое мини-государство, которое сейчас историками и краеведами именуется то Локотской республикой, то Локотским самоуправлением. В эту суррогатную республику размером в среднюю область входили Навля, Локоть, Брасово, Комаричи, Севск, Суземка, Троена, Дмитриев-Льговский и другие районы и волости. Здесь была создана бригада РОНА (Русской освободительной народной армии), которая насчитывала до 20 тысяч штыков, имела артиллерию, танки, другую бронетехнику. Когда Красная армия приблизилась к Орлу и Брянску, бригада РОНА и часть жителей «республики» перебрались в Белоруссию, потом в Польшу. Бригада была переформирована в дивизию, которая получила номер — 29-я пехотная СС.

Отдельные отряды, абвер-команды и диверсионные группы были оставлены в брянских лесах, на укромных хуторах. Часть их попала под удар наступающих войск. Некоторых вытаскивали из подземных схронов партизаны и передавали офицерам СМЕРШа. К тому времени уже в штате каждого стрелкового батальона был оперуполномоченный этой контрразведывательной структуры. Во время освобождения районов Брянской области работы у СМЕРШа было много.

А в самом Брянске свирепствовал комендант генерал-майор Адольф Гаман. До падения Орла он сидел там, когда же 11 — я армия подступила к Брянску, бежал в Бобруйск. Его захватили в плен во время операции «Багратион». Кинооператор запечатлел его, важного и надменного, во время «Марша побежденных» в Москве 17 июля 1944 года. Диктор комментировал появление генерала Гамана в кадре: «Комендант Бобруйска и бывший комендант Орла. Палач и убийца. Десятки тысяч советских людей стали жертвами его злодеяний». На солнце блеснул лакированный козырек его генеральской фуражки.

На руках Адольфа Гамана была и кровь родителей той сиротки, которую генерал Федюнинский встретил в Брянске.

Военный корреспондент Павел Трояновский оставил воспоминания о допросе Гамана после его пленения под Бобруйском: «Наш генерал его спросил: «Что же вы, господин Гаман, не покончили с собой? Ведь вы в своих собственных приказах изображали советский плен как предательство нации, родины. Утверждали, что большевистский плен — это обязательная и мучительная смерть. А почему же сами предпочли плен?» Гаман лишь смотрит волком и молчит».

Суд, состоявшийся в Брянске в 1945 году, признал Адольфа Гамана в ряде военных преступлений и приговорил его к высшей мере наказания.

Военный трибунал Брянского гарнизона одновременно рассмотрел и дела его сообщников. Военных преступников, виновных в гибели 96 тысяч советских военнопленных и 130 тысяч мирных граждан, принародно повесили на Театральной площади Брянска.

И во время пленения Гамана, и в день его казни Федюнинский был далеко и от Брянска, и от Бобруйска.

После взятия Брянска началось преследование противника. 11-я армия на своем участке энергично действовала ударными авангардами. Передовые батальоны, посаженные на транспорт и танки, сбивали немцев с промежуточных рубежей, охватывали их небольшие гарнизоны и уничтожали изолированно, если те не сдавались. «В отдельные дни, — вспоминал генерал, — наступающие войска проходили по 30–40 километров. В моей боевой практике это был первый случай такого быстрого продвижения. Требовалось осуществлять четкое управление войсками, поддерживать устойчивую связь со штабами корпусов и дивизий».

Во время этой гонки на запад Федюнинский всегда держал при себе радиостанцию, настроенную на волну штаба армии. Таким образом осуществлялась координация действий корпусов и дивизий.

Но на войне как на войне. Случались и курьезы.

В конце сентября, в самый пик преследования отходящего противника, Федюнинский с адъютантом, радистом и двумя автоматчиками охраны выехал в 53-й корпус. Корпус уверенно наступал, порой его передовые отряды догоняли немецкие колонны и с ходу врзались в них, захватывали богатые трофеи и пленных. Порой же наталкивались на организованное сопротивление арьергардных подразделений, оставленных для прикрытия отхода основных сил.

Связь работала хорошо. К этому времени штабы, вплоть до батальонных, уже обзавелись радиостанциями и имели устойчивую связь.

Генерал Гарцев тоже был в дороге и сообщил командующему, что перебирается на новый НП, сообщил координаты и название населенного пункта, где его саперы должны были оборудовать новый пункт наблюдения.

Федюнинский коротко сказал водителю:

— Едем на новый НП, — и показал на карте маршрут.

Миновали поле, перелесок. Начался лес, за которым, если верить карте, находилась та самая деревня, где их, должно быть, уже ждал генерал Гарцев. Из леса на дорогу выскочили кони с оборванными построшками. Пара. Артиллерийские. Видимо, запряжка где-то попала под обстрел, и

теперь уцелевшие обезумевшие кони носились по лесу. Автоматчики охраны сразу насторожились, приготовили оружие. Адъютант Рожков тоже положил автомат на колени, сказал:

— Стрельба близко. Сколько до деревни, товарищ генерал?

Федюнинский снова взглянул на карту. Ехали они правильно.

— С километр.

— Похоже, там идет бой.

Лес стал редеть. Разбитый «опель», уткнувшись в кювет, стоял на обочине, обгоревшим кузовом загораживая часть дороги. Скаты его, покрытые сизой окалиной, еще дымились.

Водитель поехал медленнее. Впереди на пологом холме показались дворы деревни. Деревня была большая. Там и там виднелись дымы пожаров. По окраине бегали солдаты. Свои? Немцы?

— Рожков, — сказал Федюнинский адъютанту, — посмотри-ка, кто? У тебя глаза получше.

— Судя по форме, наши. Да, товарищ генерал, наши.

— Ну, раз наши, тогда поехали. Поглядим, что у них там за маневры...

Въехали в деревню. В центре каменное двухэтажное здание, похожее на школу. У входа стоят офицеры. Когда командующий вышел из машины, один из них, оказавшийся инструктором политотдела дивизии, доложил: в деревне идет бой, западная часть еще не полностью очищена от противника.

— Где командир корпуса? — спросил Федюнинский; никого из офицеров штаба 53-го корпуса среди офицеров он не увидел.

— Не знаю, я его не видел. Наверное, еще не прибыл. Мы тоже только что приехали.

— Этого не может быть, — раздражаясь, но стараясь не повышать голоса, возразил Федюнинский. — Час назад Гарцев доложил, что переходит сюда. Значит он здесь.

Обстоятельства напоминали обычную неразбериху во время боя. На западной окраине деревни слышалась ружейно-пулеметная стрельба, часто лопались ручные гранаты, то наши, то немецкие. Изредка в звуки боя вмешивались резкие удары дивизионной пушки.

Вскоре прибежал Рожков и доложил, что отыскал НП командира корпуса и что генерал Гарцев ждет его.

Гарцев со своими офицерами сидел в подвале под каменным домом. Лицо его было злым, глаза сверкали. Когда командующий спустился в полумрак, освещенный керосиновой лампой, тот распекал кого-то по телефону. Провода уже лежали на ступенях, уходя наружу. Похоже, в

подвале был устроен командный пункт командира батальона или полка, а теперь здесь матерился командир корпуса.

— Что, Иван Алексеевич, произошло? Отступили? — спросил Федюнинский Гарцева.

— Нет, товарищ командующий, просто очередная брехня! — И командир корпуса качнул увесистым кулаком над телефонным аппаратом. — Сколько раз предупреждал: давайте точную информацию! Точ-ну-ю! Не преувеличивайте успех! Так нет же! Докладывают: деревню заняли, продвигаемся дальше! Продвигаются они... — и Гарцев снова грозно посмотрел на телефонный аппарат.

— Кто здесь командует? Чье подразделение ведет бой за деревню?

— Командир батальона старший лейтенант Климов.

— Вызовите его сюда.

Вскоре по каменным ступеням загрели перепачканные в сырой глине кирзовые сапоги. Старший лейтенант, совсем молоденький. Такая же испачканная, подпаленная снизу плащ-накидка. За спиной автомат. Доложил виновато:

— Товарищ командующий! Я в деревню ворвался с ходу, погнал их. До центра дошли в один бросок, легко. Ну и сообщил, что занял. Все равно, думаю, к вечеру так или иначе очистим ее. Тут немцы контратаковали. Мы снова их жиманули, пожгли их танки и бронетранспортеры. Через пару часов дождем! У них теперь ни танков, ни артиллерии!

Федюнинский смотрел на комбата и вдруг поймал себя на том, что при всех обстоятельствах любит его. Старший лейтенант стоял перед ними потупившись, чувствуя свою вину. И в то же время в нем была какая-то внутренняя пружина, которая сохраняла его уверенность и готовность действовать. Вот таким он, командующий армией, был на ХалхинГоле. Старший лейтенант напомнил ему и Турьева-младшего. Пожалуй, немного постарше, уже обывкшийся на войне, обучившийся и хорошо справляется с батальоном...

— Вы понимаете, что своим поспешным и неточным докладом поставили в неудобное положение командира корпуса?

— Понимаю. — Лицо комбата еще сильнее порозовело; он стоял с опущенной головой, как школьник, не усвоивший урок.

— Вас предупреждали, что нужно быть правдивым в докладах?

— Так точно, предупреждали. Но я считал, что не задержусь на этом рубеже. А у них — танки.

— Когда же возьмете деревню?

Комбат вскинул голову — пружина слегка разжалась:

— Через два часа, товарищ командующий! Разрешите выполнять?

— Думать нужно, товарищ комбат. Опять неточно докладываете. Как же так, с утра вы топчетесь на месте, а теперь заявляете, что через два часа выполните задачу? Идите в свой батальон и ждите указаний командира полка.

Когда комбат вышел, после непродолжительной паузы Федюнинский сказал:

— Наказывать старшего лейтенанта не будем. А вы, Иван Алексеевич, — обратился он к Гарцеву, — распорядитесь, чтобы командир дивизии ввел в бой на этом участке полк из второго эшелона. Одним батальоном тут ничего не сделаешь. Тем более у противника — танки. А этот старший лейтенант сейчас, оставь его одного, поднимет батальон, положит людей и сам погибнет.

— Так он же сказал, что все танки пожгли.

— Пожгли, не пожгли... Вводите полк с артиллерией сопровождения.

К вечеру деревня была очищена от последних групп немцев, засевших в крайних домах и не желавших сдаваться.

«Иногда, — вспоминал генерал Федюнинский, — получалось по-другому. В районе города Почеп, направляясь в один из корпусов, я встретил на дороге несколько женщин.

— Куда идете, гражданочки?

— В Витовку, товарищ командир.

— Так там же немцы!

— Нет, вчера их прогнали.

Я потом шутя говорил начальнику штаба генералу Корнееву:

— Придется вам, Николай Васильевич, высылать офицеров оперативного отдела на дороги, чтобы опрашивать местное население о положении наших войск. Иной раз женщины бывают лучше осведомлены об обстановке, чем наш штаб.

Корнеев немного обиделся, но учел замечание. Информация об обстановке с каждым днем становилась все более точной. В дивизиях приспособились к быстрому продвижению вперед. Штабы в сложных условиях стали работать четче».

Бег вперед продолжался. 22 сентября авангарды 11-й армии ворвались в Почеп, 26-го очистили от немцев Сураж и Клинцы. Рядом, тесня с флангов, наступали 3-я и 63-я армии.

В конце октября 1943 года армия Федюнинского вошла в подчинение Центрального фронта, который в эти же дни был переименован в Белорусский. В это же время ему было присвоено очередное воинское

звание — «генерал-полковник».

Снова произошла встреча с давним боевым товарищем К. К. Рокоссовским.

— Ну вот, Иван Иванович, и бьем мы их! — радовался встрече Рокоссовский.

— И хорошо бьем.

Поговорили о семейных делах, о том, что довелось испытать и пережить со дня последней встречи. Подошли к карте.

— Вот твой участок, Иван Иванович, — указал Рокоссовский на красную полосу северо-восточнее Гомеля. Здесь, рядом с тобой 63-я армия Колпакчи. У вас направление общее и задача общая — удар на Жлобин.

— Значит, форсировать Сож. Оборона у них тут, за рекой. А где будет нанесен главный удар?

— Здесь, южнее вас. Главный удар наносят три армии. Вы с Колпакчи наносите вспомогательный удар с задачей — прорвать фронт и выйти к Днепру.

Начиналась Гомельско-Речицкая наступательная операция.

Артиллерия загрохотала утром 10 ноября 1943 года. Фронт сразу же был прорван. 18 ноября наши войска освободили Речицу, 26-го — Гомель.

К концу ноября авангарды 11-й армии подошли к Днепру и с ходу перескочили на западный берег. Саперы тут же начали наводить переправы и ремонтировать взорванные противником мосты.

Федюнинский со своей радиостанцией, адъютантом Рожковым и автоматчиками охраны постоянно передвигался следом за наступающими войсками. В первый же день по наведенному мосту перескочил на машине через Днепр. Побывал в корпусах первого эшелона. Но тут из второго эшелона, который находился еще на левом берегу, сообщили о неувязках, и командарм помчался назад.

По Днепру шла ледяная шуга. Вдобавок ко всему вода поднялась, и льдины бились в настил.

— Как бы мост не сорвало, — сказал адъютант Рожков, когда они достигли середины моста.

За день все все дела удалось сделать, и, когда садились в машину, пришло сообщение: мост через Днепр снесло ледоходом. Федюнинский вызвал начальника инженерной службы, отчитал за низкие сваи наведенного моста и спросил, чем он может переправить его на правый берег. Тот пожал плечами и сказал:

— Переправить-то можно — на полупонтонах. Но не советую, товарищ командующий. Дело рискованное. Особенно сейчас, когда лед

пошел и вода поднялась. Да и самолеты могут налететь.

Подали полупонтон. Вместе с командующим на тот берег переправлялись несколько офицеров, которым тоже нужно было срочно переправиться на западный берег.

Течение было сильным. Полупонтон, как только он оторвался от берега, сразу понесло сильным течением вниз. Понтонеры заволновались. Дело в том, что ниже по течению всего в нескольких километрах по обреза берега начинались немецкие траншеи, там плацдарм кончался. С большим трудом понтонеры причалили к правому берегу и благополучно высадили свой десант.

Спустя несколько дней при встрече с Рокоссовским пришлось выслушать от комфронта нотацию. Но разговор начался на шутливой ноте:

— Иван Иванович, слышал я, вы на корыте через Днепр перебираетесь?

— Мост уже поправили. Переправа действует.

— Да это я знаю. А вот про корыто расскажите-ка поподробней.

— Это, Константин Константинович, был полупонтон.

Посмеялись.

— И все же, зачем было так рисковать? Случись что, и что я скажу Елене Владимировне? Для таких случаев у командующего армией есть самолет. Не так ли?

— Все так. Но мост-то снесло. Решил убедиться, можно ли, пока саперы будут наращивать сваи, использовать понтонный полк.

— Ладно. Что было, то было. Не будем ссориться на прощание.

— Как — на прощание? Почему? — встрепенулся Федюнинский.

— Да вот, только что получил директиву Генштаба: ваша Одиннадцатая выводится в резерв, а лично вас вызывают в Москву. По всей вероятности, предложат другую должность.

— Какую?

— Какую, не знаю. Думаю, узнаете раньше меня.

Глава четырнадцатая

2-Я УДАРНАЯ

«Выйти на рубеж реки Нарвы и захватить плацдармы севернее и южнее города Нарвы...»

Считается, что Федюнинский вступил в командование 2-й ударной армией Ленинградского фронта 24 декабря 1943 года. Назначение проходило необычно. С Белорусского фронта он прибыл в Москву в Генеральный штаб. Там его встретил генерал армии А. И. Антонов^[60]. Алексей Иннокентьевич сообщил, что их ждут в Ставке Верховного главнокомандования.

Сам Федюнинский о той поездке и своем пребывании в Кремле в мемуарах рассказал довольно скупно: «На совещании в Кремле обсуждался вопрос о подготовке наступательной операции с целью окончательного освобождения Ленинграда от вражеской блокады. Подробно говорили о количестве войск, которые должны принять участие в операции, о боеприпасах, намечали сроки подготовки.

Обстановка под Ленинградом определялась общим положением на фронтах. Красная армия в течение 1943 года нанесла немецко-фашистским войскам ряд сильных ударов и принудила противника к непрерывному отступлению. К ноябрю враг вынужден был очистить почти две трети захваченной им территории нашей родины.

Под Ленинградом же гитлеровцы, опоясав себя мощной линией оборонительных сооружений, продолжали совершенствовать свои позиции и рассчитывали удержать их как основу всего левого крыла Восточного фронта.

Вот эту-то оборону и предстояло прорвать. Для разгрома врага под Ленинградом и Новгородом привлекались войска Ленинградского, Волховского и 2-го Прибалтийского фронтов, Краснознаменный Балтийский флот, авиация дальнего действия, а также партизанские соединения».

Все фронты наступали, врага били везде. Настало время основательно и глубоко вцепиться ему в глотку и на северном участке, под Ленинградом, где линия фронта будто замерла с осени 1941 года.

Из Москвы в Ленинград Федюнинский ехал на поезде в одном купе с

командующим войсками Ленинградского фронта генералом армии Л. А. Говоровым. Странной была эта поездка. Паровоз тащил состав на север от Москвы, мчался в заснеженную ночную мглу, будто и не было войны. Не хватало только проводницы с горячим чаем в подстаканниках. Впрочем, чай был, но приносил его лейтенант. Перед Ленинградом состав повернул на новую ветку, проложенную совсем недавно вдоль канала Петра Великого по южному берегу Ладожского озера.

На следующий день Федюнинский прибыл на Ораниенбаумский плацдарм. Доставил его на плацдарм миноносец, пройдя через Финский залив. Именно сюда в обстановке строжайшей секретности ночами перебрасывались части и тяжелое вооружение 2-й ударной армии.

Плацдарм, с которого предстояло действовать армии Федюнинского, по фронту тянулся на 65 километров и до 25 километров уходил в глубину. Новый командующий сразу же начал объезжать передовые НП.

Противник перед 2-й ударной сидел плотно, основательно запирая плацдарм хорошо организованной обороной. По всей линии на высотках и лесных грядах перед болотами были обустроены опорные пункты и узлы сопротивления — пулеметные блиндажи, артиллерийские доты. Подходы представляли собой сплошные минные поля. Перед первой траншеей с пулеметными площадками проволочные заграждения в два-три кола. Местность хорошо пристреляна. Позади — рокадные дороги, гати для подвоза грузов, мобильной переброски войск и подкреплений. Тыловой оборонительный рубеж тоже оборудован с немецкой основательностью.

Задача армии в Красносельско-Ропшинской наступательной операции заключалась в следующем: прорвать немецкую оборону в районе Гостилицы — Дятлицы, овладеть Ропшей, соединиться с войсками 42-й армии и таким образом охватить часть группировки противника, обороняющейся на линии Петергоф — Стрельна; дальше наступать на Кингисепп и Гатчину.

43-й и 122-й стрелковые корпуса были сосредоточены в юго-восточном секторе плацдарма на фронте десяти с половиной километров. Эти два сильных корпуса и составляли ударную группировку армии. Здесь удалось достигнуть трехкратного превосходства в живой силе и более чем четырехкратного — в артиллерии и танках. Атаку должны были поддержать 280 самолетов Балтфлота.

Тем временем в правом секторе плацдарма в районе Капорья в качестве отвлекающего маневра усиленно демонстрировалось приготовление войск к наступлению.

Против Федюнинского стоял 3-й танковый корпус СС, две дивизии СС

— 11-я добровольческая танково-гренадерская дивизия «Нордланд» и 4-я полицейская гренадерская дивизия. Вдобавок ко всему, как сообщала разведка, сюда же направлялась из резерва 4-я добровольческая танково-гренадерская бригада СС «Недерланд». С воздуха прикрывали две авиаполевые дивизии. Противник 2-й ударной армии достался достаточно опытный и серьезный. 3-й танковый корпус СС был сформирован в 1943 году в Баварии. Вошел в группу армий «Север», действовал в районе Ораниенбаума. Командовал корпусом обергруппенфюрер Феликс Штайнер, убежденный нацист, один из создателей войск СС. Участник польской и французской кампаний. Выходец из Восточной Пруссии. Когда фронт начал пятиться к прибалтийским землям, за которыми начинался его «фатерлянд», Штайнер будто с цепи сорвался. Постоянно бросал свои части и соединения в контратаки, изо всех сил пытаясь остановить движение русских на запад. Немного забегаю вперед, скажу, что танковый корпус обергруппенфюрера Штайнера не успеет отступить из пределов Советского Союза и закончит свою эпопею в Курляндии, в «котле», который уже не сможет разорвать никакая сила. Сам Штайнер, к тому времени кавалер Рыцарского креста с дубовыми листьями и мечами, награжденный кроме всего прочего кольцом «Мертвая голова», будет командовать армейской группой «Штайнер»; во время штурма Берлина будет разбит стремительным ударом войск 1-го Украинского фронта и, понимая, что сил противостоять натиску русских у него нет, отдаст приказ своим офицерам и солдатам пробиваться на запад, чтобы сложить оружие перед союзниками. А пока, в начале 1944-го, под Ленинградом, имея под рукой сильный корпус, он дрался со всей яростью и надеждой победить.

*

Наступление 2-й ударной армии началось 14 января 1944 года. Главную мощь в артподготовке составляли корабельная и береговая артиллерия КБФ. Немецкую оборону обрабатывали своим огнем и береговые железнодорожные орудия калибра 406-мм, установленные на фортах Красная Горка и Серая Лошадь.

В 10.40 43-й стрелковый корпус пошел вперед. К полудню стрелковые батальоны заняли Гостилицы и несколько других населенных пунктов. Затем немцы пришли в себя и начали жестко контратаковать. Опорные пункты по несколько раз переходили из рук в руки.

За первые сутки ударная группировка армии продвинулась на глубину

пять-шесть километров. На следующий день, 15 января, в наступление перешла 42-я армия. Теперь противнику стало гораздо трудней маневрировать резервами. 17 января Федюнинский приказал ввести в бой армейский резерв — танковую бригаду, самоходный полк, артиллерийско-пушечный полк, стрелковый полк и две саперные роты. Стрелки и саперы были посажены на грузовики и двигались за танками и самоходками не отставая. 18 января в бой вступил 108-й стрелковый корпус, который до этого тоже придерживался во втором эшелоне. Удар наращивался. Немецкая оборона затрещала, но контратаки продолжались с прежней яростью.

В один из дней наступления произошел неприятный случай.

Федюнинский с адъютантом, радиостанцией и автоматчиками охраны снова выехал вперед, на новый КП командира 43-го корпуса генерала А. И. Андреева^[61]. В штабе армии сказали, что на новом КП корпуса все готово. Группа автоматчиков ехала впереди в отдельной машине. Молодые, надежные ребята, сибиряки. Сам отбирал их в ротках. Некоторые после ранений и госпиталей. Самый надежный народ. Федюнинский порой любовался ими, их молодостью, умением держать себя в любых обстоятельствах. Такие солдаты всегда были гордостью командиров.

Когда разыскали деревню, где должен был размещаться передовой КП командира 43-го корпуса, оказалось, что генерал Андреев еще в пути, а штабная изба не оборудована, так как все необходимое комкор вез с собой. В пустом кирпичном доме сидели комендант и несколько солдат. Солдаты возились у печи и никак не могли ее затопить. И тут к делу приступили его сибиряки. Быстро накололи дров, осмотрели печь, вытащили из дымохода кирпич, перекрывший тягу, и — загудела печь! Сразу стало теплее, уютнее. И не так уже раздражала нераспорядительность командира корпуса. В тепле можно было и подождать, отдохнуть от войны.

Федюнинский сидел у окна, посматривал на дорогу, на высотку, куда уходил проселок. Генерал Андреев со своим штабным обозом все не появлялся. Комендант ругал связистов за нерасторопность: генерал вот-вот прибудет, а связь еще не наведена.

Иногда командарм отрывался от окна, смотрел на своих автоматчиков. Лица веселые, но все уже усталые, как будто даже постаревшие. Устали ребята от войны. Некоторые уже вздремнули, привалившись к белому боку печи и обняв свои автоматы. Небось, снятся мамкины пироги да девчата. Генерал и сам вдруг потерялся в сладкой детской мечте: вот оказаться бы сейчас в родном Гилеве на берегу Кармака с удочкой...

Снова посмотрел в окно. Высотка и дорога, уходящая к ней, по-

прежнему оставались безлюдными. Начал сочинять письмо жене, складывать строчку за строчкой...

А дальше произошло то, что, пожалуй, каждый солдат пережил на фронте и что всех их, фронтовиков, и простого рядового, и генерала, так крепко роднит — в одно мгновение судьба поставила их между жизнью и смертью, или — или...

«И вдруг, — вспоминал Федюнинский, — я увидел, что, огибая эту высотку, к дому движутся двенадцать танков, а за ними спешит пехота — человек около ста. Когда танки подошли ближе, стало ясно, что это фашистские машины с черно-желтыми крестами на боку.

Что делать? Отходить некуда — дом стоит на открытом месте. Начнем перебегать к лесу — фашисты всех положат пулеметным огнем, да от танков и не убежишь. Осталось одно — защищаться до последнего.

В доме нас было четырнадцать: шесть автоматчиков, два шофера, два радиста, шифровальщик, комендант, мой адъютант Рожков и я. Положение создалось не из веселых: соотношение сил было явно не в нашу пользу.

Я приказал всем встать у окон, проверить оружие, подготовить гранаты, которых у нас нашлось около десятка.

Помню, не страх, а злость и досаду испытывал я в те минуты. Очень уж глупым казалось погибнуть вот так, в результате нелепой случайности и собственной беспечности.

Танки подходили все ближе. Они шли, вытянувшись в колонну. Пехота еще не развернулась в цепь и двигалась беспорядочной толпой. Значит, противник не обнаружил нас. Но около дома стояли автомобили. Их-то гитлеровцы не могли не заметить, проходя мимо. Придется нам открывать огонь первыми. Нужно попытаться отсечь от танков пехоту, а потом гранатами вывести из строя хоть несколько машин. Может, удастся заставить противника повернуть.

Пехота уже метрах в двухстах. Солдаты идут по-прежнему толпой. Никаких приготовлений к бою незаметно. У танков открыты люки. Что ж, тем лучше!

— Огонь! — скомандовал я.

Дружно затрещали наши автоматы. Внезапный удар ошеломляет, сеет панику. Несколько фашистских солдат сразу упало, а остальные — я даже не поверил своим глазам, — вместо того, чтобы залечь или развернуться в цепь, бросили оружие и подняли руки. Танки остановились, из люков высунулись танкисты, махая белыми платками.

Что за чертовщина? Почему сдаются, чего испугались?

Трое наших автоматчиков вышли из дома и, держа оружие наготове,

направились к гитлеровцам. Мы для острастки дали еще несколько очередей из автоматов. Вскоре автоматчики вернулись и привели с собой фашистского офицера, который немного говорил по-русски.

Из его объяснений мы поняли, что это подразделение оторвалось от своей части и второй день блуждает по окрестным лесам и болотам. Потеряв надежду соединиться со своими, гитлеровцы решили при первой возможности сдаться в плен.

Генералу армии Л. А. Говорову я не рискнул докладывать об этом случае. Но член Военного совета фронта каким-то образом узнал обо всем и сделал мне выговор за беспечность».

История, конечно, более чем удивительная. Из тех, в которые трудно поверить, зная, с каким ожесточением сражались немецкие солдаты до самой капитуляции. Но видно, горячо молилась поповская дочка за своего мужа — чтобы все стрелы огненные миновали его и вернулся он с войны живым и здоровым.

*

Между тем 19 января 1944 года была очищена от противника Ропша, а на следующий день юго-восточнее Ропши части одной из дивизий 2-й ударной армии сомкнулись с авангардом 42-й армии, наступавшей от юго-западных рубежей обороны Ленинграда. На какое-то время наши войска замкнули кольцо окружения вокруг петергофско-стрельнинской группировки, оборонявшей этот участок фронта. Но сил для удержания окруженных в «котле» оказалось недостаточно, и 20 января основные их силы прорвались и ушли на соединение с основной группировкой, оттесненной на запад. Однако тяжелое вооружение^[62], транспорт, склады со снаряжением, боеприпасами и продовольствием бросили. В плен попали более 1000 солдат и офицеров.

Дальнейшие события, как всегда бывает во время удачного наступления, развивались стремительно.

Из штаба Ленфронта поступил приказ: 2-й ударной армии ударом в юго-западном направлении перерезать пути отхода противника на Нарву, отбросить его в лесисто-болотистый район южнее Кингисеппа и Сиверской и там уничтожить.

Корпуса быстро провели перегруппировку. По приказу командующего Ленфронтом, ударные части армии повернули на 180 градусов, фронтом на запад, и продолжили преследование отступающего врага. Впереди был

Кингисепп.

Противник стремился как можно быстрее отойти западнее и укрыться за линией «Пантера». Чтобы остановить дальнейшее продвижение русских после неудачи на курском выступе, Гитлер приказал выстроить мощный «Восточный вал» — непреодолимую полосу обороны по всему фронту с юга на север. Этот вал должен был защитить Европу от большевизма, то есть наступающей Красной армии. Оборонительный рубеж на юге назывался «Вотан», в центре и на севере, от Витебска до Нарвы, — «Пантера». Противотанковые рвы, минные поля, проволочная сеть, пулеметные площадки, противотанковые районы. На юге «Восточный вал» был прорван осенью 1943 года во время броска фронтов после битвы на Курской дуге. На севере на участке «Пантера» немцы держались еще почти полгода.

Во время освобождения населенного пункта и крупного опорного пункта Волосово бойцы 2-й ударной армии обнаружили расстрельные ямы, куда оккупанты сбрасывали тела убитых партизан и местных жителей, заподозренных в связи с лесом.

В этот день Федюнинскому доложили о подвиге бойцов взвода лейтенанта Травина из 98-й стрелковой дивизии.

Когда был отдан приказ перекрыть все пути возможного отхода немецкой группировки, окруженной в волосовских лесах, лейтенант Травин со своими подчиненными оседлал большак. По нему-то вскоре и пошла крупная немецкая колонна: три танка, четыре штабных автобуса и до шестисот солдат. Несмотря на явное численное и огневое превосходство противника, лейтенант решил принять бой. Выгодная позиция и правильное распределение сил помогли взводу остановить движение на дороге. Какое-то время красноармейцы расстреливали колонну. Но вскоре немцы поняли, что перед ними немногочисленный противник, который к тому же не располагает противотанковыми средствами, и пошли в атаку. Взвод лейтенанта Травина отбил несколько атак. Погибли все, в том числе и отважный командир.

Федюнинский приказал написать об этом подвиге в армейской газете. Героев представили к правительственным наградам — посмертно.

К концу января армия вышла к реке Луге. По воспоминаниям генерала Федюнинского, они «тут же получили задачу прорвать промежуточный рубеж обороны противника по западному берегу реки на фронте Куровницы, Киноши, ко 2 февраля выйти на рубеж реки Нарвы и захватить плацдармы севернее и южнее города Нарвы. Таким образом на правом крыле армии, где действовал 43-й корпус, предстояло форсировать две, а на

левом крыле — приданному нам 122-му корпусу — даже три крупные водные преграды, на которых немцы подготовили рубежи обороны».

Кингисепп, бывший Ямбург, 109-й стрелковый корпус взял в результате классического охвата. Войска переправились через реку Лугу и ночью ворвались в город. Драка была яростная, с боем брали почти каждый дом.

К этому времени противник, пытаясь задержаться на заранее подготовленных рубежах и остановить продвижение войск Ленинградского фронта, энергично произвел перегруппировку и создал оперативную армейскую группу «Нарва» под командованием генерала от инфантерии Йоханнеса Фриснера. В нее вошли два корпуса: 3-й танковый СС и 26-й армейский. Кингисепп входил в полосу обороны армейской группы «Нарва», и по планам немецких штабов сдавать его было нельзя ни при каких обстоятельствах. Штабная мысль, войсковой маневр и воля русского солдата оказались сильнее воли обергруппенфюрера Штайнера и его офицеров и солдат.

Однако это была последняя победа и последние километры отбитой у противника советской земли в ходе проводимой операции. К 3 февраля авангарды армии вышли к реке Нарве и с ходу захватили несколько плацдармов, вступив на территорию Эстонии. Дальнейшее продвижение было остановлено огнем и серией контратак. В марте-апреле 1944 года командование армейской группы «Нарва» провело операцию по ликвидации плацдармов, захваченных советскими войсками в феврале. В полосе действий 2-й ударной армии операцию проводила 20-я (1-я Эстонская) дивизия СС. Некоторые плацдармы, захваченные федюнинцами севернее Нарвы, опасно нависали над городом. По ним были нанесены основные удары. Эстонские эсэсовцы атаковали с ожесточением и выбили немногочисленные гарнизоны наших войск с ряда плацдармов. Однако эти сверхусилия и пролитая кровь в конечном итоге не помогли ни немецким нацистам, ни эстонским. Маятник войны уже качнулся в сторону побед Красной армии и поражения ее врагов. Захват Нарвы был делом времени.

В своих мемуарах генерал Федюнинский период с февраля по июль описывает как время глухой обороны и накопления сил. Так оно и было. Укреплялись плацдармы. Войска готовились к Нарвской наступательной операции. Особенно тщательные приготовления шли на плацдармах, которые удалось отстоять. Плацдармы нужно было расширять. Но одновременно с усилиями первого эшелона 2-й ударной армии плацдармами занялись и первые эшелоны армейской группы «Нарва»: немцы и эстонцы всеми силами и средствами пытались ликвидировать их,

прекрасно понимая, что наступление начнется именно с этих оперативных участков, выхваченных у них из-под носа.

Во второй половине февраля в распоряжение 2-й ударной армии приехал генерал армии Говоров. Военный совет фронта не устраивало то обстоятельство, что Федюнинский недостаточно решительно и напористо действовал на плацдармах. Командующий заехал на КП командарма и предложил тут же отправиться в корпус генерала Н. П. Симоняка^[63].

Командир 30-го гвардейского стрелкового корпуса Николай Павлович Симоняк был из тех генералов, которые, казалось, волшебным образом из суворовских времен, из старой русской армии переместились в Красную армию. Перефразируя М. Ю. Лермонтова, о нем можно было смело сказать: слуга Верховному главнокомандующему, отец солдатам... Говоров его любил еще и за то, что в январе 1943 года в ходе операции «Искра» именно Симоняк опытной и твердой рукой повел свою 136-ю стрелковую дивизию в авангарде ударной группировки Ленинградского фронта на соединение со 2-й ударной армией Волховского фронта. За ту операцию генерал был отмечен «Золотой Звездой» Героя Советского Союза, а дивизию преобразовали в гвардейскую. Вскоре после снятия блокады Симоняк получил 30-й гвардейский корпус. Корпус отличился во время Красносельско-Ропшинской наступательной операции, и с тех пор его называли «корпусом прорыва». Писатель Владимир Успенский о нем писал следующее: «Это был «солдатский генерал», большую часть времени проводивший в ротах и батальонах, деливший с людьми все фронтовые трудности, обучавший их личным примером. Его знали, уважали, за ним шли. Такой метод был хорош, пока он командовал бригадой, дивизией, но уже в корпусе он не успевал охватывать все стороны работы...»

Именно таким знал его и командующий 2-й ударной армией.

Когда Говоров изъявил желание в первую очередь побывать у Симоняка, Федюнинский тут же предупредил:

— Днем по плацдарму ездить опасно.

— Что, так основательно немцы пристрелялись? — спросил комфронта.

— Пристрелялись. Наблюдатели контролируют все основные дороги.

— Ничего, я старый артиллерист, знаю, как стреляют немцы. Поехали.

Поехали на двух штабных машинах. В передней ехал Говоров, следом — Федюнинский. Когда перескочили Нарву и помчались по плацдарму, немцы, как и ожидал Федюнинский, открыли артиллерийский огонь. Снаряды ложились совсем близко, осколки зашлепали по обшивке машины.

— Вперед! Быстрей! — торопил командарм водителя, а сам не

выпускал из поля зрения машину командующего.

Машины одна за другой благополучно нырнули с лес. Обстрел прекратился. Остановились. Генералы вышли из машин, закурили. Выкурили по папиросе, обменявшись несколькими фразами, при этом оставив за пределами разговора только что пережитое, и поехали дальше.

Симоняка, как и предполагалось, отыскиали на передовом батальонном НП. Генерал вместе с комбатом разглядывал в стереотрубу немецкую оборону. После доклада, видя, что Говоров поглядывает на оптический прибор, сказал:

— Вот, товарищ командующий, «Пантеру» разглядываем...

Оборонительный вал «Пантера» войска Ленинградского фронта при содействии Краснознаменного Балтийского флота взломают в конце июля. А в тот день генералы разглядывали инженерные сооружения немцев в стереотрубу, соблюдая дистанцию и осторожность. Дело в том, что по всей линии соприкосновения усиленно работали снайперы.

Корпус Симоняка потихоньку готовился к смене. Через несколько суток на плацдарм должен был переправиться и занять окопы и блиндажи передовой линии 109-й стрелковый корпус генерала И. П. Алферова^[64].

Вернулись с плацдарма, когда уже стемнело. Без приключений.

Заночевал комфронта у Федюнинского. Укладываясь спать, сказал:

— Все-таки запретите своим офицерам без особой нужды днем ездить по плацдарму. Это действительно опасно. Это я вам как старый артиллерист говорю!

Глава пятнадцатая

ВЗЯТИЕ НАРВЫ

«А вы, Иван Иванович, готовьте плоты и лодки...»

Однажды посреди ночи на плацдарме поднялась стрельба. Федюнинский кинулся к телефонному аппарату и позвонил в штаб 109-го корпуса. Ответил начальник штаба, оставшийся на старом КП: корпус выступил на плацдарм, командир корпуса тоже в пути, обстановка ему неизвестна. Рация генерала Алферова молчала — выключили в целях маскировки. Вскоре ответил генерал Симоняк:

— У меня тихо. Противник никакой активности не проявляет. Бой идет где-то позади нас, в тылу. Боюсь, что на переправах. Разведку я уже выслал.

Федюнинский недоумевал. Неужели Симоняк не владеет обстановкой и доложил спросонья невесть что? Позвонил командирам дивизий. Из дивизий в один голос сообщили: у нас тихо, ждем смены, бой идет у реки... Федюнинский связался с комендантами переправ. Те немного прояснили обстановку: стрельба идет на плацдарме в нескольких километрах от берега, туда только что проехал генерал Алферов...

Позвонил комфронта. Видимо, ему уже доложили о бое на плацдарме.

— Что творится на плацдарме? — спросил он.

— Обстановка до конца неясна. Известно, что на плацдарме в километре от переправ идет бой.

— Кто ведет бой, Симоняк или Алферов?

— Бой ведет Алферов.

— Смену произвели?

— Нет. Алферов на пути к передовой.

— Смотрите, чтобы своих не побили. Как только разберетесь в обстановке, немедленно доложите.

И тут на связь вышел генерал Алферов. Оказалось, две его дивизии, которые двигались в первом эшелоне, завязали встречный бой с противником между командным пунктом генерала Симоняка и переправами.

— Какова численность противника? И нужна ли помощь? — спросил Федюнинский.

— Численность противника пока трудно установить, — ответил

Алферов. — Помощи не нужно. Мы их уже погнали обратно. Взяли пленных. Разговаривают по-немецки и по-эстонски. Несколько офицеров, все — немцы.

— Пленных давайте ко мне, — приказал Федюнинский.

Привели пленных. Федюнинский допрашивал их по одному. Выяснилось следующее. Противник силами четырех пехотных полков накопился на флангах 3-го гвардейского корпуса. Разведка Симоняка этот маневр проспала. Оборона на флангах была не плотной, очаговой. Ко всему прочему, войска на плацдарме ждали смены, расслабились. Противник ударил одновременно с двух сторон и прорвался в центр плацдарма, к штабу корпуса. Но тут произошло непредвиденное: навстречу атакующим вышли дивизии генерала Алферова. Произошел встречный бой. Боевые охранения марширующих на плацдарм дивизий вовремя обнаружили противника. Поэтому их встретили огнем. Вначале, конечно, было сомнение: а вдруг это свои, не дождалась смены и, оставив заслоны, направились в тыл. Такое в первые годы войны случалось сплошь и рядом. Потом взяли пленных, и все прояснилось.

Помог случай — и решительность генерала Алферова.

С Алферовым они сошлись сразу. Иван Прокопович был тоже из дальневосточников, старый солдат. В боях на Дальнем Востоке награжден двумя орденами Красного Знамени. Был тяжело ранен, контужен. Теперь плоховато слышал. Федюнинский это знал и старался говорить погромче.

Накануне июльского наступления командир побывал на плацдарме.

Передовой наблюдательный пункт командира 109-го корпуса располагался в фольварке в кирпичном доме на втором этаже. Водитель подрулил к самым воротам. И с той стороны штабную машину, видимо, заметили. Как только генералы поднялись на второй этаж, рядом с фольварком разорвался снаряд.

— Заметили, черт бы их... Пристрелочный, — спокойно сказал Алферов. — Теперь долго не уймутся. Придется идти в подвал. Не ровен час, сюда залетит.

— А что, могут? — спросил Федюнинский.

— Могут, — сказал Алферов. — Стреляют хорошо. Мои бы так всегда стреляли...

От близких взрывов в разошедшихся рамах позванивали стекла.

Алферов, видимо, уже привык к частым обстрелам. В просторном подвале стояли стол, лавки по стенам. Телефон, радиостанция. В подвале чисто, прибрано, опрятно. Дежурили связисты.

— Связь не должна нарушаться из-за обстрелов, — пояснил командир

корпуса.

Когда устроились в подвале, Алферов прислушался и определил:

— Опять из района Ластиколонии стреляют. Там у них, на высотах, наблюдательный пункт оборудован. А за высотами артиллерийские позиции.

Обстрел продолжался.

— Пожалуй, нам следует перебраться куда-нибудь в другое место, — предложил командарм.

— Бесполезно. Плацдарм почти весь просматривается. А здесь довольно удобно и в общем-то относительно безопасно.

— Безопасно?

— Более или менее. Стреляют-то они, как видите, скверно.

— Так вы же их только что хвалили?

— Да это я так...

И в это время зажужжал телефон. Дежуривший у аппарата сержант доложил, протягивая трубку Федюнинскому, что его вызывает «ноль-четвертый».

— Товарищ «ноль-первый», — послышался в трубке азартный голос командующего артиллерией армии генерала К. П. Казакова^[65], — наблюдаю артиллерию противника. Огневые — сразу за высотой. До двух дивизионов. Самоходки. Ведут огонь по вашему НП.

Федюнинский невольно рассмеялся.

— Вот что, Константин Петрович! Наблюдать — дело нужное, но вы — артиллерист. Со мною рядом генерал Алферов, и он уже дал оценку немецким артиллеристам — стреляют скверно. Хотя покоя не дают. Как комары: насмерть не заедают, но спать не дают... А покажите-ка свой класс! Как вы стрелять умеете! Порадуйте пехоту!

— Приказ понял, товарищ «ноль-первый». Разрешите выполнять?

— Разрешаю.

Через минуту-другую через плацдарм полетели тяжелые снаряды. Стреляли гаубицы М-30^[66]. Наверняка лучшие расчеты генерала Казакова — чтобы не упрекала потом пехота, что артиллеристы стрелять не умеют.

Ради любопытства генералы вышли из подвала и поднялись на второй этаж. После нескольких редких, как первые капли дождя, пристрелочных легла плотная серия. Одна, другая, третья. Артиллеристы генерала Казакова вели огонь тоже не меньше чем дивизионом. За высотами поднялся дым, смешанный с пылью. Снаряды оттуда больше не прилетали.

Федюнинский посмотрел в стереотрубу и удовлетворенно сказал:

— Вот так мои ребята худые котелки заклепывают! Давайте, Иван Прокопович, теперь спокойно о делах поговорим.

В тот день они побывали в дивизиях первого эшелона, на полковых НП. Выслушали доклады командиров батальонов и оперативных работников штабов полков.

Из всего того, что Федюнинский узнал и увидел, сделал вывод: брать Нарву в лоб нельзя, противник здесь укрепился основательно, и лобовые атаки принесут только большие потери и могут застопорить продвижение армии вперед. И Симоняк со своими гвардейцами, и Алферов сколько ни пытались расширить плацдарм, не получилось. Зубами вцепились немцы и эстонские эсэсовцы в свои рубежи.

«Было ясно, — вспоминал генерал Федюнинский, — что если даже главный удар с плацдарма наноситься не будет, то все равно усилия, затраченные на овладение им, не пропадут даром. Ведь противник стянул сюда много сил. Именно поэтому и напрашивалось решение наступать теперь в другом месте.

Нам было известно, что оборона противника глубоко эшелонирована. По западному берегу Нарвы открыты две траншеи с большим количеством дзотов и дотов. На наиболее важных направлениях число траншей увеличено и доходит до пяти. Основу обороны составляют опорные пункты, сведенные в сильные узлы сопротивления как на переднем крае, так и в глубине.

Перед передним краем гитлеровцы установили проволочное заграждение в несколько рядов кольев и растянули спираль Бруно. Танкоопасные направления прикрыли противотанковыми рвами шириной от 4 до 6 метров.

Город Нарву с его двумя крепостями на правом и левом берегах реки противник превратил в мощный узел сопротивления. Наступать на него в лоб не имело никакого смысла.

Изучая характер обороны противника, нетрудно было заметить, что наиболее прочно гитлеровцы укрепили участок против плацдарма. Это еще один довод в пользу нанесения главного удара на другом участке.

Река Нарва тоже являлась значительным препятствием. Ее ширина колебалась от 175 метров южнее города до 750 метров у Финского залива. Глубина была не меньше трех метров, берега высокие и обрывистые.

Сразу же за рекой начиналась заболоченная равнина, поросшая лесом и кустарником. К югу от железной дороги Нарва — Таллин болота вообще были непроходимы. Более доступным для действий войск являлся участок к северу от железной дороги. Правда, здесь русло реки оказалось шире.

Постепенно у меня стало складываться решение форсировать реку и прорывать оборону противника севернее города, примерно там, где в конце января мы потеряли небольшой плацдарм».

Федюнинский обсудил свое решение со штабом. Еще раз, уже коллективно, обдумали, обсудили. Внесли кое-какие поправки. Когда общая концепция наступления была готова, Федюнинский позвонил в штаб фронта. Говоров внимательно выслушал и сказал:

— Предложение принимаю. Но чтобы вам сконцентрировать свои силы севернее, южный участок передадите Восьмой армии. Соответствующее распоряжение мы сейчас подготовим, а вы, Иван Иванович, готовьте плоты и лодки.

Учебу подразделений проводили на реке Луге. Отрабатывали приемы преодоления водного рубежа в составе взвода, роты, батальона. Приказал гонять личный состав до седьмого пота. Знал по опыту предыдущих прорывов: чем больше сил вложено в учебу и подготовку, тем успешнее войска действовали во время наступления, так что пусть лучше солдатики истекают потом, чем кровью...

*

В начале июля в верхних эшелонах командования группы армий «Север» произошли кадровые перестановки. В штабе армейской группы «Нарва» генерала Фриснера заменил генерал Грассер. Фриснер возглавил группу армий «Север», сменив на этом посту генерала Линдемманна. Как признался впоследствии Фриснер в своих мемуарах, повышение он принял «со смешанным чувством радости и досады». «Положение 18-й армии (командующий — генерал от артиллерии Лох) было также далеко не блестящим. (До этого Фриснер очертил мрачную ситуацию, сложившуюся на южном крыле группы армий «Север», где оборонялись 16-я полевая и 3-я танковая армии. — С. М.) Противник наступал здесь на трех основных направлениях: у Острова, Пскова и Мадоны. Его план — наступлением через Псков на Выру разъединить 18-ю армию и стоявшую к северу от Псковского озера армейскую группу «Нарва» — был очевиден». 12 июля 1944 года новый командующий группой армий «Север» обратился к Гитлеру с минорным письмом, в котором — надо отдать должное его смелости и благоразумию — изложил бедственное положение германских войск на северном участке Восточного фронта. Гитлер отреагировал на письмо Фриснера вопреки обыкновению спокойно, хотя разговор начал

словами: «Генерал Фриснер, вы прислали мне письмо с угрозами». Тем не менее командующий твердо стоял на своем: «Мы дошли до крайности, мой фюрер...» В благодарность за прямоту Гитлер распорядился передать на усиление группы армий «Север» несколько дивизионов самоходных орудий.

Они-то, самоходки, подарок Гитлера, по всей вероятности, и лупили по НП генерала Алферова, пока их более точным огнем не подавили гаубицы генерала Казакова.

Вскоре Гитлер все же заменил Фриснера генералом Фердинандом Шернером, более волевым и жестким, способным, как казалось в Берлине, выправлять самые безнадежные ситуации. Надо признать, Шернеру это отчасти удалось. Продвижение Красной армии на северном участке фронта шло медленно. Штурмом брали один рубеж, при этом продвигались, как правило, неглубоко, останавливались, окапывались и накапливали силы для нового броска.

Замена командующих происходила, по словам Фриснера, следующим образом: «23 июля во второй половине дня я получил из главной штаб-квартиры Гитлера телеграмму следующего содержания:

«Командующим группами армий «Север» и «Южная Украина» следует немедленно поменяться должностями. Сим присваиваю генералу от инфантерии Фриснеру чин генерал-полковника.

Адольф Гитлер».

Так завершилась еще одна глава моей командной деятельности в этой войне. Я прощался с подчиненными, испытывая чувство внутреннего облегчения и сознавая, что я ни в чем их не обманул. Я даже склонен был думать, что мой преемник, генерал-полковник Шернер сумеет лучше меня решить трудные задачи.

К сожалению, события, происшедшие после моего ухода из Группы армий «Север», полностью подтвердили мои наихудшие прогнозы. Группа армий в конце концов была окружена, в результате чего оказались потерянными ценные войска, прежде всего танковые соединения, нехватка которых так остро ощущалась позднее, во время боев в Германии и, в частности, в Восточной Пруссии. Вскоре из остатков Группы армий «Север» была образована Группа армий «Курляндия».

Двадцатого июля 1944 года произошло покушение на Гитлера. Группа офицеров, оппозиционно настроенных к фюреру, попыталась устранить его при помощи взрывного устройства. Гитлер остался жив. А по рейху и фронтам прокатилась волна репрессий. Арестовывали заговорщиков и подозреваемых, в основном это были высокопоставленные офицеры. Все

это ослабляло вермахт.

*

В подчинение 2-й ударной армии вошел 8-й Эстонский стрелковый корпус. Эстонцам хотелось освободить свою родину.

Сформирован корпус был в августе 1942 года, как пишут в справочниках, «по предложению партийных и государственных органов Эстонской ССР как национальное формирование». Комплектовали его бывшими офицерами эстонской армии, жителями Эстонской ССР, а также эстонцами, проживавшими в СССР до 1940 года, советскими и партийными работниками, бойцами истребительных батальонов, сформированных летом 1941 года из добровольцев граждан республики. На восемьдесят процентов личный состав корпуса состоял из этнических эстонцев, двадцать процентов — русские, украинцы, белорусы, евреи и другие национальности. Корпус насчитывал 32 463 человека. Командовал корпусом генерал-лейтенант Лембит Абрамович Пэрн.

Командование армейской группы «Нарва» выставило против 8-го корпуса 1-ю Эстонскую дивизию СС численностью до 20 тысяч человек. В январе 1944 года ее создали из эстонских воинских подразделений, чей боевой опыт сводился к борьбе с партизанами и уничтожению мирного населения Белоруссии и России. Кроме добровольцев, знавших, что в случае поражения их ничего хорошего не ждет, в дивизию были наскоро мобилизованы новобранцы из эстонских городов и сел — они не рвались воевать за «великую Германию» и нередко дезертировали.

Вскоре поступила директива из штаба фронта. Согласно ей 2-й ударной армии определялся участок прорыва: Кудрукюла — Васа. Общий замысел операции был таков: ударами с северо-востока через реку Нарву (2-я ударная армия) и с Нарвского плацдарма силами 8-й армии окружить нарвскую группировку противника, разгромить ее и овладеть городом-крепостью Нарва.

Наступление началось с артподготовки. 1000 орудий и минометов обрабатывали немецкую оборону 1 час 20 минут. После чего в атаку пошли две дивизии первого эшелона. С ходу форсировали Нарву, ворвались в немецкие траншеи и к 9.00 первая и вторая полосы обороны противника были взяты. В ночь на 26 июля 1944 года через реку переправился второй эшелон наступающей армии — 109-й стрелковый корпус генерала Алферова. Дивизии Алферова действовали напористо, энергично и на

рассвете завязали бой уже на подступах к городу. Соппротивление вскоре стало слабеть. Немцы начали отвод войск, поскольку южнее прорвалась 8-я армия, угрожая нарвской группировке охватом. Наступление продолжалось до 10 августа 1944 года. 2-я армия уткнулась в оборону рубежа «Танненберг» и остановилась. Прорвать эту полосу с ходу не удалось.

А 26 июля, под вечер, сразу же после зачистки городских кварталов, Федюнинский с группой офицеров штаба въехал в Нарву. Древний город-крепость, основанный в середине XIII века, был впервые взят русскими войсками в 1558 году, во время Ливонской войны. Спустя двадцать лет сюда пришли шведы, а позже войска Петра I осадили крепость и взяли мощным приступом. Во время Гражданской войны и иностранной интервенции именно здесь Красная армия добывала первые свои победы в боях с германскими войсками^[67]. И вот — новая схватка и новая победа.

Федюнинский приказал водителю остановить машину на центральной площади. Вышел. Закурил. Какое-то время молча смотрел на проходящие войска — наступление продолжалось, и на западе за городом гремела канонада. Девушка-регулировщица лихо взмахивала флажками, пропуская плотные колонны. Солдаты прикладами сбивали со стен домов указатели на немецком языке, вывески со свастикой. Папироса догорела, и Федюнинский махнул водителю:

— Вперед!

Глава шестнадцатая

БИТВА ЗА СИНИЕ ГОРЫ

«Держаться до последнего солдата и не сдавать без боя ни одной позиции... Гитлер».

«Танненберг» для русского солдата слово роковое. К тому же в игру исторических параллелей вмешалась еще и магия чисел...

Во время Первой мировой войны здесь, в Мазурских болотах, погибла 2-я армия генерала А. В. Самсонова. В ходе ВосточноПрусской операции немецкая 8-я армия удачным маневром на прорыв и окружение нанесла поражение русским армиям Северо-Западного фронта, вытеснив их с территории Германской империи. Значение германской победы в Восточной Пруссии прежде всего состоит в том, что русская Ставка временно отказалась от наступления из Варшавского выступа через Познань на Берлин. Дело в том, что немецкие войска подступили к Парижу, и союзники-французы обратились к русскому царю с просьбой поддержать их глубоким ударом с северо-востока. Николай II отдал приказ генералу Самсонову о наступлении. 2-я армия пошла вперед, оторвалась от тылов и была отрезана. Попытка спасти Париж обошлась русским дорого.

Оглядываясь в глубину отечественной истории, невольно приходишь к выводу: попытки наших государей всех эпох, в том числе и нынешней, помочь не слишком верным и надежным союзникам обходились и обходятся всегда дорого, оплачивались и оплачиваются русской кровью.

Решающие и самые трагичные сюжеты драмы армии генерала Самсонова происходили близ Танненберга. Но стоит заметить, что эту неудачу русского оружия и ошибку Ставки исправит Красная армия весной 1945 года.

Любопытно, что в 1914 году русская 2-я армия была остановлена у Танненберга 13 августа: после этого и началась ее катастрофа. Ровно через 30 лет 2-я ударная армия при сходных обстоятельствах остановилась на линии «Танненберг» 10 августа 1944 года.

Немецкая пропаганда на фронте и в тылу работала ничуть не хуже политотделов наших армий, соединений и частей. Тут же в окопы оперативной армейской группы «Нарва» пошли политбойцы и начали внушать солдатам, при этом ссылаясь на уроки истории, что дальше рубежа

«Танненберг» враг не пройдет.

Что ж, за спиной защитников «Танненберга» начиналась уже Восточная Пруссия. Святая святых германской нации, родина короля Фридриха II. Здесь был учрежден самый главный солдатский орден — Железный крест. Война откатилась от стен Ленинграда и теперь гремела у ворот «фатерлянда». Немецких солдат и офицеров убеждали: надо быть такими же стойкими и мужественными, как солдаты 1914 года, и тогда русские будут отброшены на восток и больше не осмелятся приблизиться к границам рейха.

При этом, правда, немцам не рассказывали о другой истории: в 1410 году именно здесь, под Танненбергом, произошла Грюнвальдская битва. Рыцари-тевтонцы много лет терзали набегами литовские и польские земли, и объединенное славянское войско разбило их в упорном сражении. Хотя сегодня и Литва, и Польша приписывают эту победу себе, важную роль в ней сыграли русские полки, шедшие в бой под православными хоругвями...

И вот войска Ленинградского фронта подступили к историческому рубежу и начали подготовку к тому, чтобы повторить победу 1410 года.

Линия «Пантера», считавшаяся неприступной, немцев, как мы уже знаем, не спасла. Теперь на тыловом рубеже вдоль холмов Синих гор у Танненберга вырос новый вал, тоже объявленный непреодолимым. Немцы воспользовались старыми инженерными сооружениями, построенными здесь во время Первой мировой войны, и возвели новые. Теперь рубеж «Танненберг» выглядел более внушительно и состоял из трех полос оборонительной линии общей глубиной до 30 километров. Первая полоса начиналась на берегу Финского залива, проходила вдоль воды, затем уходила к трем холмам Синих гор, через опорные пункты Сиргала, Путки, Городенка и далее по реке Нарва до Чудского озера. Вдоль нее было прорыто несколько траншей полного профиля. Траншеи были усилены блиндажами и дзотами, перекрыты рельсами и бревнами, открытыми и полузакрытыми огневыми площадками для пулеметов, минометов и противотанковой артиллерии прямой наводки. Траншеи, как и окопы первой линии, соединяли опорные пункты, насыщенные огневыми средствами более плотно. Заболоченные места прикрывались земляными валами и срубами из бревен. Первая линия со стороны предполья прикрывалась проволочными заграждениями и минными полями.

Главным препятствием для наступающих были три горы — ключевые узлы обороны «Танненберга». На обратных скатах сосредоточилась артиллерия и тяжелые минометы. На восточных склонах в определенной

системе были установлены пулеметные бронеколпаки, окопаны танки и самоходки. Севернее и южнее Синих гор проходили основные коммуникации — шоссе и железная дорога. Они уходили на запад вглубь Эстонии. По ним доставлялись все грузы и осуществлялась переброска войск и тяжелого вооружения.

Вторая полоса проходила по реке Сытке и тоже тянулась с севера на юг.

Третья шла от Финского залива через цепь населенных пунктов и заканчивалась на берегу озера Пеенъяре на юге.

Военный корреспондент Павел Лукницкий оставил описание оборонительного вала «Танненберг»: «Крутые склоны со всех сторон были обведены траншеями, одна над другой. Поля перед ней — минированы и окаймлены проволочными заграждениями. Глубокие, существующие с петровских времен пещеры на середине ее высоты превращены немцами в бомбоубежища и укрытия для орудий. Извилистыми лабиринтами траншей поднимались по склонам, соединялись наверху с казематами, скрывавшими дальнобойную артиллерию. Каменные здания когда-то существовавшей здесь детской колонии перестроены в гнезда для огневых точек. Фундаменты зданий переделаны в массивные ДОТы. Зарытые в землю танки дополняли боевую оснастку этой, считавшейся немцами неприступною, высоты...»

Обороняли вал целых два корпуса: 2-й армейский и 3-й танковый СС, всего восемь дивизий. 3-й танковый корпус СС генерала Феликса Штайнера в основном состоял из скандинавско-прибалтийско-европейского интернационала: немцы, норвежцы, шведы, датчане, эстонцы, голландцы, бельгийцы, фламандцы, финны, французы. Группировка насчитывала около 80 тысяч солдат и офицеров.

Гитлер Прибалтику отдавать не хотел. Солдатам не прекращали говорить, что вот-вот на передовую доставят новое сверхмощное оружие, с помощью которого они снова погонят русских на восток, что в тылу сформированы новые дивизии, что их много и что во время этого наступления будет достигнута решительная и окончательная победа на Восточном фронте. Только держитесь!

Боеспособность соединений и частей СС была высокой. В ней обергруппенфюрер Штайнер не сомневался. Позади же подразделений 2-го армейского корпуса были поставлены заградотряды.

Командир корпуса генерал Хассе накануне боев обратился к своим солдатам и офицерам с таким воззванием-заклинанием:

«Балтийское предместное укрепление является волнорезом

непосредственно перед воротами родины от стремящегося с востока большевистского потока. Оно осуществляет связь с Финляндией и представляет собой опору, на которой строится защита северного фланга Европы. Оно является основой немецкого господства в Балтийском море, которое обеспечивает родине безопасность и снабжение немецкой индустрии ценным сырьем...

700 лет назад в Прибалтике шла борьба не только за прибалтийские страны и за Балтийское море, но также за судьбу и сохранность немецкого государства.

Это политическое наследие, которое создали наши отцы и прадеды и за которое они проливали кровь, должно найти преемников. В этом смысл сегодняшней борьбы против большевизма, его должен осознать каждый немец...»

Одним словом, линия «Танненберг» была неприступной.

Шернеру, как командующему группой армий «Север», при этом было строго предписано: «Держаться до последнего солдата и не сдавать без боя ни одной позиции...

Расстреливать на месте каждого солдата, обнаруженного в тылу».

Атакующая сторона — 2-я ударная армия генерала Федюнинского и 8-я армия генерала Старикова — насчитывали до 130 тысяч солдат и офицеров. При этом 8-я армия была значительно сильнее. Общее командование осуществлял штаб Ленинградского фронта и лично Маршал Советского Союза Говоров.

Федюнинский по своему обыкновению исколесил, исходил и исползал на животе всю линию соприкосновения с противником. Впоследствии он вспоминал: «Местность затрудняла маневр наших войск, но облегчала гитлеровцам маневр танками и самоходно-артиллерийскими установками. Огонь прямой наводкой у них сочетался с сильным артиллерийским и минометным огнем с закрытых позиций».

В конце июля и начале августа советская группировка провела несколько штурмов немецкой обороны. Атаковали в лоб, так как обходной маневр был невозможен — мешали озера, реки, болота. В ходе штурма была взята часть Синих гор, нанесен чувствительный урон. Во время артиллерийских огневых налетов, штурмовки высот авиацией и атак при участии танков противник потерял целые батальоны вместе со своими командирами. К примеру, здесь был полностью уничтожен 1-й батальон 47-го полка 20-й эстонской дивизии СС. Во время отражения русского штурма погиб командир дивизии «Нордланд» генерал-лейтенант Фриц фон Шольц. Однако потери корпусов 2-й ударной армии тоже оказались большими. 10

августа Федюнинский, получив разрешение Говорова, приказал прекратить атаки.

До 3 сентября армия стояла в обороне перед Синими горами. Части соединения приводили себя в порядок, вели наблюдение за противником. 3 сентября дивизии начали марш в направлении юго-западного побережья Чудского озера. Сосредоточивались на рубеже реки Эмайыги. Федюнинский принял под свое командование стоявшие там 116-й и 118-й стрелковые корпуса и 14-й укрепрайон. Все они до этого маневра входили в состав 3-го Прибалтийского фронта. 8-й армии, которая заняла окопы 2-й ударной, остался 117-й стрелковый корпус, а также 9-й и 16-й укрепрайоны.

Переброска основных сил была завершена к 12 сентября. Вскоре подтянулись артиллерийские части и тылы.

Глава семнадцатая

ТАЛЛИНСКАЯ ОПЕРАЦИЯ

«Победоносный путь 2УА на Ленинградском фронте отмечен блестящими успехами, а боевые знамена ее частей овеяны неувядаемой славой...»

Начиналась Таллинская наступательная операция.

К началу операции под рукой у Федюнинского была огромная сила, какой за всю войну в составе армии он никогда не имел, — 11 стрелковых дивизий, 300 танков, 2040 артиллерийских орудий. Всего — 87 385 человек. Смысл операции для 2-й ударной армии, как вспоминал Федюнинский, заключался в том, чтобы обходным маневром ударить на север вдоль западного побережья Чудского озера и выйти в тыл немецкой группировке обергруппенфюрера Штайнера, занимавшей линию «Танненберг».

К тому времени в центре и на юге наши войска после ряда успешных наступательных фронтовых операций преследовали отходящего врага, освобождали города и села, захватывали богатые трофеи. Еще 8 июля 5-я армия 3-го Белорусского фронта ворвалась в Вильнюс. Федюнинский узнал об этом из оперативных сводок и послал в адрес Военного совета армии поздравительную телефонограмму. 5-ю он вспоминал часто: там было много боевых товарищей, с кем успел подружиться и о ком вспоминал с теплотой. Фронтовая дружба — чувство особое. 1-й Украинский фронт успешно наступал в ходе Львовско-Сандомирской операции. 1-й Белорусский фронт кромсал группу армий «Центр» и уверенно продвигался вперед, освобождая Белоруссию и нацеливая свой удар на Польшу.

К очередному удару готовились и на севере.

Второй ударной армии противостояли следующие соединения группы армий «Север»: 207-я охранная дивизия с приданными частями, 87-я пехотная дивизия и 563-я пехотная дивизия с приданными ей подразделениями 20-й Эстонской дивизии СС и полк «Вильянди». Всего — 44 670 человек. При 157 противотанковых орудиях, 83 орудиях полковой артиллерии, 216 орудиях дивизионной артиллерии, 81 орудии резерва Главного командования. Немецкая группировка имела также 358

минометов. Танков не было. Правда, были самоходки и штурмовые орудия, танкам они почти не уступали.

Двукратное превосходство и наличие большого количества танков обещали 2-й ударной армии успех. Однако, обнаружив переброску войск на тартусское направление, немцы усилили оборону на этом участке еще двумя дивизиями. Немецкое командование понимало: в случае удачи русских в районе Тарту нависнет угроза отсечения нарвской группировки от основных сил группы армий «Север».

В первый эшелон Федюнинский поставил проверенные в боях 30-й гвардейский, 8-й эстонский и 108-й стрелковые корпуса. По плану, одобренному штабом фронта, немецкую оборону решено было прорывать двумя ударами по сходящимся направлениям. Теперь полков и артиллерии хватало и на два удара, и на второй эшелон. Однако надо заметить, что после боев на Нарве и на Синих горах, где кровь обеих сторон лилась рекой, полки значительно поредели.

Один удар на фронте девять километров наносили 30-й гвардейский и 8-й Эстонский корпуса; другой с плацдарма северо-восточнее Тарту на фронте шесть километров наносил 108-й корпус генерала В. С. Поленова^[68]. За левым флангом корпуса стоял и ждал своего часа резерв — 116-й стрелковый корпус. Его предполагалось вводить, когда ударная группа проломит фронт и настанет время наращивать удар. 118-й корпус и 14-й укрепрайон должны были стоять на месте и обороняться на занимаемом месте. Целью этого маневра было: ударом из района Тарту в направлении Раквере разгромить немецкую группировку и, прикрываясь с запада, развивать наступление на север и северо-запад, соединиться с авангардами 8-й армии. 8-я должна была наступать через Синие горы, охватывая немецкую группировку на Нарвском перешейке. После этого обеим армиям предстояло наступать на Таллин.

Впереди лежала Эстония. Эстонскому корпусу предстояло освободить родину. Накануне наступления армейская газета «Отважный воин» опубликовала статью председателя Президиума Верховного Совета Эстонской ССР Йоханнеса Вареса, призывавшая соотечественников все силы отдать делу освобождения родной земли от фашистских захватчиков. Славянам же сказали просто: русские всегда, во всех войнах, со времен Александра Невского помогали другим народам прогнать со своей земли завоевателей, пришедших с мечом.

А в Ставке фюрера уже дрогнули. Шернер явно не справлялся с ситуацией. Гитлер скрепя сердце подписал приказ на проведение операции «Астер» — вывод войск из Эстонии. Согласно этой директиве дивизиям,

стоящим перед фронтом армии генерала Федюнинского, необходимо было удерживать оборону до 19 сентября 1944 года, не допуская прорыва, чтобы группировка обергруппенфюрера Штайнера смогла эвакуироваться с линии «Танненберг».

Четырнадцатого сентября вперед пошли войска трех Прибалтийских фронтов. 17 сентября Федюнинский отдал приказ на атаку своим корпусам первого эшелона. 2-я ударная двинулась на немецкую оборону. Вопреки приказу Шернера — держаться до 19 сентября — немецкая оборона рухнула в первый же день.

После мощной артподготовки при участии авиации в 8.20 дивизии начали форсирование реки Эмайыги. Переправа шла одновременно в тринадцати пунктах. Через сорок минут с западного берега реки Федюнинскому доложили о захвате первой траншеи. Затем началось преследование отступающего врага. Опорные пункты обходили и брали ударами с флангов и тыла. Гарнизоны, которые не сдавались, уничтожались артиллерией и авиацией. Взаимодействие родов войск было великолепным. В тыл потянулись колонны с пленными немцами, голландцами, французами и эстонцами. Европейский интернационал не смог удержать удара корпусов генерала Федюнинского.

На следующий день, наращивая силу атаки, командарм ввел в дело подвижную танковую группу полковника А. Н. Ковалевского^[69]. Полковнику было всего двадцать восемь лет. Храбрый танкист и опытный командир, он воевал с первого дня нападения немецких войск на нашу страну. Отличился в приграничных боях и под Ленинградом. Его 152-я отдельная танковая бригада получила наименование Ленинградской. Теперь Федюнинский посылал Ковалевского в прорыв. Механизированная подвижная группа представляла собой внушительную ударную силу: кроме танковой бригады тяжелый танковый полк, батальон пехоты (танковый десант), полк истребительно-противотанковой артиллерии на механической тяге, два дивизиона «катюш», зенитный дивизион и саперный батальон.

— Ну, Анатолий Николаевич, — напутствовал Федюнинский своего бравого полковника, — дуй вперед железным кулаком! С мелкими и отходящими группами противника в бой не ввязываться. Не ваш калибр. Ваша задача — не отрываться от противника и не позволить ему занять оборону в районе Магдалена.

В эти дни войска проходили в сутки по 25–30 километров и больше. Это был мощный и сокрушительный марш, какого армии Ленинградского фронта еще не знали.

В полосе наступления 108-го стрелкового корпуса, где дела

складывались так же успешно, в прорыв вошла другая подвижная танковая группа.

К исходу 20 сентября 2-й ударной армии удалось продвинуться вперед на 80 километров.

Мечты Гитлера об обороне на «Танненберге» «до последнего солдата» Федюнинский похоронил глубокими танковыми прорывами и энергичными действиями пехоты, которая зачастую продвигалась вперед на броне как танковый десант. Когда подвижные группы вышли в тыл рубежу на Синих горах, немцы дрогнули и начали спешно выводить войска из-под удара. 8-я армия перешла в наступление. Через двое суток ее передовые отряды, сомкнувшись с авангардами 2-й ударной армии, уже стояли перед городом Раквере и перегруппировывались для штурма.

Тем временем Эстонский корпус генерала Пэрна Федюнинский развернул на Таллин. 22 сентября 1944 года передовые части корпуса ворвались в столицу Эстонии. Следует отметить, что 8-й стрелковый корпус там же, в районе Раквере, наголову разбил 20-ю эстонскую гренадерскую дивизию СС. Другие корпуса наступали направлением на Пярну с задачей к 25 сентября 1944 года полностью очистить побережье Балтийского моря и взять Пярну. Задача была выполнена.

В сводке Совинформбюро в эти дни сообщалось: «Войска Ленинградского фронта, перейдя в наступление из района севернее ТАРТУ, прорвали сильно укрепленную оборону противника и за четыре дня наступательных боев продвинулись вперед до 70 километров и расширили прорыв до 120 километров по фронту...

Одновременно западнее города НАРВА войска Ленинградского фронта с боями в течение трех дней продвинулись вперед до 60 километров и заняли более 300 населенных пунктов...

Восточнее РИГИ наши войска с боями заняли более 100 населенных пунктов...»

Корпус генерала Пэрна ушел к Таллину и поступил в подчинение 8-й армии. Под рукой у Федюнинского оставались 98, 108 и 116-й стрелковые корпуса со средствами усиления.

Двадцать шестого сентября из штаба фронта раздался звонок. На связи был командующий.

— Иван Иванович, труби своим молодцам отбой атаки, — сказал Говоров.

Федюнинский молчал. Он не понял приказа и ждал разъяснений.

— Останавливай наступление. — Говоров тоже сделал паузу. — Понимаю, ты огорчен. Впереди Рига. Ее возьмут без Второй ударной.

Директиву на дальнейшие действия я вам уже направил.

Звонок командующего огорчил. Но что делать — приказ. Федюнинский отдал распоряжение связаться со всеми корпусами и передать приказ: стоп.

Федюнинский слушал, как офицеры связи обзванивали штабы и КП командиров корпусов. Как жаль, как жаль... До Риги рукой подать. Темп продвижения хороший. Танковые группы с десантом уверенно ломятся вперед, зачастую обгоняя отступающие колонны немцев. Как жаль...

— Товарищ командующий, — обратился один из офицеров, — товарищ генерал Фетисов не слушается. Не желает останавливать свои войска. Не выполняет ваш приказ.

— Как не выполняет?

— А так. Обругал меня. Мол, я его дезориентирую. Не верит в ваш приказ!

Федюнинский взял трубку и услышал разгневанный голос командира 116-го стрелкового корпуса генерала Ф. К. Фетисова^[70]:

— А я тебе говорю, капитан, что лично от командующего получил приказ — на всех парах гнать войска к Риге!

— Федор Кузьмич, — спокойно сказал Федюнинский, — пришла директива из штаба фронта. Нам приказывают остановиться.

В трубке какое-то время сухо пощелкивала тишина.

— Понял, Иван Иванович. Главное понял: Ригу будут брать другие. А мне до нее — один бросок!

— Останавливай войска, Федор Кузьмич.

— И куда мы теперь?

— Еще неизвестно.

— Понял. Разрешите выполнять?

— Выполняйте.

На следующий день поступил приказ: 2-я ударная армия выводится в резерв Ставки Верховного главнокомандования.

Пользуясь передышкой, которая не могла быть долгой, Федюнинский собрал офицерский состав армии и провел совещание по теме действий армии в Эстонии. Подвел итоги: с боями пройдено более 300 километров, освобождены центральные и западные районы материковой Эстонии, города Таллин и Пярну, более двух тысяч населенных пунктов. Захвачено большое количество трофеев и 6880 пленных. В руках противника оставались лишь острова Моонзундского архипелага. Поставил задачи: улучшить дела в разведке, более тщательно изучать передний край противника, систему его огня, инженерных сооружений. От командиров

потребовал более умелого построения боевых порядков вверенных им войск с учетом рельефа местности и особенностей обороны противника. Каждый свободный час занять боевой учебой. Зачитал прощальный приказ Маршала Советского Союза Л. А. Говорова:

«2УА в составе войск фронта сыграла большую роль в снятии вражеской блокады с Ленинграда, завоевании великой победы под Ленинградом и в боях за освобождение Советской Эстонии от немецко-фашистских захватчиков.

Победоносный путь 2УА на Ленинградском фронте отмечен блестящими успехами, а боевые знамена ее частей овеяны неувядаемой славой.

Трудящиеся Ленинграда и Советской Эстонии всегда будут свято хранить в своей памяти боевые заслуги доблестной 2 УА, ее героических воинов — верных сынов Отечества...»

Глава восемнадцатая

БОИ В ПОЛЬШЕ

«Ваша армия, Иван Иванович, выводится на главное направление...»

И снова судьба свела его с Рокоссовским. Но не сразу.

Дивизии перебрасывались по железной дороге в Польшу. Составы шли на юго-запад. Управление армии ехало в одном из головных составов. На прежнем месте дислокации осталась группа офицеров оперативного отдела для организации погрузки частей.

Выгрузку производили на станциях и полустанках близ Острова-Мазовецкого в 70–90 километрах от передовой. Решением Ставки армия вводилась в состав 2-го Белорусского фронта.

Фронтом командовал генерал-полковник Г. Ф. Захаров^[71]. Генерал Захаров — личность неоднозначная в истории Великой Отечественной войны. Он обладал многими качествами военачальника советской формации, но полководцем так и не стал. По свидетельствам офицеров и генералов, близко знавших его, был груб с подчиненными и безжалостен к солдатам и младшим офицерам, посылал войска в бессмысленные атаки под угрозой расстрела. Именно так было на Варшавском шоссе зимой 1942 года, когда заместитель командующего войсками Западного фронта генерал Захаров «проталкивал» через линию фронта, в район Вязьмы 1-й гвардейский кавалерийский корпус. Кавалерийские и стрелковые полки по приказу генерала Захарова лезли через контролируемое немецкими танками и мотопехотой шоссе под сплошным огнем, потеряв при этом личного состава больше, чем в любой из последующих наступательных операций. Именно тогда командир 1-го гвардейского кавалерийского корпуса генерал П. А. Белов назвал генерала «бомбардировщиком», что на всю войну стало его прозвищем.

Через несколько дней после выгрузки 2-й ударной армии в районе Остров-Мазовецкий в штаб прибыл комфронта. Вот как рассказывал об этом визите генерал Федюнинский:

«Невысокого роста, страдающий излишней полнотой, он, зайдя ко мне, грузно опустился на стул.

— Хочу посмотреть одну из ваших дивизий. Кто тут у вас под рукой?

— Рядом располагается Девяностая стрелковая дивизия генерал-майора Лященко, — доложил я.

— Прикажете завтра в восемь часов построить весь личный состав, — распорядился командующий.

О генерал-полковнике Захарове я слышал много нелестного. Говорили, что он опытный генерал, но чрезмерно самолюбив, явно переоценивает свои знания и потому сковывает инициативу подчиненных. Рассказывали также, что он бывает порой грубым, не обладает необходимой выдержкой.

Однако после первой встречи с командующим мне показалось, что разговоры о его тяжелом характере мало похожи на истину.

На следующее утро полки 90-й Ропшинской Краснознаменной ордена Суворова дивизии построились четырехугольником по краям большой поляны. Генерал-полковник Захаров приехал точно в назначенное время, обошел части, приветливо поговорил с воинами и остался доволен.

Надо сказать, что дивизия была полнокровной, хорошо обученной. В полках имелось много участников боев под Ленинградом. Я всемерно добивался того, чтобы не только офицеры, но даже солдаты и сержанты после ранения возвращались в свои части, не разрешал без необходимости эвакуировать раненых дальше армейских госпиталей. За это мне иной раз попадало, но в дивизиях сохранялся костяк ветеранов, укреплялись боевые традиции. В 90-й дивизии тоже служило много ветеранов. Это с одобрением отметил командующий фронтом.

После осмотра командующий приказал собрать всех офицеров дивизии.

С трудом поднявшись на толстый пень, генерал обратился к собравшимся с небольшой речью. И только тогда, слушая Захарова, я понял, что разговоры о его недостатках не так далеки от истины. Ни с того ни с сего он вдруг завел такой разговор:

— Запомните, что вы прибыли не куда-нибудь, а на Второй Белорусский фронт. Я не позволю вам нарушать наши славные традиции, потребую точного выполнения всех моих приказаний...»

Офицеры переглядывались. В лицах было недоумение. С ними, командирами частей и подразделений дивизии, которая насмерть дралась под Ленинградом и Ропшей, которая громила эсэсовцев под Гостилицами, разговаривали не как с боевыми офицерами, не уронившими своей чести и оружия перед самым грозным врагом, а как с прибывшими в штрафной батальон. Они прибыли сюда с Ленинградского фронта, и этот фронт был не «куда-нибудь», а той самой силой, которая сняла блокаду с Ленинграда, которая погнала врага на запад, которая заставила Финляндию выйти из

войны и разорвать союз с Гитлером.

«Бомбардировщик» покружил над их головами еще немного и удалился, оставив после себя копать и воронки...

Писатель Владимир Успенский, знавший многих военачальников лично, писал о генерале Захарове: «Он так и остался «толкачом», любой ценой обеспечивавшим выполнение замыслов вышестоящего командования. Сколько должностей сменил он за годы войны — не упомнить. Наверно, своеобразный генеральский рекорд поставлен в этом отношении. Был заместителем командующих на нескольких фронтах, начальником штаба фронта, направления, командовал одной, другой, третьей армией, в 1944 году ему на несколько месяцев доверили даже Второй Белорусский фронт. Из-за неуравновешенности, грубости, самодурства Захаров нигде долго не задерживался: взаимоотношения с подчиненными обострял до крайности, а военными успехами не блистал. Нелестно отзывались о Захарове все, кому доводилось служить с ним. Не переводятся, к глубокому сожалению, такие горе-руководители, которые способны только конфликтовать и разрушать. Беда от них. Но у Сталина и Жукова было особое мнение: они использовали «бомбардировщика» для достижения своих целей».

К счастью, вскоре Ставка прислала к ним нового командующего. Нужда в «толкачах» к тому времени отпала.

Деликатный и дипломатичный Федюнинский в своих воспоминаниях обошел конфликт с комфронта, изобразил встречу с генералом Захаровым в мягких тонах. Но трудный разговор с непосредственным начальником был и оставил неприятный осадок. Это был не сорок первый год, но Захаров никак не мог отойти от лихорадки и ощущения тех безграничных полномочий, с которыми его посылали на прорывные участки фронта для «наведения порядка».

Новым командующим 2-м Белорусским фронтом был назначен Маршал Советского Союза К. К. Рокоссовский. Кстати, вот еще одна тема для военных историков и публицистов. До сих пор ведутся споры по поводу того, почему Сталин перед решающими сражениями завершающего периода войны Рокоссовского поменял на Жукова. Комментарии и выводы в основном сводятся к следующему: на берлинском направлении, по задумке Верховного, должен быть русский военачальник, а не поляк; Берлин предстояло брать в лоб, через сильно укрепленные Зееловские высоты, а это заведомо огромные потери, и для такого дела, мол, больше подходил волевой Жуков, а не слишком интеллигентный Рокоссовский... Возможно, что-то из этих доводов действительно, прямо или косвенно,

повлияло на решение о кадровых перестановках. С другой стороны, события показали, что в Берлин едва ли не первыми ворвались части 1-го Украинского фронта, что именно танки Маршала Советского Союза Конева наиболее энергично продвигались к центру фашистского «логова».

Теперь же, зная наши обстоятельства, можно предположить, что кадровые перестановки перед решающим броском действительно назрели. В Ставке знали об «особом даре» генерала Захарова. По всей вероятности, и это тоже повлияло на решение поставить на правый фланг основной группировки более предсказуемого Рокоссовского. Захарова же назначили, с понижением, командующим 4-й гвардейской армией на 3-й Украинский фронт. Правда, как только там начались серьезные дела, Захарова назначили заместителем командующего войсками фронта, убрав с передовой.

Федюнинский был откровенно рад новому назначению. Как только Рокоссовский вступил в должность, приехал к нему с докладом о состоянии армии.

— Будете проводить смотр войскам, товарищ маршал? — спросил командарм, закончив доклад.

Рокоссовский улыбнулся и протянул руку. Они обнялись как старые друзья.

— Расскажите о своих дивизиях, — попросил Рокоссовский. — Хорошие? Надежные? В боях участвовали?

— Дивизии надежные. Все участвовали в боях. Проявили высокие качества. Готовы идти вперед. Командиры опытные, грамотные. Это касается и младшего офицерского состава.

— Ну что ж, верю вам на слово, смотреть пока не буду.

Поговорили о подвозе, о снабжении. В конце беседы Рокоссовский сказал:

— Ваша армия, Иван Иванович, выводится на главное направление. Вот Наревский плацдарм. — Он указал на карте заштрихованное пятно. — Отсюда начнется наступление. Так что поезжайте сейчас в свое расположение и распорядитесь, чтобы начальник штаба и командующий артиллерией прибыли в штаб фронта немедленно.

Глава девятнадцатая

СОРОК ПЯТЫЙ ГОД. НАЧАЛО

*«Наступление наших частей пр-к сдерживает
неоднократными контратаками...»*

Начался 1945 год. Сразу после Нового года армия начала перегруппировку за реку Нарев на плацдарм севернее Пултуска. Впереди лежала Восточная Пруссия — именно оттуда на русскую землю не раз приходило зло.

Перед тем как вывести войска в район ожидания, Федюнинский вновь побывал в штабе фронта — на совещании командующих армиями и начальников штабов 2-го Белорусского фронта. «В намечаемой операции, — вспоминал он, — должны были участвовать четыре общевойсковые и одна танковая армии, а также танковые, механизированный и кавалерийский корпуса. Им предстояло нанести главный удар с плацдарма на правом берегу реки Нарев в направлении на Млаву, а затем повернуть основные силы ударной группировки на северо-запад, на Мариенбург, и отсечь немецко-фашистские войска, находившиеся в Восточной Пруссии. Двум общевойсковым армиям и танковому корпусу предстояло нанести вспомогательный удар на Быдгощь (Бромберг) с целью расширить фронт прорыва, обеспечить заходящий фланг главной ударной группировки и не допустить отхода врага за Вислу.

Учитывая тяжелое положение наших тогдашних союзников — американско-английских войск — в Арденнах и просьбу тогдашнего премьер-министра Англии У. Черчилля, Ставка сократила сроки подготовки операции. Мы вынуждены были начинать ее, невзирая на неблагоприятный прогноз погоды».

Переброску войск на плацдарм осуществляли в обстановке чрезвычайной секретности, ночами. Водителям было строжайше приказано двигаться только с выключенными фарами. Радиопередатчики тоже были отключены, работали только специально оставленные в районах прежнего сосредоточения.

Федюнинский распорядился: для поддержания порядка и более энергичного движения на маршрутных путях организовать усиленную комендантскую службу и службу регулирования. Комендантами маршрутов

назначил своих заместителей. Кроме всего прочего, служба тыла организовала сорок офицерских постов регулирования и одиннадцать комендантских участков, чтобы колонны не сбивались со своих маршрутов и в конце пути части и подразделения занимали именно те секторы, которые им предназначались. Регулировщики, а ими в основном были девушки, получили четкие и строгие инструкции.

Однажды вечером в штаб армии позвонил Рокоссовский и сказал, что хотел бы этой ночью побывать на плацдарме.

Когда стемнело, тронулись в путь. Ехали в общей колонне. Водителям было строго-настрого приказано выключить фары или вовсе вывернуть лампочки. Вдобавок ко всему шел сильный снег, его крутило ветром, швыряло в лобовое стекло. Водители открывали двери и следили за дорогой, высунувшись из кабин. По обочинам, занесенным снегом, бесконечной вереницей двигалась пехота. Снег облеплял шинели солдат, и они казались переодетыми в свежие зимние маскхалаты. Время от времени в полной темноте передние колеса проваливались в глубокую колею и всех, сидевших в машине, встряхивало. Шофер скрипел зубами, но ничего не мог поделать. Двигались, можно сказать, на ощупь. Наконец, Рокоссовский, должно быть беспокоясь не столько за автомобильные подвески, сколько за нервы своего верного фронтового водителя Сергея Ивановича Мозжухина, разрешил ему включить фары. Мозжухин машину берет: «Штейер-1500А» «подарил» им фельдмаршал Паулос в освобожденном Сталинграде год назад. С тех пор они колесили по фронтовым дорогам на мощном и комфортном трофее. В авто был даже мини-бар, а салон, отделанный кожей, подогревался. Однако не проехали они и ста метров, как у моста их комфортабельный трофей остановила худенькая регулировщица. Девушка в длинной до пят шинели подбежала к машине со стороны водителя, требовательно постучала деревяшками флажков по капоту и лобовому стеклу. Пришлось остановиться. Мозжухин открыл дверь, и регулировщица тут же потребовала выключить свет. Мозжухин попытался возразить, указывая на салон и на сидящих в нем притихших пассажиров. Тогда регулировщица, перейдя на повышенный тон, потянула с плеча винтовку.

— Советую выключить свет, — сказал Федюнинский. — У них приказ: если водитель не выключает свет, разбивать фары прикладом...

Мозжухин тут же выключил фары. Девушка наконец разглядела в салоне генеральские папахи, поправила на плече ремень винтовки, вскинула ладонь к шапке и сказала с укоризной:

— Эх, товарищи начальники, сами приказы пишете и сами же их нарушаете!

— А ведь она права! — сказал Рокоссовский.

— Права-то права, — согласился Федюнинский, испытывая некоторую неловкость за инцидент в расположении своих войск. — Но зачем же так ругаться?

— Что же мне с вашим шофером делать? — не отступала регулировщица. — Благодарить его, что ли, за нарушение приказа?

— Молодец, товарищ боец! — похвалил регулировщицу Рокоссовский. — Благодарю за службу! Прошу доложить своему непосредственному начальнику.

— Служу трудовому народу! — лихо выпалила регулировщица и, наклонившись к водителю, что-то прошептала ему.

Дорожное происшествие их развеселило настолько, что ямы и колеи теперь раздражали только водителя. Когда перебрались через мост, спросили Мозжухина, что она ему сказала.

— Чтобы больше не включал свет, — хмуро ответил он.

Тогда, на плацдарме, после того, как маршал и генерал объехали изготовившиеся к наступлению войска, когда увидели их огневую мощь и уверенные лица солдат и офицеров, между ними состоялся такой диалог.

— А помнишь, Иван Иванович, как они нас в сорок первом под Ковелем и Луцком трепали?

— Помню.

Помолчали. Федюнинский первым нарушил тишину, наполненную нелегкими воспоминаниями:

— И ничего-то мы тогда сделать не могли. А теперь, — встрепенулся он, — гоним их на всех фронтах.

— Перед твоими корпусами, Иван Иванович, мощная крепость — Цеханув. Имей в виду. Нельзя завязнуть под Цеханувом.

— Мы все это обдумали, Константин Константинович. Предусмотрели запасные варианты действий. Если Цеханув с ходу взять не удастся, обойдем его, блокируем и дождем вторыми эшелонами.

— С мнимой танковой дивизией разобрались?

— Разбираюсь. Там надо разбираться не с мнимой танковой дивизией, а со своими разведчиками.

На этом разговор и о том, как отступали от западной границы в 1941 году, и о танковой дивизии под Цеханувом закончился.

В своей книге «Солдатский долг» Маршал Советского Союза Рокоссовский вспоминал: «Ширина полосы фронта, в пределах которой нам предстояло действовать, достигала 250 километров. Наши войска на всем этом пространстве делали вид, что заняты укреплением своих

позиций в расчете на длительную оборону, а фактически полным ходом готовились к наступлению.

Местность, на которой нам предстояло действовать, была весьма своеобразна. Первая ее половина — от Августова до Ломжи — лесисто-озерный край, очень сложный для передвижения войск. Более проходимой по рельефу была левая половина участка фронта. Но и здесь на легкое продвижение рассчитывать не приходилось. Нам предстояло преодолеть многополосную оборону противника, укреплявшуюся на протяжении многих лет.

Восточная Пруссия всегда была для Германии трамплином, с которого она нападала на своих восточных соседей. А всякий разбойник, прежде чем отправиться в набег, старается обнести свое убежище прочным забором, чтобы в случае неудачи спрятаться здесь и спасти свою шкуру. На востоке Пруссии издревле совершенствовалась система крепостей — и как исходный рубеж для нападения, и как спасительная стена, если придется обороняться. Теперь нам предстояло пробивать эту стену, возводившуюся веками. При подготовке к наступлению приходилось учитывать и крайне невыгодную для нас конфигурацию линии фронта: противник нависал над нашим правым флангом. Поскольку главный удар мы наносили на своем левом крыле, войска правого фланга должны были прикрывать главные силы от вероятного удара противника с севера и по мере их продвижения тоже перемещаться на запад. У нас уже сейчас правый фланг был сильно растянут, а что произойдет, если наступление соседа замедлится? Тогда и вовсе наши войска здесь растянутся в нитку. Разграничительная линия с 3-м Белорусским фронтом у нас проходила с востока на запад — Августов, Хайльсберг. Ставка, по-видимому, рассчитывала на то, что войска соседа будут продвигаться равномерно с нашими. Но нас даже не оповестили, где командующий 3-м Белорусским фронтом И. Д. Черняховский будет наносить свой главный удар».

Так размышлял перед битвой командующий войсками фронта. А теперь посмотрим, чем был обеспокоен и на что полагался перед сражением командующий 2-й ударной армией — армией, которой предстояло прорывать эту веками возводившуюся стену и двигаться вперед: «Оборона противника была глубоко эшелонирована. Всего насчитывалось четыре оборонительные позиции, усиленные различными инженерными сооружениями. Имелось также несколько сильно укрепленных опорных пунктов.

Действовать нам предстояло на плоской равнине с небольшими перелесками и невысокими холмами. Узкие и неглубокие речки замерзли и

не являлись сколько-нибудь серьезным препятствием. Таким образом, местность была благоприятной для наступления с участием всех родов войск, но требовала маскировки.

После оценки характера обороны противника и особенностей местности Военный совет армии выработал решение, суть которого сводилась к следующему.

Главные силы сосредоточить на плацдарме севернее Пултуска, в полосе шириной всего в семь километров. После мощного удара и прорыва обороны врага для развития успеха и овладения основным узлом сопротивления противника городом Цеханувом в прорыв ввести 8-й танковый корпус генерал-лейтенанта Попова. Одновременно двум стрелковым дивизиям предстояло нанести вспомогательный удар в юго-западном направлении, выйти в тыл вражеским войскам, оборонявшим Пултусский узел сопротивления, и во взаимодействии с правофланговыми соединениями 65-й армии генерал-полковника П. И. Батова^[72] разгромить Пултусский гарнизон.

На главном направлении готовились наступать 108-й и 98-й стрелковые корпуса, усиленные артиллерией и танками. Один стрелковый корпус находился во втором эшелоне.

На левом же крыле армии оборону держал всего один стрелковый полк, растянутый по фронту на десять километров».

Да, дорогой читатель, это была уже другая война. Комбинации ударов артиллерии, танков и пехоты стали сложными. Это требовало более гибкого управления и войсками, и ходом всего сражения. Грудью на пулеметы уже не лезли. Если где случался затор и путь вперед преграждал неподдавленный пулемет или тщательно замаскированное и потому вовремя не обнаруженное противотанковое орудие, тут же подводили самоходную артиллерию тяжелого калибра, либо выкатывали на прямую наводку орудие и серией точных выстрелов разметывали преграду. Узлы сопротивления обходили и уничтожали атаками с флангов и с тыла.

Для того, чтобы уверенно наступать и рассчитать свои силы, распределить их в соответствии с противостоящими силами, как известно, необходима хорошая разведка. У Федюнинского не раз случались конфликты с разведотделом штаба армии. Доносят одно, а когда начинается наступление, то выясняется, что разведданные неверны. Из-за этого в бою происходили неувязки, гибли люди, не выполнялись поставленные задачи. Вот и в этот раз, уточняя план наступления армии, он усомнился в точности разведданных.

«Вначале было известно, — вспоминал Федюнинский, — что где-то в

районе Цеханува находится танковая дивизия. Потом разведчики решили, что она ушла под Варшаву или даже еще южнее. Предположение это основывалось только на том, что там были захвачены солдатские книжки, принадлежавшие военнослужащим этой танковой дивизии.

Мне такие аргументы показались недостаточно убедительными. Это могли быть документы бывших танкистов интересовавшей вас дивизии. Ведь в 1945 году гитлеровцы уже не имели возможности возвращать всех выздоровевших после ранений обратно в свои части. Поэтому я считался с возможностью встретить в глубине обороны противника танковую дивизию и сознавал необходимость подготовиться к отражению ее контратаки.

Маршал Рокоссовский на первых порах был склонен поддержать доводы разведки.

— Вы переоцениваете силы противника, — сказал он мне, когда я доложил ему о намерении не придавать противотанковую артиллерийскую бригаду и тяжелый танковый полк ни одному из корпусов, а оставить их в своем резерве.

— В первые эшелоны выделено и без того достаточно сил, — обосновывал я принятое решение. — Пусть эти части на всякий случай находятся у меня под рукой. Ведь если даже разведка права, их можно будет в любой момент использовать на нужном направлении.

Немного подумав, командующий фронтом согласился».

И вот настало утро 14 января 1945 года.

Федюнинский по обыкновению перед наступлением ночевал на своем передовом НП. Все было уже готово и десятки раз перепроверено. Но на всякий случай ночью он обзвонил всех командиров корпусов и наконец успокоился, насколько можно было успокоиться. Из корпусов сообщали, что все готово, что ждут артподготовки и «красной ракеты». О немецких танках в районе Цеханува никаких новых сведений не поступило. Погода стояла отвратительная: всю ночь лепил мокрый снег. К утру стало еще хуже — на землю опустился плотный туман. Бойцы не могли разглядеть мушек на винтовках. Федюнинский нервничал: как будет стрелять артиллерия? Что касается авиации, то ее участие в наступлении просто исключалось. Часть плана атаки летела к черту. На поддержку «сталинских соколов» и он, и командиры корпусов и дивизий рассчитывали особо. Еще в ночь перед рассветом авиация должна была произвести тысячу самолетовых вылетов, а утром на участке прорыва начнут действовать две штурмовые дивизии для точечных ударов по ранее разведанным и нанесенным на планшеты целям.

Позвонил Рокоссовский:

— Ну что, Иван Иванович, будем наступать? Или подождем, когда рассеется туман?

— Ждать с моря погоды? — невесело пошутил Федюнинский.

Шутка, однако, Рокоссовскому понравилась. Конечной целью их наступления было море. Балтика.

— Море мы еще увидим, но не сегодня. А что будем делать сегодня? Сейчас?

— Наступать, Константин Константинович. Если отложим, люди будут нервничать. Запал пропадет. Злость притупится.

— Злость притупится? Пожалуй. А нам надо чем-то компенсировать отсутствие авиационной поддержки. Вот злостью и компенсируем.

— К тому же противник, когда рассеется туман, может обнаружить нас на исходных позициях и накроет артиллерией.

Рокоссовский ничего не ответил и положил трубку. Федюнинский даже подумал, что прервалась по какой-то причине связь. Однако телефон снова ожил.

— Начинаем точно в назначенное время, — послышался в трубке голос Рокоссовского. — Откладывать не будем.

После разговора с комфронта Федюнинский по новому кругу начал обзванивать корпуса.

— Как дела, Виталий Сергеевич? — спросил он командира 108-го стрелкового корпуса.

— Туман очень густой, — ответил генерал Поленов. В голосе его была тревога.

— Что думают командиры дивизий?

— Командиры дивизий считают, что нужно наступать. Туман — и нам помеха, и немцам тоже.

— Артиллеристы... Что у них?

— Артиллеристы реперы пристреляли. Ждут команды натянуть шнуры. Они не подведут.

— Вот это я и хотел услышать. Прикажите, чтобы все командиры имели компасы и уточнили азимуты. Иначе собьются в тумане и начнут резать боевые порядки соседей.

Когда участие авиации оказалось невозможным, на артиллерию ложилась основная огневая нагрузка. Накануне командарм объехал артполки. Войска заканчивали последние приготовления. Снаряды были подвезены. Тягачи заправлены. Орудия стояли плотно, колесо к колесу.

«На этот раз артиллерийская подготовка была построена своеобразно, — вспоминал Федюнинский. — В каждой дивизии по одному батальону

поднялись в атаку на одиннадцатой минуте после начала артиллерийского огня. Противник, рассчитывая, что обстрел первых траншей, как всегда, будет длительным, постарался укрыть живую силу в убежищах. Передовые батальоны 108-го корпуса почти без боя овладели первой траншеей, а 98-го — и второй. К этому времени артиллерия перенесла огонь в глубину, а главные силы дивизий первого эшелона завязали бой за вторую и третью траншеи».

Бой шел в кромешном тумане. Туман не рассеивался. Он только уплотнялся и густел от дыма и копоти. Командарм то и дело связывался по телефону с генералами Поленовым и Анисимовым^[73]. Но и они сидели на своих НП в сплошном тумане и о ходе боя могли догадываться только по грохоту своего и чужого оружия и боеприпасов. В таком тумане значительно затруднен был танковый маневр. Почти невозможно было управлять огнем артиллерии. Вся тяжесть боя легла на труженицу-пехоту.

Задачу дня корпус не выполнили. Прорыв был сделан, но неглубокий. Местами пехота продвинулась всего лишь до пяти километров в глубину. Федюнинский, докладывая вечером в штаб фронта, понимал скупую реакцию командующего. Рокоссовский не пожурил, не похвалил, выслушал и положил трубку. Прорыв был слабым, такую брешь немцы могли залатать одним мощным контрударом.

Ночью провели перегруппировку. Подтянули к боевым порядкам пехоты артиллерию поддержки. Старшины кормили уставших людей. Раздавали патроны и гранаты. Санитары вытаскивали в тыл раненых.

Утром Федюнинский выглянул через бруствер НП — туман рассеялся, растаял, видимость была хорошей. Полки снова пошли вперед. Но первые же сообщения, поступившие из корпусов, насторожили: противник усилил сопротивление, а на некоторых участках контратаковал довольно крупными силами. Вскоре командарм увидел в стереотрубу, как большая группа немецких танков вышла из перелеска, быстро перестроилась в боевой порядок и с ходу атаковала в стык наступающих корпусов. «А вот и танки, которые потеряли мои разведчики», — подумал он и приказал срочно связаться с командирами противотанковой артиллерийской бригады и тяжелого танкового полка.

Это была контратака 7-й танковой дивизии. Ее, не раз проверенную в боях, вооруженную тяжелыми «пантерами», немцы и придерживали в ожидании того решающего часа, когда мощный резерв нужно будет пустить в дело. И вот решающий час настал.

Первым на рубеж атаки вышли тяжелые КВ и ИС танкового полка. Федюнинский наблюдал за встречным боем — это была грандиозная

картина. Две лавины сближались. Наши тяжелые танки с коротких остановок открыли огонь. На той стороне сразу задымилось несколько стальных коробок. Мощные снаряды крупнокалиберных пушек ИСов срывали башни немецких танков. Детонировали боеукладки, и «пантеры» буквально разрывало на пылающие ярким огнем куски. Горели и наши танки. Но вскоре противник, видимо не желая потерять боевые машины в первой же схватке, начал отход.

Яростное противостояние происходило на всем участке прорыва. На левом фланге в контратаку бросилась 207-я пехотная дивизия противника. Ее поддерживали бронетехника 7-й танковой дивизии, самоходки и штурмовые орудия. 207-я пехотная дивизия в вермахте считалась элитной. Ходили слухи, что именно в ней во время Первой мировой войны воевали Гитлер и Геринг. Прошедшая Польшу, Францию, Голландию, она прибыла на Восточный фронт и вошла в состав группы армий «Север». Мощная — 15 тысяч солдат и офицеров. Сверх штата кавалерийский батальон и танковая рота, укомплектованная трофейными советскими Т-34. Ее сильно потрепали во время наступления под Ленинградом, но вскоре восстановили. И вот теперь, при поддержке полка 7-й танковой дивизии она бросилась спасать ситуацию на северном участке фронта перед воротами Восточной Пруссии. Но, на свое несчастье, наскочили на полнокровную 90-ю дивизию генерала Н. Г. Лященко^[74].

Николай Григорьевич Лященко — сибиряк, участник боев на КВЖД и в Испании, на фронте с первого дня нападения Германии на Советский Союз. Молодой тридцатичетырехлетний генерал со своими солдатами намертво встал на пути элитной 207-й и 7-й танковой дивизий. К началу операции в 90-й стрелковой дивизии насчитывалось 7057 человек. Но это были ветераны, закаленные в боях, — каждый стоил взвода.

Был момент, когда генерал Поленов сообщил, что бой идет на командном пункте 90-й стрелковой дивизии, что генерал Лященко с автоматом в руках дерется в траншее.

— Держаться! Изо всех сил — держаться! — спокойно и твердо, будто наперед зная, чем все кончится, сказал в трубку Федюнинский и мгновенно вспомнил, как тяжело было под Волховом в ноябре сорок первого. — Передай Лященко, что я направил к нему противотанковую бригаду. Она должна с минуты на минуту прибыть и вступить в дело. Держаться, Виталий Сергеевич!

Командиру 90-й он доверял как никому. Знал: если Лященко взялся за автомат, то и в траншее не уступит.

Позвонил Рокоссовский:

— Доложите обстановку. Почему замедлилось движение?
— Контратакуют танки, — доложил Федюнинский. — Ведем бой с танковой дивизией.
— Танки... Все же — танки. А вы не ошибаетесь?
— Это установлено совершенно точно, товарищ маршал. Захвачены пленные из всех ее полков. Шестой и Седьмой панцергренадерские полки, Двадцать пятый танковый...
— Пленных доставьте ко мне. Буду докладывать в Ставку.

Судя по реакции командующего, основной контрудар в секторе наступления 2-го Белорусского фронта пришелся именно на участок 2-й ударной армии. Сразу же возник вопрос: вводить в бой свой последний резерв, предназначенный для развития успеха, когда будет прорвана оборона противника на полную глубину? Или подождать, когда стрелковые корпуса парируют контрудары и все же прогрызут немецкую оборону?

Вот записи в журнале боевых действий артиллерии 108-го стрелкового корпуса. Именно на этот корпус пришелся контрудар резервов немецкой группировки, обороняющей этот участок фронта.

«15.01.45 г.

Противник, введя в бой тактические резервы, продолжает оказывать упорное сопротивление наступающим частям корпуса. Его артиллерия и минометы вели массированный огонь по р-нам: ДЗЕРЖАНОВО, отм. 109,3, ГЛОДОВО, ЧАРНОСТУВ, ШВЕЛИЦЕ, зап. берег р. ПЕЛТА.

Наступление наших частей пр-к сдерживает неоднократно контратаками. В течение суток предпринято им до 10 контратак, из них 4 контратаки при поддержке танков и массированного огня артиллерии и минометов.

108-й СК, овладев ДЗЕРЖАНОВО, ГОСЬЦЕЕВО, ШВЕЛИЦЕ, ЧАРНОСТУВ, отбив все контратаки пр-ка и преодолевая его упорное сопротивление, вышел на рубеж:

173-й сп — стык дорог (5299);

286-й сп — 300 м вост. КШЕМЕНЬ;

19-й сп — овладел отм. 115,6^[75];

176-й сп — БАРАНЕЦ, стык дорог в лесу (4800);

314-й сп — опушка леса (4899 — а, б);

340-й сп на зап. и ю. зап. опушке леса (4802).

Артиллерия корпуса и частей усиления с утра 15.1.45. продолжала обеспечение наступления частей. В течение суток огнем артиллерии и минометов уничтожено:

орудий разного калибра — 30;

пулеметов — 36;

танков — 28;

бронемашин — 7;

автомашин — 39;

тракторов — 6;

лошадей — 55.

Убито и ранено до 1000 солдат и офицеров пр-ка.

Корпусом захвачено:

орудий 105-мм — 10;

пулеметов — 10;

тягачей — 10;

легковых автомашин — 2;

75-мм орудий — 9;

шестиствольных минометов — 6.

Взято в плен 40 чел. солдат и офицеров пр-ка.

Группировка артиллерии корпуса согласно боевому распоряжению № 005 от 14.01.45.

Потери артиллерии корпуса:

убиты, офицерского состава — 4 чел.,

рядового и серж, состава — 4 чел., ранено, офицер, сост. — 5 чел.,

рядового и серж. сост. — 29 чел. Вышли из строя:

76-мм пушка ЗиС-3—1;

76-мм ПА — 2;

45-мм — 13;

120-мм минометов — 1.

Дороги в р-не боевых действий в удовлетворительном состоянии.

Видимость в течение дня 300–400 метров».

Документ я процитировал полностью. Его текст и тон, ко всему прочему, свидетельствуют о высокой штабной культуре, о той подготовке, которая проводилась накануне наступления. К примеру, были пронумерованы все стыки дорог, опушки лесов, перелески, приметные места. Это значительно облегчало ориентирование командиров частей и подразделений на незнакомой местности. Читатель также должен понимать, что «преодолевая упорное сопротивление пр-ка» — это не просто фигура речи, хотя эта фраза в документах встречается довольно часто, а буквальное отражение действительности. Каждый метр отбитой у врага польской земли оплачивался кровью убитых и раненых солдат и

офицеров Красной армии, в том числе 2-й ударной. В боях за освобождение Польши погибло 600 212 советских солдат и офицеров. Не забывать! Держаться! Как заклинал своих комдивов генерал Федюнинский. Держаться! Не забывать! 600 212 человек!

И еще несколько слов о документах. В списке трофеев уже нет стрелкового оружия — автоматов и винтовок. Нет телефонных аппаратов, раций, фур и артиллерийских передков. Их, конечно, захватывали, и много, но на бумагу легла только крупная добыча. Притом необходимо заметить: артиллеристы, видимо из уважения к своему роду войск, в списках трофеев всегда первыми ставили артиллерийские орудия, в то время как обычно перечень открывали танки и самоходки.

Большое количество вышедших из строя 45-мм орудий объясняется, по всей вероятности, тем, что это, скорее всего, противотанковые пушки, и погибли они от огня и гусениц танков 7-й панцерной дивизии.

Заседание Военного совета было недолгим. «В сложившейся обстановке, — рассказывал после войны Федюнинский, — я решил ввести в бой 8-й танковый корпус, не ожидая прорыва обороны противника на всю тактическую глубину. Корпус мы ввели двумя колоннами под прикрытием огня специально созданной сильной артиллерийской группы».

Железный клин 8-го гвардейского танкового корпуса решил судьбу наступления армии — танки и артиллерия сопровождения проломили немецкую оборону и вышли на оперативный простор. Это произошло 16 января 1945 года.

Генерал А. Ф. Попов^[76], со своим командным пунктом продвигаясь вперед вместе с корпусом, к исходу дня сообщил по рации: «Спротивление противника сломлено. Прошел семнадцать километров. Передовой отряд — двадцать. Останавливаюсь для дозаправки и пополнения боеукладок». Федюнинский в ответ радировал: «Молодец, Алексей Федорович! Передай личному составу благодарность командующего! Отличившихся — к наградам!»

В тот же день на направлении вспомогательного удара 116-й корпус генерала Фетисова совместно с частями соседней 65-й армии генерала Батова охватил пултусскую группировку противника и несколькими сосредоточенными ударами придушил ее в кольце. Был освобожден польский город Пултуск. Впереди был Цеханув с его мощным гарнизоном и довольно многочисленной группировкой, оборонявшей линию фронта на север и на юг от города-крепости.

К счастью для наступающей стороны, наступила хорошая погода. Авиация поддержки обрушилась на противника всеми своими силами и

средствами. Бомбардировщики и штурмовики небольшими группами бомбили переправы и скопления войск и бронетехники противника. Прихватывали на дорогах и разделявали до основания целые полковые и батальонные колонны. Сковывали транспортные потоки на узлах дорог и на железнодорожных станциях, не позволяя противнику разгружать прибывшую к передовой бронетехнику. Позже, при подведении итогов Млавско-Эльбингской операции, вклад «сталинских соколов» был отмечен особо: интенсивные бомбардировки авиации 2-го Белорусского фронта сковали действия противника на главных направлениях, нанесли большой урон в живой силе и вооружении и не позволили соединениям группы армий «Север» сделать необходимую перегруппировку и выстроить оборону.

А Федюнинский бросил свою 2-ю ударную в преследование отходящего врага.

Глава двадцатая

СОРОК ПЯТЫЙ ГОД

ВОСТОЧНАЯ ПРУССИЯ

«...и не допустить отхода врага за Вислу».

Еще в боях на Нарве и у линии «Танненберг» по приказу командарма в дивизиях первого эшелона были сформированы так называемые группы преследования. Это были мобильные, хорошо вооруженные отряды численностью до батальона. Передвигались они на грузовиках и бронетранспортерах. Имели в своем распоряжении 45-мм и 76-мм дивизионные пушки «ЗиС-3». В каждом отряде-батальоне несколько танков Т-34 или самоходок. Командовали этими подразделениями лихие капитаны и майоры, кому сам черт не брат. Личный состав они подбирали такой же. Когда немецкая оборона рушилась и противник начинал отход, как правило на заранее подготовленные тыловые позиции, при этом стараясь планомерно выводить тяжелое вооружение, эвакуировать личный состав и вывозить имущество и снаряжение, — так вот, именно в это время в него буквально вонзались отряды преследования, вносили панику в ряды отступающих, заставляли бросать все — и вооружение, и технику, и имущество, и даже раненых. Обладая высокой мобильностью и хорошим управлением, батальоны преследования постоянно висели на хвосте отходящих, кромсали его арьергарды и заслоны, громили хвосты колонн, отбивали обозы с грузами — продовольствием, боеприпасами, горючим. Именно батальоны преследования во многом способствовали тому, что немцы не успевали «поднимать мосты» и «закрывать ворота» в опорных пунктах и в городах. Так случилось и с обороной Цеханува. В город группы преследования фактически ворвались на плечах отступающего врага.

Вот о чем свидетельствуют документы. Из журнала боевых действий артиллерии 108-го стрелкового корпуса:

«16.01.45.

Противник остатками 19-го и 61-го пп, вводом 62-го пп и 7-й тд на подготовленных рубежах пытался задержать наступление частей корпуса, но, понеся большие потери в технике и живой силе, начал отходить в с.-з. направлении. Части корпуса, сломив сопротивление пр-ка и нанеся ему

большие потери в живой силе и технике, перешли в стремительное наступление. Продвинувшись с боями на 20 км, к 19.00 вышли на рубеж: зап. окр. ПОМОЖЕ, зап. окр. ГРЕНЗИЦЕ, зап. опушка леса в р-не БОРДОНКИ и перерезали ж.д. в р-не РУЖКИ.

372-я сд (без 1240-го СП) совершила марш из р-на ШВЕЛИЦЕ и сосредоточилась в р-не ЖЕБИН ЛУКОВ-СКИ, ГОЛЬМИИ НОВЫ.

По предварительным подсчетам, задень боя потери противника составляют: 1300 солдат и офицеров, 33 танка, 1 бронемашина, 52 оруд. разных калибров, 12 шестиствольных минометов, 40 арт. складов, 65 пулеметов, 28 автомашин.

Взято в плен 68 солдат противника.

Связь до начала перемещения — телефонная, радио и пешими посыльными. С началом перемещения — в основном по радио».

«17.01.45. ЦЕХАНУВ (6074-е)

Противник остатками 7-й пд, 5-й лпд, 7-й тд, 7-м опд, организуя оборону на промежуточных рубежах, пытался задержать продвижение наших частей на подступах к ЦЕХАНУВ. После удара пехоты, танков и огня артиллерии был сломлен, выбит из ЦЕХАНУВ и продолжал отходить в с.-з. направлении.

Части корпуса со средствами усиления, не отрываясь от противника, в ночь на 17.1.45. продолжали наступление, подошли к городу ЦЕХАНУВ и в 11.30 17.01.45. стремительным штурмом овладели городом и мощным укрепленным пунктом и узлом ж. д. ЦЕХАНУВ.

В результате боев за день занято свыше 50 населенных пунктов, среди них: г. ЦЕХАНУВ, ж. д. станция ЦЕХАНУВ, АЛЕКСАНДРОВКА, ТАРТУ, ЦЕМНЕВО, СМЕЦИН, ХРУ-ЩЕВО СТАРЫ, НЕХОДЗИН.

К 20.00 наши части вышли на рубеж: ГЖЛИЗОВО, ГО-РЫШЕ, отм. 165,8, ЛЕНКИ, КРУПЫ, ГЛОВИЦЕ.

90-я сд занимает круговую оборону в г. ЦЕХАНУВ.

Боевые порядки артиллерии перемещаются в соответствии с передвижением пехоты.

По предварительным подсчетам, задень боя противник понес следующие потери: орудий разного калибра — 57, ручных пулеметов — 25, танков и бронетранспортеров — 19, артиллерийских складов захвачено — 50, автомашин — 13, мотоциклов — 1».

В этих боях, в том числе и в ходе преследования, снова отличилась 90-я стрелковая дивизия. Именно ропшинцы генерала Лященко, наступая с

Рожанского плацдарма, прорвали оборону противника у населенного пункта Держаново и затем энергично действовали на главном направлении, на острие удара 108-го корпуса. Они остановили танковую лавину, 15 января вели успешный бой у города Чарностув, а 17-го с ходу ворвались в Цеханув и начали зачищать улицу за улицей, квартал за кварталом.

После этих боев генерал Поленов подаст представление на присвоение генералу Ляценко звания Героя Советского Союза. Федюнинский тут же это представление утвердит и направит по инстанции в штаб фронта. Но где-то там, на верхах военной бюрократии, где определялись не только достоинства наград, но и судьбы, решили, что командиру отважных ропшинцев хватит и ордена. Так Николай Григорьевич Ляценко получил еще один орден Красного Знамени. Что ж, по этому поводу можно сказать только одно: всякий боевой орден равен Золотой Звезде Героя.

Во время Млавско-Эльбингской наступательной операции 90-я стрелковая дивизия основательно потрепала 207-ю пехотную дивизию и почти целиком уничтожила 7-ю пехотную дивизию 23-го армейского корпуса группы армий «Север». В ее трофейном списке 116 солдат и офицеров, захваченных в плен, а также 6 захваченных танков, 58 минометов, 330 винтовок и автоматов, 72 пулемета, целые склады боеприпасов и армейского снаряжения.

Достаточно представить себе такую картину: 72 пулемета, которые ведут огонь... А еще минометы, танки.

К 19 января основные силы и резервы 2-й полевой армии вермахта были уничтожены непрерывными атаками войск 2-го Белорусского фронта.

В ночь на 20 января 1945 года Федюнинский по приказу командующего 2-го Белорусского фронта повернул поток наступающей армии на север. Операция вступала в новую фазу. Предстояло ударом к Балтийскому морю отрезать восточнопрусскую группировку от германского фронта.

Возможно, именно для этого маневра Сталину и нужен был Рокоссовский.

Армия вскоре преодолела сильно укрепленный рубеж на подступах к Мариенбургу, овладела этим городом и узлом сопротивления, вышла к Висле, с ходу форсировала ее. Началось наступление на Эльбинг. В эти дни, наращивая удар, Федюнинский ввел в дело свой второй эшелон — 116-й стрелковый корпус генерала Фетисова. «Сделать это требовалось быстро, — вспоминал тот стремительный марш к морю Федюнинский. — Отказавшись от составления обычного в таких случаях боевого приказа, я

послал к генералу Фетисову офицеров оперативного отдела с картой. Они на месте дали все необходимые указания. Корпус был поднят по тревоге и введен в бой».

На углу карты командарм написал всего лишь одну фразу: «Федор Кузьмич, вперед!» и поставил время, дату и подпись. Когда-то точно так же ставил ему, Федюнинскому, боевой приказ Жуков.

Корпус стремительно бросился на север, к Эльбингу.

Фронт наступления расширился до 50 километров. Это прибавляло свободы маневра. Прорыв 2-й ударной армии дал возможность смело действовать в глубину 5-й гвардейской танковой армии генерала В. Т. Вольского^[77]. Подвижная группа 2-го Белорусского фронта, обходя Эльбинг с востока, вышла к заливу Фришес-Хафф. Сухопутные коммуникации групп армий «Центр» и «Север» оказались отрезанными. 25 января 1945 года остатки группы армий «Север» и войска, отрезанные советскими танками, стали именоваться группой армий «Курляндия».

А Федюнинский своими корпусами и частями усиления осадил город-крепость Эльбинг.

Глава двадцать первая

СОРОК ПЯТЫЙ ГОД. ЭЛЬБИНГ

«Снаряды рвались внутри здания, огонь противника слабел...»

Германия стремительно истощала свои силы, ведя военные действия сразу на нескольких фронтах. Восточный фронт уже не представлял собой тот монолит, который маршировал вглубь СССР и угрожал одновременно и Москве, и Ленинграду, и Сталинграду. Ни войск, ни тяжелого вооружения вермахту уже не хватало для сплошной линии обороны по всей линии германо-советского фронта. Гитлер, чтобы укрепить оборону, приказал превращать города в неприступные крепости, куда стягивались войска. Эти «фестунги» опоясывались по всему внешнему периметру линиями траншей, оснащались пулеметными и артиллерийскими бронеколпаками, бетонными и деревянными дотами, заполненными землей и камнями. В самих городах капитальные, как правило, старинные постройки с полутораметровыми стенами цокольных и первых этажей переоборудовались в гигантские доты, в которых полуподвалы занимала артиллерия и фаустники, первые и вторые этажи минометчики и пулеметчики, а мансарды и чердаки — снайперы. Улицы перекрывались баррикадами и завалами, чтобы затруднить продвижение бронетехники наступающей стороны. В таких зданиях-дотах оборону занимали целые гарнизоны, насчитывавшие несколько десятков человек.

Военная доктрина Третьего рейха явно деградировала. Средневековый метод ведения боевых действий, конечно же, не мог остановить Красную армию, мощь и штабная мысль которой росла и развивалась день ото дня, от битвы к битве.

Надо признать, что к Восточной Пруссии, Польше, Румынии и Венгрии подошла современная армия, хорошо оснащенная и прекрасно вооруженная лучшими образцами военной техники и стрелкового оружия. Штабы этой армии владели самой передовой военной мыслью и опытом ведения боевых действий, а полководцы великолепно научились управлять большими массами войск. Корпуса и дивизии с блеском совершали самый сложный и широкий маневр, появлялись там, где противник зачастую их не ждал или предполагал их появление лишь через сутки-двое.

«Фестунгом» был и город Эльбинг. Он стоял на пути 2-й ударной армии, и корпусам предстояло его брать штурмом.

Что собой представлял этот прусский город, превращенный немцами в неприступную, как им казалось, крепость?

Эльбинг, нынешний польский Эльблонг — промышленный центр Восточной Пруссии на одноименной реке. К началу Второй мировой войны насчитывал около ста тысяч жителей. В городе действовали судостроительные, машиностроительные и автомобильный заводы. Превращая город в «фестунг», немцы надеялись прикрыть им подступы к Данцигской бухте. К тому же с падением Эльбинга прерывалось дорожное сообщение главной группировки немецких войск с Восточной Пруссией. Гитлеровцы все еще надеялись отстоять свои границы и целостность рейха. Дрались отчаянно, до последней возможности и до последнего солдата. Верили обещаниям фюрера, что вот-вот из внутренней Германии подойдут свежие дивизии, оснащенные новым чудо-оружием, с помощью которого они опрокинут советские войска и вновь начнут марш на восток.

Местность вокруг города способствовала организации глухой обороны — изрезанные глубокими оврагами холмы. Танкам не пройти, артиллерию не протащишь. Все окраинные дома были приспособлены для ведения артиллерийского, пулеметного и снайперского огня. Строения соединены траншеями и ходами сообщения полного профиля. Кроме того, существовала и система выносных опорных пунктов — в деревнях и пригородных кварталах. Эти автономные узлы сопротивления не только играли роль боевых охранений для гарнизона Эльбинга, но и могли драться самостоятельно. С городом они соединялись дорогами, которые всегда были расчищены от снега и охранялись патрулями. По этим дорогам в любой момент можно было перебросить подкрепление, подвести артиллерию и танки. В самом городе большие здания занимали гарнизоны по 70—100 человек с двумя-четырьмя штурмовыми орудиями или танками. Одно-и двухэтажные здания оборонялись небольшими группами по пять-семь человек: один-два пулемета, снайпер, фаустник и гора фаустпатронов. Когда уже начался штурм и зачистка города, наши бойцы и командиры заметили: при разрушении зданий артиллерией и подрывниками-саперами мелкие группы не уходили к центру города, а одиночками стекались, отбегали, отползали, уходили по ходам сообщения к основному зданию, чтобы усилить его гарнизон.

Эльбинг защищали следующие боевые единицы: 1142-й и 1122-й пехотные полки и 1561-й саперный батальон 561-й пехотной дивизии, 6-й и 7-й моторизованные полки 7-й танковой дивизии, 2-й батальон 4-го

танкового полка 13-й танковой дивизии, 83-й пехотный полк 28-й легкой пехотной дивизии, батальоны 391-го пехотного полка, запасной полк 170-й пехотной дивизии, два батальона морской пехоты — 37-й и 312-й, а также 233-й зенитный батальон, пулеметные батальоны «Висла» и «Прегель», сводная группа запасных и учебных подразделений дивизии «Фельдхернхалле» (юнкера учебно-разведывательной и противотанковой рот, запасного танкового батальона, артиллерийского дивизиона и других учебных частей), подразделения фольксштурма числом около четырех тысяч человек, подразделения и группы из других, в том числе разбитых частей, в это время оказавшиеся в городе. Кроме того, до батальона солдат и офицеров различных тыловых служб. Всего около 10 тысяч солдат и офицеров, не считая подразделения фольксштурма. Вооружение: танки, самоходки и штурмовые орудия, гаубичная, противотанковая и зенитная артиллерия. С воздуха гарнизон и систему опорных пунктов в окрестностях поддерживали эскадрильи пикирующих бомбардировщиков Ю-87, которые базировались на ближайших аэродромах. Германия израсходовала свои силы, растеряла в полях от Москвы до Восточной Пруссии свои непобедимые легионы. Сводные батальоны, юнкерские роты, фольксштурмовцы способны были драться, и драться яростно, но победить они уже не могли.

Генерал Федюнинский о штурме Эльбинга написал в своей книге довольно скупо: «В конце января мы предприняли попытку овладеть городом Эльбингом. Однако это не удалось. Противник, стремясь сохранить сообщение с Восточной Пруссией, упорно оборонял город. <...> Тогда к наступлению на город было решено привлечь больше сил. К исходу 2 февраля гарнизон Эльбинга фактически оказался в окружении.

Начались ожесточенные бои за город. Утром 7 февраля в Эльбинг были посланы пленные немецкие солдаты для передачи начальнику гарнизона нашего требования о немедленной сдаче. Мощные громкоговорящие установки передавали текст ультиматума на немецком языке. В город мы забросили большое количество листовок.

Срок ультиматума истек в 12 часов, но ответа мы так и не получили. Оставалось одно — начать решительный штурм.

И вот штурмовые группы, число которых было увеличено, стали методически последовательно овладевать опорными пунктами вражеской обороны. Особенно прочные из них блокировались, затем к ним подтягивали артиллерию крупных калибров и огнем прямой наводки разрушали сооружения.

В боях за Эльбинг широко использовались бутылки с зажигательной

жидкостью. Для прикрытия действий штурмовых групп, а также выдвижения танков и артиллерии ставились дымовые завесы.

Для имитации пожаров в домах, мешающих продвижению, применялись дымовые гранаты. Их забрасывали обычно в нижние этажи. Дым распространялся по всему дому, и у противника создавалось впечатление, что начался пожар.

Под прикрытием дымовой завесы был захвачен, например, костел, в котором засели гитлеровские автоматчики и пулеметчики. Их, как тараканов, выкурили оттуда десять наших химиков во главе с младшим лейтенантом Мушевым.

Вначале химики бросили дымовые гранаты, а под их прикрытием поджигали дымовые шашки. Противник был ослеплен и, боясь окружения, оставил костел.

Уверенно действовал в уличных боях молодой командир батальона Алексей Сидоров. Ему было всего 23 года, но он уже зарекомендовал себя способным организатором боя. Сидоров начал воевать еще под Москвой, потом сражался под Медынью, Юхновом, Жиздрой. Мне стало известно его имя во время боев под Ленинградом. <...> И вот теперь в Эльбинге молодой офицер снова хорошо показал себя. Его батальон одним из первых ворвался в город. Умело применяя маневр, Сидоров настойчиво пробивался к Эльбингской судоверфи и захватил ее, уничтожив при этом значительную группу противника.

Бои за Эльбинг продолжались в общей сложности целую неделю...»

Но вернемся к началу эльбингской эпопеи.

Первыми к Эльбингу подошли танки 5-й гвардейской танковой армии генерала Вольского. Группа «тридцатьчетверок» под командованием командира 3-го батальона 31-й танковой бригады капитана Г. Л. Дьяченко на высокой скорости выскочила на окраину города. Капитан Дьяченко имел приказ обойти Эльбинг с востока, перерезать шоссейную и железную дороги в районе Гросс-Робена, расположенного на берегу залива в четырех километрах от города, и ждать подхода основных сил бригады. Дьяченко внимательно изучил маршрут предполагаемого обхода с востока и пришел к выводу, что он непроходим для танков. Тогда он решил обойти город по кольцевой дороге. Танки дошли до разрушенного моста и остановились. Наступали сумерки. Капитан собрал командиров экипажей. Что делать? Узел дорог, который им надо оседлать до подхода бригады, находится по ту сторону Эльбинга. «А что тут думать, командир! Как в школе учили — кратчайшая линия между двумя точками — прямая!» Так и решили: пробиваться по кратчайшему пути — через город. Взрвали моторы, и

танки пошли вперед.

Эта история известная. Запомнили ее и немцы. Как вспоминали очевидцы, советские танки вошли в город в колонне беженцев. Эта была такая же горестная колонна, какие шли, уходя от войны, по смоленским и брянским дорогам на восток в 1941 году. Теперь война возвращалась туда, откуда начинала свой «drang nach Osten». На медленных скоростях залепленные снегом и глиной советские танки, все семь машин, миновали казармы зенитчиков и не замеченные постами въехали в город. Немцы спохватились, когда колонна, отделившись от беженцев на больших скоростях, высекая искры из булыжных мостовых, пролетела центр города. На одном из переулков танкисты увидели, как артиллерийский расчет быстро разворачивал противотанковую пушку. Началась стрельба. В городе тут же погас свет. Капитан Дьяченко приказал экипажам включить фары. Немцы открыли огонь, танкисты ответили из пушек и пулеметов. Головной танк, в котором находился капитан Дьяченко, был подбит. Экипаж быстро перебрался в другую «тридцатьчетверку». Вскоре выскочили к северной окраине города. Стрельба прекратилась, город остался позади. Шесть боевых машин вскоре прибыли в пункт назначения, оседлали перекрестье дорог, заняв круговую оборону.

На рассвете их атаковали со стороны города и с залива. Танкисты ответили. Бой шел несколько часов. В кюветах и на шоссе горели грузовики и бронетранспортеры. В донесении 31-й танковой бригады упоминается о том, что группа капитана Дьяченко точным огнем потопила два парохода и баржу, откуда по ним пытались вести огонь. Тем временем главные силы бригады подошли к Эльбингу, но были встречены шквальным артиллерийским огнем. Бой шел почти всю ночь. Попытка ворваться в город успеха не имела. Тогда бригада обошла город с востока и после полудня 24 января вышла на позиции своего передового отряда.

Ударные группы 29-го и 10-го танковых корпусов 5-й гвардейской танковой армии тем временем очистили от противника побережье залива Фришес-Хафф и захватили все важнейшие узлы дорог из Восточной Пруссии на запад. С этого времени восточнопрусская группировка была отсечена от войск, отошедших за Вислу. Связь, впрочем, некоторое время еще поддерживалась морем и через косу Фрише-Нерунг.

Танкисты сделали свое дело. Город должна была брать пехота генерала Федюнинского.

К исходу 3 февраля 1945 года части 116-го и 98-го стрелковых корпусов полностью блокировали Эльбинг, охватив его с севера и востока. Началась осада.

Главный помощник пехоты в городском бою — артиллерия. К примеру, 381-й стрелковой дивизии, которая штурмовала Эльбинг с северо-востока, была придана артиллерийская группа в следующем составе: дивизион тяжелой гаубичной артиллерийской бригады (12 орудий 152-мм); минометный полк (36 минометов калибра 120-мм) и легкий артиллерийский полк (12 орудий калибра 76-мм — ЗиС-3).

Заместитель командующего армией по артиллерии генерал К. П. Казаков о боях по овладению Эльбингом вспоминал: «У нас в штурме города смогли принять участие только три дивизии 98-го и 116-го корпусов, так как остальные дивизии обороняли фронт протяженностью более ста километров — от Эльбинга к реке Ногат и далее по Висле до стыка с правым флангом 65-й армии, близ крепости Грауденц (Грудзенз). Утром 4 февраля противник попытался деблокировать Эльбинг, контратакуя один из участков кольца окружения с запада, однако усилия эти были слабыми, в контратаках участвовало 6–8 танков и рота-батальон пехоты, поэтому они легко отбивались нами. <...> Ведущую роль в уличном бою играет артиллерия, поставленная на прямую наводку. Если она многочисленна, если боевые порядки штурмующей город пехоты насыщены орудиями и минометами, успех штурма в значительной мере предопределен. У нас такая артиллерия была. Создали штурмовые группы. Они обычно состояли из взвода стрелков — 12–15 человек^[78], им придавались, то есть переходили в подчинение командира штурмовой группы, 4–8 орудий для работы на прямой наводке, а также 2–4 самоходно-артиллерийские установки. Кроме того, штурмовую группу или несколько групп поддерживали, выполняя их заявки, тяжелые орудия — до 203-мм гаубиц включительно. Всего на прямую наводку было у нас выставлено более 200 орудий разных калибров. А вся артиллерийская группировка, штурмовавшая Эльбинг, насчитывала 1084 артиллерийских и минометных ствола. Мы надеялись, что этот артиллерийский молот поможет нам раздолбить столь тщательно подготовленную оборону».

Федюнинскому и федюнинцам с артиллерией повезло. Им, артиллеристам, разрешили стрелять в городе. Когда командующий войсками Степного фронта И. С. Конев в ходе операции «Полководец Румянцев» руководил освобождением Харькова в 1943 году, ему было категорически запрещено применять тяжелую артиллерию. То же самое было и при освобождении Донбасса и Силезского промышленного района. При разработке операции 1-го Украинского фронта Сталин накрыл ладонью район Силезии с его рудниками и промышленными предприятиями и, думая уже не о войне, а о послевоенном, сказал:

«Золото». Пушки там не стреляли. Но тут генералам и солдатам повезло: запрета на применение тяжелых орудий и мортир не было.

«Первой на юго-западную окраину Эльбинга еще 3 февраля ворвалась 86-я стрелковая дивизия, — вспоминал генерал Казаков. — Я уже упоминал о ее 284-м полку, который отличился в ходе прорыва и окружения Эльбинга. Это был очень слаженный воинский коллектив. Его стремительное и успешное продвижение сказалось и на успехе дивизии, первой перекрывшей тыловые коммуникации эльбингского гарнизона. Так же боевито действовали штурмовые группы и в уличных боях. Четко взаимодействовали с пехотой и артиллеристы 248-го артполка майора Лазариди. Снайперы и пулеметчики эльбингской школы юнкеров сильным огнем преградили дорогу штурмовым группам. Пехота залегла. Вперед выдвинулся командир батареи старший лейтенант Домнин. Осмотрел местность и опорный пункт противника. Юнкера засели в большом каменном, казарменного типа здании. Домнин засек огневые точки, выбрал удобное место для огневой позиции, вывел батарею на прямую наводку. Орудия ударили по окнам юнкерской школы. Снаряды рвались внутри здания, огонь противника слабел. Но это еще половина дела. А другая половина, не менее важная, — очистить опорный пункт, помочь захватить его пехоте. Нужно проломить стену. «Взрыватель фугасный! Огонь!» — скомандовал Домнин. Однако снаряды, поставленные на фугасное действие, не брали старинную кирпичную кладку. «Взрыватель замедленный!» — скомандовал он. Теперь снаряды рвались с замедлением — после того как глубоко врубались в стену. Четверть часа такой стрельбы, и в стене образовалось несколько проломов. Штурмовые группы проникли в дом и в ближнем бою автоматным огнем, гранатами и прикладами уничтожили противника. Главный узел обороны в этой части города был захвачен. Бойцы батальонов капитана Сидорова и старшего лейтенанта Дианова почти без потерь овладели еще шестью близлежащими городскими кварталами. Шел жестокий бой за каждый квартал, улицу, дом. Пришлось выдвигать легкие орудия и уничтожать засевших в зданиях фашистов. Особенно много гитлеровцев окопалось в Приморском районе, где они оказывали сильное сопротивление нашим войскам. Штурм Эльбинга продолжался.

Дивизии 98-го корпуса — 281 — я и 381 — я — своими штурмовыми группами с севера и с востока продвигались навстречу 86-й дивизии.

Мне доложили, что особенно упорный бой разгорелся в полосе 281-й дивизии за опорный пункт Шпительхоф. Разобравшись в обстановке, я приказал его старинные каменные казармы и большой двор, где засели

фашисты с танками и штурмовыми орудиями, разрушать комбинированным огневым ударом самых тяжелых наших артиллерийско-минометных систем, в том числе дивизиона 203-мм гаубиц большой мощности. Лавина огня буквально размесила шпительхофские казармы. Наши штурмовые группы ворвались в них, однако противник немедленно предпринял целую серию контратак. Его артиллерия, как и наша, встала на прямую наводку, и батареям 816-го артполка пришлось на всех участках боя вести огневые дуэли на расстоянии в 600–700 метров. И наши бойцы, и гитлеровские пехотинцы залегли друг против друга на расстоянии двух-трех перебежек, а над их головами выли снаряды противоборствующей артиллерии.

Батарея капитана Чугунова, известного в артполку своим остроумием и мастерством в боевом деле, дуэль выиграла, разбив несколько 75-мм и 105-мм немецких пушек. Из-за развалин, разворачивая башню и нащупывая батарейцев дулом длинной тяжелой пушки, выползал тяжелый танк. «Сержант Лобинцев! — приказал капитан Чугунов. — Сделать из «тигра» теленка!» — «Есть сделать теленка!» — откликнулся Лобинцев.

Это была короткая, но жестокая дуэль. Рванул танковый снаряд, взвизгнули осколки, ударив по щиту и станинам орудия. Кровь потекла по лицам, кровь потекла по рукам. И Лобинцев, и наводчик ранены, но не ушли от орудия. Только пятый снаряд остановил «тигра». Всё! Конец! Можно идти в медсанбат. Но пришлось героев нести на носилках. Оба были тяжело ранены. Овладев Шпительхофом, 281-я дивизия двинулась дальше вглубь Эльбинга».

С каждым часом, с каждым боем, с каждым днем кольцо наступающих ударных групп сжималось.

В ночь на 8 февраля в штабе армии донесения из дивизий ждали с особым нетерпением. Такого боя, такой упорной драки в тесноте городских улиц войска 2-й ударной армии еще не знали.

Накануне по приказу Федюнинского все бойцы, все артиллеристы ударных групп были проинструктированы, как не принять своих за чужих, и наоборот. Утром 10 февраля, когда шла зачистка последних городских кварталов, когда сгоняли в места сбора пленных и добивали в подвалах последних упорных одиночек, не желавших складывать оружие, произошел именно такой случай.

Один из огневых артиллерийских расчетов 86-й стрелковой дивизии замаскировал свое орудие напротив городского перекрестка. Комбат предупредил сержанта, командира расчета о том, что улицей, которую они контролируют, на перекресток вот-вот должны выйти подразделения 98-го корпуса с танками. Расчет дежурил. Курить отходили в развалины, по

очереди. Вдали пылал пожар, но развалины, в которых замаскировались артиллеристы, огонь не освещал. Вскоре послышался гул моторов и лязг гусениц. Артиллеристы на всякий случай затаились. Чья там колонна проходит перекресток? Свои? Немцы? И только когда головной танк подошел на 10–15 метров и послышалась немецкая речь идущих пехотинцев, сержант, поняв, кто перед ним, рявкнул артиллеристам: «На колеса!» Дюжина крепких рук тут же выкатила пушку из укрытия. Беглый огонь в упор! Колонна тут же рассыпалась, уцелевшие хлынули назад.

Только к полудню 10 февраля, когда сообщили о зачистке последних очагов сопротивления, Федюнинский вздохнул с облегчением. Это была трудная операция.

Глава двадцать вторая

СОРОК ПЯТЫЙ ГОД. ГРАУДЕНЦ

«Где это вы болтались, полковник? Почему бросили солдат?..»

В те дни армия сражалась не только в Эльбинге — бои шли по всему 120-километровому фронту. Немцы упорно пытались пробиться из Восточной Пруссии и из-под Данцига к Эльбингу. Южнее тоже шли бои с пытающимися прорваться за Вислу немецкими частями и целыми соединениями.

Однажды позвонили из штаба соседней 48-й армии: встречайте гостей, мы отбили, повернули к вам. Блуждающий «котел» уже обнаружила авиаразведка. Попытку прорыва пресекли стрелковые соединения корпуса генерала Фирсова и танкисты. В плен было взято до 20 тысяч солдат и офицеров. Пленен был целиком, со штабом и тылами, весь 392-й пехотный полк. Правда, командир полка полковник Ганс Клаузен с адъютантом еще сутки блуждал по лесу, пока его не задержал патруль.

О задержанном в лесу полковнике Федюнинскому сообщили по телефону в тот момент, когда он разговаривал с прибывшими из Москвы писателями Ильей Эренбургом и Михаилом Брагиным^[79]. Писатели тут же упростили командующего разрешить им присутствовать на допросе.

Сцену допроса немецкого полковника генерал Федюнинский в своей мемуарной книге описал лаконично:

«— Это только случайность, что вам удалось захватить меня в плен, — гордо заявил он. Мой полк еще боеспособен и прорвется к Эльбингу. Мои солдаты геройски сражаются...

Такое нахальное заявление меня рассердило. Хлопнув ладонью по столу, я довольно невежливо сказал:

— Вы лжете, полковник!

Клаузен встал, вытянулся.

— Ваш полк еще вчера сдался, — продолжал я. — Где это вы болтались, полковник? Почему бросили солдат? Шкуру свою захотелось спасти?

Эренбург молча улыбался, покусывая мундштук трубки. Брагин что-то записывал в своем блокноте.

Самоуверенность слетела с Ганса Клаузена. Он побледнел и как-то сразу ссутулился.

— Прикажите, чтобы построили Триста девяносто второй немецкий пехотный полк, включая артиллерию и обозы, — сказал я начальнику разведки. — А вы, господин полковник, лично поведете своих людей в тыловой лагерь.

Клаузен побледнел, энергично затряс головой.

— Нет, господин генерал, не могу... Я офицер германской армии, — забормотал он.

Но я не отменил решения, и пленный немецкий полковник, низко опустив голову, нетвердыми шагами вышел из кабинета.

Впоследствии об этом эпизоде рассказал Михаил Брагин в книге «От Москвы до Берлина», вышедшей в 1948 году.

Полковник Клаузен, конечно, лицемерил, когда говорил о высокой боеспособности своего полка. Моральный дух немецко-фашистских войск, попавших в полуокружение в Восточной Пруссии, сильно пошатнулся. Гитлеровские солдаты начали понимать, что фашистская Германия безнадежно проиграла войну, а для них в создавшейся обстановке самое лучшее — сдаться в плен. И они сдавались в одиночку и группами. Порой доходило до смешного.

Командир отделения 588-го стрелкового полка 142-й дивизии сержант Платонов, возвращаясь в роту с КП батальона, заблудился и попал в засаду. Около тридцати гитлеровцев окружили сержанта, схватили его и обезоружили.

Платонов не растерялся. Мобилизовав свои скудные знания немецкого языка, он стал доказывать:

— Все равно ваше дело швах. Гитлер капут!

Гитлеровцы долго колебались, но сержант все же сумел их убедить. В конце концов 27 солдат во главе с офицером объявили себя пленными Платонова и пошли за ним...

В январских и февральских боях наши войска захватили большие трофеи: многочисленную боевую технику, оружие, автомашины, склады с обмундированием и продовольствием.

Но были и трофеи другого рода.

Однажды мне доставили любопытную находку. Майор Данилов и лейтенант Сарусенко из 23-й артиллерийской дивизии в населенном пункте Янушау, в замке графа Людендорфа, бывшего начальника имперского генерального штаба, обнаружили коробку. В ней оказались ордена и медали Людендорфа — всего 34 наградных знака. Находку эту мы направили в

штаб фронта».

То, что не удалось 2-й армии генерала Самсонова в августе 1914 года, 2-я ударная армия генерала Федюнинского совместно с соседними соединениями фронта сделала зимой 1944 года.

*

Взятием Эльбинга 2-й Белорусский фронт решил многие оперативные задачи. А противник потерял важнейший опорный пункт, который, удерживая его немцы в противостоянии с северным крылом 2-й ударной армии, остался бы выгоднейшим плацдармом и мостом для выхода окруженных и полуокруженных частей на соединение с основными войсками. Да и гарнизон «фестунга» мог бы постоянно пополняться людьми и вооружением, боеприпасами и всем тем, что необходимо для продолжения обороны.

Соседняя 65-я армия генерала Батова тем временем вышла к Висле и остановилась перед крепостью Грауденц. Противник вдобавок ко всему удерживал плацдарм на восточном берегу Вислы.

Во время очередной встречи с Рокоссовским в штабе фронта маршал крепко пожал руку своему старому боевому товарищу, поблагодарил за успешный штурм Эльбинга. Взятие этой укрепленной твердыни поставило точку в Млавско-Эльбингской наступательной операции. Теперь в штабе фронта спешно верстался уже другой план.

Федюнинский принял благодарность комфронта сдержанно. Покачал головой, сказал:

— Крепким орешком оказался этот город. Капитуляции не приняли. Дрались за каждый дом. В плен брали либо оглушенных, либо в ближнем бою. Или когда уже заканчивались боеприпасы.

— Война вернулась в их дом. Вспомни, Иван Иванович, как мы дрались за свой дом.

Рокоссовский между тем не отрывал взгляда от карты. И Федюнинский, перехватив его взгляд, определил точку его пристального внимания — Грауденц. Наконец маршал прервал паузу:

— Следует ожидать, что теперь они будут драться так за каждый свой город. — И ткнул карандашом в крепость на Висле.

В этом жесте командующего было многое, в том числе и ближайшая задача 2-й ударной армии.

— Ваша задача, Иван Иванович: форсировать Вислу в районе

Нойенбурга, вот здесь, и, наступая по западному берегу в северном направлении, во фланг противнику свернуть его оборону. Попутно — овладеть крепостью Грудзенз.

Название города-крепости Рокоссовский произнес по-польски.

— Попутно...

— Если вы оставите гарнизон Грауденца без флангов, без коммуникаций, то падение его — дело времени.

— А время у нас есть?

— Время ограничено. Но у вас и ваших солдат есть опыт взятия прусских городов-крепостей. Желаю успеха!

«Оставив в обороне 98-й корпус генерал-лейтенанта Анисимова, — вспоминал Федюнинский начало новой операции, — мы передвинули два других корпуса на левый фланг.

Из состава 65-й армии нам была передана 37-я гвардейская стрелковая дивизия, которой командовал генерал-майор Сабир Умар-оглы Рахимов^[80]. Я уже слышал об этом первом генерале-узбеке и был рад познакомиться с ним.

По старой кавалерийской привычке он любил находиться в самых трудных местах, участвовать в атаках.

Генерал С. У. Рахимов познакомил меня с тем, как построена оборона противника в Грауденце. Этот старинный польский город с крепостью на северной окраине представлял сильный опорный пункт. На подступах к нему гитлеровцы в течение нескольких лет создавали разнообразные оборонительные сооружения. С северо-востока, востока и юга город опоясывали две полосы обороны, состоявшие из нескольких траншей с пулеметными площадками и железобетонными огневыми точками. В самом городе на главных улицах были возведены баррикады, каменные здания приспособлены к обороне.

Штаб гарнизона находился в крепости. Ее прочные каменные стены служили для него надежным укрытием при артиллерийских обстрелах и налетах авиации.

О численности гарнизона точных сведений мы не имели. Разведка 37-й гвардейской дивизии считала, что в Грауденце 2750 вражеских солдат и офицеров. По данным разведотдела армии, гарнизон насчитывал 4 тысячи человек. На самом же деле, как выяснилось впоследствии, численность его достигала 8–9 тысяч человек. Комендантом гарнизона был генерал-майор Людвиг Фрике».

Из доклада генерала Рахимова и собственных наблюдений Федюнинский понял, что юго-восточные подступы к городу немцы

укрепили недостойно плотно, поскольку ждали лобовой атаки на западной стороне.

Вечером на КП состоялось заседание Военного совета армии. Федюнинский сказал:

— Пока мы не можем делать сколько-нибудь точных предположений, будет ли противник защищать город или уйдет из него, как только мы начнем сворачивать его боевые порядки по урезу реки. Если мы этого добьемся, то, как вы понимаете, сразу же возникнет явная угроза блокирования гарнизона. И тогда немцы уйдут из крепости. Возможно.

После докладов заместителей, выслушав все предложения и предположения, Федюнинский поручил организацию боя за Грауденц своему заместителю генералу Хабарову^[81]. Тем не менее и в период подготовки операции, и в ходе ее он постоянно следил за продвижением войск, читал донесения, маневрировал резервами.

Задачей, которую поставил перед Федюнинским Рокоссовский, было, не задерживаясь у Грауденцкого «котла», форсировать наступление на Данциг. Штурм города начался 16 февраля. Полевую систему укреплений, опоясывающих город, удалось преодолеть за двое суток. В ночь на 18 февраля передовые батальоны несколько раз врываются в город, но, встреченные плотным заградительным огнем, отходили назад. Одновременно части 108-го стрелкового корпуса охватили город с запада, перерезали все коммуникации. Грауденц с этого момента был блокирован.

Девятнадцатого февраля, уже когда опускались сумерки, Федюнинский приехал на берег Вислы. Стояла оттепель. Уже несколько суток дневная температура поднималась выше нуля. Лед, иссеченный трещинами от взрывов снарядов и мин, взбух, побелел. В скором времени нужно было ждать ледохода. Тогда прямой путь к крепости на неделю-полторы будет отрезан. Федюнинский, глядя на вспухший лед и на стены крепости вдаль, хорошо понимал, что именно на это и рассчитывает генерал Фрике.

Вернувшись на свой КП, Федюнинский посоветовался с начальником штаба и тут же распорядился: инженерной службе провести ледовую разведку участка реки напротив города.

— Лед еще крепкий, — сказал генерал Хабаров. — Пехоту выдержит.

— Опасно, конечно, — сказал начальник штаба генерал Кокорев, — но риск оправданный.

Инженеры дали заключение: лед достаточно крепкий, людей и даже легкие орудия при соблюдении необходимых мер безопасности вполне выдержит.

Началась подготовка к форсированию. Саперы изготовили большое

количество деревянных щитов для того, чтобы закрыть пробойны и полыньи. Ударные группы получали боеприпасы и инструктаж. В ночь на 22 февраля первый эшелон 142-й стрелковой дивизии стремительным броском преодолел Вислу, сразу же ворвался в первую траншею, овладел ею и захватил здания казарм на окраине города. Утром начался совместный с частями гвардейской дивизии генерала Рахимова штурм.

Все повторялось. Мощные гаубицы долбили стены старинных крепостных зданий, превращая кирпич в крошку и пыль. Следом за ними в образовавшиеся провалы входили ударные группы. Автоматным огнем, гранатами, прикладами они гасили последние очаги сопротивления. Дом за домом, квартал за кварталом.

Особенно упорно дрались отдельные группы из состава формирований особого назначения. Солдаты и офицеры учебной бригады «Герман Геринг» под командованием полковника Майера несколько дней оставались большой проблемой для штурмующих. Сопротивление на участке, который обороняла бригада, ослабло, только когда личный состав был почти полностью истреблен.

Несколько раз гарнизону предлагали во избежание излишнего кровопролития сложить оружие. Генерал Фрике был взят в плен 6 марта 1945 года. Его солдаты поодиночке и группами начали выходить из развалин и подвалов и бросать оружие к ногам советских солдат. Уже находясь в плену, бывший комендант крепости Грауденц писал: «Окончательно неблагоприятный исход оборонительных боев наметился тогда, когда русские переправились через Вислу и овладели казармами, расположенными на краю города. С этого времени началась борьба в домах, а в этой борьбе русские благодаря своему превосходству, а также легко перевозимой артиллерии ПТО и минометами стояли выше наших солдат. Результатом был непрекращающийся, хотя и медленный отход наших частей от квартала к кварталу».

Утром 6 марта русские прорвались в форт с юга через остатки сводных частей. Сам я, намереваясь покинуть свой КП, был неожиданно атакован русским пехотным капитаном с 20 солдатами и захвачен в плен».

«Русский пехотный капитан» вскоре привел генерала Фрике к генералу Федюнинскому.

— Почему вы, господин комендант, не ответили на наше предложение о прекращении огня и кровопролития?

Это был главный вопрос, который Федюнинский хотел задать немецкому генералу.

— Вы хотите, чтобы я сослался на приказ Гитлера? — осторожно, но

все же вопросом на вопрос ответил Фрике.

— Отвечайте, как считаете нужным, — сказал Федюнинский. — Вы же понимали всю безнадежность сопротивления и все-таки не прекратили огонь. Вы безразличны к жизням ваших солдат, генерал!

Немец долго молчал, попросил валерьянки. Ему принесли.

— Я был готов принять условия капитуляции, — с трудом заговорил он, морщась, как будто каждое произнесенное слово доставляло ему боль. — Но полковник Майер... Он — личный друг Геринга. Он все время был рядом и грозил расстрелять меня, если я отдам приказ о прекращении сопротивления.

— А пристрелить его вы не могли?

В глазах немца стояло смятение.

— Да, да! Пристрелить! Как бешеную собаку! И тогда братские могилы, которые сейчас копают на окраине города ваши солдаты и мои похоронные команды, были бы гораздо меньше!

Комендант Грауденца молчал.

— Все ясно, — сказал Федюнинский. — Теперь вот что, господин генерал. Ваши саперы по вашим планам, под наблюдением наших офицеров должны произвести разминирование города и оборонительных сооружений в окрестностях. Это мое требование. Полковник Майер вам теперь не мешает. Он арестован и его допрашивают в разведотделе штаба армии. И учтите: если от заложенных вами мин пострадает хотя бы один солдат моей армии, господин генерал, отвечать будете лично вы! Вот тогда я с вас за все спрошу. За все и за всех. Вам понятно?

Фрике кивнул, но уходить не спешил.

— Что еще? — спросил Федюнинский.

— Позвольте обратиться к вам, господин генерал, не как военнопленный, а как генерал к генералу?

— Обращайтесь. Но я оставляю за собой право, отвечать или нет.

— Кто отдал приказ о переправе через Вислу по движущемуся льду?

— Приказ был отдан мной. Но лед еще не двигался. Река стояла.

— Да, но могла сдвинуться в любой момент.

На улице стояла теплая, совсем весенняя погода. По Висле шел лед.

— Мы успели. И я был уверен, что так мы сможем достигнуть полной внезапности удара.

— Это произошло. Внезапность... Да, внезапность... В том месте, где переправлялись ваши подразделения, находились только патрули. Только русские способны на такой риск.

В Грауденце тыловые и инженерные службы тут же по приказу

командующего принялись наводить порядок. В городе проживало 30 тысяч человек. Треть из них — немцы, остальные — поляки. Заработали электростанция, водопровод. Начали действовать некоторые предприятия. Открылись магазины.

Армия снова поворачивала на север. Теперь на штабных картах главной точкой и средоточием планов всех штабов, усилий всех частей и соединений был Данциг.

Глава двадцать третья

СОРОК ПЯТЫЙ ГОД. ДАНЦИГ

«...Ускорить развязку на берлинском направлении».

По дороге на новый КП машина командующего догнала небольшой обоз. Тылы тоже меняли базу, подтягивались к войскам. Трофейные немецкие кони с подрезанными хвостами тащили высокие фургоны, туго обтянутые брезентом. Из фургонов доносился звонкий девичий смех.

Водитель притормозил. Из-за брезента то и дело высывались девичьи головы в пестрых шляпках явно довоенного фасона.

— Это еще что такое? — удивился Федюнинский. — Бродячий театр или цыганский табор?

— Да нет, товарищ генерал, — задумчиво произнес шофер. — Обоз-то вроде нашей армии. Да и девчата наши, русские. Вон и солдат сидит на козлах. Видите, какой «папаша».

На передней повозке, как цыганский барон, важно восседал пожилой солдат с пышной бородой с проседью. Он лениво шевелил вожжами и улыбался. То ли своим мыслям, то ли чему-то радовался вместе с девчатами.

— А ну-ка останови и позови этого бородача, — сказал Федюнинский шоферу.

Солдат сразу преобразился, по-юношески живо соскочил с облучка, приложил ладонь к виску, доложил как мог.

— Банно-прачечный комбинат, говоришь?

— Так точно, товарищ генерал, банно-прачечный комбинат Второй ударной армии Второго Белорусского фронта!

Боец оказался ветераном. Воевал с сорок второго. Во 2-й ударной — от Ленинграда. Сам — деревенский, из-под Волхова. Два сына — на фронте. Дочки с матерью дома. Такие же вот, — и солдат кивнул на фургон.

Смех между тем утих. Девушки, разглядев генерала, перешептывались.

— Бороду-то давно носите? — спросил командарм солдата.

— А с Ленинграда и ношу. Зарок себе дал: победим окаянного, сразу и сыму свою бороду.

— Когда ж война кончится? — усмехнулся генерал.

— По моим солдатским приметам, — подмигнул генералу солдат, — окаянный дольше месяца не продержится.

Посмеялись. Закурили генеральских.

— А что же ваши девушки в таких нелепых нарядах?

Ездовой широко улыбнулся, по-отечески махнул рукой:

— Так ведь война-то помаленьку уже кончается, товарищ генерал. А девки — они девки и есть... Они ж как цветы, как подснежники после зимы! Увидели туфли да платья — сразу и выскочили из сапог да шинелей. Молодость!

Что ж, солдат был прав. Война подходила к концу. Скоро воинству, сделавшему свое суровое дело, ляжет дорога домой. И этому «папаше», и девчатам из банно-прачечного хозяйства. И многим из его лихих комбатов и командирам полков.

В те дни он получил письмо с родины от двоюродной сестры Гали Федюнинской. Сестренке шел семнадцатый год — невеста. Еще в сорок третьем году пошла работать на обозостроительный завод. Завод выпускал для фронта пароконные ходы. Надобность на фронте на них была большая — возили снаряды, другие боеприпасы, доставляли продовольствие, эвакуировали в тыл раненых. Писала, что работает с подругами в две смены, что порой и спят в цеху. Работает на токарном станке и одновременно осваивает строгальный. Галя писала и о Марии, другой сестренке — та тоже работала, на сапоговаляльной фабрике. Из ее письма генерал узнал о двоюродном брате Анатолии: отвоевался брательник, вернулся из госпиталя без ноги, на протезе.

На следующий же день собрал посылку и отправил на родину.

*

Немцы продолжали сражаться с прежним упорством.

Новая операция войск 2-го Белорусского фронта началась без всякой оперативной паузы. В книге «Солдатский долг» маршал Рокоссовский писал: «Восточно-Померанская операция для войск 2-го Белорусского фронта являлась продолжением начавшегося 14 января наступления трех фронтов на западном направлении, а не вытекающей из Восточно-Прусской операции, как утверждают некоторые историки и мемуаристы... На мой взгляд, когда Восточная Пруссия окончательно была изолирована с запада, можно было бы и повременить с ликвидацией окруженной там группировки немецко-фашистских войск, а путем усиления ослабленного

2-го Белорусского фронта ускорить развязку на берлинском направлении. Падение Берлина произошло бы значительно раньше. А получилось, что 10 армий в решающий момент были задействованы против восточнопрусской группировки (с передачей в состав 3-го Белорусского фронта четырех армий 2-го Белорусского фронта в его составе оказалось 10 армий), а ослабленные войска 2-го Белорусского фронта не в состоянии были выполнить своей задачи. Использование такой массы войск против противника, отрезанного от своих основных сил и удаленного от места, где решались основные события, в сложившейся к тому времени обстановке на берлинском направлении явно было нецелесообразным. Более того, это делалось за счет ослабления войск 2-го Белорусского фронта, которому предстояло разгромить восточно-померанскую группировку противника, что сделать оставшимися у него силами он не мог.

К этому времени противник сумел сосредоточить в Восточной Померании довольно крупные силы и, умело используя благоприятную для организации обороны местность, затормозил продвижение войск нашего фронта».

Ставка усиливала 3-й Белорусский фронт. После гибели в феврале 1945 года генерала И. Д. Черняховского полевое управление фронта возглавил маршал А. М. Василевский. Василевскому предстояло штурмовать прусскую твердыню Кёнигсберг.

Сетования Рокоссовского понятны. Его аргументы как полководца по поводу того, что следовало более энергично провести силами всех трех фронтов — 1-го Украинского, 1-го Белорусского и 2-го Белорусского — штурм Берлина и окрестностей, тоже верны. Стоит в связи с этим вспомнить спор Рокоссовского со Сталиным и Василевским в 1942 году по поводу штурма Воронежа, а потом в связи с ликвидацией сталинградского «котла», когда у Рокоссовского забрали свежую 2-ю гвардейскую армию, чтобы отбить танковую атаку Гота на реке Мышковой. И вот теперь войска 2-го Белорусского фронта убирали с берлинского направления.

*

Одиннадцатого марта 1945 года ударные части армии взяли Диршау и вплотную подошли к Данцигу. После трехдневной паузы, необходимой для разведки и перегруппировки, два корпуса — 98-й и 116-й — начали наступление с запада и юго-запада. 108-й наносил удар на вспомогательном направлении — на северо-восток. Только к 26 марта, после тяжелейших

боев на подступах, корпуса пробившись к городу и вместе с другими соединениями 2-го Белорусского фронта начали штурм.

В эти дни кто-то из офицеров связи принес печальную весть: в бою на подступах к Данцигу погиб командир 37-й гвардейской стрелковой дивизии генерал Рахимов. Федюнинскому трудно было поверить в это. Всего несколько дней назад он прощался с отважным комдивом. В те дни дивизию из состава его армии снова отзывали в распоряжение генерала Батова.

— Спасибо за науку, товарищ командующий, — на прощание сказал тогда Рахимов. — В боях за Грауденц я многому у вас научился.

— Спасибо вам за вашу боевую работу, — ответил он. — Только напрасно вы, товарищ Рахимов, всегда стремитесь быть непременно в боевых порядках. Все ценят вашу храбрость, но вы — командир дивизии, вам нужно управлять боем, а не поднимать полки в атаку.

Рахимов не послушался. Снова, как уже не раз, война уносила лучших.

Данциг блокировали три армии 2-го Белорусского фронта. По-прежнему плечом к плечу со 2-й ударной действовала 65-я армия генерала Батова. Группировка насчитывала 95 тысяч солдат и офицеров. Гарнизон Данцига — 25 тысяч солдат и офицеров.

Как и перед предыдущими штурмами, вначале осажденным передали ультиматум с предложением о капитуляции. И снова немцы ультиматум не приняли.

Наши войска атаковали город-крепость с запада и лавиной продвигались на восток. При этом немцы не могли опираться на главную твердыню — восточные бастионы. В первые же часы атаки передовые ударные группы вклинились в оборону противника и начали продвигаться в глубину городских кварталов. Маршал Рокоссовский знал, кого надо посылать вперед. К 8.00 танкисты и самоходчики ИСУ-122 гвардейских танковых бригад и автоматчики из состава 2-й ударной армии вышли к францисканскому костелу в западном пригороде Данцига. Навстречу им выскочили «пантеры». Началась огневая дуэль. Несколько «пантер» были подбиты, остальные отползли в глубину города.

Наши штурмовики «Ил-2» наступали вместе с танками и пехотой. Самолеты держали постоянную связь с землей и потому мгновенно выполняли заявки командиров бригад и батальонов. Точечные удары имели большой эффект. Ударные группы шли уже по трупам противника, по дымящимся руинам дотов и домов-крепостей.

На второй день штурма немецкая оборона начала разваливаться на отдельные очаги сопротивления. Гарнизон был обречен. В районе

Оливских ворот при ударе «катюш» был убит генерал-лейтенант вермахта командир 4-й танковой дивизии Клеменс Бетцель. Некоторые форты выбросили белые флаги. Те, кто не сдавался, пали под массированными ударами советской артиллерии и авиации.

«Утром 29 марта, — свидетельствуют хроники войны, — мотострелки перешли мост Мильханнен и завязали бой в Нижнем городе восточной части Данцига. Попытка танкистов переправиться через канал Нейе-Мотглау не принесла успеха: перейти мост Мильханнен успели только два танка 59-й гв. тбр. Переправившиеся танки закрепились в здании таможенного управления в Нижнем городе. Сильный огонь из района казарм, гимназии и костела Св. Варвары делал все попытки переправиться невозможными. Всю первую половину дня 29 марта огнем с места, с Амбарного острова, танкисты и самоходчики 8-го гвардейского танкового корпуса (59-я и 60-я гв. тбр) поддерживали действия мотострелков 28-й гв. мсбр и бойцов 116-го СК в кварталах 86 и 87».

А вот записи в журнале боевых действий 59-й гвардейской танковой бригады:

«29.3.45.

Согласно полученной шифровке 8 ГТКК за № 78 от 29.3.45. командир бригады дал указания командирам частей:

В составе прежней гр. ночью боевых действий не прекращать. Мобилизовать все силы на быстрейшее наведение переправы через канал НЕЙЭ МОТЛАУ. Частям бригады в тесном взаимодействии с частями 98 и 118 СК продолжить наступление в направлении: улица ЛАНГГАРТЕН, КНАИПАБ, РЮКФОРД и выйти на рубеж р. ШВАРЦЕ ЛАКЕ.

12.35.

По наведенному мосту через канал НЕЙЭ МОТЛАУ в р-не 100 и 86 кв. 2 ТБ без одной батареи за танками 59 ГТБр начал переправляться через канал.

14.00.

2 ТБ полностью переправился через канал, ведет совместно с танками 59 ГТБр бой в р-не церкви на улице ЛАНГГАРТЕН за 86 квартал.

3 ТБ и одна батарея 2 ТБ вышли из боя и, составляя резерв командира корпуса, совместно с МБА располагаются в р-не БЕЗЫМ. квартала и парка южнее 366 квартала.

23.40.

2 ТБ совместно с танками 59 ГТБр и 29 ГМСБр, ведя бой с пехотой пр-

ка, пересекли ж. д. в р-не 90 квартала.

Соппротивление пр-ка заметно ослабло. Части продвигаются вперед.

В ходе наступления противнику нанесены следующие потери в живой силе и технике.

Уничтожено:

орудий разных — 5;

бронетранспортеров — 4;

солдат и офицеров — до 80.

Части бригады потеряли.

Личного состава:

Ранено сержантского и рядового состава — 5».

Потери 59-й гвардейской танковой бригады в последние дни штурма были минимальными. Но в первые дни и перед атакой на город бригада понесла значительные потери. Вот итоговая статистика из того же журнала боевых действий: «В ходе боевых действий бригады с 23 по 31.3.45. противнику нанесены следующие потери в живой силе и технике.

Уничтожено:

танков типа «пантера» — 3;

самоходных орудий — 2;

орудий разных — 32;

минометов — 1;

станковых пулеметов — 29;

бронетранспортеров — 6;

складов с боеприпасами — 1;

солдат и офицеров — до 800.

Подбито: танков типа «пантера» — 1.

Трофеи: орудий — 1.

Захвачено пленными — 5.

Части бригады потеряли:

сгорело ИСУ-122 — 9;

подбито ИСУ-122 — 7;

76-мм орудий — 1.

Личного состава:

убито офицеров — 6;

сержантов и рядовых — 16.

Ранено:

офицерского состава — 17;

сержантского и рядового — 39».

Как видно из итоговой таблицы, размен по бронетехнике был не в нашу пользу. Основные потери понесли тяжелые самоходки. Они продалбливали проходы в зданиях и крепостных стенах. Они разбивали бетонные колпаки пулеметных и артиллерийских дотов. Они сметали с улиц баррикады. И они становились первыми целями для противотанковой артиллерии противника и фаустников. Серьезным соперником для наших самоходчиков и танкистов были «пантеры» — мощное 88-мм орудие, великолепный прицел.

Во время штурма Берлина опыт 2-й ударной армии был бы незаменим. Но, увы, Берлин штурмовали другие соединения.

В личном составе размен был другой. Командиры берегли солдатские жизни. Грудью на амбразуры лезть уже было ни к чему. Хватало артиллерийских стволов и снарядов к ним. А стрелять артиллеристы к сорок пятому году уже научились.

Перед штурмом города Федюнинский приказал сформировать во всех частях первого эшелона штурмовые инженерно-саперные бригады (ШИСБр). Они несколько отличались от прежних. Каждая такая бригада состояла из четырех автоматчиков с большим запасом гранат, четырех огнеметчиков и четырех «фаустников». Как правило, в такие группы включали бывальцев, имевших опыт уличных боев. Они умели точно забрасывать в щели и окна домов и полуподвалов ручные гранаты. Умели пользоваться трофейными. Знали повадки противника, обороняющего город. Мгновенно распознавали замаскированные засады. Выжигали из подвалов и канализационных колодцев «фаустников». И сами были искусными «фаустниками», быстро освоившими эффективное оружие ближнего боя. В Эльбинге, Грауденце, Мариенбурге, Цехануве и других городах наши войска захватили большие армейские склады. Почти везде были запасы «фаустпатронов» и «панцершреков». Это было новое мощное оружие, с помощью которого Гитлер рассчитывал остановить танковые соединения Красной армии. Теперь оно служило самой Красной армии.

Каждую штурмовую группу поддерживали один-два тяжелых танка ИС-2 или ИСУ-122. Эти «зверобои» с мощными пушками способны были поразить любой танк противника. Кроме того, на башнях ИСов на турелях были установлены крупнокалиберные пулеметы ДШК, которые эффективно помогали гасить пулеметные гнезда, они буквально сносили позиции снайперов и автоматчиков, засевших на верхних этажах зданий. Для штурма особо сложных объектов группам придавались саперы-подрывники. Подрывникам выделялось по 200 килограммов взрывчатки.

Саперы к тому времени владели многими приемами «воздействия на противника» в пределах своей военной профессии. К примеру, производили направленные взрывы, используя канализационные люки в качестве отражателей. В пробитую дыру тут же запускал тугую струю огнеметчик. Если гарнизоны домов не сдавались, строение просто-напросто разрушали сосредоточенными взрывами. Иногда к стенам, за которыми прятались немецкие пулеметчики и артиллеристы, простреливая перед собой все достигаемое пространство, подводили тяжелые 203-мм гаубицы Б-4. Их называли «сталинскими кувалдами» или «карельскими архитекторами». Именно с их помощью во время «зимней войны» наши войска вскрывали финские доты на линии Маннергейма.

И тем не менее для зачистки города-крепости потребовалось трое суток. Трое суток непрерывных боев! 10 тысяч красноармейцев и командиров пало при штурме Данцига, 80 танков и самоходок было сожжено на его улицах и в тесных переулках. Враг потерял в два-три раза больше. Но статистика не ослабляет чувства горечи и скорби по погибшим «за други своя».

Тридцатого марта 1945 года Верховный главнокомандующий подписал приказ № 319, в котором говорилось: «Войска 2-го Белорусского фронта завершили разгром данцигской группы немцев и сегодня, 30 марта, штурмом овладели городом и крепостью Гданьск (Данциг) — важнейшим портом и первоклассной военно-морской базой немцев на Балтийском море. Над Гданьском поднят национальный флаг Польского государства...»

В те дни был опубликован Указ Верховного Совета СССР о награждении командующего 2-м Белорусским фронтом К. К. Рокоссовского орденом «Победа» — «за искусное руководство крупными операциями, в результате которых были достигнуты выдающиеся успехи в разгроме немецко-фашистских войск».

Одним из первых поздравил своего непосредственного начальника и старого боевого товарища генерал Федюнинский.

Когда-то Данциг назывался Гданьском — польский город на исконно славянской земле. Со стороны моря в прошлые века здесь были выстроены мощные форты. Вермахт сюда вошел в сентябре 1939 года. Первая кровь Второй мировой войны пролилась именно здесь. Близ Гданьска на полуострове Вестерплатте произошел бой между польскими и немецкими войсками. Гитлер потребовал у польского правительства «вернуть» Данциг Германии. Город действительно был населен в основном немцами. Тогда, в тридцать девятом, война пощадила город. А теперь по Данцигу проутюжили советские танки и самоходки, прочность крепостных стен

испытали тяжелые снаряды мортир с замедленными взрывателями. Возвращение Данцигу польского имени Гданьск оплачено кровью десяти тысяч солдат и офицеров Красной армии.

В марте 1949 года, когда Гданьск и Гдыня отмечали очередную годовщину освобождения, народные советы этих городов присвоили маршалу Рокоссовскому звание почетного гражданина. Польские награды получил и генерал Федюнинский: орден Возрождения Польши, золотой крест ордена «За воинскую доблесть» IV степени, орден «Крест Грюнвальда» II степени, крест Ольшанского воеводства. В самих названиях этих наград заключался целый сюжет, большой отрывок его фронтовой судьбы.

*

В начале апреля 1945 года в штаб 2-го Белорусского фронта поступила директива Ставки: срочно перегруппировать основные силы фронта в составе четырех общевойсковых армий, трех танковых и одного механизированного корпуса, а также фронтовых средств усиления, на штеттинское направление. Эта группировка должна была сменить там войска 1-го Белорусского фронта, которые выходили в исходные районы для броска на Берлин.

Переброска войск — дело хлопотное. Армии должны были развернуть свой фронт на 180 градусов и совершить марш в 300–350 километров по местности, где только что закончились бои. А это означало прежде всего следующее: мосты разрушены, дороги завалены металлоломом, объезды, возможно, заминированы, дорожная инфраструктура уничтожена.

Задача: форсировать Одер, разгромить 3-ю танковую армию противника, не допустить, чтобы даже остатки ее могли отойти к Берлину и помешать действиям войск 1-го Белорусского фронта на берлинском направлении.

Маршал Жуков двинул свои армии в наступление 16 апреля. Через четыре дня в наступление пошли и войска Рокоссовского. Впереди — 65-й армия генерала Батова. Через Одер 2-я ударная армия переправлялась в полосе 65-й, по существу выполняя роль второго эшелона. Но вскоре авангарды развернулись в боевые порядки и атаковали города Анклам и Штральзунд. Города эти были сильно укреплены, гарнизоны их составляли солдаты вермахта и СС, а также подразделения фольксштурма, среди которых было много юношей непризывного возраста и даже детей.

Поэтому Федюнинский приказывал подводить к этим опорным пунктам тяжелую технику, осадные орудия разносили на окраине города какое-нибудь пустое или спешно покинутое войсками здание, а потом по громкоговорителю на немецком языке обращались к защитникам города и его гражданам с предложением о капитуляции. Все чаще и чаще это срабатывало. Почти без боя были заняты Штеттин, Грайфсвальд, но пришлось штурмовать Штральзунд, Анклам, Свинемюнде.

Каждый бой, каждая стычка на дороге или в городе уносила жизни советских солдат. Люди прошли всю войну, уже задумывались о возвращении домой, а тут надо идти под пули...

В Штеттине погибла снайпер Нина Павловна Петрова. Федюнинский знал ее давно. Однажды после очередного наступления, когда штабы писали репортажи на отличившихся, командарм обратил внимание на наградной лист старшины Петровой. Она была представлена к ордену Славы 1-й степени. Подписывая лист, Федюнинский подумал: возможно, старшина Петрова будет первой женщиной — полным кавалером солдатского ордена Славы. И вдруг обратил внимание на год рождения старшины и ее возраст — пятьдесят два года. Позвал начальника штаба:

— Здесь, по-моему, или опечатка машинистки, или какая-то путаница. Пятьдесят два года. Как это может быть?

— Нет, товарищ генерал, все правильно. Петрова уже не молодая.

— Не молодая... Да она уже пожилая! А воюет лучше иных молодых! Вызовите ее ко мне, надо познакомиться.

Вот как вспоминал генерал Федюнинский свое знакомство с этим выдающимся солдатом: «К вечеру Петрова прибыла. Она оказалась худенькой, седой, но еще крепкой с виду женщиной, с простым, морщинистым, рябоватым лицом. На ней были изрядно засаленные ватные брюки и солдатская гимнастерка, которую украшали два ордена Красного Знамени, орден Отечественной войны и два ордена Славы. Быстрые уверенные движения Петровой никак не соответствовали ее возрасту: чувствовалось, что в молодости она занималась спортом.

— Это верно, что вы уничтожили больше ста гитлеровцев? — спросил я.

Петрова подтвердила: да, на ее счету 107 фашистов. Кроме того, она обучила снайперскому делу около четырехсот солдат.

— А как вы попали в армию? Как стали снайпером?

Вначале Петрова заметно смущалась, но потом разговорилась.

— На фронт пошла добровольно. Не хотели брать, но я настояла, — рассказывала Нина Павловна. — Я работала перед войной инструктором

Осоавиахима в Ленинграде, была капитаном женской хоккейной команды, участвовала в трехкилометровых заплывах, увлекалась лыжами, стрельбой, баскетболом.

Оказалось, что она воюет с зимы 1941 года, все время на передовой, но ни разу не была ранена.

— Знаете, товарищ генерал, если бы мне кто раньше сказал, что я в мои годы смогу так много ходить пешком с полной выкладкой, я бы не поверила! Посчитала бы за шутку! Но вот, оказывается, хожу, и ничего. Здоровье у меня крепкое. Иной раз по несколько дней приходится лежать в болоте, в грязи. И не болею! Вообще никогда не простужалась.

Я предложил Петровой пообедать у меня. За столом беседа продолжалась. От рюмки водки Нина Павловна отказалась:

— Не пью...

— Солдаты вас не обижают?

— Что вы, товарищ генерал! Они меня мамашей зовут, относятся с уважением. — Петрова усмехнулась и добавила: — Сказать откровенно, меня сам ротный немного побаивается. Молод он еще, в сыновья мне годится, ему всего двадцать три года.

— Нина Павловна, я прикажу, чтобы вам выдали новое обмундирование. И пусть подгонят его в здешней мастерской военторга.

— Зачем? — Петрова равнодушно пожала плечами. — Щеголять я стара, а ползать по передовой мне и в этих брюках удобно. Привыкла к ним. Вот новую винтовку я бы не возражала получить. У моей нарезы в канале ствола поистерлись.

Нине Павловне выдали снайперскую винтовку с оптическим прицелом. На прикладе укрепили золоченую пластинку с надписью: «Старшине Н. П. Петровой от командующего армией». Кроме того, я наградил отважную патриотку часами.

Почти всю войну прошла эта смелая женщина и оставалась невредимой. А вот теперь, когда победа была так близка, шальная пуля сразила ее...»

Всю жизнь помнил Иван Иванович Федюнинский своего пожилого солдата Нину Павловну Петрову. Помнил как генерал: старшина Петрова одна уничтожила целую роту фашистов, которые пришли в ее дом, чтобы убивать и грабить. Помнил как человек: худенькая женщина, а выполняла на войне мужскую работу.

Краеведы Ленинграда исследовали и восстановили биографию своей славной землячки.

Родилась Нина Петровна в 1893 году в Ораниенбауме. После пятого

класса гимназии поступила в торговую школу. Какое-то время жила у родственников во Владивостоке. Работала счетоводом, а вечерами посещала занятия в коммерческом училище. В 1927 году с дочерью вернулась в Ленинград. Работала на судостроительном заводе, потом — инструктором физкультуры и стрелкового спорта в обществе «Спартак». Увлекалась верховой ездой, велосипедом, греблей, плаванием, баскетболом, лыжами, хоккеем с мячом, конькобежным спортом. Одной из первых в Ленинграде заслужила значок ГТО I ступени. Однако главным видом спорта была для нее пулевая стрельба. На Всесоюзной летней спартакиаде ЦК профсоюза работников местного транспорта завоевала командное первенство и получила именную малокалиберную винтовку. Поступила в снайперскую школу и вскоре стала ее инструктором. Только за 1936 год Нина Павловна выпустила 102 ворошиловских стрелка. Многие из них потом стали снайперами, воюя на разных фронтах. Участвовала в Советско-финляндской войне 1939–1940 годов.

В 1941 году ей было 48 лет — возраст, который уже не подлежал призыву. Однако она добровольно вступила в 4-ю дивизию народного ополчения Ленинграда. После ее переформирования служила в медсанбате. В ноябре 1941 года, когда осажденному Ленинграду было особенно тяжело, ее зачислили наконец «по специальности» — снайпером 1-го стрелкового батальона 284-го стрелкового полка 86-й Тартуской стрелковой дивизии. В это время Нина Павловна выходы на боевые задания чередовала с инструкторской работой. Всего за годы войны она подготовила более пятисот снайперов. В 1943 году получила свои первые фронтовые награды — медали «За боевые заслуги» и «За оборону Ленинграда». В марте 1944 года на ее боевом счету было двадцать три уничтоженных фашиста. Тогда же ее наградили орденом Славы 3-й степени. Во время наступления в Эстонии вместе со стрелковой ротой ходила в атаки, поддерживая бойцов своим снайперским огнем, уничтожала пулеметчиков и снайперов противника. Ходила в разведку. В этих боях она уничтожила еще двенадцать солдат и офицеров противника. В августе 1944 года награждена орденом Славы 2-й степени. В феврале 1945-го, уже командуя отделением снайперов, в боях за Эльбинг прикрывала атакующую пехоту и штурмовые группы. В этих боях Нина Павловна лично уничтожила тридцать два вражеских солдата и офицера. В наградном листе говорилось: «Товарищ Петрова участница всех боев полка; несмотря на свой преклонный возраст (52 года), она вынослива, мужественна и отважна, время передышек полка от боев она использует для совершенствования своего искусства снайпера и обучения личного состава полка своему искусству, за все время ею

подготовлено 512 снайперов». На листе виза командующего 2-й ударной армией генерал-полковника Федюнинского: «Достойна награждения орденом Славы I степени».

Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении старшины Нины Павловны Петровой орденом Славы 1-й степени вышел 29 июня 1945 года, когда ее уже похоронили однополчане в братской могиле. Гибель ее была нелепой: ЗиС-5 полковой минометной батареи, на котором ехала старшина Петрова, упал в обрыв. За несколько дней до гибели Нина Павловна написала своей дочери в Ленинград письмо: «Дорогая моя, родная дочурка! Устала я воевать, детка, ведь уже четвертый год на фронте. Скорее бы закончить эту проклятую войну и вернуться домой. Как хочется обнять вас, поцеловать милую внученьку! Может, и доживем до этого счастливого дня... Скоро мне вручат орден Славы первой степени, так что бабушка будет полным кавалером, если доносит голову до конца...»

Не доносила.

На счету у отважного снайпера Нины Павловны Петровой было 122 убитых солдата и офицера противника, троих она взяла в плен. Винтовка с дарственной надписью: «Старшине Н. П. Петровой от командующего армией» хранится в музее.

Первичное захоронение: Польша, Щецинское воеводство, повят Грыфинский, г. Грыфино (Грайфенхаген), южная окраина, правый берег реки Вест-Одер. Теперь это воинский мемориал в городе Грыфино, ул. Войска Польского. Останки старшины Нины Павловны Петровой, по всей вероятности, были перенесены и погребены на новом месте. Поэтому имени ее на плитах нет, она покоится как неизвестный воин. Перезахоронение произведено в 1947 году. Сейчас за мемориалом ухаживает Совет охраны памяти борьбы и мученичества Польской Республики. Могилы советских воинов содержатся в хорошем состоянии.

Не случайно спустя многие годы Федюнинский вспомнил о Нине Павловне Петровой в своих мемуарах. Правда, причина гибели там указана другая. Но таков уж мемуарный жанр, что храбрый солдат на войне должен погибнуть только от вражеской пули...

Как всегда, эти чувства, не отпускавшие многих полководцев Великой Отечественной войны всю оставшуюся жизнь, предельно точно выразил поэт:

Я знаю, никакой моей вины
В том, что другие не пришли с войны,
В том, что они — кто старше, кто моложе —

Остались там, и не о том же речь,
Что я их мог, но не сумел сберечь, —
Речь не о том, но все же, все же, все же...

Рокоссовцы шли вперед. Форсировали реки, речки и каналы, сбивали немецкие заслоны на дорогах, с ходу врываются в города и населенные пункты. Этот марш мощи и превосходства русского солдата и советского оружия уже невозможно было остановить. На коротких привалах во время отдыха тут же начинали играть тульские, саратовские и вологодские гармошки, трофейные аккордеоны. Солдаты в предчувствии скорой победы пели и плясали. Часто слышалась песня 2-го Белорусского фронта:

Капитан, наш комбат-капитан
Гладко выбрит и чуточку пьян.
Мы встаем по команде комбата: «Вперед!»
Наш комбат на мгновение раньше встает.

Не для него ль гремел салют московский?
За Грауденц он дрался впереди.
И не его ли обнял Рокоссовский,
Срывая орден со своей груди?

Слова у этой песни, появившейся в войсках совсем недавно, во время боев за Грауденц и Данциг, нравились командарму. Нравилось и то, с каким самозабвением ее исполняли во 2-й ударной. К хорошим стихам Федюнинский был чуток с юных лет.

Как-то после деловой части разговора с комфронта сказал:

— Константин Константинович, а мои лейтенанты, интеллектуалы из инженерной службы, песню о вас сочинили.

— Песню? — удивился маршал.

— Да. И хорошую.

— А ну-ка напойте.

Как смог, напел. Рокоссовский засмеялся. Сказал:

— Действительно, хорошая песня. А заметьте, Иван Иванович, она уже не военная — послевоенная.

— Точно. Победная!

— Тем и хороша.

Весенняя теплынь, цветущие сады в уцелевших, не тронутых обстрелами и огневыми налетами аккуратных, будто игрушечных немецких деревнях, похожих на рождественские балаганы, запахи земли, готовой простить людям все их безумные зверства, лишь бы ее снова распахали и засеяли хлебом, радостные лица солдат, затихающая канонада вдали — все свидетельствовало об одном. Иногда прямо посреди дороги вспыхивал стихийный концерт с залихватской пляской и дерзкими частушками. Два-три аккордеона сливались в стройный ансамбль, им боевито подвизгивала гармошка, а в кругу, не жалея сапог, пехота отдирала «русского». И откуда только брались такие ловкие и неутомимые мастера? Может, тульские, может, тобольские или пензенские. Давай, гвардии пехота, не уступай ни танкистам, ни артиллеристам, ни разодетым, как на парад, кавалеристам! Самые лихие выдергивали в круг девчат-регулирующих и санинструкторов, и те, разругавшись от неожиданного прилива пробудившихся чувств, проходили лебедушками и еще сильнее раззадоривали плясунов. Эх, веселись, славяне! Наша берет! «Папаши» сидели на патронных ящиках, курили трофейные сигареты и степенно смотрели на ликующую молодежь. Вместе с дымом чужого суррогатного табака они вдыхали теплые запахи земли и думали о женах и детях. Поскорее бы кончалась эта распроклятая кровавая куролесица. Загнать последнего ганса в последний окоп да и... И — домой.

Кровавая куролесица тем не менее продолжалась. Южнее 1-й Белорусский фронт преодолел многополосную оборону Зееловских высот и внешнего обвода Берлина; его танки и штурмовые отряды продвигались к центру города, к рейхсканцелярии и рейхстагу. Здесь тоже нет-нет да и вспыхивали яростные схватки с засадами на дорогах и в населенных пунктах. Верные Гитлеру солдаты вермахта и СС, бойцы фольксштурма буквально бросались под танки с фаустпатронами.

Однажды по дороге на Анклам во время очередной смены КП — в период наступления армии командные пункты менялись часто — машина командующего попала в очередную пробку. Пробка показалась какой-то странной. Будто шли-двигались танки привычной колонной с положенными на марше интервалами, да и остановились разом, замерли, как по команде. Точно такую же пробку ему, тогда командиру стрелкового корпуса, пришлось пробивать в июле 1941 года перед Коростеньским УРом на реке Стири.

Федюнинский вышел из машины, подошел к одной «тридцатьчетверке», к другой, постучал палкой по броне. Тишина.

— А ну-ка, Рожков, — приказал он адъютанту, — проверь внутри.

Может, спят. Умотались на марше...

Рожков быстро запрыгнул за броню, заглянул в башенный люк, потом к механику-водителю, развел руками:

— Никого, товарищ генерал. Ни души.

И правда — ни души. Ни экипажей, ни караульных. Что за притча посреди дороги?

— Должно быть, обедают, — осторожно намекнул адъютант Рожков и кивнул в сторону большого кирпичного дома под черепичной крышей.

Дом стоял у дороги среди старых ухоженных деревьев. Окна нараспашку. Из окон слышен говор и смех.

«Миновав прихожую, — вспоминал Федюнинский, — оказался в просторной комнате. Посередине ее стояли два больших сдвинутых вместе стола, уставленных закусками и бутылками. За столом сидело человек двадцать танкистов в шинелях и бушлатах. Их покрасневшие лица и громкие голоса свидетельствовали о том, что обедают они уже давно.

Когда я вошел, кое-кто из присутствующих встал. На мое приветствие ответили вразброд, недружно. Разговоры сразу смолкли. Все смотрели выжидательно.

Случись это несколько месяцев назад, я бы крепко отругал их, может быть, даже отправил под арест. Но сейчас так поступить не мог.

Война кончалась, и все это чувствовали. У людей было приподнятое настроение от сознания скорой победы, близкой перспективы возвращения домой, встречи с родными и близкими. В такое время не хочется думать о предстоящем бое, о возможной смерти. А танкистам завтра предстояло брать Анклам, который гитлеровцы намеревались прочно удерживать. Правильно ли в таких условиях учинять разнос, наказывать солдат?

Я решил поступить иначе. Неторопливо, делая вид, что не замечаю настороженных взглядов танкистов, подошел к столу, спросил:

— За что пьете, товарищи?

— За победу, товарищ генерал!

— Что ж, за это я с вами, пожалуй, выпью. Налейте-ка.

Мне подали наполненную рюмку. Все сразу почувствовали себя свободнее, поняли: командующий ругаться не будет.

Я поднял рюмку:

— Давайте, товарищи, выпьем за победу, которая близка, за сокрушительную силу наших последних ударов, за Родину!

Все встали. Мы чокнулись и выпили.

— Ну а теперь — по машинам! Будем добывать победу, за которую только что пили!

В тот же день «солдатский телеграф» разнес чуть ли не по всем частям, что командующий армией пил с танкистами за победу».

Это была одна из бригад гвардейского танкового корпуса генерала Попова.

Город Анклам был взят на следующий день мощной атакой при поддержке танков. Танкисты отличились особо. Крушили немецкую оборону огнем и гусеницами.

Боевые действия 2-й ударной армии закончились на острове Рюген. Гарнизон Рюгена сдался без боя.

*

Части и соединения армии были расквартированы на острове Рюген. Расположились в красивейшем месте — на побережье Балтийского моря в городе Штральзунде и окрестностях.

На Военном совете было решено: личный состав много дней провел в непрерывных боях и на маршах, надо дать людям отдохнуть. На морском побережье нашлось много особняков, порой походивших на замки, где можно было расселить и офицерский, и рядовой состав. Немцы, опасаясь приближения Красной армии, бежали, бросив и свои замки, и все пожитки. Брошенное хозяйство тут же начали осваивать предприимчивые поляки.

Для того, чтобы определить подходящие для отдыха личного состава дома и особняки, Федюнинский выехал на место вместе с квартирными и командирами корпусов.

Внимание их привлек довольно большой особняк на берегу моря. Дом стоял в глубине обширного сада. Кто-то сразу же предложил зайти и осмотреть его.

На крыльце генералов и офицеров встретил пожилой, опрятно одетый господин. Живой взгляд, аккуратно подстриженные усы. Он снял шляпу и с достоинством поклонился. Федюнинский тоже кивнул и спросил старика по-немецки, как к нему обращаться. Тот улыбнулся и сказал:

— Я, ваше превосходительство, русский язык еще не забыл.

— Кто же вы такой?

— Из прибалтийских немцев. До революции в Петрограде у меня была... Я занимался торговлей табачными изделиями. Сюда вместе с семейством перебрался в восемнадцатом году.

— Вы один живете в особняке?

— О нет, со мной тридцать дам.

Генералы переглянулись.

Торговец табаком в дореволюционном Петрограде поспешил разъяснить:

— Господа, здесь проживают престарелые русские эмигрантки. Если желаете убедиться, прошу!

Генералы вошли в особняк. В просторном вестибюле в креслах и на диванах сидели пожилые женщины. Они тут же поднялись навстречу вошедшим и, делая реверанс, по очереди стали представляться генералам:

— Графиня такая-то...

— Княгиня такая-то...

— Баронесса...

Среди прочих Федюнинский услышал фамилию известного адмирала, о котором он немало знал из прочитанных книг. Он подошел к пожилой даме, представившейся его вдовой, и сказал:

— Ваш покойный муж был, кажется, человеком прогрессивных взглядов и умер задолго до революции. Почему же вы оказались здесь?

Адмиральша печально покачала седой головой:

— Общий психоз. Страх. Непонимание того, что тогда происходило.

Федюнинский сделал несколько комплиментов в адрес баронесс и графинь. Рук, впрочем, не целовал. И вскоре дал понять своему кортежу, что пора удаляться.

Вышли из «русского» особняка, как говорят, не солоно хлебавши. Но не расстроились. Поехали осматривать другие особняки. Их на побережье острова Рюген было предостаточно.

Позже Федюнинский вспоминал не без поэтического пафоса: «Посоветовавшись, мы решили оставить в покое престарелых русских аристократок: пусть доживают свой век обломки старого мира, выброшенные за борт истории. Для дома отдыха выбрали другой особняк».

На 8 мая Федюнинский приказал коменданту штаба подготовить праздничный обед и пригласить на него командиров соединений, начальников штабов, политработников.

— А по какому случаю такое торжество? — удивился комендант.

Ни о какой капитуляции Германии еще не было слышно, хотя в штабах уже поговаривали: мол, вот-вот. А он, командующий, уже точно знал, когда будет подписан акт о полной и безоговорочной капитуляции германских войск на всех фронтах и во всех гарнизонах. Но говорить об этом было пока нельзя.

— По случаю... моих именин, — отшутился Федюнинский.

В тот же день заказал переговоры с Ленинградом. В последнем письме

Елена Владимировна сообщила, что заболела. Решил позвонить, справиться о ее здоровье, услышать родной голос. Связь дали только поздно вечером. В конце разговора жена, вздохнув, спросила:

— Ваня, когда же кончится война?

Сколько раз он слышал это вопрос! И от сослуживцев, и от рядовых бойцов, и от гражданских. Он звучал с интонацией надежды. Мол, рано или поздно она закончится, надо просто терпеть и драться дальше. Потом очертания ее стали более определенными. Но все же — когда?

— Леночка, война закончится завтра! — И он засмеялся.

— Я же серьезно спрашиваю, — рассердилась жена.

— А я тебе серьезно и отвечаю. Осталось чуть-чуть, несколько часов...

Елена Владимировна потом рассказывала, что в ту ночь, когда позвонил с фронта муж, у нее была подруга. В три часа их разбудил необычный шум на улицах. Они открыли окна и увидели, что весь город высыпал на улицы. Толпы народа! Все улыбаются, кричат: «Ура! Победа!» Заиграли гармошки. Песни! Пляски!

— Так Ваня мне правду сказал! — спохватилась Елена Владимировна. — Значит, он не шутил!

На острове Рюген в ту ночь тоже никто не спал. Первыми о капитуляции германских войск узнали связисты. Радостную новость тут же стали передавать из уст в уста. Солдаты и офицеры выскочили из домов и палаток, схватили личное оружие и начали разряжать в ночное весеннее небо диски и обоймы. Сотни сигнальных ракет разных цветов несколько минут озаряли побережье.

Всё! Изнуряющий марш длиной в четыре с половиной года завершен! Победа! Как долго и как мучительно ее ждали! И как много людей ее не дождались!

*

На следующий день состоялся банкет. Столы накрыли в одном из просторных пустующих особняков.

Федюнинский поднял бокал и произнес первый тост. В своих мемуарах он уточняет, что выпит он был «за нашу партию, за нашу победу». Но, как известно, все мемуары военачальников правились в Главном политуправлении. В 1960-е годы, когда в стране начал разрастаться культ Н. С. Хрущева, имя Сталина, в том числе и как

Верховного главнокомандующего в годы Великой Отечественной войны, было начисто вычищено из истории. Так что справедливости ради надо заметить, что и с танкистами 8-го гвардейского танкового корпуса перед штурмом Анклама в придорожном доме, и здесь, в богатом особняке на берегу моря, первую рюмку они, победители, скорее всего, пили за своего Верховного главнокомандующего. Так тогда было принято, и никто не отступал от этого правила. Даже в небольших компаниях, среди надежных боевых друзей. За Сталина! За Победу!

Во время застолья, как раз после первого тоста, случился конфуз. Которого, впрочем, никто, кроме командующего и коменданта штаба, не заметил и не принял за таковой.

«Мы выпили, — вспоминал Федюнинский. — И тут бокал случайно выскользнул из моих пальцев и с легким звоном разбился. По моему примеру, но уже намеренно, бросили на пол свои бокалы все присутствующие. Комендант штаба растерялся. Он никак не ожидал, что потребуются дополнительные бокалы. Каким-то образом ему все же удалось выйти из затруднительного положения. Пока убирали осколки хрусталя, новые бокалы уже появились на столах».

Война — это война. А Победа — это Победа. И тут уже, как мы видим и по мемуарам Федюнинского, и по развитию событий, солдаты как бы отступают в тень, и на первое место выходят снабженцы, коменданты... Такова жизнь, мой дорогой читатель!

В тот вечер засиделись допоздна. Вспоминали бои и сражения, однополчан, сослуживцев, фронтовых товарищей, оставшихся в могилах в Подмоскowie, под Волховом, в Эстонии, в Польше, в Восточной Пруссии. Выпили за них, поклялись помнить их подвиги и могилы. Генерал свято следовал той спонтанно произнесенной им и его офицерами клятве, и всю жизнь время от времени навещал места сражений, приносил цветы на могилы своих солдат.

Позвонил в штаб фронта маршалу Рокоссовскому. Обменялись поздравлениями. Там тоже отмечали. Закончили разговором о служебных делах, о ближайших задачах. Война — позади, начиналась служба.

Гости разошлись. Девушки из военторга под присмотром коменданта штаба убирали со столов. А генерал вышел на берег. Долго смотрел на темный залив, на мерцающие в черной, как деготь, воде звезды, похожие на брызги подкалиберного снаряда при встрече с броней, и память вновь и вновь прокручивала перед ним в один миг постаревшую и ставшую тяжким прошлым его военную хронику. С нею он будет жить теперь до последнего своего часа. Как миллионы тех, кто прошел вместе с ним своими дорогами.

Мучительное и обескураживающее отступление в Западной Украине, почти бегство, огромные потери, оупляющие сознание и парализующие волю. Первые контратаки и трупы обгоревших немецких танкистов на танках, уничтоженных в ближнем бою пехотой. Ленинград, опутанный колючей проволокой, непрерывные атаки и контратаки, когда в кромешном дыму и огне не понять, где свои, а где противник. Подмосковье, разбитая немецкая техника на обочинах дорог, хмурое низкое небо над полем и монастырем, пленный немецкий офицер, высокомерие в его глазах смешано с недоумением и злобой. Наступление под Брянском, немецкие пикировщики, постоянно висащие над боевыми порядками армии. Снова волховские болота и ленинградский снег, мощный прорыв и спины бегущих немцев. Танненберг. Эльбинг. Грауденц. Старшина Нина Павловна Петрова. Мост через Вислу, вспухший лед переправы, закрытые деревянными щитами пробоины и трещины. Немецкий генерал, осознав, наконец, свое поражение и бессмысленную гибель своих солдат, истерично трясет головой. Хойнице-Кезлинская операция — взятие Диршау и бои на подступах к Данцигу. Кровавый штурм Данцига. Расколотые бетонные колпаки дотов, атакованные с прямой наводки гаубицами большой мощности. Последние бои.

Позже, когда Федюнинский работал над своими мемуарами и читал книгу «Солдатский долг» Рокоссовского, он много думал над тем, что, возможно, прав был Константин Константинович: не следовало торопиться с ликвидацией группы армий «Курляндия» и немецких гарнизонов в Восточной Пруссии. Но у Верховного и Ставки были свои соображения. Уже в Ялте в феврале 1945 года, когда в Ливадийском дворце в очередной раз собрались лидеры «Большой тройки», разгорелась острая дискуссия по польскому вопросу. Всех волновали новые границы Польши. Сталин, думая о послевоенном устройстве мира и предполагая новую Польшу в семье стран социалистической ориентации, настоял на ее западной границе по Одере и Нейсе. На востоке поляки получали свои компенсации за счет восточных и северо-восточных территорий Германии, включая Данциг и Данцигский коридор. Но договоренности договоренностями, а события на фронтах развивались по своему сценарию и могли в любой момент опрокинуть любые намерения. Сталин торопил своих маршалов, в особенности Рокоссовского: Красная армия должна была как можно быстрее захватить те территории, которые, согласно Ялтинским соглашениям, отходили Польше и СССР. Не допустить возможной высадки англо-американо-канадско-польского десанта на побережье Балтийского моря и на островах. Там должны стоять гарнизоны советских войск!

Вот почему армии 2-го Белорусского фронта так стремительно ломали сопротивление немцев во время наступления в Восточной Померании. Вот почему города брали за два-три дня, а то и за сутки. Вперед! Вперед!

Но дело сделано. Погибших зарыли в землю. Польша увеличилась в своих пределах благодаря им и тем живым, которые стояли гарнизонами и гарантировали своим пребыванием нерушимость достигнутых договоренностей в Ялте и в Потсдаме. Гарнизоны спустя годы ушли на восток. А они, русские солдаты, погибшие во время маршей и штурмов, до сих пор стерегут то, за что воевали и умирали. И в этом смысле современная Польша должна быть благодарна им...

Иван Иванович Федюнинский был из тех генералов Красной, а затем Советской армии, кто звезд с неба не срывал. А боевые звезды доставались ему таким же трудом, каким солдату-окопнику доставалась медаль «За отвагу». Он был хорошим командующим армией. Возможно, это не было его потолком. Какое-то время он командовал фронтом, потом был заместителем командующего войсками фронта. И у него получалось и то и другое. Но так сложилось, что всю войну командовал армиями. Таких генералов было много, и о них помнят как о прекрасных полководцах. Такими были генералы Василий Иванович Чуйков, Павел Алексеевич Белов, Александр Васильевич Горбатов. Честные труженики войны, вынесшие со своими солдатами и офицерами и 41-й год, и 42-й, и погнавшие врага с наших земель в 43-м, и осуществившие ряд блестящих операций в 44-м, и победившие в 45-м.

Глава двадцать четвертая

СЛУЖБА ПОСЛЕ ВОЙНЫ

«Дела в войсках он передал в надежные руки и уезжал в Москву со спокойной душой...»

Еще в июне 1945 года полевое управление 2-го Белорусского фронта было преобразовано в управление Северной группы войск, дислоцированной на территории Польши. Маршал Рокоссовский теперь постоянно находился в Легнице, бывшем прусском Лигнице. Город, отошедший по новому межеванию к Польше, постепенно заселяли поляки из районов, отошедших по тому же межеванию к Советской Украине и Советской Белоруссии. Но большинство в городе все же составляли русские, и Легницу долгие годы называли «Маленькой Москвой».

Согласно директиве Ставки 2-я ударная армия вскоре вошла в Группу советских оккупационных войск в Германии со штаб-квартирой в Шверине. Этот город в Ближней Померании был построен на месте древней славянской крепости Зверин. С острова Рюген войска передислоцировались западнее. В состав 2-й ударной армии вошли: 116-й стрелковый корпус (86, 326 и 321-я стрелковые дивизии); 108-й стрелковый корпус (372, 90, 46-я стрелковые дивизии); 40-й гвардейский стрелковый корпус (101-я, 102-я гвардейские и 272-я стрелковая дивизии).

В группе шла постоянная реорганизация. В 1946 году управление 2-й ударной армии было подключено к созданию Архангельского военного округа. Первоначально округ был создан в 1940 году и просуществовал до 1944 года. И вот теперь его воссоздавали вновь. В округ входили Архангельская, Вологодская области и Коми АССР. В годы войны войска округа обеспечивали оборону побережья Белого моря и безопасность морских караванов на подходах к местам выгрузки и в портах.

Командующим войсками вновь созданного Архангельского военного округа назначили генерал-полковника Федюнинского, и он вместе со своим штабом перебрался в Архангельск. В марте 1947 года он сдал дела округа и был направлен на учебу на курсы при Высшей военной академии им. К. Е. Ворошилова. В послевоенное время академия вернулась к двухлетнему курсу обучения и готовила руководителей высшего звена управления вооруженными силами. После окончания учебы был назначен на

должность командующего 7-й гвардейской общевойсковой армией Закавказского военного округа. Штаб армии дислоцировался в Ереване. Дел у командующего было всегда много. Расквартирование войск. Благоустройство военных городков и полигонов. Шло постоянное перевооружение войск. Поступала новая боевая техника. Винтовки системы Мосина заменил самозарядный карабин Симонова, а автоматы ППШ и Судаева — надежный и практичный, безотказный в любых климатических условиях автомат Калашникова.

С ноября 1951 года по апрель 1954 года Федюнинский был заместителем и первым заместителем главнокомандующего Группой советских войск в Германии (ГСВГ). Это были непростые, переломные годы для страны. Умер Сталин. Арестован, осужден как виновник репрессий и расстрелян министр внутренних дел СССР Берия. У власти Хрущев. Правительство вдвое сокращает расходы на военные нужды. Сворачиваются многие программы. Япония и США заключают договор, по которому американцы размещают на японских островах свои военные базы. США испытывают водородную бомбу. СССР строит первые атомные подводные лодки. Генерал Эйзенхауэр подает в отставку с поста главнокомандующего вооруженными силами НАТО в Европе и становится президентом США от республиканской партии. В Бонне без участия СССР подписан Общий договор между ФРГ и бывшими союзными державами — США, Великобританией и Францией. Договор отменил оккупационный режим в Западной Германии, при этом существенно ограничивая суверенитет ФРГ в пользу США. Полностью игнорируется позиция одного из главных союзников антигитлеровской коалиции — СССР. В ГСВГ танки почти не покидают полигонов. Войска находятся в режиме постоянной боевой готовности.

В 1954 году Федюнинский возвратился в СССР и до 1957 года командовал Закавказским военным округом со штабом в Тбилиси. На этой должности его сменил маршал Рокоссовский. США начали подталкивать Турцию к вооруженному столкновению с соседней Сирией, и Хрущев послал к турецкой границе одного из грозных своих маршалов. Турецкая армия вынуждена была отвести войска от сирийской границы.

Федюнинского между тем направили командовать соседним Туркестанским военным округом. Назначение состоялось в декабре 1957 года. Штаб округа располагался в Ташкенте. В августе 1955 года ему было присвоено очередное воинское звание «генерал армии».

В начале 60-х годов Иван Иванович засел за воспоминания. В 1960 году в Воениздате в серии «Военные мемуары» вышла его книга

«Поднятые по тревоге». Книга очень быстро была раскуплена в книжных магазинах страны и спустя четыре года вышла вторым изданием тиражом 65 тысяч экземпляров. Написал генерал книгу и о службе в Забайкалье и Монголии, о боевых действиях на КВЖД и на ХалхинГоле. Она названа «На востоке» и вышла уже после ухода ее героя и автора — в 1985 году.

В 1965 году в возрасте шестидесяти пяти лет Федюнинский вернулся в Москву и до самой кончины 17 октября 1977 года продолжал работать в Группе генеральных инспекторов Министерства обороны СССР.

Кстати, в Туркестанском округе дела у него принимал его бывший бравый командир дивизии Н. Г. Лященко, к тому времени генерал-полковник. Дела в войсках он передал в надежные руки и уезжал в Москву со спокойной душой.

Глава двадцать пятая

СЕМЬЯ. РОДНЯ. РОДИНА

«Тянуло его на родину...»

Из рассказа Галины Георгиевны Карповой, двоюродной сестры генерала Федюнинского: «Корни наши из деревни Гилёва, ныне Тугулымского района, а раньше к Тюменскому уезду относились. Там и Иван родился. Отцы наши родными братьями были.

Первое мое воспоминание о Ване — 1937 год. Я совсем малышка. К нам в гости приехал какой-то военный с женой. Жили мы тогда нелегко, нас у родителей семеро... Вот и уговаривали Иван с супругой маму мою отдать меня им для удочерения. Своих-то детей у них так и не было. Хоть и трудно маме пришлось с нами, но с родной кровиночкой расстаться не смогла. А Ваня с женой после войны уже взяли на воспитание племянницу и вырастили как дочь родную. Очень он детишек любил. С той поры не бывал он в родной деревне лет десять.

В 1947-м приехали они с женой на двое суток. Уже взрослая была, а любопытства — хоть отбавляй. Да и как промолчишь? Живого Героя Советского Союза впервые вижу, да и брата к тому же. Ваня же лишнего ничего не говорил, на все мои вопросы один ответ: «Много будешь знать — скоро состаришься». Однажды, правда, спросил: «Ты, Галя, сколько открыток к празднику друзьям посылаешь?» — «Две, три, — говорю, — от силы четыре». А он: «А я — больше сотни! Ты думаешь, если командир, да еще и Герой, то легко жить? Бывает, сутками не сплю, особенно если к учениям готовлюсь. Я ведь за каждого солдата отвечаю...» Чувствительный был, любил солдат, да и они его... А вот на этом снимке — военный парад в Ташкенте. В первый и последний раз пришлось посмотреть, как Ваня парад принимал. Там, в толпе, на специальных трибунах он и нам место нашел.

Однажды в июле приехал в Тюмень. 30-го у него был день рождения, и Ваня так мечтал провести его в кругу родных, но 28-го его вызвали в столицу для вручения медали Героя Монгольской Народной Республики. Помню, в тот приезд он в ТВВИКу вручал курсантам дипломы об окончании училища, говорил напутственные слова. Пришел домой — вся рубашка в поту, а сам смеется: «Слабаки пошли курсанты. Я выдержал, а

один в обморок свалился».

Помню, бабулька одна, соседка наша, узнала его, потянулась и отпрянула: генерал, звезда Героя. А он смеется: «Да я тебя, бабушка, сам опасаюсь... Отругаешь, как в детстве». Нет, с людьми держался он на равных. Помнил многих. Но и не заигрывал. Иногда всем казалось, что перед ними прежний Ванюшка. До смертоньки шанежки картофельные любил, пельмени, пирог рыбный. Всё заказывал... Он у нас в Тюмени трижды был, и все к выпуску новоиспеченных офицеров из военного училища приурочивал. Тянуло его на родину...

Смерть Вани нас потрясла. Уж сильно неожиданной была. Похоронили его в Москве на Новодевичьем кладбище. Земляки помнят его. На родине музей открыт, в тюменской средней школе № 8 материал собран.

Что запомнилось... Подвижность: ходил быстро, напористо так...

Обязательный был, что пообещал — сделает, слов на ветер не бросал»^[82].

*

Архив генерала И. И. Федюнинского, к сожалению, не сохранился. Вдова генерала некоторые документы передала в музей в Гилёве. Библиотеку передала в дар городу Славутич. Фотоархив оказался частично в фондах музея разведчика Николая Ивановича Кузнецова в городе Талица Свердловской области, а частично в Музее ВДВ в Екатеринбурге. Многое утрачено. Но кое-что все же осталось. Вот несколько писем с фронта жене Елене Владимировне:

«21 августа 1942 года.

Здравствуй, Леля!

Шлю привет и лучшие пожелания. Здоров и чувствую себя хорошо.

Немецкую сволочь бьем как полагается. Так что твой наказ выполняю. За неимением времени пишу очень мало, но хочется послать тебе эти снимки, сделанные Чукановым, и, надо сказать, получились неплохо. Пиши, как твои дела? Наверно, перешла уже на новую квартиру. Как устроилась? Пиши, родная, часто».

«5 сентября 1943 года.

Моей родной и славной Леле. Помни, родная, что и в трудные минуты боевой жизни я вспоминаю о тебе. Береги, себя, родная, не нервничай,

счастливым день придет. Враг будет бит — победа будет за нами. Твой Ваня».

«9 января 1945 года.

Родная Леля!

Ты не беспокойся, не грусти, родная,

Услыхав про наши жаркие бои.

Знаю, что седеют волосы твои.

Ты не беспокойся, не грусти напрасно.

В радостную встречу, дорогая, верь.

Бой жесток и труден, только сердцу ясно:

Светлый день Победы недалек теперь!»

Супружеские отношения Ивана Ивановича Федюнинского и Елены Владимировны были очень прочными. Эту прочность порой объясняют так: из староверов, да еще и венчаны... Но главное все же, видимо, в другом — в любви и уважении друг к другу.

Сразу после окончания войны Елена Владимировна приехала к мужу на остров Рюген. Потом они перебрались в Шверин. После Шверина — в Архангельск. И — поехало: Ереван, Берлин, Тбилиси, Ташкент, Москва...

Из воспоминаний Ирины Анатольевны Федюнинской, племянницы генерала Федюнинского: «Мой дед по отцовской линии — Федюнинский Георгий Трофимович — был родным братом отца И. И. Федюнинского Ивана Трофимовича, соответственно, мой отец Федюнинский Анатолий Георгиевич и Иван Иванович Федюнинский — двоюродные братья.

Впервые я познакомилась с дядей в 1965 году, в его первый приезд с инспекцией в Тюменское Высшее Командное училище после перевода из Туркестанского военного округа в Москву. Остановились они с Еленой Владимировной на квартире двоюродных сестер в Тюмени.

На семейную встречу были приглашены семья родного брата Василия Ивановича и наша семья.

В дальнейшем мне довелось еще дважды повидать дядю. Когда он приезжал с инспекторскими проверками в Тюменское училище, обязательно находил время чтобы побывать у нас в Талице. В то время в Талице проживала и семья Василия Ивановича.

Дядя Ваня с Еленой Владимировной всегда останавливались в нашем доме.

Хорошо помню их приезды. Это всегда было как праздник. Хлопоты тоже были радостными. Было желание достойно принять, вкусно

накормить, дать возможность хоть немного побыть в простой обстановке, подышать провинциальным чистым воздухом, насладиться красотой родной уральской природы.

Дядя Ваня был внимательным, заботливым и душевным человеком.

На протяжении всей жизни наша семья продолжала поддерживать родственные отношения путем переписки. В своих письмах дядя не скупился на добрые пожелания, давал мудрые советы, как поступить в той или иной ситуации.

Иногда нас приглашали в гости.

Своих детей у Ивана Ивановича и Елены Владимировны не было, поэтому к нам, племянникам, он относился с особым вниманием. В 1975 году у моего родного брата Юрия родился сын, назвали его в честь дяди — Иваном. Иван Иванович был тронут таким решением и был счастлив, что появился наследник его фамилии. Тут же с Еленой Владимировной собрал огромную посылку с приданным для внучатого племянника и пригласил семью брата в гости. Моему брату Юрию, отцу новорожденного, подарил командирские часы с гравировкой: «Лейтенанту Федюнинскому от генерала Федюнинского». Часы живы до сих пор, идут.

Я после окончания Талицкого лесотехнического техникума по направлению уехала работать в Новосибирск на авиационный завод. Жила в общежитии, работала в цехе оснастки, где было много молодежи. Занималась общественной работой в комсомольской организации цеха. Там вступила в КПСС. Иван Иванович по этому поводу написал мне, что быть членом нашей партии очень достойно, но и ответственно. Пожелал работать на совесть, быть доброжелательной к окружающим людям, чтобы в дальнейшем заслужить авторитет. Его заинтересованное отношение всегда вселяло уверенность в правильности выбранного пути.

Помню, что дядя Ваня был среднего роста, слегка полноватый, с теплым взглядом карих глаз. В руках у него всегда был мундштук с сигаретой, похоже, он никогда с ним не расставался. Говорил он мягко, без нажима, негромко и слегка в нос. Выглядел всегда ухоженно, опрятно. Любил пошутить, был доброжелателен и прост в общении, не допускал в разговоре грубых слов. Писал очень грамотно, при том, что изначально окончил всего четыре класса церковно-приходской школы. Любил подписывать открытки, поздравлял всех своих друзей и знакомых.

Наша семья жила более чем скромно. Папа вернулся с фронта инвалидом 2-й группы. Осколком мины ему оторвало стопу правой ноги. Начиналась гангрена, ногу резали шесть раз. Два года по госпиталям. Вернулся домой. На фронт ушел со школьной скамьи. Уже в сентябре 1941

года в составе стрелкового лыжного батальона он прибыл на Калининский фронт. После ранения был комиссован и приехал к старшей сестре в Талицу. Устроился на работу в автобазу леспромхоза. Отсюда в 1956 году был направлен на курсы бухгалтеров в Москву. Там произошла первая после войны, случайная встреча с Иваном Ивановичем. С тех пор они уже никогда не теряли связи друг с другом.

Папа всю жизнь проработал в леспромхозе бухгалтером автобазы. Здесь он встретил свою единственную любовь, нашу маму, с которой они прожили вместе 46 лет. В 1947 году, получив ссуду, построили свой домик, где родились и выросли мы с братом.

Иван Иванович и Елена Владимировна хорошо понимали, какой ценой достается жизнь брату-инвалиду, поэтому старались всегда чем-то помочь.

Однажды моему брату Юрию прислали немецкий подростковый велосипед, на котором выучилась ездить вся послевоенная детвора на нашей и близлежащих улицах. Детской радости и счастьем не было предела.

Мне к выпускному вечеру после окончания десятилетки прислали отрез белоснежного гипюра — мечту всех девчонок того времени. Родителям — ткань на костюмы, пальто и платья. Мы с огромной благодарностью принимали эти подарки. До сих пор помним и храним в своей памяти эту братскую помощь дяди и тети. Память о дяде мы передали своим детям: брат Юрий — сыну Ивану, я — сыну Георгию. Они — продолжатели династии Федюнинских».

Из рассказов односельчанина, жителя деревни Гилёва Павла Степановича Токарева: «Генерала Федюнинского я видел два раза. Приезжал он в школу. Что-то привозил. Подвозил его шофер из Тюмени.

Первый раз приехал, возле дома машина остановилась. Вышел из машины, обошел усадьбу. Потом перешел дорогу и долго стоял на берегу над речкой. А тогда как раз разлив был — речка наша широкая!

Я подошел к нему. Поздоровались за руку.

— Вот бы, — говорит, — порыбачить.

— А что, — говорю, — в Москве речки нет?

— Есть. Но некогда в Москве рыбачить.

Потом, когда уже постояли, покурили, говорит:

— Что — Москва? Тут, на родине, вот это рыбалка...

Мужик хороший. Высокий. Видный.

Второй раз. Я шел из Мальцева. Он, Федюнинский, стоял возле Петуховых. Руфина Филимоновна была его первая любовь. Не забывал. Вынес ей из машины две бутылки вина:

— Вот тебе на день рождения.

Разговаривали. Она его в дом пригласила, а он ей:

— Нет времени. То в училище, то туда...

Был он тогда с женой. Жена из машины не вышла, сидела на заднем сиденье. Она-то все же из богатой семьи была. Сам за бедных шел, а поженился на богатой...»

На родине Иван Иванович Федюнинский бывал часто. Родина звала. Что ни говори, кто бы ты ни был, а родина есть родина...

ПРИЛОЖЕНИЕ

Эту повесть написал в 1985 году двоюродный брат Ивана Ивановича Федюнинского Анатолий Георгиевич Федюнинский (1921–1995), тоже фронтовик. Анатолий Георгиевич ушел на фронт в год окончания школы. Воевал в лыжном батальоне под Калинином. В 1942 году был тяжело ранен, потерял ногу. Рукопись хранится в семье его дочери Ирины Анатольевны Федюнинской — она и передала ее копию автору книги.

Эта короткая повесть — яркий документ времени, свидетельство человеческой жизни и семейных отношений. Она — трогательное признание в любви и уважении к близкому человеку.

При подготовке к публикации сохранены стилистические особенности автора и той эпохи, в которой прожили свою жизнь братья Федюнинские. Оставлены даже некоторые неточности, поскольку они отражают портрет героя в семейных преданиях и легендах.

Публикуется впервые.

Анатолий Федюнинский

ПОВЕСТЬ О БРАТЕ

«Герои не умирают — они живут вечно...»

У самой границы тюменского нефтяного края в деревне Гилёва Тугулымского р-на в семье крестьянина-бедняка в 1900 году родился мальчик Ваня...

С детских лет среди деревенских мальчишек выделялся он и был организатором и руководителем всех детских игр.

Отлично окончил начальную гилёвскую школу. Надо было учиться способному мальчишке дальше, но тяжела была доля крестьянина до революции. Бедные, истощенные земли мало родили хлеба, и многие жители деревни зимой уезжали на заработки. Деревня Гилёва славилась малярами и художниками. В отход с родителями ездили и дети, красили и расписывали купеческие дома и церкви в Тюмени и Ишиме.

Рано познал Ваня и тяжелый крестьянский труд.

Скоропостижно, от тифа, скончались родители, и остались два брата, Иван и Василий, сиротами.

В осиротевший дом крестьянский сход поселил семью нанятого деревней кузнеца из Тюмени.

Братья жили и воспитывались в семье родного дяди. Пройдут годы, с уважением и благодарностью будет вспоминать Ваня своих приемных родителей.

Грянула Великая социалистическая революция в России.

Вскоре началась Гражданская война.

Девятнадцатилетним пареньком Ваня Федюнинский ушел добровольцем в ряды Красной армии защищать молодую Советскую Республику. Ожесточенные бои с колчаковцами и бандами атамана Семенова. Участвовал молодой красноармеец в разгроме японских интервентов во Владивостоке, Волочаевке, Спасске и Уссурийске. Затем служил в приграничных районах Забайкальского военного округа — в Даурии и Чите.

В 1922—23 годах упорно учился военному делу, с отличием окончил курсы краскомов в Омске, затем во Владивостоке и курсы «Выстрел» в Москве. В то время он какое-то время был командиром отделения, потом взвода. Природный ум, замечательная память и необычайная тяга к

военным наукам помогали ему совершенствовать военное мастерство.

В 1929 году во время событий на КВЖД в бою с гоминьдановцами погиб командир роты. Иван Федюнинский принял командование на себя, и рота разгромила крупную группировку белокитайцев и захватила большое количество пленных.

За эту операцию Федюнинский был награжден первым орденом Боевого Красного Знамени.

В конце 1925 года младший лейтенант Иван Федюнинский приехал на родину. Приемные родители справили свадьбу, и увез он молодую жену на Дальний Восток. Походная военная жизнь, частые переезды, дымные сырые землянки, и в руках походные чемоданчики. Иван Иванович и Елена Владимировна прошли вдвоем по нелегкому жизненному пути более 50 лет. «Золотую свадьбу» правительство Эстонии справило им в г. Таллине, где Ваня был почетным гражданином.

Приезд Вани и Лели в Гилёву зимой 1929 года был праздником для всех односельчан. Помню, как приехали они в отпуск в родную деревню. В доме моего отца собрались и стар и млад. Окружили Ваню деревенские мальчишки и девчонки, смотрели и трогали красивый боевой орден на его гимнастерке. Усаживал он вокруг себя детвору и наизусть читал сказки Пушкина и «Конек-Горбунок» Ершова. Душевная красота и обаяние этого человека влекли к нему всех людей. Бывало, что рассказы эти затягивались до утра, и дети засыпали на руках родителей.

Выступал он и с докладами перед крестьянами.

Привезли они тогда с собою в нашу деревню какую-то магическую энергию бодрости и оптимизма.

Походные простые вещи, хрустящие ремни лейтенанта и даже зубная щетка, порошок и душистое мыло для нас в то время были каким-то чудом!

В конце 1937 года Ваня и Леля приехали к нам в гости в Тюмень, где тогда жила наша семья.

Работники Тюменского военкомата с большим почетом встречали майора Федюнинского.

В эти годы японские милитаристы искали слабое место в наших восточных границах. Ожесточенные сражения в районе озера Хасан на некоторое время отбили охоту у самураев, но это было лишь затишье перед бурей. Летом 1939 года целая японская армия вероломно, без объявления войны, напала на дружественную Монгольскую республику. Срочно поднятые по тревоге уходили наши полки на помощь монгольскому народу.

24-й моторизованный полк, которым командовал Иван Иванович Федюнинский, был направлен на главное направление в район реки

ХалхинГол и гору Баин-Цаган, где окопались и укрепились японские захватчики. Пулеметчики были даже прикованы цепями к пулеметам.

Жены командиров, как рассказывала Елена Владимировна, тоже принимали участие в сражении: готовили мины и артиллерийские снаряды, снимали с них смазку, набивали патронами пулеметные ленты и все это упаковывали и отправляли в район боев.

Бои были тяжелые. Наши пехотинцы, танкисты, артиллеристы и летчики громили врага повсюду. Особенно отважно сражались федюнинцы, в ходе боя они захватили штаб японского генерала Того. За короткое время вся группировка японских интервентов была наголову разбита и частично взята в плен.

Здесь, в боях с японцами, Иван Иванович получил тяжелое ранение. Была угроза — потеря ноги.

За эти бои, за героизм и отвагу, командиру полка Федюнинскому было присвоено высокое воинское звание Героя Советского Союза. Молодой, начинающий в то время писатель Константин Симонов о героических делах федюнинцев и их командира полка написал обширный очерк в газете «Красная звезда». Этим очерком мы, школьники, зачитывались и восхищались подвигами этих людей. Потом челюскинская эпопея, полет экипажа Чкалова в Америку...

На этих примерах стойкости и героизма, патриотизма и преданности и любви к Советской Родине росло и воспитывалось наше поколение советских людей предвоенных лет.

После лечения Иван Иванович учился в Военной академии им. М. В. Фрунзе и окончил ее с отличием. В конце 1940 года ему присвоили звание генерал-майора и назначили командиром корпуса на западную границу в город Ковель. В составе корпуса были в основном сибиряки, дальневосточники и забайкальцы.

Через Западный Буг переплыл немецкий ефрейтор и сообщил, что 22 июня, в 4 часа утра германская армия перейдет в наступление.

Недавно моей сестре прислали листочек отрывного календаря за 5 июля. Вот что там написано: «Иван Федюнинский — Герой Советского Союза. Фашистские войска устремились к переправе... В эту минуту пришел приказ командиру части Федюнинскому — разгромить противника. Через несколько минут каждый федюнинец знал о возложенной на часть почетной задаче. Ночью началось сражение. До рассвета шли упорные бои, переходящие в штыковые атаки. Федюнинцы продвигались вперед под ожесточенным огнем фашистов. Когда наступило утро, командир увидел на противоположном берегу реки сотни автомашин, танков и

бронетранспортеров противника и приказал бить всем батареям по скоплению фашистов прямой наводкой.

Был момент, когда часть Федюнинского, одна, сдерживала противника по всему своему фронту. Прилетевшие самолеты довершили начатую федюнинцами уничтожающую атаку. Противник бежал. Через несколько часов пришел командующий армией. Он обнял Федюнинского и сказал: «Эх ты, Федюнинский! Не знаешь даже, кого ты бил! Там ведь две фашистских дивизии было!»

Вот так молодой генерал и его отважные воины встретили грозную войну и одержали первую победу».

За эту операцию Иван Иванович был награжден еще одним боевым орденом.

По приказу Ставки направлен под Ленинград. Командовал 42-й, 54-й и 2-й ударной армиями. Был командующим Ленинградским фронтом, заместителем командующего войсками Волховского фронта. Под его руководством 2-я ударная армия прорвала кольцо Ленинградской блокады. Фашисты смертельно боялись федюнинцев, особенно подразделений балтийских моряков. Одно время командующий германской группировкой на севере фон Лееб объявил своим войскам, что генерал Федюнинский застрелился... Хотел, видимо, воодушевить своих вояк.

2-я ударная армия прошла славный боевой путь: овладела новгородскими землями, землями Советской Эстонии и городом Таллин, освободила польские города и села от фашистских орд, а также громила фашистов на немецкой земле. Армия под командованием генерала Федюнинского 22 раза была отмечена в приказах Верховного Главнокомандующего.

После победного окончания войны генерал Федюнинский был назначен заместителем командующего Группой советских войск в Германии. В одну из наших встреч он рассказывал, как принимал и вел переговоры с военной американской делегацией во главе с генералом Эйзенхауэром, с английской делегацией во главе с фельдмаршалом Монтгомери, как принимал шотландского генерала Бергера.

Затем последовало назначение командующим Архангельского, Закавказского и Туркестанского военных округов.

Федюнинский Иван Иванович неоднократно избирался депутатом Верховного Совета Союза ССР.

В 1955 году тяжело заболел и получил первый послевоенный отпуск на лечение. Оставшиеся дни отпуска провел в поездке на родину в деревню Гилёву и в Талицу. Помню, приехали они тогда зимой, и Ваня попросил,

чтобы запрягли лошадку в розвальни, постелили душистого сена и прокатали его с женой по лесной зимней дороге. Радовались они оба как дети и говорили, что побывали в своем деревенском детстве и юности.

Генерал давно мечтал попариться в русской бане с березовым веничком. Василий Григорьевич и Мария Александровна Видюлины помнят, как в их чудесной баньке парился прославленный командарм и после бани пил душистый, крепкий русский квас, настоянный на лечебных травах. Много раз вспоминал потом генерал талицкую баньку и шипучий квасок.

Иван Иванович и Елена Владимировна приезжали погостить и в летнее время. Они очень любили побыть хоть несколько дней оставшегося отпуска в нашем маленьком уральском городке Талице. Чистый воздух, напоенный ароматом сосновых лесов, чудесная минеральная вода, покой и тишина.

Когда приезжали эти долгожданные гости, в наши семьи приходил настоящий праздник!

Ваня говорил: «Вы не готовьте для нас особых деликатесов. Нас ничем не удивите. Готовьте то, что едите сами». И всегда хвалили приготовленные нами блюда.

Часто вспоминал, как ездили на Ургинский пруд. Купались и отдыхали на песчаном берегу.

С ними было очень легко. Их душевная доброта, приветливость всегда располагали к душевной беседе.

Часто и мы, родственники генерала, были гостями этих добрых и хлебосольных людей. Помню, когда впервые после войны с курорта я приехал в гости в Ереван, где Иван Иванович командовал Закавказским военным округом. Как они меня встречали! Очень трудно описать эту замечательную встречу.

Трудное тогда было время. В стране не хватало хлеба, обуви, одежды. Целые города восстанавливались из руин.

К моему приезду был приготовлен красивый костюм (перешитый из кителей и брюк генерала), сшито было отличное пальто и сделаны трубчатые костыли. Это настолько меня поразило и потрясло, что я, закрывшись в комнате, украдкой плакал — таких вещей я никогда еще не имел в своей жизни.

Здесь, в Ереване, я впервые увидел огромный и беспокойный труд командующего военным округом. В 6.00 генерал уезжал в войсковые части и возвращался в 21.00. Часто утром за ранним завтраком рассказывал о прочитанной ночью книге. Поражала титаническая работоспособность

этого скромного человека.

Бывал в гостях у генерала и родной брат Василий Иванович с семьей. Принимали они нас всегда с такой теплотой и вниманием!

Елена Владимировна — настоящая волшебница в кулинарии. Никогда у нее не было помощников, всё готовила сама.

Когда в моей семье родился сын, то первый вопрос генерала был ко мне: «Почему сына не назвали русским именем Иван?» Долго серчал на нас генерал. Племянница рожала одних девочек. Старшая, Леночка, окончила Тюменский институт нефти и газа. Младшая, Оля, продолжает успешно учебу в этом же институте.

Десять лет тому назад я был приглашен в гости по пути с курорта. Приехал 25 января. А 26-го мы с генералом пошли в московский магазин «Детский мир», чтобы купить все необходимое для новорожденного. В семье сына ждали ребенка. 27 января, поздно вечером, сидим мы с Ваней в его кабинете, и он рассказывал и показывал сувениры, подарки и шелковые ленты почетного гражданина многих городов нашей страны и зарубежных стран. Елена Владимировна уже спала. Вдруг раздался звонок: «Вам телеграмма». Принесли телеграмму. Генерал сразу разбудил жену, крикнул мне и торжественно зачитал телеграмму: «РОДИЛСЯ СЫН НАЗВАЛИ ИВАНОМ».

Никогда я не видел генерала в таком волнении. На коробке с подарками он тут же написал: «Ивану — от Ивана».

Коммунистическая партия и Советское государство очень высоко оценили заслуги Героя Советского Союза, Героя МНР генерала Ивана Ивановича Федюнинского перед Советской Родиной. Вспоминаю, как генерал попросил меня подать ему парадный мундир из шкафа (готовился к поездке в МГУ на встречу). Хотел я взять плечики с мундиром одной рукой, но было трудно удержать и двумя. Каждый его орден был омыт потом и кровью этого скромного и доброго человека. Каждая звездочка на генеральском погоне дана не даром, а за огромный труд. В годы войны генерал был не раз тяжело ранен и всю Отечественную ходил с тростью — болела раненая нога.

Этот отважный человек был не робкого десятка.

Его преданность Коммунистической партии, любовь к Родине, его природный ум, огромная воля и полководческий талант выдвинули его в число видных полководцев нашей страны.

На родине Героя открыт мемориальный народный музей.

Когда не стало Ивана Ивановича, Елена Владимировна обратилась в Свердловский обком партии: оказать помощь в организации музея. И музей

был создан. Елена Владимировна передала ему в дар многие вещи.

Эту «Повесть о брате» пишу не потому, что он наш родственник, а пишу по велению души и сердца, потому что на жизненном примере этого человека, коммуниста и патриота, будут учиться будущие поколения советских людей. Его жизнь — пример того, как надо любить и защищать Советскую Родину.

В канун знаменательной даты — 40-летия Великой Победы — надо вспомнить всех погибших и оставшихся в живых отважных воинов, всех работников тыла, кто ковал эту Победу.

ОБЩЕПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

А — армия

ап — артиллерийский полк

гап — гаубичный артиллерийский полк

гвап — гвардейский артиллерийский полк

КБФ — Краснознаменный Балтийский флот

КК, кк — кавалерийский корпус

КП — командный пункт

лап — легкий артиллерийский полк

лпд — легкая пехотная дивизия

НП — наблюдательный пункт

отп — отдельный танковый полк

осбр — отдельная стрелковая бригада

пд — пехотная дивизия

пп — пехотный полк

сап — смешанный авиационный полк

сбр — стрелковая бригада

сд — стрелковая дивизия

СК, ск — стрелковый корпус

тп — танковый полк

тбр — танковая бригада

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И. И. ФЕДЮНИНСКОГО

1900, 30 июля — в семье Ивана Трофимовича и Анфисы Ивановны Федюнинских, жителей деревни Гилёва Успенской волости Тюменского уезда Тобольской губернии, родился первенец Иван.

1919, 24 декабря — вступил в Красную армию, рядовой 5-й стрелковой Саратовской дивизии. Отправлен на Западный фронт.

1920 — участвует в Советско-польской войне. Рядовой стрелок.

1921 — после ранения получает отпуск на родину. Направлен в 24-ю пехотную Омскую им. III Коммунистического интернационала школу командного состава РККА.

1924 — назначен на должность командира стрелкового взвода в 107-й Владимирский стрелковый полк 36-й Забайкальской стрелковой дивизии Особой Дальневосточной армии.

1925, 3 октября — женился на односельчанке Елене Владимировне, дочери местного священника.

1929 — участие в боевых действиях против китайцев и белогвардейцев на КВЖД. Награжден орденом Красного Знамени.

1938, лето — 36-я стрелковая дивизия прибывает в Монголию. И. И. Федюнинский занимает должность заместителя командира полка по хозяйственной части.

1939 — участие в боях на реке ХалхинГол. В район боев прибыл в должности заместителя командира полка по хозяйственной части, вскоре, по представлению Г. К. Жукова, назначен командиром 24-го мотострелкового полка.

Июль — во время упорных боев на плацдарме (восточный берег реки ХалхинГол) присвоено воинское звание «полковник». Август — во время наступления тяжело ранен в бою. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 29 августа 1939 года присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда» № 155. В Президиуме Великого народного хурала Монголии вручен орден Красного Знамени Монгольской Народной Республики. Назначен командиром 82-й мотострелковой дивизии.

1941, апрель — назначен командиром 15-го стрелкового корпуса

Киевского особого военного округа.

Сентябрь — вместе с Г. К. Жуковым срочно отбыл в Ленинград, возглавил 42-ю армию. Одновременно исполнял обязанности заместителя командующего войсками Ленинградского фронта. После отъезда Г. К. Жукова в Москву некоторое время командовал Ленфронтом, потом назначен в 54-ю армию. В это время армия успешно участвует в Тихвинской наступательной операции (10 ноября — 30 декабря).

1942, январь — апрель — Любаньская наступательная операция.

Апрель — назначен командующим 5-й армией Западного фронта. Позиционные бои в районах Самуйлово и Карманово под Москвой на Гжатском направлении, затем участие в Ржевско-Сычевской наступательной операции.

13 июня — присвоено воинское звание «генерал-лейтенант». *Октябрь* — переведен под Ленинград и назначен заместителем командующего Волховским фронтом. Ставкой ВГК на И. И. Федюнинского возложена персональная ответственность за прорыв блокады на правом крыле Волховского фронта.

1943, январь — в должности заместителя командующего войсками Волховского фронта руководит ударной группировкой (2-я ударная армия и приданные части) в ходе операции «Искра». *Май* — назначен на должность первого заместителя командующего войсками Брянского фронта.

14 июля — назначен командующим 11-й армией Западного фронта.

24 декабря — вступил в командование 2-й ударной армией Ленинградского фронта.

1944 — командует 2-й ударной армией в Нарвской и других наступательных операциях.

10 октября — присвоено очередное воинское звание «генерал-полковник».

1945, январь — февраль — командует 2-й ударной армией и успешно ведет войска к Балтийскому морю в ходе Млавско-Эльбингской наступательной операции 2-го Белорусского фронта.

1946, январь — назначен командующим войсками Архангельского военного округа.

1948 — окончил курсы при Высшей военной академии им. К. Е. Ворошилова.

Апрель — назначен командующим 7-й гвардейской общевойсковой армией Закавказского военного округа (штаб в городе Ереване).

1951, ноябрь — назначен заместителем, а затем первым заместителем главнокомандующего Группой советских войск в Германии.

1954 — назначен командующим Закавказским военным округом.

1955, 8 августа — присвоено воинское звание генерала армии.

1957, декабрь — назначен командующим войсками Туркестанского военного округа.

1960 — в Воениздате в серии «Военные мемуары» вышло первое издание книги воспоминаний о Великой Отечественной войне «Поднятые по тревоге» (тираж 30 тысяч экземпляров).

1964 — в Воениздате в серии «Военные мемуары» вышла вторым изданием книга «Поднятые по тревоге» (тираж 65 тысяч экземпляров).

1965, декабрь — назначен военным инспектором-советником Группы генеральных инспекторов Министерства обороны СССР.

1977, 17 октября — умер в Москве. Похоронен на Новодевичьем кладбище.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

И. Ю. Родюкин

*Родные места Ивана Федюнинского — окрестности сибирской деревни
Гилёва*

Дом, где в 1900 году родился будущий генерал. В настоящее время — музей

Дядя Федюнинского Георгий Трофимович, ветеран Первой мировой, опекавший Ивана и его брата Василия после смерти их родителей

Иван Федюнинский в 1919 году

Красноармейцы с трофейными китайскими знаменами во время конфликта на КВЖД. 1929 г.

Федюнинский с женой Еленой Владимировной. 1937 г.

Советские солдаты в боях с японцами на реке ХалхинГол. 1939 г.

Командир 24-го мотострелкового полка Федюнинский на ХалхинГоле

Советские танкисты перед наступлением. ХалхинГол

Слева направо: командарм 2-го ранга Г. М. Штерн, маршал МНР Х. Чойбалсан и командир корпуса Г. К. Жуков на ХалхинГоле

Генерал Федюнинский — командующий 5-й армией Западного фронта

В блокадном Ленинграде

Федюнинский с группой офицеров (второй справа — В. Ф. Маргелов)

Заместитель командующего Волховским фронтом Федюнинский с членами военного совета фронта

Федюнинский и полковник Д. И. Холостов планируют наступление

С офицерами под Ржевом.

Июль 1942 г.

Генерал Федюнинский в своем штабе...

...и на позициях.

1944 г.

Краткая встреча с женой на фронте

Моя сестра
Ваня,
Короче, давай
попытайся
написать тебе
какое-нибудь
письмо, но
не забудь
написать
мне адрес,
куда
его прислать.
З. О. У.

«Целую, твой Ваня» — так генерал всегда подписывал письма Елене Владимировне

Оперативное совещание с участием И. И. Федюнинского и Г. К. Жукова.

Лето 1943 г.

На Западном фронте. Октябрь 1943 г.

Генерал Федюнинский и главный хирург Волховского фронта А. А. Вишневский. 1943 г.

В перерывах между боями. 1943 г.

Встреча солдат Ленинградского и Волховского фронтов.

18 января 1943 г.

Командующий Ленинградским фронтом Л. А. Говоров

*Командующий 2-й ударной армией Волховского фронта В. З.
Романовский*

Генерал Федюнинский в освобожденном Брянске. 1943 г.

Генерал-полковник И. И. Федюнинский в 1945 году

Генерал армии И. И. Федюнинский в 1964 году

Форсирование реки Нарвы.

В лодке — командующий 2-й ударной армией И. И. Федюнинский

Советские танки в восточнопрусском городе Мюльхаузен (ныне Млынары в Польше). Январь 1945 г.

Генерал Федюнинский на Параде Победы в Москве. 24 июня 1945 г.

И. И. Федюнинский на трибуне в Ереване. 1 мая 1949 г.

Федюнинский с офицерами и их семьями в Закавказском военном округе

С женой, двоюродным братом А. Г. Федюнинским и племянницей жены Галиной

С офицерами Группы советских войск в Германии. 1953 г.

*Заместитель главнокомандующего Группой советских войск в Германии
И. И. Федюнинский у своей машины — трофейного «опеля»*

В поездке по советским гарнизонам в Германии

Елена Владимировна и ее племянница Галина.

Ташкент, 1959 г.

И. И. Федюнинский и Г. К. Жуков с дочерью на отдыхе

Федюнинский и Жуков с женами в Кисловодске

Генерал Федюнинский на параде. Ташкент, 1959 г.

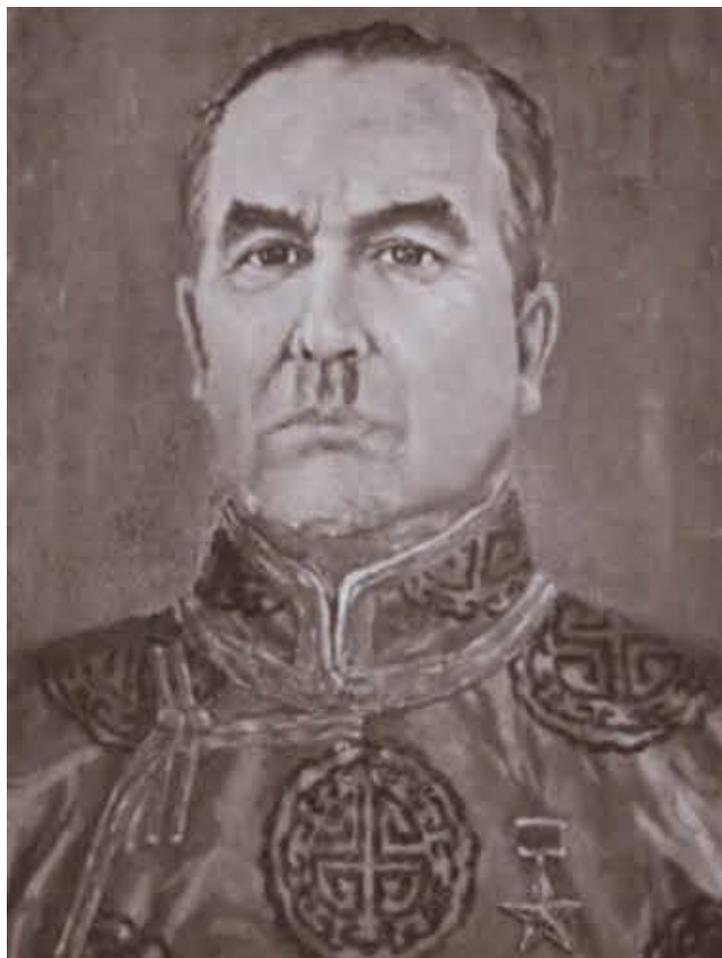
*Министр обороны СССР Р. Я. Малиновский с инспекцией в
Туркестанском военном округе*

И. И. Федюнинский среди награжденных в Кремле. 1960 г.

Парадное фото с женой. 1962 г.

Портрет И. И. Федюнинского в монгольской одежде подаренной ему делегацией МНР

В Монголии с председателем Президиума Великого народного хурала Ж. Самбу. 1973 г.

Родные И. И. Федюнинского — дети и внуки его дяди Георгия Трофимовича. Тюмень, 1948 г.

Двоюродный брат генерала Анатолий Георгиевич Федюнинский — ветеран войны, автор воспоминаний «Повесть о брате». 1995 г.

*И. И. Федюнинский с женой на Пискаревском мемориальном кладбище.
1973 г.*

Издания мемуаров И. И. Федюнинского

Одно из последних фото с Еленой Владимировной

Фото И. И. Федюнинского, сделанное на киностудии «Ленфильм» во время съемок фильма «Блокада»

Открытие Дома-музея И. И. Федюнинского в деревне Гилёва

Табличка на входе в Дом-музей

Открытие памятника Федюнинскому в Тюмени. 2017 г.

Памятник генералу на его родине

Могила И. И. Федюнинского на Новодевичьем кладбище

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

Арутюнян Б. А. Фролов М. И. Огневой щит и меч Ленинграда. 1941–1944 гг. СПб., 2007.

Бешанов В. В. Ленинградская бойня. Страшная правда о блокаде. М., 2010.

Беддекер Г. Горе побежденным! Беженцы III Рейха. 1944–1945 г. М., 2006.

Богданович П. И. Вторжение в Восточную Пруссию в августе 1914 г. Воспоминания офицера Генерального штаба армии генерала Самсонова. Буэнос-Айрес, 1964.

Борьба за Советскую Прибалтику в Великой Отечественной войне 1941–1945. Рига, 1967.

Владимирский А. В. На киевском направлении. По опыту ведения боевых действий войсками 5-й армии Юго-Западного фронта в июне — сентябре 1941 г. М., 1989.

Евсеев Н. Августовское сражение 2-й русской армии в Восточной Пруссии (Танненберг) в 1914 г. М., 1936.

Жданов Н. Н. Огневой щит Ленинграда. М., 1965.

Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. Т. 1–3. М., 1995.

Журов Ю. В. Енисейское крестьянство в годы Гражданской войны. Красноярск, 1972.

Залесский К. А. Кто был кто во Второй мировой войне. Союзники СССР. М., 2004.

Керсновский А. А. История русской армии. М., 2006.

Кисловский Ю. Г. От первого дня до последнего. За строкой боевого донесения и сообщений Совинформбюро. М., 1961.

Кононыхин Н. Бои за Советскую Прибалтику. Таллин, 1948.

Краснознаменный Киевский. Очерки истории Краснознаменного Киевского военного округа (1919–1979). Киев, 1979.

Крещанов А., Гераймович С. Коростеньский укрепрайон № 5. Коростень, 2008.

Кривошеев Е., Костин Н. Битва за Нарву: февраль — сентябрь 1944 г. Таллин, 1984.

Ломагин Н. А. Неизвестная блокада. СПб., 2002.

Мельтюхов М. И. Освободительный поход Сталина. М., 2006.

Мощанский И. Б. Остановить танки! М., 2010.

- Мощанский И. Б.* У стен Ленинграда. М., 2010.
- Паульман Ф. И.* От Нарвы до Сырве. Таллин, 1980.
- Польман Х.* 900 дней боев за Ленинград. Воспоминания немецкого полковника. М., 2005.
- Поротников Л. Т.* Летопись Тугулымского края: Природа и природные ресурсы. Екатеринбург, 2007.
- Поротников Л. Т.* Летопись Тугулымского края. Древний Ту-гулымский край. Тюмень, 2015.
- Рокоссовский К. К.* Солдатский долг. /Под ред. А. Я. Сухарева. М., 1997.
- Роцевский П. И.* Гражданская война в Зауралье. Свердловск,
- Симонов Д. Г.* Из истории вооруженных сил Временного Сибирского правительства (1918 г.). Сибирь в период Гражданской войны. Кемерово, 1995.
- Скоробогатов Д. И.* Однополчане. М., 1976.
- Стрешинский М. П., Франтишев И. М.* Генерал Симоняк. Л., 1971.
- Сякое Ю. А.* Численность и потери германской группы армий «Север» в ходе битвы за Ленинград (1941–1945) // Вопросы истории. 2008. № 1. С. 114–122.
- Федюнинский И. И.* Поднятые по тревоге. М., 1961.
- Федюнинский И. И.* На Востоке. М., 1985.
- ЦАМО РФ. Ф. 40334. Оп. 2а. Д. 425. Управление 15-го стрелкового корпуса Киевского Особого военного округа.
- ЦДМО РФ. Ф. 229. Оп. 166. Д. 105.
- ЦАМО РФ. Ф. 397. Оп. 9247. Д. 58. Л. 1 и далее.
- Шиканов Л. А.* Сибирская контрреволюция на начальном этапе Гражданской войны (октябрь 1917 — ноябрь 1918 гг.). Томск, 1989.
- Шунков В. Н.* Оружие Красной армии. Минск, 1999.
- Эйхе Г. Х.* Опрокинутый тыл. М., 1966.
- Яров С. В.* Блокадная этика. Представления о морали в Ленинграде в 1941–1942 гг. М., 2012.

INFO

Михеенков С. Е.

М 69 Федюнинский / Сергей Михеенков. — М.: Молодая гвардия, 2020. — 375(9) с.: ил. — (Жизнь замечательных людей: сер. биогр.; вып. 1805).

ISBN 978-5-235-04328-2

УДК 355.333(092)

ББК 68.424.31

знак информационной продукции 16+

Михеенков Сергей Егорович
ФЕДЮНИНСКИЙ

Редактор *В. В. Эрлихман*
Художественный редактор *К. В. Забусик*
Технический редактор *М. П. Качурина*
Корректор *И. В. Абрамова*

Сдано в набор 12.12.2019. Подписано в печать 05.03.2020.
Формат 84x 108/32. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.
Гарнитура «Newton». Усл. печ. л. 20,16+1,68 вкл. Тираж 3000 экз.
Заказ № 2005040.

Издательство АО «Молодая гвардия». Адрес издательства:
127055, Москва, Суцевская ул., 21. Internet: <http://gvardiya.ru>. E-mail: dsel@gvardiya.ru

arvato BERTELSMANN
Supply Chain Solutions

Отпечатано в полном соответствии с качеством

предоставленного электронного оригинал-макета в ООО
«Ярославский полиграфический комбинат» 150049, Россия,
Ярославль, ул. Свободы, 97

СЕРИЯ «ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ»

ВЫШЛА В СВЕТ КНИГА:

С. Е. Михеенков
ЖУКОВ

Новую биографию Маршала Победы — Георгия Константиновича Жукова отличает от предшествующих то, что ее автору удалось буквально вжиться в образ своего героя, не только правдиво показать его полководческий дар, но и максимально приблизиться к нему как к человеку. Жизнелюб и хват-командир, стойкий солдат и верный друг, заботливый муж, отец и брат, воин, который не робел перед Сталиным и не боялся вступить в схватку с самой мощной военной машиной в Европе в 30—40-е годы XX века — армией фашистской Германии. Герой, который познал триумф и опалу, любовь и предательство, всю свою жизнь посвятил Отечеству.

Н. А. Карташов
ВАГУТИН

Герой Советского Союза генерал армии Николай Федорович Ватутин по праву принадлежит к числу самых талантливых полководцев Великой Отечественной войны. Он внес огромный вклад в развитие теории и практики контрнаступления, окружения и разгрома крупных группировок противника, осуществления быстрого и решительного маневра войсками, действий подвижных групп фронта и армии, организации устойчивой и активной обороны. Его имя неразрывно связано с победами Красной армии под Сталинградом и на Курской дуге, при форсировании Днепра и освобождении Киева... Не случайно Ватутина называли «генералом от наступления», «генералом от победы». А немецкие военачальники, испытавшие силу и мощь ватутинских ударов, окрестили его гроссмейстером. Узнав о смерти Ватутина, генерал-инспектор танковых войск вермахта Гейнц Гудериан сказал шеф-адъютанту А. Гитлера: «Поздравляю нас всех. Это известие равноценно сообщению о победе в большом сражении... Очень опасно иметь такого противника».

С. Е. Михеенков
МОСКВА-41

Эта книга трагична, потому что иной быть и не могла. 1941 год. После летних боев, тяжелых потерь — личного состава, вооружения и территорий — Красная армия остановилась на ближних подступах к Москве. Все. Дальше отступать было уже некуда. Историки, отечественные и зарубежные, до сих пор спорят и не могут прийти к общему согласию в понимании того, что же произошло на Московском рубеже, откуда появилась такая энергия у дивизий и бригад Западного и соседних с ним фронтов. Какое чудо произошло? Почему группа армий «Центр» не смела защитников Москвы в октябре, когда у вермахта, казалось, все складывалось как нельзя лучше? Почему недожала в ноябре, когда тонкая ниточка советской обороны стала утолщаться, обрастать стрелковыми и танковыми бригадами, дивизионами «Катюш», но все же по-прежнему была еще слаба? Почему не удержала удара наших армий в декабре? И почему так жестко Красная армия была остановлена в начале 1942 года на исходе контрнаступления? На все эти вопросы автор книги «Москва-41» отвечает, исследуя судьбы действующих лиц и героев одной из самых масштабных и грандиозных битв Великой Отечественной/Второй мировой войны. В книге впервые публикуются многие документы из различных архивов, фондов и частных коллекций, ставших доступными только в последние годы.

С. Е. Михеенков
БЕРЛИН-45

Книга «Берлин-45» необычная. Дни и ночи последнего штурма показаны в ней через судьбы его участников — солдат и генералов, командиров корпусов и рядовых разведчиков, танкистов, пехотинцев. Некоторые герои книги прошли войну от западных границ Советского Союза до Москвы, а затем через Смоленщину, Белгородчину, Донбасс, Белоруссию и Польшу до Берлина. Судьбы героев показаны на фоне сложного времени. Автор вводит в оборот многие малоизвестные и неизвестные широкому читателю документы, которые во многом по-новому позволяют взглянуть на нашу историю, загроможденную в прежние годы завалами идеологием, мифов и откровенной лжи. Среди героев — генерал Иван Рослый, танкист полковник Амазасп Бабаджанян, разведчик Григорий Булатов, гвардии певица Лидия Русланова, которая в мае сорок пятого дала свой знаменитый победный концерт на ступеньках

поверженного Рейхстага. Впервые развернуто показана картина тыла и обеспечения войск 1-го Белорусского фронта — через судьбу генерала Н. А. Антипенко, талантливого организатора и бесстрашного воина.

СТАРЕЙШАЯ РОССИЙСКАЯ КНИЖНАЯ СЕРИЯ

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Уже изданы и готовятся к печати:

- З. Прилепин «ЕСЕНИН»
- В. Молодяков «ВАЛЕРИЙ БРЮСОВ»
- В. Бондаренко «СВЯТЫЕ СТАРЦЫ»
- Н. Борисов «ВАСИЛИЙ ТЕМНЫЙ»
- Н. Петрова «НАХИМОВ»
- А. Карпов «ВСЕВОЛОД БОЛЬШОЕ ГНЕЗДО»
- Л. Млечин «ВОЖДИ СССР»
- В. Антонов «ЯКОВ СЕРЕБРЯНСКИЙ»
- Л. Никифорова, М. Кизилев «АЙН РЭНД»
- Е. Погорелая «ЧЕРУБИНА ДЕ ГАБРИАК»
- К. Ковалев-Случевский «НИКОЛАЙ ЧУДОТВОРЕЦ»
- А. Горбунов «ОЛЕГ БОРИСОВ»

*

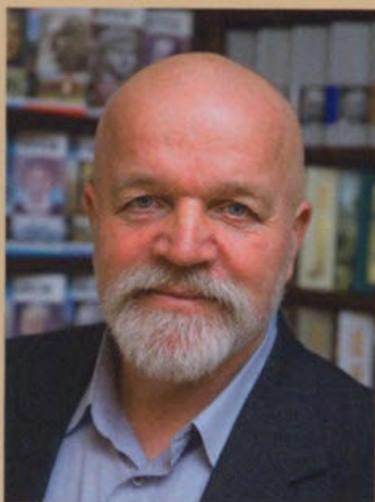
Сергей Михеенков — писатель, автор более сорока историко-документальных и художественных книг, большинство которых посвящено событиям Великой Отечественной войны.

Родился в 1955 году в деревне Ворониово Калужской области, окончил филологическое отделение Калужского педагогического института и Высшие литературные курсы Союза писателей СССР. Живет в Тарусе.

Герой новой книги Сергея Михеенкова — генерал Иван Федюнинский, коренной сибиряк из семьи староверов. Начав военную карьеру рядовым красноармейцем, в годы Великой Отечественной войны он командовал войсками стрелкового корпуса, армии, фронта. Именно он вернул боевую славу 2-й ударной армии и довел ее до Балтийского моря, где вместе со своими солдатами встретил Победу.

«Иван Иванович Федюнинский был из тех генералов Красной, а затем Советской армии, кто звезд с неба не срывал — а боевые звезды доставались ему таким же трудом, каким солдату-окопнику доставалась медаль «За отвагу». Он был хорошим командующим армией. Возможно, это не было его потолком. Какое-то время он командовал фронтом, потом был заместителем командующего войсками фронта, и у него получалось и то и другое. Но так сложилось, что всю войну он командовал армиями. Таких генералов было много, и о них помнят как о прекрасных полководцах».

Сергей Михеенков

Сергей Михеенков — писатель, автор более сорока историко-документальных и художественных книг, большинство которых посвящено событиям Великой Отечественной войны. Родился в 1955 году в деревне Воронцово Калужской области, окончил филологическое отделение Калужского педагогического института и Высшие литературные курсы Союза писателей СССР. Живет в Тарусе.

ISBN 978-5-235-04328-2

9 785235 043282 >

Герой новой книги Сергея Михеенкова — генерал Иван Федюнинский, коренной сибиряк из семьи староверов. Начав военную карьеру рядовым красноармейцем, в годы Великой Отечественной войны он командовал войсками стрелкового корпуса, армии, фронта. Именно он вернул боевую славу 2-й ударной армии и довел ее до Балтийского моря, где вместе со своими солдатами встретил Победу.

«Иван Иванович Федюнинский был из тех генералов Красной, а затем Советской армии, кто звезд с неба не срывал — а боевые звезды доставались ему таким же трудом, каким солдату-окопнику доставалась медаль «За отвагу». Он был хорошим командующим армией. Возможно, это не было его полком. Какое-то время он командовал фронтом, потом был заместителем командующего войсками фронта, и у него получалось и то и другое. Но так сложилось, что всю войну он командовал армиями. Таких генералов было много, и о них помнят как о прекрасных полководцах».

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

notes

Примечания

Из реферата О. Ф. Мальцевой «История деревни Гилёва Тугулымского района Свердловской области: от истоков до современности»: кафедра истории, искусствоведения и музейного дела Тюменского государственного института культуры, 2015 год.

В Екатеринбург Романовым еще предстоит вернуться. И это возвращение в город, который вначале промелькнул за окнами вагона, будет роковым.

Сложности перевода. По всей вероятности, имелось в виду то, что В. К. Блюхер в 1924–1927 годах был главным военным советником в армии китайского Народно-революционного правительства и хорошо знал местную обстановку.

Советские солдаты вслед за монголами называли китайцев га-минами — вероятно, от китайского слова «гоминь» (гражданин).

Степан Сергеевич Вострецов (1883–1932) — красный командир. Родился в селе Казанцево Уфимской губернии в крестьянской семье. Работал кузнецом. В 1906 году призван в армию, после драки с офицером угодил в тюрьму. Участник Первой мировой войны — подпрапорщик. После революции вернулся в родное Казанцево. Мобилизован в Белую армию, при первой возможности перебежал к красным. В 1919 году — командир стрелкового полка. С 1921 года — начальник управления войск ВЧК по охране границ Сибири. В 1922 году командовал группой войск на Дальнем Востоке. В 1927 году окончил Военно-академические курсы. Командовал стрелковыми дивизиями и корпусами. В 1929 году — командир 18-го стрелкового корпуса ОДВА. Одновременно возглавил Забайкальскую группу войск во время Маньчжуро-Чжэньхайской операции в период боевых действий на КВЖД. Покончил с собой в 1932 году. Награжден четырьмя орденами Красного Знамени и Почетным революционным оружием.

Т-18 или МС-1 (малый сопровождения) — легкий танк сопровождения пехоты в бою. Первый отечественный танк. Создан в 1925–1927 годах. Изготовлено было 935 штук. С появлением более совершенного Т-26 производство прекращено. Вес — 5,3 тонны. Экипаж — два человека. Защищен стальной катаной броней толщиной 16 мм. Вооружен 37-мм пушкой Гочкиса и двумя пулеметами калибра 7,62-мм. К началу войны парк МС-1 был в основном изношен. Часть танков использовалась как неподвижные, окопанные в землю огневые точки. Единицы участвовали в первых боях.

Михаил Павлович Яковлев (1903–1939) — комбриг, командир 11-й легкой танковой бригады. Родился в деревне Горушке под Новгородом. Работал подручным литейщика на заводе в Санкт-Петербурге. В РККА с 1921 года. Участник подавления мятежа на Тамбовщине. Окончил Пехотную школу. Командир взвода, роты, батальона. С 1935 года — командир стрелково-пулеметного батальона 9-й отдельной мехбригады. В 1937 году окончил Ленинградские бронетанковые курсы им. А. С. Бубнова. В 1938 году назначен командиром 11-й легкой танковой бригады. Погиб в бою 12 июля 1939 года. Похоронен в Чите. Посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Михаил Иванович Потапов (1902–1965) — генерал-полковник (1961). Родился в селе Мочалове Юхновского уезда Калужской губернии. Окончил духовную семинарию. Служил в сельском приходе дьяконом. В Красной армии с 1920 года. Участник Гражданской войны. В 1925 году окончил Военно-химические курсы усовершенствования начсостава. В 1936 году — Военную академию механизации и моторизации РККА. Участник боев на ХалхинГоле в 1939 году — заместитель командира 1-й армейской группы. До начала войны командовал 4-м мехкорпусом, затем 5-й армией. Генерал-майор. В июне 1941 года 5-я армия участвовала в приграничном сражении при Дубно-Луцк-Броды, затем отошла к Киеву. В сентябре 1941 года раненым попал в плен, где находился до апреля 1945 года. Содержался в лагерях Хаммельсбург, Гогельштейн, Вайсенбург, Моозбур. После освобождения из плена восстановлен в звании и продолжил службу в армии. В 1947 году окончил Высшие академические курсы при Военной академии Генштаба. В 1958–1965 годах — первый заместитель командующего Одесским военным округом. Награжден двумя орденами Ленина, тремя орденами Красного Знамени, орденом Красной Звезды.

Михаил Ефимович Катуков (1900–1976) — маршал бронетанковых войск (1959), дважды Герой Советского Союза. Родился в селе Большое Уварово Коломенского уезда Московской губернии. Окончил сельскую школу. В РККА с 1919 года. Участник Советско-польской войны. В 1922 году окончил Могилевские пехотные курсы. Командовал ротой и батальоном. В 1927 году окончил курсы «Выстрел». На штабной работе. В 1935 году окончил курсы при Военной академии механизации и моторизации РККА им. И. В. Сталина. В 1938 году — полковник. Командир танковой бригады, затем дивизии. В 1941 году попал в окружение под Луцком. Из окружения вышел. Командир танковой бригады в битве за Москву. В 1942 году — командир 1-го танкового корпуса. В 1943 году и до конца войны — командир 1-й танковой армии. После войны продолжал служить в танковых войсках. Награжден четырьмя орденами Ленина, тремя орденами Красного Знамени, двумя орденами Суворова 1-й степени, орденом Кутузова 1-й и 2-й степени, орденом Богдана Хмельницкого 1-й степени, орденом Красной Звезды.

Начальником 90-го погранотряда НКВД в то время был майор М. С. Бычковский. Его пограничники и задержали перебежчика.

Филипп Федорович Алябушев (1893–1941) — генерал-майор (1940). Родился в крестьянской семье. В русской армии — с 1914 года. Участник Первой мировой и Гражданской войн. Ранен. В РККА с 1918 года. Командовал взводом, ротой, батальоном. С 1931 года на штабной работе. В 1937 году командовал 24-й Самаро-Ульяновской Краснознаменной Железной дивизией. С 1938 года — военный советник в Китае. После возвращения из Китая командовал 14-й, затем 123-й стрелковыми дивизиями. Отличился во время Советско-финляндской войны при штурме линии Маннергейма. В 1941 году окончил Курсы усовершенствования высшего начальствующего состава при Академии Генерального штаба и назначен командиром 87-й стрелковой дивизии. Убит в бою 25 июня 1941 года близ Луцкого шоссе. Награжден орденом Ленина, орденом Красной Звезды, орденом Отечественной войны (посмертно), медалью XX лет РККА.

Гавриил Игнатьевич Шерстюк (1891–1953) — генерал-майор (1940). Родился в селе Новый Тагамлык на Полтавщине. В русскую армию призван в 1914 году. Учился в полковой команде. Участник боев с австро-венграми в Карпатах. Унтер-офицер. Командовал взводом. В 1917 году окончил офицерские пулеметные курсы. В 1919 году мобилизован в Добровольческую армию, но вскоре дезертировал и организовал партизанский отряд, который влился вначале в Повстанческую Красную дивизию, затем был переформирован в стрелковый полк 41-й стрелковой дивизии. Командовал ротой, был адъютантом стрелкового полка. Воевал на Южном и Юго-Западном фронтах, участвовал в Советско-польской войне. Ранен. Сражался с бандами Махно и другими формированиями на Украине. После Гражданской войны командовал батальоном, занимал штабные должности. В 1929 году окончил курсы «Выстрел». С 1933 года командовал полком. С 1939 года — дивизией. Участник Советско-финляндской войны. С апреля 1941 года — командир 45-й стрелковой дивизии 15-го стрелкового корпуса 5-й армии Киевского особого военного округа. Под Киевом попал в окружение, вышел, вывел группу бойцов и командиров. В 1942 году назначен заместителем командующего 38-й армией. В 1943 году окончил курсы при Академии Генштаба, после чего состоял в распоряжении Г. К. Жукова. В 1944 году назначен заместителем командующего 27-й, затем 40-й армией. После войны продолжал военную службу. Награжден орденом Ленина, тремя орденами Красного Знамени, орденом Суворова 2-й степени, орденом Кутузова 2-й степени, орденом Богдана Хмельницкого 2-й степени, орденом Красной Звезды.

Зиновий Захарович Рогозный (1901–1990) — генерал-майор (1940). Родился в Орше в еврейской семье. В РККА по призыву, с 1919 года. Окончил Смоленские курсы комсостава. Начальник связи артиллерийской батареи. В 1920 году окончил курсы комсостава 14-й армии. Командир огневого взвода 45-го гаубичного артиллерийского дивизиона. Командовал дивизионом 45-го легкого артиллерийского полка. В 1926 году окончил артиллерийские курсы усовершенствования командного состава в Детском Селе. В 1931 году — Военную академию им. М. В. Фрунзе. Начальник артиллерии 45-й, затем 81-й и 15-й стрелковых дивизий Киевского особого военного округа. В августе 1939 года назначен начальником штаба 15-го стрелкового корпуса. Участник похода на Западную Украину и Советско-финляндской войны. Во время Великой Отечественной войны начальник штаба 15-го, затем 64-го стрелковых корпусов, 40-й армии, заместитель командующего 69-й армией, 48-го стрелкового корпуса. В январе 1945 года отстранен от должности за провал операции в районе города Вайсенберга, где по вине нераспорядительности штаба была окружена одна из дивизий корпуса. До конца войны в распоряжении Военного совета 1-го Украинского фронта. После войны на командных и штабных должностях. Награжден орденом Ленина, пятью орденами Красного Знамени, орденом Суворова 2-й степени, орденом Богдана Хмельницкого 2-й степени, двумя орденами Отечественной войны 1-й степени.

Михаил Ильич Бланк (1898–1941) — полковник. С 1916 года в русской армии. Демобилизован по болезни. В РККА с 1918 года. Политбоец кавалерийского полка, затем военком артиллерийской батареи. Ранен. В 1919 году направлен на учебу на артиллерийские курсы в Москву. Воевал в Крыму и на Польском фронте. Снова ранен. В 1929 году окончил Военную академию им. М. В. Фрунзе. На штабной и преподавательской работе. В 1938 году уволен из РККА. В 1939 году восстановлен в кадрах. Участник Польского похода — начальник штаба 13-го стрелкового корпуса. С августа 1940 года — начальник штаба 87-й стрелковой дивизии. Во время войны командовал 87-й стрелковой дивизией, затем 5-м стрелковым корпусом. Погиб 2 сентября 1941 года в бою в районе Чернигова. Награжден орденом Красного Знамени, медалью «XX РККА».

Максим Алексеевич Пуркаев (1894–1953) — генерал армии. Родился в Мордовии в селе Налитове в семье плотника-отходника. В 1916 году окончил школу прапорщиков. В 1923 году — курсы «Выстрел». В 1930 году — КУВНАС при Военной академии им. М. В. Фрунзе. В 1936 году — особый факультет Военной академии им. М. В. Фрунзе. В РККА с 1918 года. Участник Гражданской войны. Командир стрелковой роты, полка. Во время первого Польского похода трижды ранен. Командовал полком. После излечения — на штабной работе. В 1939 году — военный атташе при полпредстве СССР в Германии. Участник второго Польского похода (1939). С началом войны — начальник штаба Юго-Западного фронта. Командовал 3-й ударной армией. Затем командовал Калининским фронтом. С 1943 года — командующий Дальневосточным фронтом. После войны командовал войсками Дальневосточного военного округа. Награжден двумя орденами Ленина, четырьмя орденами Красного Знамени, орденом Суворова 1-й степени, орденом Кутузова 1-й степени.

Михаил Семенович Хозин (1896–1979) — генерал-полковник. Родился в селе Скачиха Тамбовской губернии. Окончил церковно-приходскую школу и трехклассное училище. Учился в Саратовском техническом железнодорожном училище. В 1915 году был призван в армию. Окончил школу прапорщиков. Участник Первой мировой войны — начальник пулеметной команды. Участник Гражданской войны — комполка. В 1925 году окончил академические курсы. Командовал дивизиями. В 1930 году окончил курсы командиров-единоначальников при Военно-политической академии. Командовал стрелковым корпусом. С 1939 года — начальник Военной академии им. М. В. Фрунзе. В 1941 году — начальник штаба Ленинградского фронта. Командующий 54-й армией. Командовал войсками Ленинградского фронта и Волховской группой войск. В 1942 году был снят с должности комфронта и с понижением назначен командующим 33-й армией. Затем заместитель командующего Западным фронтом. И снова был снят с должности «за бездеятельность». Командующий 20-й армией. В 1943 году командовал особой группой войск Северо-Западного фронта. С декабря 1943 года участия в боевых действиях не принимал. С 1944 года — командующий войсками Приволжского ВО. В 1945 году был отстранен от должности «по служебному несоответствию». С 1946 года возглавлял ряд военноучебных заведений. Награды: два ордена Ленина, орден Октябрьской Революции, четыре ордена Красного Знамени, ордена Суворова 1-й и 2-й степени, орден Красной Звезды.

Петр Иванович Кокорев (1900–1946) — генерал-лейтенант (1944). Родился в селе Солотчи под Рязанью. Окончил начальную школу. В РККА с 1918 года. В 1919 году окончил Саратовские пулеметные командные курсы. Участник Гражданской войны. В 1926 году окончил стрелково-тактические курсы. В 1935 году — Военную академию им. М. В. Фрунзе. На штабной работе. С ноября 1940 года — начальник Западного отдела Генштаба РККА. В 1941 году — представитель Генштаба на Ленинградском фронте, с 14 сентября — порученец Г. К. Жукова. С 25 сентября 1941 года — начальник штаба 8-й армии. 15 декабря 1942 года назначен начальником штаба 2-й ударной армии. В этой должности воевал до Победы. С декабря 1945 года — начальник штаба Ленинградского военного округа. Награжден орденом Ленина, тремя орденами Красного Знамени, орденами Кутузова 1-й и 2-й степени, орденом Суворова 2-й степени, орденом Красной Звезды.

Александр Петрович Силантьев (1918–1976) — маршал авиации (1976), Герой Советского Союза (1941). Родился в Екатеринбурге. Окончил семь классов школы. Работал слесарем. Занимался авиаспортом на планерной станции. В 1938 году был призван в РККА. Окончил Сталинградскую школу летчиков. Во время Великой Отечественной войны летал на И-153 и ЛаГГ-3. Сбил восемь самолетов противника и 16 сжег на земле во время штурмовки. В апреле 1942 года был сбит, получил тяжелое ранение. После выздоровления летал лишь как инструктор. После войны окончил Военно-воздушную академию и Военную академию Генштаба. Занимал командные и штабные должности в ВВС и в Генштабе. Награды: два ордена Ленина, три ордена Красного Знамени, два ордена Отечественной войны 1-й степени, орден Отечественной войны 2-й степени, два ордена Красной Звезды.

Вильгельм Йозеф Франц Риттер фон Лееб (1876–1956) — генерал-фельдмаршал (1940). Родился в Баварии в семье военного. В армии с 1895 года. В 1897 году — лейтенант. Воевал в 1900-м в Китае. В 1909 году окончил Баварскую военную академию. Участник Первой мировой войны. Служил в рейхсвере на командных и штабных должностях. В 1934 году — генерал артиллерии. В 1938-м — командующий 12-й армией, которая вторглась в Чехословакию. Участник Польской и Французской кампаний, за которые получил Рыцарский крест и звание фельдмаршала. На момент вторжения в СССР командовал группой армий «Север». В январе 1942 года из-за неудач под Ленинградом был отправлен в резерв. В мае 1945 года взят в плен американцами. Приговорен к трем годам заключения. Награды: Железный крест обоих классов, Рыцарский крест, орден Дома Гогенцоллернов, орден «За военные заслуги».

Николай Николаевич Жданов (1902–1966) — генерал-полковник артиллерии (1955). Родился в поселке Онон-Китайский в Забайкалье. В РККА призван в 1919 году. Участник Гражданской войны. Рядовой красноармеец, командир взвода легкоартиллерийского дивизиона. В 1924 году окончил курсы при 5-й пехотной школе. После учебы находился на штабных должностях в артиллерийских частях. В 1927 году окончил артиллерийское отделение Киевской объединенной военной школы комсостава. Командир батареи, дивизиона, начальник полковой школы. С 1930 года преподавал в Ленинградской военно-инженерной школе. В 1931 году окончил курсы переподготовки комсостава, а в 1938 году — Артиллерийскую академию им. Ф. Э. Дзержинского. Преподавал в той же академии до весны 1941 года. В марте 1941 года назначен на 101-й гаубичный артиллерийский полк. В боях с первых дней войны. С марта 1942 года — начальник артиллерии 54-й армии. В мае 1942 года назначен на должность начальника штаба артиллерии Ленинградской группы войск. С августа 1943 года — командующий артиллерией 67-й армии. В ноябре 1944 года назначен на должность начальника кафедры тактики Артиллерийской академии им. Ф. Э. Дзержинского. После войны продолжал преподавательскую и научно-исследовательскую работу. В мае 1955 года назначен на должность начальника Главного артиллерийского управления. Награжден двумя орденами Ленина, тремя орденами Красного Знамени, орденом Суворова 2-й степени, орденом Кутузова 2-й степени, орденом Красной Звезды.

Отдельная стрелковая бригада морской пехоты.

Георг Линдеман (1884–1963) — генерал-полковник вермахта. Кавалер Рыцарского креста с дубовыми листьями. В армию вступил в 1903 году фанен-юнкером. В 1904 году — лейтенант. Участник Первой мировой войны. Прошел обучение при Генеральном штабе. В конце войны служил в 220-й Вестфальской пехотной дивизии. Награжден Железным крестом обоих классов и орденом Дома Гогенцоллернов с мечами. В 1931 году — полковник, командир 13-го кавалерийского полка. В 1936 году — генерал-майор, командир 36-й пехотной дивизии. В 1938 году — генерал-лейтенант. В 1939 году (Вторая мировая война) со своей дивизией участвует в боях на «линии Мажино». В том же году назначен на 50-й армейский корпус. Бои под Ленинградом. С января 1942 года — командующий 18-й армией. За ликвидацию окруженной 2-й ударной армии РККА получил звание генерал-полковника. С марта 1944 года — командующий группой армий «Север». В январе 1945 года Гитлер с понижением переводит его в Данию. 8 мая 1945 года сдался в плен англичанам. Через три года выпущен из тюрьмы и поселился в Фройденштадте.

Петр Николаевич Кубаткин (1907–1950) — генерал НКВД. Родился под Луганском. Работал на шахте. В 1929 году призван в армию. Служил в войсках ОГПУ на погранзаставе. После срочной службы работал в Одесской ЧК. Окончил Центральную школу НКВД СССР. Работал в центральном аппарате НКВД в Москве. С 1939 года — начальник Московского управления НКВД. В 1941 году переведен начальником Управления НКВД по Ленинграду и Ленинградской области. В 1949 году уволен из органов по указанию министра МГБ Абакумова. В 1950 году расстрелян по «ленинградскому делу». В 1954 году полностью реабилитирован. Награжден орденом Ленина, орденом Красного Знамени, орденами Кутузова 1-й и 2-й степени, орденом Трудового Красного Знамени, двумя орденами Красной Звезды.

Виктор Сергеевич Чероков (1907–1995) — командующий Ладожской военной флотилией, советский и польский вице-адмирал. Родился на Кавказе. Чернорабочий в Тифлисе. В 1926 году поступил в Военно-морское училище им. М. Ф. Фрунзе. По окончании назначен командиром-водителем торпедного катера дивизиона особого назначения на Балтике. В 1936 году поступил на командный факультет Военно-морской академии им. К. Е. Ворошилова. Назначен командиром отряда торпедных катеров на Балтике. В октябре 1941 года возглавил Ладожскую военную флотилию. В ноябре 1944 года возглавил Рижский оборонительный район.

Сергей Алексеевич Чекин (1893–1958) — генерал-майор инженерных войск (1940). В РККА с 1919 года. Перед Великой Отечественной войной преподавал в Военной инженерной академии. В 1941 году — начальник инженерных войск Волховского фронта, затем начальник инженерного управления 54-й армии. С апреля 1942 года — начальник инженерных войск Московского военного округа. После войны — заместитель начальника Военной инженерной академии им. В. В. Куйбышева. С 1954 года в отставке.

Никифор Матвеевич Замировский (1898–1948) — генерал-майор (1942). Родился в деревне Дзеневицы Гродненской губернии. В русской армии с 1916 года. Участник Первой мировой войны — старший унтер-офицер. В РККА с 1918 года. Участник Гражданской войны. Воевал на Уральском фронте. Командир взвода, помощник командира роты. В 1918 году окончил школу инструкторов при Тамбовских командных курсах. В Советско-польской войне командовал ротой. Отличился при прорыве из окружения. В 1926 году окончил курсы «Выстрел». Начальник штаба полка. С 1931 года командовал 130-м Богунским стрелковым полком 44-й Киевской стрелковой дивизии. В 1933 году зачислен в Военную академию им. М. В. Фрунзе. Командир и комиссар 106-го Сахалинского, затем 108-го Белореченского полков 36-й стрелковой дивизии Забайкальского военного округа. С 1941 года — командир 310-й, затем 115-й, 71-й стрелковых дивизий. За потерю управления и самовольный отход с занимаемых позиций в ноябре 1943 года отстранен от командования дивизией и назначен командиром полка. В конце войны исполнял обязанности заместителя командира запасной дивизии. В 1946 году уволен в запас. Награжден орденом Ленина, тремя орденами Красного Знамени, орденом Кутузова 2-й степени, орденом Отечественной войны 1-й степени, медалями.

Кирилл Афанасьевич Мерецков (1897–1968) — Маршал Советского Союза (1944). Родился в деревне Назарьево Рязанской губернии. В Красной гвардии с 1917 года. В 1921 году окончил Академию Генерального штаба РККА. На штабной работе в войсках. В 1930 году назначен командиром и комиссаром 14-й стрелковой дивизии. С 1934 года — начальник штаба Особой краснознаменной Дальневосточной армии. В 1936 году направлен в Испанию. В 1938 году назначен на должность командующего войсками Приволжского, в 1939 году — Ленинградского военного округов. В 1940 году назначен начальником Генерального штаба РККА. 23 июня 1941 года арестован органами НКГБ, подвергался пыткам. В сентябре 1941 года выпущен из тюрьмы и назначен представителем Ставки на Северо-Западный фронт. Затем возглавил 7-ю, а в ноябре 1941 года — 4-ю отдельную армии. В ходе войны командовал рядом фронтов. В апреле возглавил Приморскую группу войск на Дальнем Востоке. Участник Парада Победы. После войны командовал войсками округов, занимался преподавательской работой. Награжден орденом «Победа», семью орденами Ленина, орденом Октябрьской Революции, четырьмя орденами Красного Знамени, двумя орденами Суворова 1-й степени, орденом Кутузова 1-й степени, медалями, в том числе «За оборону Ленинграда».

Леонид Александрович Говоров (1897–1955) — Маршал Советского Союза, Герой Советского Союза. Родился в Вятской губернии в крестьянской семье. Студент Петроградского политехнического института, юнкер Константиновского артиллерийского училища, офицер в армии адмирала Колчака. В 1919 году добровольцем вступил в Красную армию, участвовал в боях на Восточном и Южном фронтах. Дважды ранен — под Каховкой и Перекопом. В 1933 году окончил Военную академию им. М. В. Фрунзе, а затем (1948) Академию Генштаба. Участвовал в войне с Финляндией 1939–1940 годов. Во время Великой Отечественной войны командовал 5-й армией. Весной 1942 года по заданию Сталина выехал в осажденный Ленинград и возглавил войска фронта. Один из организаторов прорыва блокады и сокрушения «Северного вала» немцев, а затем (1944) «линии Маннергейма». Осенью 1944 войска фронта прорвали линию «Пантера» и освободили Эстонию. В мае 1945 года его войска пленили группу армий «Курляндия». В послевоенные годы продолжал службу, первый командующий ПВО страны. Награжден пятью орденами Ленина, орденом «Победа», тремя орденами Красного Знамени, двумя орденами Суворова 1-й степени, орденом Кутузова 1-й степени, орденом Красной Звезды.

Михаил Григорьевич Ефремов (1897–1942) — генерал-лейтенант (1940). Родился в городе Тарусе Калужской губернии. Окончил городское двухклассное училище и Пречистенские рабочие курсы в Москве. Работал гравером на мануфактуре Рябова в Москве. В 1915 году призван в армию. Окончил школу прапорщиков в Телави. Участник Первой мировой войны. В РККА с 1918 года. В 1920 году окончил Высшие военно-академические курсы. На командных должностях. С 1927 года — военный советник в Юггае. В 1928 году окончил курсы высшего начсостава РККА. В 1930 году — особый факультет единоначальников Военно-политической академии им. М. Г. Толмачева. В 1933 году — Военную академию им. М. В. Фрунзе. Командовал корпусом. С 1937 по 1940 год командовал рядом военных округов. В 1938 году под домашним арестом и следствием. Вскоре отпущен и назначен на Орловский военный округ. В 1940 году — генерал-лейтенант. В начале войны командовал 21-й армией. Затем — командующий Центральным и заместитель командующего Брянским фронтами. В ноябре 1941 года назначен на 33-ю армию. Покончил с собой при выходе из окружения в апреле 1942 года у села Климов Завод близ Юхнова. Похоронен немцами со всеми воинскими почестями. Герой Российской Федерации (1996, посмертно), орден Ленина, два ордена Красного Знамени, орден Трудового Красного Знамени.

Колычев Казанский женский монастырь построен в XIX веке. После революции закрыт по распоряжению советской власти. В 1926 году здесь был устроен дом престарелых, где проживали и монахини монастыря. Во время войны одно из зданий занимал приют для детей-сирот.

Борис Алексеевич Пигаревич (1898–1961) — генерал-полковник (1955); генерал брони ПНР. Родился в Витебской губернии. В русской армии с 1915 года. Окончил 1-ю Ораниенбаумскую школу прапорщиков. Участник Первой мировой войны. В РККА с 1918 года. Участник Гражданской войны. Ранен. Участник Советско-польской войны. В 1926 году окончил курсы «Выстрел». На штабной работе. Участник Советско-финляндской войны. В 1940 году окончил Академию Генерального штаба РККА. В начале Великой Отечественной войны — начальник оперативного отдела штаба Западного стратегического направления. Затем руководил штабами общевойсковых армий, в том числе 5-й и 22-й. В 1944 году — начальник штаба Карельского фронта. В конце войны тяжело контужен. После войны на преподавательской работе. В марте 1950 года откомандирован в распоряжение Министерства национальной обороны Польши и занял пост заместителя начальника Генерального штаба Войска польского. В 1957 году возвратился в СССР. Награжден орденом Ленина, тремя орденами Красного Знамени, орденом Кутузова 2-й степени, орденом Красной Звезды, медалями.

Семен Никифорович Переверткин (1905–1961) — генерал-полковник (1958), Герой Советского Союза (1945). Родился в селе Анна под Воронежем. Окончил начальную школу. Работал в колхозе. В 1920–1921 годах в отряде ЧОНа. В РККА с 1921 года. В 1932 году служил старшим секретарем, затем сотрудником для особых поручений при начальнике вооружения РККА М. Н. Тухачевском. Окончил Орджоникидзе вековую пехотную школу. В 1937 году — Военную академию им. М. В. Фрунзе. Участник Советско-финляндской войны. В Великой Отечественной войне с июня 1941 года. Вначале на штабной работе. Затем командовал дивизией, а с 1944 года — стрелковым корпусом 3-й ударной армии. Участник штурма Берлина. После войны — заместитель начальника Главного управления боевой подготовки Сухопутных войск Советской армии. После ареста Л. П. Берии направлен на работу в МВД СССР — первый заместитель министра внутренних дел СССР. В последнее время — начальник Управления военных учебных заведений Сухопутных войск Министерства обороны СССР. Погиб в авиакатастрофе в мае 1961 года при крушении самолета Ми-4 вместе с генералом армии В. Я. Колпакчи. Награжден медалью «Золотая Звезда», двумя орденами Ленина, тремя орденами Красного Знамени, орденом Суворова 2-й степени, орденом Кутузова 2-й степени, орденом Богдана Хмельницкого 2-й степени, орденом Красной Звезды, медалями.

Никита Федотович Лебеденко (1899–1956) — генерал-лейтенант. Из крестьян. Украинец. В Красной армии с 1919 года. Командир кавалерийского взвода и эскадрона. В 1936 году окончил Военную академию им. М. В. Фрунзе. Командир полка, бригады, дивизии. Участник боев на КВЖД и Советско-финляндской войны. В 1940 году получил звание генерал-майора. С августа 1941 года на фронте. Командир 31-й стрелковой дивизии. Участвовал в Смоленском сражении, затем в Вяземском и в битве за Москву. Из вяземского окружения вышел и вывел основной состав дивизии. Командовал 50-й стрелковой дивизией. Дивизия отличилась во многих операциях. С марта 1944 года — командир 33-го гвардейского стрелкового корпуса. Корпус входил в состав 5-й гвардейской армии 1-го Украинского фронта. С мая 1945 года — военный комендант Дрездена, с октября 1945-го по март 1948 года — Вены. В 1949 году окончил Высшие академические курсы при Военной академии им. К. Е. Ворошилова. Командовал стрелковым корпусом. С 1952 года в отставке. Похоронен в Москве на Введенском кладбище. Герой Советского Союза. Награжден двумя орденами Ленина, шестью орденами Красного Знамени, орденом Богдана Хмельницкого 1-й степени, двумя орденами Суворова 2-й степени.

Степан Трофимович Гладышев (1902–1988) — генерал-майор. Родился в селе Челновское-Дмитриевское, ныне Дегтянского района Тамбовской области. В 1919 году вступил в комсомол. В 1920 году — в РККА. Участник Гражданской войны. В 1924 году по направлению командования окончил военно-пехотное училище. В 1939 году назначен командиром 144-го стрелкового полка 56-й Московской стрелковой дивизии. Участник Советско-финляндской войны. С августа 1941 года — командир 4-й Московской дивизии народного ополчения (110-я стрелковая). В октябре 1941 года за потерю управления войсками снят с должности. Назначен командиром 43-й отдельной курсантской стрелковой бригады. С февраля 1942 года — командир 32-й (29-й гвардейской) стрелковой дивизии. С апреля 1943 года — командир 133-й стрелковой дивизии. Ранен. После излечения командовал 277-й стрелковой дивизией. Участник войны с Японией. В 1949 году окончил Высшие курсы Академии Генерального штаба. До 1953 года командовал 3-м горнострелковым корпусом. Затем был помощником командующего 3-й гвардейской механизированной армией. Награжден двумя орденами Ленина, четырьмя орденами Красного Знамени, двумя орденами Суворова 2-й степени и орденом Кутузова 2-й степени.

110-я стрелковая дивизия входила в состав 33-й армии Западного фронта.

Любопытно, что среди трофеев (список взят из официальных донесений) нет ни немецких автоматов MP-40, ни пистолетов. Все это расхватывалось офицерами и бойцами в качестве трофея и впоследствии пускалось в оборот, выменивалось на продукты и спиртное. Такой же «валютой», только меньшего достоинства, были немецкие награды, среди которых попадались экземпляры, изготовленные из драгметаллов. Немецким солдатам и офицерам разрешалось изготавливать копии своих наград из более благородных металлов. Делали они это обычно во время отпуска на родину, в Германии, в ювелирных мастерских.

ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 2592. Л. 2.

Макс Андреевич Рейтер (1886–1950) — генерал-полковник (1943). Из семьи латышских крестьян. В русской армии с 1906 года. В 1910 году окончил Иркутское военное училище. В Первую мировую войну командовал ротой, батальоном. Состоял при штабе армии Западного фронта офицером для поручений. Полковник. В феврале 1918 года попал в немецкий плен. Освобожден в марте 1919 года. Вернувшись из плена, вступил в РККА. Участвовал в Гражданской войне. Участник подавления восстания в Кронштадте. Командир стрелкового полка и стрелковой бригады. В 1923 году окончил Высшие академические курсы комсостава. В 1935 году — Военную академию им. М. В. Фрунзе. В 1941 году — заместитель командующего Северо-Кавказским военным округом. С марта по сентябрь 1942 года — командующий 20-й армией. Затем командующий войсками Брянского и заместитель командующего Воронежским фронтом. В 1943 году отправлен в один из внутренних округов — Южно-Уральский и в боевых действиях больше участия не принимал. С января 1946 года — начальник курсов «Выстрел».

Николай Михайлович Хлебников (1895–1981) — советский военачальник, генерал-полковник артиллерии. Герой Советского Союза (1943). Участник Первой мировой войны. В Красной армии с 1918 года. В Гражданскую войну — начальник артиллерии дивизии. С 1932 года — командир артиллерийского полка, затем начальник отдела боевой подготовки военного округа, начальник артиллерии общевойсковой армии. В годы Великой Отечественной войны командовал артиллерией армии. С 1942 года — командующий артиллерией Калининского, затем 1-го Прибалтийского фронтов. После войны — командующий артиллерией округа, затем начальник кафедры Военной академии Генерального штаба. В 1956–1960 годах — старший военный советник в Китае.

Здесь и далее: ЦАМО РФ Ф. 208. Оп. 2511. Д. 1460. Л. 6 и далее.

Имеется в виду 3-й батальон 461-го пехотного полка.

Гальдер имел в виду командование группы армий «Центр».

Михаил Павлович Духанов (1896–1969) — генерал-лейтенант (1943). Родился в Киеве. В русской армии с 1915 года. Окончил 5-ю Киевскую школу прапорщиков. Участник Первой мировой войны — поручик. В РККА с 1918 года. Участник Гражданской войны. В 1921 году окончил Военную академию РККА. На штабной работе. В 1928 году окончил академические курсы. На преподавательской работе. С 1939 года — командующий 9-й армией. Участник Советско-финляндской войны. В Великой Отечественной войне с августа 1941 года: командовал стрелковой дивизией, корпусом, руководил штабом Невской оперативной группы и Невской оперативной группой, затем созданной на ее базе 67-й армией. С 1943 года — заместитель командующего 8-й гвардейской армией, с которой дошел до Берлина. После войны служил помощником командующего Ленинградским военным округом. Награжден орденом Ленина, четырьмя орденами Красного Знамени, орденом Суворова 1-й степени, орденом Кутузова 1-й степени, орденом Богдана Хмельницкого 1-й степени, орденом Красной Звезды.

Владимир Захарович Романовский (1896–1967) — генерал-полковник (1945). Родился в селе Вешаловка под Липецком в крестьянской семье. Участник Первой мировой войны — старший унтер-офицер. В РККА с 1918 года. Участник Гражданской войны — комиссар бронепоезда. После войны на командных должностях. В 1935 году окончил Военную академию им. М. В. Фрунзе. На командных должностях. С 1940 года — командующий 10-й армией. На фронте с мая 1942 года — командующий 1-й ударной армией. С декабря 1942 года — командующий 2-й ударной армией. В ходе войны командовал 42, 67, 19-й армиями. После войны командовал войсками Воронежского военного округа, 4-й гвардейской армией. В 1948 году окончил Высшие академические курсы при Военной академии Генштаба. Командовал войсками Северо-Кавказского и Донского военных округов. Награжден орденом Ленина, шестью орденами Красного Знамени, орденом Суворова 1-й степени, орденом Кутузова 1-й степени, орденом Суворова 2-й степени.

Петр Николаевич Чернышев (1901–1966) — генерал-майор (1942). Родился в Могилеве. В РККА с 1920 года. Участник подавления Кронштадтского мятежа. В 1923 году окончил командные курсы, в 1929 году — курсы «Выстрел». В Великой Отечественной войне с лета 1941 года. Командовал 152-й стрелковой дивизией, 18-й дивизией народного ополчения, переименованной в 11-ю гвардейскую, 152-й стрелковой дивизией. После разгрома штаба дивизии 18 августа 1942 года под Сухиничами отстранен от должности и отдан под трибунал. Но до трибунала дело не дошло. С августа 1942 года командовал 239-й стрелковой дивизией. В конце войны командовал 17-й гвардейской стрелковой дивизией. После войны занимал ряд командных должностей. Награжден орденом Ленина и тремя орденами Красного Знамени.

В мемуарах тех лет, в исторических исследованиях и даже в художественной прозе существовало табу на слово «немец», если оно стояло в позиции «враг». Оно редактировалось на «фашист», «гитлеровец» и т. п.

Генерал-лейтенант Ф. Н. Стариков в период проведения операции «Искра» командовал 8-й армией Волховского фронта.

Оперативный псевдоним генерала К. А. Мерецкова.

Павел Алексеевич Белов (1897–1962) — генерал-полковник (1944), Герой Советского Союза (1944). Родился в Шуе. Работал табельщиком, телеграфистом. В 1916 году призван в армию. Участник Первой мировой войны — рядовой гусарского полка. В 1917 году окончил школу прапорщиков. Участник Гражданской войны — командир эскадрона. В межвоенный период на штабных и командных должностях. В 1927 году окончил курсы усовершенствования старшего состава. В 1931 году — Военную академию им. М. В. Фрунзе. В 1949 году окончил академические курсы при Высшей военной академии. В 1939 году участвовал в походе в Западную Украину. С 1940 года — командир горнострелковой дивизии. В марте 1941 года принял командование 2-м кавалерийским корпусом, с которым вступил в войну на Южном фронте, а затем участвовал в битве за Москву. Участник Вяземского рейда, который длился пять месяцев. Вывел свой корпус из окружения. В 1942 году принял командование 61-й армией и прошел с ней до Победы. После войны командовал рядом военных округов. С 1955 по 1960 год — председатель ЦК ДОСААФ. Награжден пятью орденами Ленина, тремя орденами Красного Знамени, тремя орденами Суворова 1-й степени, орденом Кутузова 1-й степени. Автор книги мемуаров «За нами Москва».

Владимир Яковлевич Колтакчи (1899–1961) — генерал армии (1961), Герой Советского Союза (1945). Родился в Киеве. После окончания гимназии поступил в Киевский университет на юридический факультет. В 1916 году призван в армию. Участник Первой мировой и Гражданской войн. В РККА с 1918 года. В 1928 году окончил Военную академию им. М. В. Фрунзе. В 1936 году направлен в спецкомандировку в Испанию. С 1938 года — командир стрелкового корпуса. Затем на штабной работе. Во время Великой Отечественной войны командовал армиями и группами войск. Участник Берлинской наступательной операции. После войны командовал войсками Бакинского военного округа и армиями. С 1956 года — начальник Главного управления боевой подготовки Сухопутных войск. Погиб в авиакатастрофе 17 мая 1961 года вместе с генерал-полковником С. Н. Переверткиным при исполнении служебных обязанностей. Награжден тремя орденами Ленина, тремя орденами Красного Знамени, тремя орденами Суворова 1-й степени, двумя орденами Кутузова 1-й степени, орденом Красной Звезды.

Александр Васильевич Горбатов (1891–1973) — генерал армии (1955), Герой Советского Союза (1945). В Первую мировую войну служил в гусарском полку, отличился в боях, имел два георгиевских креста и две медали «За храбрость». В Красной армии с 1919 года. В Гражданскую войну командовал полком и отдельной кавалерийской бригадой. Окончил кавалерийские командные курсы (1926), курсы усовершенствования высшего командного состава (1930). В 1938 году был арестован НКВД за то, что перед строем дивизии позволил заступиться за арестованного комкора П. П. Григорьева. Осужден на 15 лет лагерей плюс пять лет поражения в правах. Освобожден в самый канун войны. В начале войны — комбриг, так как под аттестацию, проведенную в РККА в 1940 году, не попал. В ходе войны был заместителем командира 25-го стрелкового корпуса, командиром 226-й стрелковой дивизии, на других должностях. В 1943 году в самый канун Курской битвы принял командование 3-й общевойсковой армией и с ней дошел до Победы. Был военным комендантом Берлина. После войны командовал различными объединениями, воздушно-десантными войсками, был командующим Прибалтийским военным округом. Награжден многими орденами и медалями, в том числе четырьмя орденами Красного Знамени, двумя орденами Суворова 1-й степени и орденом Суворова 2-й степени, а также орденами Кутузова 1-й и 2-й степени.

Полковник С. И. Турьев в то время командовал 234-й стрелковой дивизией (Ярославской) 39-й армии Калининского фронта.

Иван Алексеевич Гарцев (1902–1961) — генерал-майор (1942). Родился в селе Собакине Нижегородской губернии. В Красной армии с 1923 года. В 1926 году окончил пехотную школу им. И. В. Сталина. В 1932 году стрелково-тактические курсы «Выстрел». Командир взвода, роты, батальона, полка. Участник Советско-финляндской войны. По окончании боевых действий в 1940 году назначен помощником начальника учебного отдела Военно-политической академии им. В. И. Ленина. Войну встретил в той же должности, но в августе назначен командиром 323-й стрелковой дивизии. За успешные бои в районе Плавска награжден орденом Красного Знамени. В июне 1943 года назначен командиром 53-го стрелкового корпуса. Корпус отличился в ряде наступательных операций 1943–1945 годов. После войны — заместитель командира 84, 28 и 6-го стрелковых корпусов. Награжден орденом Ленина, четырьмя орденами Красного Знамени, орденом Кутузова 2-й степени, орденом Суворова 2-й степени, орденом Кутузова 1-й степени.

ЦАМО РФ. Ф. 941. Оп. 1. Д. 7. Л. 1 и далее.

Имеются в виду артиллерийские полки 135-й и 369-й стрелковых дивизий.

Имеется в виду 118-я тяжелая гаубичная артиллерийская бригада разрушения.

1-я гвардейская стрелковая дивизия принадлежала к 11-й гвардейской армии.

Маркиан Михайлович Попов (1902–1969) — генерал армии (1943, 1953), Герой Советского Союза. Родился в станице Усть-Медведицкой области Войска Донского. В РККА с 1920 года. В 1921 году окончил Псковские пехотные курсы. В 1924 году — курсы «Выстрел». Служил на командных должностях, преподавал. В 1936 году окончил Военную академию им. М. В. Фрунзе. На штабной работе. В 1940 году — генерал-лейтенант. В январе 1941 года — командующий войсками Ленинградского военного округа. В начале войны командовал войсками Северного и Ленинградского фронтов, 61-й армией. В 1942 году командовал фронтами и армиями. В 1943 году — Резервным и Брянским фронтами. В 1944 году — генерал армии. Командовал войсками Прибалтийского фронта. Понижен в звании и должности за злоупотребление спиртным. В 1945 году — командующий войсками 2-го Прибалтийского фронта. После войны командовал рядом военных округов. В 1953 году вторично получил звание генерала армии. Награжден пятью орденами Ленина, тремя орденами Красной Звезды, двумя орденами Суворова 1-й степени, двумя орденами Кутузова 1-й степени, орденом Красной Звезды, орденом «Знак Почета». Оставил мемуары.

Константин Максимович Эрастов (1902–1967) — генерал-лейтенант (1944). Родился в городе Коврове под Владимиром. В РККА с 1918 года. Участник Гражданской войны — командир стрелкового взвода и начальник пулеметной команды. Трижды ранен и контужен. В 1921 году окончил 38-е Пятигорские пехотные курсы, затем 27-ю Иваново-Вознесенскую пехотную школу комсостава. Командир взвода, роты. В 1933 году окончил Военную академию им. М. В. Фрунзе. На штабной работе. В 1939 году — командир 5-й стрелково-пулеметной бригады, участник боев на ХалхинГоле. Командир 93-й стрелковой дивизии в Забайкалье. С октября 1941 года на фронте. С марта 1942 года — командир 12-й гвардейской стрелковой дивизии. 11 апреля 1942 года тяжело ранен. В июне 1943 года назначен на 46-й стрелковый корпус. В ходе наступательных боев осенью 1943 года был ранен и контужен. С корпусом дошел до Балтийского моря. Участник Парада Победы 24 июня 1945 года. После войны продолжал командовать корпусом. В 1948 году окончил Высшие академические курсы при Военной академии Генштаба. Командовал корпусом, затем служил на должности первого заместителя командующего Северо-Кавказской армией ПВО. С 1956 года в отставке. Награжден тремя орденами Ленина, четырьмя орденами Красного Знамени, орденом Суворова 2-й степени, орденом Кутузова 2-й степени.

Алексей Иннокентьевич Антонов (1896–1962) — генерал армии (1943). Родился в Гродно в семье офицера-артиллериста. Окончил гимназию. Учился в университете. В русской армии с 1916 года. Окончил Павловское военное училище — прапорщик. Участник Первой мировой войны. Ранен. После ранения учился в Петроградском лесном институте. В РККА с 1919 года. Участник Гражданской войны. В 1931 году окончил Военную академию им. М. В. Фрунзе. В 1933 году окончил оперативный факультет. Учился в Академии Генштаба. Занимался преподавательской и научной работой. С начала Великой Отечественной войны на штабной работе. Начальник оперативного отдела Генштаба. И.о. начальника Генштаба. Участник Ялтинской и Потсдамской конференций. С февраля 1945 года — начальник Генштаба. После войны — заместитель начальника Генштаба. В 1948 году — заместитель командующего войсками Закавказского военного округа. В последние годы — начальник штаба армий Варшавского договора. Награжден орденом «Победа», тремя орденами Ленина, четырьмя орденами Красного Знамени, двумя орденами Суворова 1-й степени, орденом Кутузова 1-й степени, орденом Отечественной войны 1-й степени.

Анатолий Иосифович Андреев (1900–1973) — генерал-лейтенант (1945). Родился в Ольвиополе под Николаевом. В РККА с 1918 года. Участник Гражданской войны. В 1924 году окончил Высшие повторные разведывательные курсы в Харькове. Командир роты. В 1931 году окончил курсы «Выстрел». На штабной работе. В 1936 году окончил Военную академию им. М. В. Фрунзе. На штабной работе. В 1939 году назначен командиром 47-й горнострелковой дивизии Закавказского военного округа. В том же году — командир 20-й горнострелковой дивизии в Ленинакане. В марте 1941 года назначен на 136-ю стрелковую дивизию. С начала Великой Отечественной войны на Южном фронте. В январе 1942 года назначен на 4-ю гвардейскую стрелковую дивизию Ленинградского фронта. В мае 1943 года назначен на должность командира 43-го стрелкового корпуса и одновременно исполняющего должность заместителя командующего 2-й ударной армией. Войну со своим корпусом закончил в Праге в мае 1945 года. Награжден орденом Ленина, тремя орденами Красного Знамени, орденом Суворова 2-й степени, орденом Кутузова 2-й степени.

В качестве трофеев в несостоявшемся «котле» было захвачено 265 орудий, из них 85 дальнобойных.

Николай Павлович Симоняк (1901–1956) — генерал-лейтенант. Герой Советского Союза (1943). Родился в селе Березовка Полтавской губернии. Детство и юность провел на Кубани. В РККА с 1918 года. Участник Гражданской войны — конный разведчик 154-го Дербентского революционного полка. В 1922 году окончил командные курсы. В 1929 году — кавалерийские курсы усовершенствования комсостава. В 1936 году — Военную академию им. М. В. Фрунзе. С декабря 1940-го по март 1942 года — командир 8-й отдельной стрелковой бригады. Участвовал в обороне полуострова Ханко. Затем командовал 136-й стрелковой дивизией, 30-м гвардейским стрелковым корпусом. В 1944 году командовал 3-й ударной армией. В конце войны командовал 67-й армией. Участник Парада Победы. После войны командовал 30-м гвардейским стрелковым корпусом. Награжден тремя орденами Ленина, тремя орденами Красного Знамени, орденом Суворова 1-й степени, орденом Кутузова 1-й степени, орденом Суворова 2-й степени, орденом Красной Звезды.

Иван Прокопович Алферов (1897–1979) — гвардии генерал-лейтенант (1944). Герой Советского Союза (1944). Родился в крестьянской семье в деревне Мысовской Вятской губернии. В русской армии с 1916 года. В 1917 году окончил школу прапорщиков. В РККА с 1918 года. Участник Гражданской войны. Командир взвода. После окончания в 1919 году Высшей стрелковой школы комсостава РККА назначен командиром батальона. С 1921 года — командир полка. Воевал на Дальнем Востоке. В 1931 году окончил курсы «Выстрел» и служил на штабных должностях. С 1938 по 1939 год находился в спецкомандировке в Китае. По возвращении преподавал в Военной академии им. М. В. Фрунзе. В июле 1941 года назначен начальником штаба 2-й дивизии народного ополчения города Москвы. В 1942 году назначен командиром 288-й стрелковой дивизии. В должности командира 6-го гвардейского стрелкового корпуса принимал участие в Сталинградской битве. В январе 1944 года назначен на должность командира 109-го стрелкового корпуса. С августа 1944 года находился на излечении в госпитале. В январе 1946 года назначен командиром 7-го гвардейского стрелкового корпуса Ленинградского военного округа. В отставку вышел в 1951 году. Награжден тремя орденами Ленина, пятью орденами Красного Знамени, орденом Кутузова 1-й степени, двумя орденами Суворова 2-й степени.

Константин Петрович Казаков (1902–1989) — маршал артиллерии (1962). Родился в Туле в семье рабочего-оружейника. Окончил Тульское городское училище. Работал слесарем на Тульском оружейном заводе. В 1921 году направлен в Военную объединенную школу им. ВЦИК. В 1923 году присвоено звание красного командира. В 1931 году поступил в Военную академию им. М. В. Фрунзе. С 1938 по 1941 год — военный советник в Испании и Китае. В начале Великой Отечественной войны — командир 331-го гаубичного артиллерийского полка на Юго-Западном фронте. Воевал на Западном, Сталинградском, Донском, Воронежском фронтах. В 1944–1945 годах командовал артиллерией 2-й ударной армии. В 1944 году тяжело ранен. Войну закончил на острове Рюген. В мае 1945 года назначен командующим артиллерией 1-й Отдельной Особой Краснознаменной армии на Дальнем Востоке. Участвовал в разгроме японской армии на Харбинском направлении. Комендант Харбина. 16 сентября 1945 года командовал Парадом Победы над Японией в Харбине. В 1948 году окончил Высшие академические курсы Военной академии Генштаба. Командовал артиллерией Северной группы войск в Польше, затем артиллерией Приморского военного округа на Дальнем Востоке. С 1953 по 1954 год командовал артиллерией Центральной группы войск в Австрии. С 1954 по 1958 год командовал 1-й армией противовоздушной обороны особого назначения. С 1958 по 1960 год командовал зенитно-ракетными войсками и зенитной артиллерией противовоздушной обороны СССР. С 1963 по 1969 год — командующий ракетными войсками и артиллерией, член Военного совета Сухопутных войск. Награжден четырьмя орденами Ленина, орденом Октябрьской Революции, четырьмя орденами Красного Знамени, двумя орденами Суворова 2-й степени, орденом Кутузова 1-й степени, орденом Кутузова 2-й степени, орденом Богдана Хмельницкого 1-й степени, орденом Отечественной войны 1-й степени.

122-мм гаубица образца 1938 года. Серийно выпускалась с 1939 по 1955 год. Состояла и до сих пор состоит на вооружении армий многих стран мира. М-30 стояла на первых серийных самоходках Красной армии. По мнению артиллерийских экспертов, эта гаубица является одним из лучших образцов советской ствольной артиллерии середины XX века. Огромную роль сыграла в годы Великой Отечественной войны.

Именно те победы Красной армии определили дату воинского праздника 23 февраля. Наше поколение помнит его как День Советской армии и Военно-морского флота. Учрежден он был в 1949 году. С 1946 года — День Советской армии. С 1922 года — День Красной армии. Теперь (с 2002 года) — День защитника Отечества.

Виталий Сергеевич Поленов (1901–1968) — генерал-лейтенант (1943). Родился в Костроме в семье служащего. В РККА с 1918 года. Участник Гражданской войны. В ходе боевых действий ранен и контужен. С 1921 по 1941 год служил в погранвойсках НКВД — командир роты, начальник заставы, начальник маневренной группы, командир погранотряда. В 1921 году окончил пехотные курсы. В 1931 году — курсы «Выстрел». В 1938 году — Военную академию им. М. В. Фрунзе. На фронте с 1941 года. Командовал стрелковой дивизией под Москвой, «Оперативной группой Поленова». С апреля 1942 года командовал 31-й армией. С февраля 1943 года командовал 5-й армией. С октября 1943 года командовал 47-й армией. За неудачные действия армии под Ковелем отстранен от командования армией и с понижением назначен на 108-й стрелковый корпус. Командовал корпусом до конца войны и после Победы. В 1948 году окончил Высшие академические курсы при Высшей военной академии им. К. Е. Ворошилова. До ухода в запас в 1958 году служил помощником командующего в ряде военных округов. Награжден двумя орденами Ленина, пятью орденами Красного Знамени, орденом Суворова 1-й степени, орденом Кутузова 1-й степени, орденом Суворова 2-й степени.

Анатолий Николаевич Ковалевский (1916–1945) — полковник. Герой Советского Союза (1945). Родился в поселке Бахмач Черниговской губернии. Окончил два курса электротехникума. В 1933 году призван в РККА. Окончил 2-ю школу пограничных и внутренних войск ОГПУ СССР, затем танковое училище. Участник Советско-финляндской войны. В Великой Отечественной войне с первого дня. Участник боев под Ленинградом, на Карельском перешейке, в Прибалтике и Польше. Командовал 152-й отдельной Ленинградской танковой бригадой 1-го Украинского фронта. Отличился в боях за Краков — бригада первой вошла в город 19 января 1945 года. Погиб в бою за город Нейберун 27 января 1945 года от пули снайпера. Похоронен в Холме Славы во Львове. Награжден «Золотой Звездой» Героя Советского Союза, орденом Ленина, тремя орденами Красного Знамени, орденом Кутузова 2-й степени, Отечественной войны 1-й степени, боевыми медалями.

Федор Кузьмич Фетисов (1902–1966) — генерал-майор (1943). Родился в селе Князеве Путивльского уезда Курской губернии. В РККА призван в 1924 году. В 1930 году окончил Объединенную военную школу им. ВЦИК. Командир взвода, роты. Участник Советско-финляндской войны. В 1940 году направлен на учебу в Интендантскую академию РККА. С октября 1941 года — на должности командира 996-го стрелкового полка 286-й стрелковой дивизии. В 1942 году направлен на учебу на Высшие академические курсы Академии Генштаба. Не окончив курсов, в декабре 1942 года направлен на фронт и получил 256-ю стрелковую дивизию. Отличился в ходе проведения операции «Искра» в январе 1943 года. Назначен командиром 119-го стрелкового корпуса. В мае 1944 года назначен командиром 116-го стрелкового корпуса, с которым воевал до Победы. В августе 1945 года назначен на должность начальника отдела комендантской службы при Управлении Советской военной администрации в Саксонии. В мае 1946 года направлен на учебу в Академию Генштаба для окончания прерванных Высших академических курсов. Командовал 19-й гвардейской стрелковой дивизией, был заместителем командира стрелкового корпуса в 5-й армии. В 1955 году вышел в запас. Награжден двумя орденами Ленина, четырьмя орденами Красного Знамени, орденом Суворова 2-й степени, орденом Кутузова 2-й степени.

Георгий Федорович Захаров (1897–1957) — генерал армии (1944). Родился в деревне Шилово под Саратовом в многодетной семье. Работал сапожником и упаковщиком на складе в Саратове. Окончил воскресную школу. В русскую армию призван в 1915 году. В 1916 году окончил Чистопольскую школу прапорщиков. Участник Первой мировой войны — подпоручик, командир полуроты. В РККА с 1918 года. Участник Гражданской войны. Ранен. В 1920 году окончил Саратовские пехотные курсы. В 1923 году окончил курсы «Выстрел». Командир батальона, затем полка курсантов Объединенной Кремлевской школы им. ВЦИК. В 1933 году окончил Военную академию им. М. В. Фрунзе. В 1939 году окончил Военную академию Генштаба. На штабной работе. В августе 1941 года — начальник штаба Брянского фронта. С октября 1941 года — командующий Брянским фронтом. С декабря 1941 года — заместитель командующего Западным фронтом. Затем руководил штабами Северо-Кавказского, Сталинградского фронтов, был заместителем командующего Сталинградским и Южным фронтом. С февраля 1943 года — командующий 51-й армией. С июля 1943 года — командующий 2-й гвардейской армией. С июля 1944 года — командующий войсками 2-го Белорусского фронта. С ноября 1944 года — командующий 4-й гвардейской армией. С апреля 1945 года — заместитель командующего войсками 4-го Украинского фронта. После войны командовал военными округами, был начальником курсов «Выстрел», руководил Главным управлением боевой подготовки Сухопутных войск. Награжден орденом Ленина, четырьмя орденами Красного Знамени, двумя орденами Суворова 1-й степени, орденом Кутузова 1-й степени, орденом Богдана Хмельницкого 1-й степени, орденом Суворова 2-й степени.

Павел Иванович Батов (1897–1985) — генерал армии (1955). Дважды Герой Советского Союза. Родился в деревне Фелисово Ярославской губернии. Окончил двухклассную сельскую школу. В русской армии с 1915 года. Окончил учебную команду. Участник Первой мировой войны. В 1917 году окончил школу прапорщиков. В РККА с 1918 года. В 1927 году окончил курсы «Выстрел». На командных должностях и штабной работе. С 1936 по 1937 год находился в Испании. По возвращении командовал стрелковым корпусом, был заместителем командующего военным округом. В начале войны — заместитель командующего 51-й армией. Командовал 3-й, 4-й танковой, 65-й армиями. После войны командовал 7-й механизированной армией. В 1950 году окончил ВАК при Высшей военной академии им. К. Е. Ворошилова. Командовал 11-й гвардейской армией и рядом военных округов. Награжден восемью орденами Ленина, орденом Октябрьской Революции, тремя орденами Красного Знамени, тремя орденами Суворова 1-й степени, орденом Кутузова 1-й степени, орденом Богдана Хмельницкого 1-й степени, орденом Отечественной войны 1-й степени.

Георгий Иванович Анисимов (1897–1974) — генерал-лейтенант (1944). Родился в Смоленске. В русской армии с 1915 года. Окончил школу прапорщиков в Иркутске. Участник Первой мировой войны — поручик, командир роты. В РККА с 1918 года. Участник Гражданской войны — командир батальона, полка, дивизии. Контужен. В 1922 году окончил Высшую тактико-стрелковую школу комсостава РККА. На штабной работе. В 1928 году окончил разведывательные курсы. В 1937 году — комендант города Рогачева. Затем преподавал на военных курсах. В 1940 году направлен на учебу в Академию Генерального штаба. С сентября 1941 года — в воздушно-десантных войсках. Участник Сталинградской битвы — командовал 212-й стрелковой дивизией. Затем командовал 75-м, 123-м, а в апреле 1944 года назначен на должность командира 98-го стрелкового корпуса. После войны командовал корпусом. С 1956 года — на преподавательской работе в Военной академии Генштаба. Награжден двумя орденами Ленина, четырьмя орденами Красного Знамени, орденом Суворова 2-й степени, двумя орденами Кутузова 2-й степени, орденом Александра Невского.

Николай Григорьевич Лященко (1910–2000) — генерал армии (1968). Герой Советского Союза (1990). Родился на станции Зима Иркутской губернии в семье кузнеца из ссыльных. В РККА с 1929 года. Участник боевых действий на КВЖД. В 1932 году окончил Объединенную Среднеазиатскую военную школу. Участвовал в боевых операциях против басмачей. Воевал в Испании. В 1941 году окончил Военную академию им. М. В. Фрунзе. На фронте Великой Отечественной войны с первых дней. Командовал дивизиями. С мая 1943 года и до конца войны — 90-й стрелковой бригадой. После войны окончил Высшую военную академию им. К. Е. Ворошилова и Высшие академические курсы при Военной академии Генштаба. Командовал рядом военных округов. Награжден пятью орденами Ленина, орденом Октябрьской Революции, четырьмя орденами Красного Знамени, орденом Суворова 2-й степени, орденом Кутузова 2-й степени, орденом Отечественной войны 1-й степени, тремя орденами Красной Звезды.

19, 173 и 286-й стрелковые полки принадлежали 90-й Ропшинской стрелковой дивизии генерала Н. Г. Лященко.

Алексей Федорович Попов (1896–1946) — генерал-лейтенант (1943). Родился на хуторе Котовский под Царицыном. В русской армии с 1915 года. Участник Первой мировой войны. В РККА с 1918 года. Окончил Петроградские кавалерийские курсы. Участник Гражданской войны. В 1922 году окончил командную кавалерийскую школу в Таганроге. В 1939 году — командные курсы в Ленинграде. На фронте с 1941 года. Командовал танковыми корпусами — 11, 23, 2-м (8-й гвардейский). Отличился в Сталинградской и Курской битвах. После войны — заместитель командующего 9-й механизированной армией. Награжден двумя орденами Ленина, четырьмя орденами Красного Знамени, двумя орденами Суворова 1-й и 2-й степени.

Василий Тимофеевич Вольский (1897–1946) — генерал-полковник танковых войск (1944). На военной службе с 1916 года. Участник Первой мировой войны. В РККА с 1918 года. Участник Гражданской войны. В 1926 году окончил Военную академию им. М. В. Фрунзе. В 1929 году — КУВНАС. В 1930 году — бронетанковые курсы. В 1935 году — в торгпредстве СССР в Италии. С 1936 года — в распоряжении Разведуправления штаба РККА. С 1939 года на командных должностях в РККА. На фронте с июля 1941 года. Участник Сталинградской битвы — командир 4-го механизированного корпуса. С августа 1944 года — командующий 5-й гвардейской танковой армией. С марта 1945 года на лечении. Награжден двумя орденами Ленина, двумя орденами Красного Знамени, двумя орденами Суворова 1-й и 2-й степени.

Как видим, к тому времени стрелковый взвод насчитывал ровно половину своего штатного состава. Армия наступала уже двадцать дней. Потери были большими. И если первоначальный состав дивизий равнялся приблизительно семи тысячам человек, то ко времени эльбингской осады он, можно предположить, сократился наполовину. Убитые, раненые, заболевшие. Таким образом, штурмовавшие Эльбинг едва дотягивали до 10 тысяч человек. В то время как оборонявшие город имели около 14 тысяч, включая формирования фольксштурма. Таким образом, численный перевес был на стороне противника. Перевес в артиллерии, в том числе и в самоходной, был на стороне осаждавших. Это и решило судьбу Эльбинга.

Михаил Григорьевич Брагин (1906–1989) — военный писатель, журналист. В 1934 году окончил Военную академию им. М. В. Фрунзе. Писал исторические книги для детей и взрослых. Среди них: «Полководец Кутузов», «Путь генерала» (о Н. Ф. Ватутине). В 1975 году в издательстве «Молодая гвардия» в серии «ЖЗЛ» вышла его книга о М. И. Кутузове.

Сабир Умарович Рахимов (1902–1945) — генерал-майор (1943). Герой Советского Союза (1965). По одним данным, родился в Ташкенте, по другим — на юге Казахстана. Мать — узбечка, отец — казах. Рано потерял родителей, жил в приюте. В РККА с 1922 года. В 1925 году окончил Бакинскую объединенную военную школу. Воевал с басмачами. Ранен. В 1930 году окончил Курсы усовершенствования командного состава. На фронте с 1941 года — майор, заместитель командира мотострелкового полка. В июле 1941 года ранен. В январе 1942 года ранен и контужен. С сентября 1942 года командовал 395-й стрелковой дивизией. В 1944 году окончил Военную академию им. М. В. Фрунзе. Назначен командиром 37-й гвардейской стрелковой дивизии. Погиб в бою при штурме Данцига. Похоронен в Ташкенте. Награжден орденом Ленина, четырьмя орденами Красного Знамени, орденом Суворова 2-й степени, орденом Кутузова 2-й степени, орденом Красной Звезды.

Иван Никитич Хабаров (1888–1960) — генерал-лейтенант (1945). В РККА с 1918 года. Участник Гражданской войны. Командовал батальоном, стрелковым полком. Участник Советско-финляндской войны. Командовал 8-й армией, но вскоре снят с должности. Служил в управлении по снабжению войск. В начале Великой Отечественной войны — помощник командующего войсками Западного фронта по военно-учебным заведениям. До 1943 года служил в Уральском военном округе в должности начальника военных школ. С декабря 1943 года и до конца войны на фронте — заместитель командующего 2-й ударной армией. После войны служил заместителем командующих ряда военных округов. Награжден орденом Ленина, четырьмя орденами Красного Знамени, орденами Кутузова 1-й и 2-й степени, орденом Отечественной войны 1-й степени.

Из брошюры «Командарм», изданной в Тюмени к столетию со дня рождения генерала армии И. И. Федюнинского. Запись В. Михайлова.